

The background of the entire cover is a photograph of a dead, gnarled tree with a twisted trunk and bare, skeletal branches. The tree stands on a parched, cracked earth. The sky above is filled with heavy, grey clouds, creating a somber and desolate atmosphere.

МИХАИЛ ИГНАТОВ

ПУСТОШЬ

НУЛЕВОЙ КРУГ

Annotation

Руины древних городов, ставшие песком. Место, где тебя оценивают только по твоей силе. Убийца, что сделал тебя изгоем.

Мальчик, что ищет силы для спасения своей семьи и мести.

Есть ли в этом жестоком мире место, где они будут в безопасности? Сколько нужно силы, чтобы отомстить за смерть отца? На какую вершину нужно забраться, чтобы никого не бояться?...

-
- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Эпилог](#)
-

Пустошь. Нулевой круг

Глава 1

— Эй! Никчемный отброс!

Мне по заднице прилетел крепкий пинок, чуть не заставивший меня окончательно распластаться ничком.

— Что ты там копаешься в песке? Решил присоединиться к своим женщинам? Недостойно мужчины — собирать кизяк и траву. Наберись смелости, встань и встреть мой кулак своим кулаком!

Я молчал, потому что был занят очень важным делом. Я искал в этом чертовом песке, пусть не палку, откуда ей взяться возле деревни, а простой камень, ну ведь может же случиться такое, что за эти года здесь упустили хотя бы один камень! Тяжелый, хорошо бы с острыми краями, чтобы, когда я опущу его на голову этого безмозглого дарса Виргла, увидеть, насколько красна его кровь.

— Так! Сопляки! — за моей спиной раздались жалкие вскрики моих обидчиков и звуки смачных ударов. — А ну, разбежались отсюда!

— Старший Ди, мы просто говорили с этим отбросом. Как мужчина с мужчиной. Кем вырастет этот приبلуда, если он будет прятаться за чужие спины? — раздался ленивый голос моего главного обидчика.

— Виргл, не испытывай моё терпение, — снова раздался звук удара и чей-то вскрик. — Когда-нибудь я вашей шайке поломаю руки-ноги!

— Спасибо вам, дядя Ди.

Я поднялся с четверенек и присел на песок, продолжая бездумно просыпать его сквозь пальцы.

— Они становятся все наглее.

Помолчав, беспомощно сказал мускулистый мужчина, стоящий передо мной. Короткие черные волосы его были покрыты слоем тонкой серой пыли Пустошей. Я видел на его, загорелом до черноты, добром лице вину. В чуть поджатых

губах, в морщинах на лбу. И не мог заглянуть в синие глаза. Он упорно отводил взгляд, смотря куда угодно, но только не на меня.

— Неудивительно, — я грустно усмехнулся. — Сын вождя растет и готовится занять его место. И верных прихлебателей натаскивает.

— Да какой Вождь! — зло прорычал дядя. — Назначенный глава деревни. Единственное, что в нем стоит внимания, это его возвышение! Стоит ему чуть провиниться и первый же проверяющий Воин пинками вынесет его из главной хижины.

— Слова, — спокойно заметил я, наконец, глядя в его синие глаза. — Также наш не совсем вождь выкинет нашу семью за ограду деревни, стоит только раз матери не угодить ему. Да и вы беспомощны перед ним. Ведь вы не били Виргла?

— Ты очень умный мальчик, — после молчания выдавил из себя дядя Ди, снова отводя взгляд. — Твой отец гордился бы тобой. Мне жаль, что тебе приходится взрослеть так быстро.

— К сожалению, сейчас его сын самый презираемый член нашей деревни, — я зло рассмеялся. — Дядя Ди, оставьте меня, пожалуйста.

— Да, прости меня, мой мальчик, но разрыв в две звезды это не то, что можно преодолеть простым желанием, — дядя помолчал и продолжил. — Возьми и отдай матери, мне сегодня улыбнулась удача.

Я слушал удаляющийся шорох шагов, а затем тишину пустоши, которую не спеша принялись наполнять своим стрекотанием насекомые, и голова моя была пуста, до тех пор, пока в моих пальцах не застрял какой-то камушек. Странный, ровный, черный прямоугольник размером с большой палец взрослого мужчины. Похоже, это осколок наследия Древних. Что же, пусть этот камень будет каждый день напоминать мне о сегодняшнем унижении и бессилии. Повертев гладкую, блестящую своими гранями, находку, которой не повредили сотни лет в песке, и так и не поняв, что это может быть, я забросил ее в нашейный мешочек с мелочами и перевел взгляд на джутовый мешок, оставленный дядей. Потянув

завязку, расслабил горловину и заглянул внутрь. Как я и думал. Тушка квыргала. Отец, когда сходил в пустоши с деревенскими, хвалил дядю Ди, как отличного охотника. Значит, сегодня у нашей семьи пир.

— Спасибо, дядя Ди! — я сложил руки лодочкой и поклонился почти исчезнувшим следам единственного человека в деревне, который помогает нам.

Первой вернулась домой сестра и помогла мне с приготовлением ужина. Она уже дочиста выскребла стол, окатила его кипятком, протерла, расставила праздничные, облитые миски светлой глины, и теперь, с блестящими от счастья глазами, бегала вокруг очага. А я, строя строгую мину, время от времени грозил её светлой макушке ложкой. Мама же вернулась, как всегда, уже в темноте, когда село солнце. Я помог ей расстегнуть ремни переноски, глубоко ушедшей в ставший черным под светом луны песок, а когда она пошатнулась от усталости, подхватил под локоть и довел в хижину.

— Зачем ты до темноты собирала лепешки!

Я кипел от возмущения и бегал кругами по дому, пока сестра помогала маме обмыть из подвешенного умывальника тело от песка. Неудивительно, что мама серая от усталости. Уйти из дома с восходом солнца и весь день наматывать круги по пустоши вслед за дикими джейрами, чтобы забить переноску, самую большую в деревне, доверху.

— Я хочу завтра уйти на Черную гору за травами, поэтому мне нужно было сегодня собрать двойную норму кизяка. Хорошо твоя мама еще знает некоторые секретные местечки, куда никто из деревни и не забирался, — я словно увидел сквозь занавеску, как усталая улыбка осветила ее лицо, разгладила печальную складку у губ, делая ее самой красивой на свете.

— Мамочка, — я почувствовал, как в уголках глаз начала собираться влага. — Какие местечки, какая гора! Ты осталась у нас одна, не смей уходить в одиночку из деревни на промысел. Что будет, если тебе встретится Зверь?

— Ну что ты, что ты, — меня прижали к груди и начали гладить по голове. — Я очень осторожная и опытная женщина. Можно сказать ветеран пустоши. Я хорошо знаю, куда и когда можно идти. И у меня восемь звезд, не забывай!

— Отец знал это еще лучше! И был еще сильнее тебя! И где он сейчас? — я попытался вырваться из ее рук.

— Родной, что случилось? — мне не позволили вырваться, только немного отстраниться. — К тебе снова приставали?

— Да, — выдавил я через силу, опуская глаза на чисто выметенный пол. — Они много чего болтали обидного. Мама, может, ты попросишься в команду травников?

— Понятно, — помолчав, вздохнула мама и сжала мои плечи. — Тебя снова упрекали моей работой. Ты ведь понимаешь, что в нашей забытой всеми богами пустоши, в нашем поселке низшего ранга, ничем достойным заняться невозможно?

Я нехотя кивнул. Этот разговор, в том или ином виде уже бывал, но все же, как больно и обидно.

— Половина женщин, больше половины женщин деревни собирает лепешки джейров. Как иначе, если здесь кусок дерева драгоценность! Да, есть и более чистая работа. Собирать травы, варить еду охотникам, искать камни, скоблить шкуры, работать с ними, все-таки твоя мама кожевник! Но, чтобы получить любую другую работу, нужно просить нашего главу! — прошипела последние слова мама, стискивая руки на моих плечах. — Я никогда не буду просить убийцу вашего отца!

— Что! — я непонимающе вскинулся. — Но отца растерзал Монстр! Он умер от ран!

— Дети мои, — мама, наконец, отпустила меня и оглянулась на мою сестру. — Я должна повиниться перед вами. Я виновата в бедах, что обрушились на нашу семью. Лейла, сядь передо мной.

— Да, мама, — испуганно пропищала сестра, подходя и опускаясь рядом со мной на пол.

— Лейла не может помнить об этом, но ты, сын, должен, — мама обратила на меня горящий взгляд своих серых глаз, тени от очага бросали тени на тонкие черты ее лица, меняя на нем выражения, словно маски. — Это бесплодная забытая всеми пустыня на краю Белой пустоши — не наш родной дом. И не всегда нашим пристанищем был фургон и вечная дорога. Да, нулевой круг — проклятое небесами место, но вы родились в одном из его лучших уголков. Мы с вашим отцом жили в пятизвездочном поселке Арройо, в Черной пустоши. И были в нем уважаемыми людьми. Кузнец и кожевник, девять и восемь звезд. Мало кто мог смотреть на нас сверху вниз. Ты помнишь наш дом, сынок?

— Смутно. Отрывками. Помню большой дом. Стол из дерева, — выдавил я из себя под ее требовательными глазами, которые так напоминают мои собственные. — Кадки с землей и цветами. Широкие улицы, покрытые камнем.

— Да. Да, верно, — закивала мама и закрыла на миг лицо руками, вытирая слезы. — Наш дом. Ваш отец всегда мечтал о том, чтобы увезти нашу семью в первый пояс. Как вы знаете для девятой звезды это невозможно. Но он всегда искал способ преодолеть свой застой, просил советов у стариков, которые помнили жизнь в других поясах. Хотя, что могли ему посоветовать люди, павшие до нулевого? Мусор, как и все мы. Однако, он не терял надежды. Однажды ему выпал шанс, и он выполнил небольшой заказ нового Воина, назначенного в наш поселок. И в качестве оплаты, попросил совета у него. Я стояла рядом и помню все как сейчас.

Мама подняла голову, вглядываясь куда-то поверх наших голов, в пляшущие по стенам тени. Лицо ее застыло одной жуткой, страшной маской с провалами глаз.

— Совет, приведший нас в это проклятое место. Он сказал так: «Твой талант и понимание основ, которым учат каждого, очень плохи. Еще в детстве ты свернул не туда. Ты уже взрослый мужчина и поменять давно впитавшиеся в твои кости вещи тебе очень сложно. Лучшим выходом, чтобы прорвать твой застой, будет отправиться в путешествие. Новые места, новые люди, наблюдение за миром, сражения изо всех сил помогут тебе понять твою ошибку и сделать

последний шаг за пределы возможностей простого человека. Есть более легкие пути, но в нулевом они тебе недоступны».

Мама помолчала, перевела на нас взгляд покрасневших от слез глаз, сбрасывая с лица жуткую тень. Я молчал, молчала сжавшаяся под богом кроха Лейла.

— Моя первая вина, мои дети, это то, что я поддалась уговорам мужа и отправилась вместе с ним. Мы продали дом, мастерскую и вместе с тобой, Леград, отправились в путешествие по нашему кругу. Я не могу сказать, что это были плохие годы. Мы увидели весь нулевой. Другим может показаться, что наша пустошь однообразна и одинакова. Но поверьте, дети, это не так. Наши глаза научились видеть ее красоту, а некоторые уголки еще сохранили почти нетронутые, не так, как здесь, строения Древних. Эти огромные, древние постройки придавали этим местам невероятную ауру павшего могущества. В конце концов, в этом путешествии родилась Лейла. Совет Вириго, того Воина, оказался верным. Ваш отец смог понять свою ошибку и прорвался на десятую звезду. В отличие от меня. Мне не было дела до Возвышения, я не пыталась прорвать барьер ограничений человека. Моим счастьем были вы, дети. Но кое в чем Вириго ошибался, — мама улыбнулась, на этот раз победно, гордо. Глаза ее горели. — Мой муж хотел вернуться в Арройо и пройти экзамен там, чтобы наполнить гордостью своих родных. Поэтому мы продолжили наш путь, возвращаясь домой по новым местам. И у вашего отца оказался удивительный талант. Он сам, без помощи наставника первого пояса прорвался к Воину!

Я ошеломленно пытался уложить в голове услышанное. О таком я не слышал ни в одной байке, что травил у костра подвыпивший Орикол. А он любил изредка почесать языком и похвалиться знаниями, которых нахватался в первом поясе. Нет, если подумать, то были же когда-то первые Воины, не имевшие учителей. Но было это даже до Древних, вернее даже для них это было, наверное, преданиями и легендами. Это просто невероятно! Отец! Я помню, насколько ты был силен! Неужели ты действительно был Воином? Ведь в нулевом круге просто нет наставлений по прорыву! Это знаю даже я, ребенок!

— Наше путешествие близилось к концу, когда мы прибыли в это проклятое место! — мама отчетливо заскрипела зубами, никогда я не видел ее такой — полной злобы. — В первые же дни Римило сцепился с Кардо. Сначала тот потребовал от нас целую серебрушку за жизнь в пределах этой вшивой ограды, которая даже хромого шакала не остановит. Затем, после удачной охоты, он пытался отобрать большую часть мяса. Ты, возможно, привык, сын, к такому. Но закон Пустоши гласит, что лишь половина добычи уходит в общий котел. И во всех местах, что мы посетили, этот закон чтят. Но не Кардо. Римило избил его. Что мог сделать этот отброс против вашего отца? Он просто не ожидал подобного, привыкши быть самым сильным и властным в этой помойке. Конечно, он затаил злобу, но каждую встречу приторно улыбался и кланялся моему мужу. Ах, я много раз жалела, что муж тогда сдержал руку и не довел дело до конца. Жители деревни, не евшие досыта в этом богатом дичью краю, были бы нам только благодарны! Мы уже вполне отдохнули и планировали отправиться в путь, когда пришел тот черный день.

Лейла вздрогнула и схватила меня за руку, для нее тот день стал концом беззаботного детства. Впрочем, как и для меня. Я сжал холодные пальцы сестры.

— Если бы ваш отец знал хотя бы какую-нибудь духовную технику! Мы объездили множество селений, потратили почти все наши деньги, скупая редкие рецепты кузнецов и кожевников, но нигде не смогли найти подробных описаний техник. Только жалкие пересказы, в которых половина вранье и выдумки! Даже Орикол получил золото, но не смог ничему научить вашего отца, тупой ублюдок, умеющий только лакать пойло и врать! — мама в гневе ударила кулаком по камню стола. — Если бы он мог применять хоть что-то доступное Воинам, тогда Римило смог бы убить Монстра не получив таких ужасных ран! Не умереть на моих руках!

— Мама! Мама! — Лейла не выдержала, бросила мою руку и с рыданиями бросилась к маме.

— Прости, прости! — шептала мама, обнимая и гладя сестру по голове, спине, рукам. — Простите меня, дети. Моя вторая вина перед вами в том, что Римило просил не думать о

нем, купить место в караване, и отправляться в Арройо. Но я пошла против его воли. Он бы не перенес месяца пути с такими ранами. И мы остались здесь. Я была душой, за бедой мужа не видевший угрозы всей семье. Но Римило знал, что все так и будет. С того дня, Кардо не давал нам прохода. Мы платили серебром за кров, еду, травы для повязок. Эта бородатая сволочь пользовалась беспомощностью моего мужа и вымогала у нас деньги. Но я стискивала зубы и терпела, молясь и надеясь, что мужу станет лучше.

Тут уже зубами заскрипел я, отгоняя злые слезы. Я помнил, с чего это началось. Я прекрасно помнил, как уже на следующий день, после того как отец ценой своего здоровья спас охотников, меня первый раз избила шайка Виргла. Как говорится, вернули с небес мордой в грязь.

— Третья моя вина перед тобой, дочь, — мама принялась исступленно целовать такие же как у неё волосы Лейлы, повторяя. — Прости, прости! Через неделю в деревню приехал еще один караван, крошечный, всего из двух торговцев. И у одного из них я выменяла зелье Восстановления тела. Я отдала в обмен твоё наследство — весь набор своих инструментов кожевника. Он убеждал, да я и сама знала, что оно спасет вашего отца. Но...

Мама замолчала, а я снова опустил глаза в пол и с удивлением увидел в мерцающем неверном свете очага капли влаги под своими ногами. Я плачу? Тот день я тоже помнил так ярко, как будто это было вчера. День, когда наша семья стала меньше.

— Торгаш убеждал меня, что зелье принято поздно и ему не хватило жизненных сил на заживление ран. Такого просто не могло быть! Я родилась и прожила всю жизнь в пятизвездочном поселке! Я не раз слышала про принимавших это зелье. Я видела даже этих людей, когда их приносили из пустоши! Многие их раны были еще хуже, чем у мужа! В самом зелье уже были травы, дарующие жизненную силу! — закричала мама. Она так же кричала и в тот день. Я помню. — Я ничего не могла доказать. Я осматривала печать в присутствии свидетелей, и она была цела. Но я не верила. Долгие месяцы я следила за тем, как этот гнилой старикашка, которого чудом не прибрали к себе небеса, крутит какие-то

дела с Кардо и все сильнее уверялась, что они вместе убили моего мужа. И два месяца назад, когда здесь был настоящий большой караван из Арройо, а не одна повозка старикашки, я смогла тайно встретиться со странствующим аптекарем. Я вручила ему пузырек от зелья. Отдала все деньги, что еще оставались у меня, но это было не зря, не зря!

— Мама, мама! — я рванул ворот рубахи, разрывая завязку, слушая ее страшный каркающий смех. — Что он сказал?

— Он сказал, что это было зелье Усиления силы! Оно просто убило вашего отца, направив последние ресурсы его тела на усиление мышц! Это зелье ничуть не дешевле лечебного и если бы оно было у Римило в день схватки, то он убил бы монстра с легкостью. Я не верю, что торгош по своей воле подделал печать и подсунул нам это зелье! Все, что отбирает Кардо у жителей деревни, уходит этому торгошу! Кардо заплатил ему за убийство вашего отца! Иначе быть не может!

Я сидел, прислонившись к холодной стене нашей хижины, не беспокоясь о побелке, которая пачкала мою спину, и смотрел на звезды. Где-то далеко-далеко были шакалы, вышедшие в сумерках на поиски у кого украсть мясо. Раздался едва слышный рев леопарда и шакалы затихли. Похоже, хотели начать свару и отобрать часть добычи, но трусили. Я, вслушиваясь в звуки ночи, копался в своих воспоминаниях и заново перебирал картинки памяти. Не только тех двух дней, которые казалось, выжжены в ней. Но и других, которые остались только смутными образами. И все больше уверялся в правоте матери. Все что я вспоминал, говорило, что Кардо мог заплатить за смерть отца. Я знал даже больше мамы. Еще месяца не прошло, как я прятался от Виргла возле тренировочной площадки. А за стеной сарая, в котором хранились запасные копья и мерочные камни, Кардо разговаривал с тем торговцем-старикашкой. И разговор этот был разговором равных людей, которые давно знают друг друга. Он был полон намеков и недосказанности, понятных только тем, кто обсуждает это уже не первый десяток раз. Я понял лишь, что все идет так, как должно быть, что-то даже лучше и последнее зелье будет в срок, он не подведет Кардо,

особенно если тот еще чуть увеличит поставки. На горизонте сверкнула молния приближающегося дождя.

— Мама, — я заглянул в хижину, — если у нас есть родственники в Арройо, почему ты не подашь весть о нас?

— Я сирота, — мама сидела возле очага с Лейлой на коленях и расчесывала ее волосы, уже отросшие почти до пояса. — Там отец с матерью Римило. С ними мы не ладили. Они не простили, что он взял меня в жены, нарушив их планы. И не пускали Римило на порог. Но вот с его братом мы продолжали общаться, несмотря на запрет его отца. Именно ему я и писала дважды. И два месяца назад отправила с караванщиком еще одно письмо. Я не знаю, почему он ни разу не прислал ответа. Все же прошло уже шесть лет, многое могло случиться, хотя я стараюсь не отчаиваться и не думать о самом плохом.

— Есть еще инструменты отца. Почему ты не продашь их? И мы бы могли устроиться в караван? — задал я следующий вопрос.

— Это твоё наследство. Я не нарушу желания Римило, — нахмурилась мама, бросив короткий взгляд на сундучок возле своего лежака.

— Даже если это, возможно, спасет нас? — я был упрям.

— Не обольщайся, — мама покачала головой и начала объяснять. — Если с твоим дядей, не дай небеса, что-то случилось, то мы останемся в городе без поддержки и без денег. Я не смогу работать с кожей. У меня нет инструмента, не будет денег выкупить место. Мой учитель был добрым стариком, но он уже умер. А никто просто так не пустит чужого мастера в свою мастерскую, храня свои секреты, а для ученика в другом деле я уже слишком стара. Мне придется перебиваться дешевой работой, которая не намного лучше сегодняшней, а Арройо поселок не дешевый и нам останется только уповать на милость немногих знакомых. Их поддержка не будет вечной, а нас трое. Мы будем падать все ниже и ниже. Поверь сын, я знаю о чем говорю. Ведь когда-то я карабкалась вверх, но тогда я была одна. А мы в итоге окажемся там, где я начинала. В трущобах. Я выросла в них и не желаю, чтобы мои дети попали туда. Там вам придется

гораздо хуже, чем здесь. Поверь бывшей побирушке, сын. Меня, восемь звезд, легко бы приняли охотники на Монстров. Но это смертельно опасно, а я не могу оставить вас одних. Моя смерть будет самым страшным предательством вас. Сынок, чего я только не передумала за это время!

— Подожди, — не сдавался я, хотя у меня уже начала болеть голова от этого клубка проблем. — Неужели наши дедушка и бабушка бросят нас в тущобах? Детей своего сына?

— Поверь, — мама криво улыбнулась, качая головой, ее уже высохшие волосы рассыпались по плечам. — Для них вы, прежде всего мои дети, проклятое семя воровки.

— Воровки? — я уже не мог удержаться и схватился за голову.

— Ах, сынок, ты не знаешь, на что может толкнуть голод. Может, мы поедим, а завтра вечером если хочешь, то снова задашь вопросы, — мама оглянулась на очаг и глиняный горшок, все еще манящий ароматом, меняя тему. Мне осталось только сдаться, поняв, что сегодня я больше ничего не узнаю.

Глава 2

Я прятался от чужих взглядов в одной из пещер, в оплавленных руинах на берегу реки и бросал в воду камушки, слишком мелкие, чтобы собирать их для деревни, хотя бывало

и такое. Это раньше был огромный город, как написано в книгах, своими зданиями упиравшийся в небеса. Если вспомнить Черную гору, то она, действительно, достаёт до облаков. Но мне сложно представить сотни столь высоких зданий. Почти все они пали в один день, рассыпавшись белоснежным песком, который и дал название нашей пустоши. Песок лежит на многие часы ходьбы вдоль обоих берегов реки. И на несколько часов в сторону пустоши. Но если в ее глубине копать серую землю, то под ней обязательно окажется тот самый белый песок. Это был огромный город, величину которого мне тоже сложно уложить в голове, ведь даже его руины тянутся на два дня пути в обе стороны от деревни, но от него осталась лишь крохотная часть. Не знаю, что послужило причиной: близость реки или особая прочность этих зданий, ведь даже по цвету они отличаются от песка. Но только вдоль кромки берега стоят черные скелеты прошлого. Невысокие, в два, в три, редко в пять этажей. Единицы остовов выше этого предела. Черные, пустые, зияющие провалами окон они невольно внушают страх и опаску. Я был здесь ночью, когда под светом луны белое кажется черным, а черное белым. Жуткое зрелище. В этот момент они действительно походят на костяки давно умерших чудовищ. Странно бояться домов предков, но это пришло мне в голову только под крышей родного дома, куда я в страхе вернулся.

В голове все еще крутились, наверное, раз сотый, все слова матери, услышанные вчера. Во всяком случае, теперь многое становилось понятно. Я слышал поговорку у караванщиков: «Я не вижу солнца надо мной». Это значит, что в мою жизнь пришла песчаная буря, которая может похоронить меня под собой, засыпав тоннами песка. Мама постоянно повторяет, что стоит только подождать, когда я подрасту, мы скопим денег и уедем. Теперь хотя бы, я понимаю, куда она хочет уехать. Не знаю, может, конечно, она и не зря ходит, невзирая на мои протесты, на Черную гору за травами. Возможно, у нее, получается, утаивать от Кардо дорогие травы и копить. Она стиснула зубы и терпит унижения и лишения. Но мне и раньше было тяжело сдерживаться, вчерашний камень в мешочке не даст забыть о желании разбить голову этому Вирглу. А теперь, когда я знаю, что отец был убит? Теперь, когда я каждый день буду видеть убийцу и его сына? «Терпи,

еще год, два и мы уедем от этих ублюдков», — строго сказал я себе и представил, как меня окружили прихлебатели Виргла и облили помоями. Я честно признался себе, что сорвусь. А ведь это одна из любимых шуток Скирто. Мне мало просто терпеть, ради того, чтобы уехать в Арройо. Отец всю жизнь хотел увезти нас оттуда, ради этого он прорвался на десятую звезду. Я вытащил из мешочка тот странный камень, свидетель моего унижения, и сжал его в кулаке. Мне тоже нужна цель. Что-то, ради чего я буду покорно терпеть и сжимать зубы, а не приду однажды в хижину Виргла ночью и не разобью ему голову.

Мама рискует жизнью, бродя одна в туннелях Черной горы, но находя дорогое растение, может говорить себе: «Все это не зря!». А я? Полью свою норму общинного огорода, вечером накормлю маму похлебкой из мяса, добытого не мной, и скажу себе эти же слова? Смешно... Деньги? Еще смешнее. Откуда их возьмет ребенок, который целый день занят поливом или поиском камней в руинах Древних. Сила? Зимой меня не пустили на тренировочную площадку, когда я вошел в возраст, а Орикол кинул только один взгляд и отвернулся. А я ведь знаю, что учат всех! Мама, которая, оказывается, была беспризорницей, это правило наглядно подтверждает. Кардо нарушает еще один закон пустошей. Или нет такого закона? Не знаю. В любом случае стать сильным можно и самому. Я не раз слышал вопли Орикола о тупых свиньях, которые должны выучить всего одно наставление, но не могут даже прочитать его полностью уже который год. Пусть мой отец тоже не смог прорваться к десятой звезде долгие годы, но ведь, найдя свою ошибку, он проявил огромный талант. А значит, у меня в этой деревне есть больше шансов, чем у остальных! Мне нужно достать наставление! Мне нужно покончить с моим бессилием!

— Тебя не пускают на тренировки? Почему ты молчал? — нахмурилась мама.

— У тебя есть наставление по закалке меридианов? — терпеливо повторил я вопрос, не видя смысла повторять уже сказанное.

— Как так? Как он посмел? — продолжала в неверии повторять мама, смотря куда-то сквозь меня, словно не видя.

— Да мы с помоек приходили на тренировки! — подтвердила она мои мысли.

— Мама! — вздохнул я, сжимая кулак. — О чем ты думаешь? Он убил отца, разорил нас, вся деревня живет впроголодь, отдавая все добытое в пустоши ему. Что ему один пацан?

— Да, да, — встряхнула головой мама, разметав, как я любил, по плечам свои красивые светлые волосы, словно отгоняя как муху приставучую мысль. — Ты прав. Он многое посмел. Вот только про голод, да и про то, что отдают всё, ты ошибаешься. Мой намётанный глаз не обманешь. С каждым днем и охотники, и собиратели утаивают все больше добытого. Чем больше Кардо бесится на утренней раздаче заданий, требуя повысить нормы, тем сильнее они падают. Люди отлынивают везде, где могут. Люди устали, Леград.

— Так может, найдется тот, кто свернет ему шею? — радостно оскалился я.

— Я не рассчитываю на такую удачу. Если бы в деревне были равные ему, за этим бы дело не стало. Но я, я сильнее всех мужчин деревни! И даже я — не решаюсь напасть на него. Я слабее на звезду и я не воин. Это не кончится ничем хорошим, — покачала головой мама.

— Жаль, — я усмехнулся своим наивным желаниям. — Но что с наставлением?

— Нам оно давно не было нужно, мы знали его почти наизусть. Я могла бы написать тебе его, но нужно будет искать хорошую бумагу, чтобы не расползлась через месяц. Да и никто не застрахован от ошибок и неверного понимания, которое въелось в память, а художник из меня никакой, — мама поморщилась, что-то обдумывая. — Поступим проще. Вообще странная, даже глупая ситуация. Ладно, не пускают на тренировки. Это у меня, сироты, не умеющей читать, не было выхода. Но у тебя есть я. В деревне в каждом втором доме есть наставление! Неужели он думает, что ты не найдешь у кого взять книгу?

— Точно! — я понял ее. — Она есть у Рата! Можно попросить прочитать!

— Не стоит. Я хочу, чтобы у тебя была своя. Утром, перед тем как уйти на сбор, я дам тебе пучок травы. Сразу найдешь дядю Ди, пока он не ушел в пустошь, улучшишь момент, когда никто не заметит, и отдашь ему. У него попросишь бурдюк вина. Его тебе нужно будет отнести Ориколу и попросить наставление. Будь вежлив с ним. За вино дяди Ди, он тебе ее с радостью отдаст. Но сделать тебе это нужно в середине дня.

— Почему в обед? — уточнил я, стараясь во всем разобраться. — И почему вежлив?

— Ах, — засмеялась мама и щелкнула меня по кончику носа. — Утром ему все равно, что есть в стакане, лишь бы полечить больную голову, а вечером он будет пить даже мочу, если она хмельная. И зачем грубить человеку, который не сделал тебе ничего плохого? И к которому тебе придется обращаться за советом?

Я снова сидел в сарае, возле тренировочной площадки и всматривался в щель между камнями, из которой высыпалась глиняная замазка. Это центральная площадь деревни, на которой происходят как все важные события: экзамены, принятие в новики, посвящение в охотники, так и повседневные тренировки решивших возвыситься. Она отделена от окружающих ее домов невысокой прямоугольной оградой из камня и глины. Ее отличие от большинства подобных оград в деревне это сделанные из дерева широкие калитки, почти ворота. По одной на каждую сторону площади. Еще такое можно увидеть только в доме главы деревни. Есть слишком много вещей, на которые можно потратить дорогое дерево с большим толком.

Мне нужно улучшить момент и перебраться через двое ворот и открытое всем взглядам пространство так, чтобы никто не заметил, что я вошел в дом Орикола. К сожалению, с другой стороны деревни это сделать еще сложнее, там дома вождя, его семьи, уважаемых охотников, но не дяди Ди, к слову. Даже если я просто войду в ту часть деревни, проблем не избежать. Никого не вижу, похоже, что пора. И я быстрым шагом, крепко придерживая под старой рубахой бурдюк, пересек площадку и скользнул за травяную циновку, повешенную на входе.

— Кого там вонючие дарсы принесли? — раздался раздраженный рык, пока я пытался привыкнуть к ужасающему запаху немытого тела, перегара и стухшей еды, которым меня встретил дом учителя деревни.

— Не кричите, уважаемый Орикол, — попросил я, делая шаг вглубь и надеясь, что меня не стошнит.

— Вот это да! Уважаемый! Да меня так не называли уже, наверное... Да ни гарха меня никогда здесь так не называли! Кто там такой умный и вежливый приперся? — в темноте загремело, что-то упало и, из нее в полумрак возле циновки, вышел Орикол. — Ты кто такой, молокосос?

Орикол был ужасающе грязен и давно не мыт. После его появления вонь стала так сильна, что буквально резала глаза. Он бы хоть циновки скатал, чтобы ветерок не только облегчал страдания от жары, но и проветрил дом. Но ему, похоже, было все равно и он давно привык. Одет он был в широкие кожаные штаны и дорожную выбеленную тонкотканую рубаху с длинным рукавом. Когда-то дорожную. Сейчас она была черна от въевшейся пыли и покрыта пятнами пролитого на нее вина. А еще он был бос, как последний бедняк. Даже хуже. Потому что я, один из таких оборванцев, был в мокалинах. Давно не бритый и не стриженный, с жирными черными волосами, в которых добавилось седины, он слабо напоминал того Воина, которого я когда-то впервые увидел у костра в центре деревни.

— Я Леград, — не видя понимания в мутных глазах успевшего опохмелиться воина, я продолжил: — Сын Эри и Римило.

— А! А. Ага. Помню, — Орикол задрал голову и стал чесать обеими руками шею под короткой неряшливой бородкой. — Чего тебе нужно у меня, мелкий?

— Я прошу у вас наставление о Закалке меридианов, — не дождавшись ни звука от деревенского учителя по возвышению, я продолжил. — Моя десятая зима уже наступила, вы должны меня учить, — конечно, мама не говорила мне искать проблем, но злость на всех в деревне, а на него в особенности, жгла мне язык.

— Кардо дружески посоветовал мне не учить тебя, — Орикол пожал широкими плечами, он, к слову, был удивительно могуч телом. Казалось бы, пьет каждый день и не выходит из своего дома неделями, а по-прежнему перевит мышцами, как и тогда, когда мы приехали сюда. — Твой отец был невероятен и достоин моего уважения. Но этого мало, чтобы искать на свою голову проблемы, пуская тебя на занятия, — деревенский учитель помолчал, а затем продолжил, расчесывая бороду, непонятного в этом полумраке цвета, грязными пальцами, — Вот твоя мать хороша, почему она не пришла ко мне просить за тебя?

— Ах, ты! — рявкнул я, а затем почти буквально зажал себе рот, сдерживая все те ругательства, что лезли из меня после этих гнусных слов. Я заставил себя глубоко дышать, невзирая на вонь, что царила вокруг, чтобы успокоиться и не броситься на этого грязного алкаша.

— Га! — противно заржал, словно мул из обоза, Орикол. — Вот я из уважаемого превратился снова в простого ты. Это мне знакомо, это мне привычно. Вали отсюда щенок.

— Я ведь не прошусь в ученики, а хочу получить лишь одну книгу. Зачем, уважаемый, — я выдавил это слово, представляя, как сжимаю его грязное горло, — мечтает о несбыточном?

— Какой дерзкий щенок, — показал зубы в оскале Орикол. — И что же, по-твоему, для меня сбудется?

— Прошу возьмите, — теперь оскалился я и, вытащив из-под рубахи бурдюк, чуть встряхнул его, чтобы он булькнул.

— Щенок учится огрызаться, — Орикол плюнул на пол, который от этого не стал грязнее. — Исчезни с моих глаз, пока я не отбил тебе зад, выкидывая из моего дома.

— Это вино охотника Ди. — я не сдвинулся с места.

— Ух ты! — Орикол снова почесал шею, а затем раздраженно дернул короткую бороду. — Сам бы ты не додумался до этого. Но вряд ли, Эри советовала тебе мне хамить, — я сдержал рвущиеся из меня слова. Не сейчас, когда все висит на волоске. — Да, искушение велико. Хорошо, щенок, давай его сюда.

— Книгу, — я быстро спрятал бурдюк под рубаху и отступил к циновке, готовый выскочить наружу.

— Щенок умеет думать? — Орикол улыбнулся так, что мне захотелось самому плюнуть, и развернулся. — Сейчас. Лови! — хотя к темноте вокруг я уже привык, и движение алкаша видел, но среагировать не успел, и мне в грудь врезался небольшой предмет.

— Спасибо, уважаемый, — я бросил взгляд, проверяя, на поднятую вещь и протянул бурдюк, пряча ее за пояс.

— Ой! — сморщился Орикол, уже успевший найти грубый стакан красного обжига, до этого валявшийся на полу и сейчас с сомнением его разглядывавший. — От твоего именованья у меня сводит скулы, столько в нем яда. Будь проще, пацан, я просто немного развлекся. Говорю же, я уважал твоего отца.

— И оскорбляешь мать, — я уже осматривал улицу, щурясь на яркий свет в щели циновки, но промолчать не мог, слишком много я сдерживал себя за последние минуты.

— Ты видишь второе дно в простых словах, — Орикол рассмеялся. — Я говорил, что она хороша с восемью звездами.

— Да, конечно. Я даже попробую поверить, — процедил я сквозь зубы на эту ложь.

— Да как хочешь, мелкий. Да? — спохватился Орикол, — а ты вообще читать умеешь?

— Умею, — выплюнул я одинокое слово.

— А, ну да. Чтобы Эри не научила тебя? Чет туплю, да. Удачи тебе в возвышении, — отмахнулся от меня Орикол и забормотал, отворачиваясь. — А мне нужна бритва. Пить это вино в таком виде, это упасть еще ниже. Нужно же когда-то цепляться в полете, дно уже близко. И помыться, да, определенно помыться!

Проделав обратный путь и добравшись до знакомого сарая я, наконец, решил посмотреть, что же мне дал этот грязный алкаш. Небольшая, тонкая книга-кодекс в твердом обклеенном кожей переплете. На корешке тиснением нанесена надпись «Закалка меридианов». Я, проверив через

щель по-прежнему ли пусто вокруг, с трепетом открыл титульную страницу.

Закалка меридианов

Выпущено свободным городом

Морозная Гряда

Издание триста двадцатое отпечатанное в триста шестьдесят четвертый год от Падения Мщения

Через час чтения, прерываемого на осмотр округи из-за боязни быть обнаруженным, я смог для себя обобщить содержимое книги в вольном пересказе основных вех.

Все вокруг пронизано энергией. Самой разной. Даже мы сами и все нас окружающее — это особый вид энергии. И мы, люди, постоянно поглощаем другой тип энергии. Древние обнаружили, что можно натренировать силу этого поглощения и обратить на свои нужды эту добытую энергию. Стать подобным небу в своем могуществе. Этот путь они назвали Возвышением. Первый этап Возвышения Древние назвали Закалка меридианов. В теле человека, среди множества других, была ими обнаружена особая система органов, отвечающих за взаимодействие с энергией. Она очень разветвлена, пронизывает все тело и на первых порах обнаружить ее у обычного человека совершенно невозможно. Кровь в теле проводят вены, а энергию меридианы. Ученику, ставшему на путь Возвышения, необходимо мысленно представлять, как он всем своим телом впитывает энергию из окружающего мира и направляет ее на возвышение или, если проще, развитие меридианов. Затем, используя развитые меридианы как каналы, он может потратить поглощаемую энергию на полезную работу. Самый простой способ ее потратить, на котором с древности основана проверка Возвышения, это поднятие тяжестей. Хотя, можно тратить ее на гибкость, скорость, прочность костей. Но проще всего узнать вес, который тебе по силам поднять.

Я посмотрел на каменные тумбы с ручками, всевозможных размеров, которыми и был завален сарай. Новорожденный с теми каналами, что получил при рождении, считается первой звездой закалки меридианов. Обычно к десяти годам, когда и

начинают заниматься их развитием, дети считаются достигшими двух звезд. Хотя некоторые мальчики могут сдать экзамен и получить не только три, но и четыре звезды. Но поднятие мерных гирь это во многом приблизительная и грубая оценка, которая совершенно не учитывает размеры мышц испытуемого. И вот тут-то, всех практикующих Возвышение и ожидают огромные проблемы, названные в книге Тремя препятствиями Закалки меридианов.

Первая преграда. Закаливающий меридианы не может ощущать и тем более видеть движение энергии в них. И зачастую, занимаясь Возвышением, практик просто не может научиться поглощать больше силы, чем дано при рождении. Вторая преграда. Даже научившись поглощать дополнительную энергию, практик часто ошибается и направляет ее не на дополнительное развитие меридианов, а на развитие того, что легче всего ощутить — мышцы. И превращается в огромного, увитого мышцами здоровяка. И даже сможет взять планку финального экзамена в четыреста килограмм. Но он никогда не прорвется к Воину духа. Потому что его меридианы по-прежнему тонки и неразвиты. А стоит экзаменатору для дополнительной проверки, использовать Мерило, особый артефакт, сделанный ремесленниками и способный оценивать именно толщину меридианов, и вся гордость такого человека будет уничтожена. Верить, что ты близок к Воину и, узнать, что твоё Возвышение, в лучшем случае, на уровне пяти-шести звезд? Ужасно. Понятно теперь почему Орикол так орет на своих учеников.

Третья преграда самая тяжелая. Она связана с талантом. Можно научиться осознанно поглощать энергию, правильно направить ее в невидимые меридианы и столкнуться с тем, что они просто не растут! Нормой считается достичь десяти звезд к шестнадцати годам. Хорошим талантом за четыре года. Моему отцу было двадцать девять, когда он погиб. Казалось бы, его талант близок к нулевому, но не стоит забывать, что он вернулся с неправильного пути развития мышц. Развил меридианы, достиг десятой звезды и прорвался к Воину, не имея никаких руководств, кроме пересказов отбросов. И все это за четыре года! Как минимум, его талант был хорош! А это очень важно, поскольку считается, что если талант человека хорош, то и его дети чаще всего наследуют его. И наоборот.

Именно поэтому население всего нулевого — это отбросы, постепенно скатившиеся из поясов сюда. На этом месте я криво усмехнулся. Действительно, мой отец хорош. Но его предки были вышвырнуты сюда за то, что провалились в Возвышении. Как и предки матери, которая так и не вышла за пределы восьмой звезды.

Я помотал головой, отгоняя мрачные мысли. Она никогда и не стремилась к возвышению, а глядя на ее невысокую точеную фигурку, никто не усомнится, что гиря в триста килограмм взятая на экзамене, это именно развитые меридианы. В качестве совета по преодолению всех трех преград, книга советовала внимательно слушать наставления учителя и при малейшем сомнении просить о проверке движения энергии в меридианах духовным зрением. «Шутники!», — скептически подумал я о выпустивших эту книгу чудаках. Где они видели учителей с духовным зрением в пустошах. Здесь появляются только Воины и они точно этого не умеют. Возможно, в бесконечно далеком от нас втором, третьем поясе и появляются внимательные учителя, которые заботятся об учениках и может быть, даже обладают этим зрением. Но даже там, судя по байкам пьяного Орикола, хоть какая-то польза от него, они редки, словно засохшее дерево в нашей пустоши.

Я снова посмотрел на гири вокруг, но на этот раз с практическим интересом. Вокруг никого? Что там видно в щели? Пусто, все на работах. Ну-ка, проверим свое возвышение! Итог был вполне нормален для начала практики. Третья звезда, пятьдесят килограмм, поднятых с выпученными глазами. На камень с четырьмя грубо выбитыми звездами я только поглядел, трезво осознавая свои пределы. «Значит, так!», — я глубоко вздохнул, — «Как было в той книге? Если уж ставить себе цель, то великую! Нацелимся для начала на гору высотой четыре года. Посмотрим, смогу ли я взобраться на нее. Или навсегда останусь в нулевом круге».

Глава 3

Таская тяжелые вёдра с водой на деревенский огород, я обдумывал всё, что прочитал, всё, что слышал раньше и всё, что выпросил ночью у мамы, пока она не заснула от усталости, пытаюсь разложить это по полочкам. Упорядочить знания не выходило. Слишком много противоречий в описании того, как люди поглощают энергию мира. Но если вспомнить, что все они были лишь на стадии Закалки Меридианов, то нестыковок просто не может не быть. Ведь это попытки слепых описать, как светит солнце. Повезет, если день будет жаркий, и они почувствуют тепло лучей на коже. Похоже, каждый на этом пути набивает свои шишки сам. Плохо. Очень плохо, что в наставлении не указали правильный способ. Это их коронное: «Представь, как энергия впитывается в твоё тело!» — меня просто бесило до зубовного скрежета! Как, как я должен это представить? Вернее как, как это выглядит на самом деле? Неужели сложно было Видящим описать для будущих учеников то, что они видели вокруг них?

Опустошив в очередной раз ведра, я позволил себе отдых. Я делаю так каждый раз, когда заканчиваю третий по счету ряд. Посажено на огородах многое, жаль что в нашу пайку редко это многообразие попадает. Слишком малую пользу мы приносим деревне, по мнению Кардо. Тыквы и лук нескольких видов, горох, редька, хлебный и мясной корень, какая-то непробованная и незнакомая мне зелень, кислая трава, морковь, горькая или огуречная трава, капуста. Весь огород поделен на ровные гряды, полные земли, которую принесли сюда из пустоши. Они прерываются только дорожками из вездесущего песка.

Так что я обычно выбираю самые дальние от подъема, потому как их никто не хочет брать себе, и поливаю от стены до стены. Будут крики, споры, которые тот же Скирто постарается разжечь, а в итоге — всё равно назначит их мне. Хорошо еще то, что деревня не так высоко поднята над рекой, как кажется на первый взгляд. Тут всего десяток метров. Недлинная сложенная из самана и камня лестница с одной поворотной площадкой. Удобное место чтобы набирать воду

здесь одно, так что мостки стоят прямо под спуском с обрыва. Одно странно. Почему к концу полива ноги уже не поднимаются по этой короткой лестнице?

Итак, отец словно впитывал воздух, его окружающий, каждым кусочком кожи. Мама представляет, что делает вдох воздуха, в котором есть сила, заполняющая ее тело. Орикол, это мама мне рассказала, представляет, как лучи света проникают в его тело, пронзая насквозь и оставляя в нем частицы энергии. Больше никому я не могу доверять, остальных я не видел сам. Два Воина и честная восьмерка. Какой образ выбрать для себя. Или... Создать свой образ? Объединить все их успехи в одном? Представить себе, что вокруг воздух будто светится от энергии и сам вливается в меня! Безуспешно помучавшись минут десять, я так и не смог представить, как это — «светящийся воздух». А на меня уже начал коситься здоровяк Порто. Долго бездельничаю. Повезло, что он сегодня присматривает за огородом. Если бы здесь был Скирто, то я бы уже пару раз упал с ведрами, а отдыхал бы внизу у реки и чуть-чуть каждую ходку, чтобы он меньше орал о бездельниках.

Похоже, я тупой, раз не могу представить, как светится именно воздух. Нужно упростить себе задачу. Пусть в воздухе будет светиться мельчайшая, невесомая пыль, даже мельче той, которая повисает над руинами древних, когда они лопаются. Пусть, как только я начинаю поглощать энергию мира, вокруг меня появляется облако этой светящейся голубой пыли. И она оседает на моей коже, впитываясь в нее, а ещё я вдыхаю ее, и она заполняет мои легкие, проникая в мою кровь. Я остановился на берегу и попробовал вообразить придуманное. И, должен заметить, с таким образом у меня получилось гораздо лучше! Я, счастливый от своего маленького достижения, привычным движением зачерпнул воду тяжеленным ведром и поспешил назад к лестнице.

Вторая проблема — это сложность развития именно меридианов. Я не хочу упереться во вторую преграду. Я не раз видел, как занимается шайка Виргла, все вечера проводящая на площадке. Сначала они сидят, видимо поглощая энергию, а затем вскакивают и словно бешеные начинают поднимать гири. Как только у них заканчиваются силы, то снова садятся

на песок. Виргл седьмая, двое шестая, остальные пятая и одна четвертая звезда. Четвертая, кстати, это как раз крысёныш Скирто. Единственный слабак среди них, а Виргл любит сильных. Но он берет другим, мелкий поганец. Я поморщился, вспоминая крысёныша. Его, из всей этой шайки, я ненавижу лишь чуть слабее Виргла. Вроде бы они сильные, в четырнадцать лет седьмая и шестая звезда это почти нормальный талант, согласно наставлению. Но они все здоровяки, Порто так вообще уже скоро в дома боком проходить будет. Это первое, что заставляет меня скептически относиться к их способу тренировки, подозревая, что они явно развивают не меридианы. Второе, это крики Орикола о дебилах, когда он вспоминает, что является учителем закалки, и все же выбирается на площадку.

Снова обратимся к достойным примерам. Отец, Орикол и мама. Отец был могуч телом, не такая гора как Кардо, но все же. Он был кузнецом и наверняка с детства таскал тяжести, но в начале возвышения свернул не туда. Орикол тоже широк в плечах и словно переплетен мышцами, его истории я не знаю. Мама совсем не похожа на самую сильную женщину деревни, которая тоже имеет восемь звезд — Миргло. Я вздрогнул, вспомнив ее. Не дай боги такую жену! Бедный Котил! Не знаю, как проводила возвышение мама, но сомневаюсь, что она круглыми днями таскала тяжести в трущобах, если уж вспоминает о недоедании. Значит, не стоит мне вообще подходить к тяжестим и... тут я даже остановился, расплескав воду. Не есть? Как-то я не готов к таким жертвам. В наставлении не было ни слова о голодании. Четыре года недоедать? Нет, твердо сказал я себе. Это только на самый крайний случай! Мы и так, скудно питаемся, жрать постоянно хочется, Кардо нам сильно урезал пайку, по сравнению с остальными, за общественные работы. Если бы не дядя Ди...

— Эй, Леград! — окликнул меня Порто, прерывая мои размышления. — Иди сюда.

— Что хотел? — мрачно уточнил я, не ожидая милостей и разминая руки после новых, еще ворсистых веревочных ручек тяжелых ведер. Которые на самом деле просто корзины, плетёные из камыша и обмазанные тонким слоем глины.

— Виргл сказал, что как закончишь с грядками, то с тебя сорок килограмм камней, — подтвердил мои опасения Порто.

— Весь прошлый месяц было двадцать, какого дарса? — возмутился я. С этим здоровяком, которому я не достаю даже до плеча, как ни странно, можно позволить себе проявить чувства.

— Если уж ты спрашиваешь, — Порто пожал плечами-глыбами, мышцы которых плотно облежала тонкая кожаная рубашка. Он, наверное, тяжелее меня раза в два, — выше по течению руина лопнула.

— Да если об этом все знают, то и выгребли все уже там, — заметил я скептически.

— Там выгребли, но редко в одном месте разрушается, — невозмутимо ответил здоровенный парень.

— Да ладно! Просто у Виргла появился законный повод увеличить норму, — я сплюнул скрипевший на зубах песок. На эти слова Порто лишь молча пожал плечами, он никогда не позволял себе обсуждать решения своего главаря. — Хорошо, я понял. Две нормы на благо деревни от любимца Виргла.

«Этот вонючий дарс Виргл!» — продолжал я возмущаться его действиями, шагая вниз по течению и до боли сжимая камень в кулаке. Идти туда, куда говорил Порто бесполезно, там наверняка все обыскали даже по пути к месту. Неделью меня не ставили на камень, и я был рад этому. А зря! Он снял меня с этой работы, как только узнал про свежую россыпь. А теперь, когда ее выгребли, поставил меня обратно с повышенной нормой! «Сволочь! Здоровый, тупой урод! Чтобы тебе голову напекло! Чтоб тебе по-пьяни Орикол пинка отвесил!» — начал я проклинать Виргла.

«Стой, стой, стой!» — я попытался себя успокоить. У меня есть цель. Впереди еще четыре года. Если я на каждую мелкую подлость буду так реагировать, то точно не доживу. Буду так себя распалять, и однажды брошусь на Виргла или его подручного, на Скирто уж точно. И все. Это будет моим концом. Если я дам такой шикарный повод Кардо, то меня точно накажут. И не будут пальчиком грозить. Скорее сразу выкинут из деревни. Иначе говоря — убьют. Пацан один в

пустоши? И хорошо, если мама выдержит и не сорвется, как я. Это будет просто небесный подарок для нашего «не совсем вождя». Мы все окажемся в его полной власти. Например, он на законных основаниях просто убьет всех нас. Хорошо, пусть Лейлу не тронут, но она останется одна. Или, он потребует от мамы греть его постель, если она не хочет, чтобы дети оказались за оградой. Я вздрогнул от одной только мысли об этом. Ни за что! Поэтому нужно немедленно успокоиться и учиться с улыбкой встречать такие моменты. Я посмотрел на камень в руке и вернул его в мешочек. Сначала нужно обрести силу.

Сорок килограмм? Хорошо. У меня припрятан неплохой мешок камней, но его мы оставим на черный день. И вообще лучше бы запас увеличить. Я становлюсь старше, и Виргл наверняка будет увеличивать норму, даже не дожидаясь удобного случая. Возможно, сегодня появился первый робкий квартик. Поэтому нужно готовиться к худшему. Не сдам сегодня норму, и меня лишат пайки еды? Хорошо, пусть так. Значит, действительно поголодаю, не давая шанс мышцам вырасти, и отдам еду за полив огорода маме с сестрой. И главное — улыбаемся. Глядим на голубое небо и улыбаемся. Глядим на черные руины Древних и улыбаемся, даже если от их несокрушимых стен не отвалилось ни кусочка. И, пожалуй, хватит бесполезно тратить время. Пора начать практиковаться в Возвышении. Я выбрал место в руинах, чтобы меня не только не было видно со стороны, но и подойти незамеченным было сложно. Не нужно никому знать, что я получил доступ к методике закалки. Иначе это будет только вопрос удачи, как быстро об этом узнает вождь-убийца и его сыночек. Боюсь, тогда моя жизнь тоже будет в опасности. Он может не опасаться застрявшей в возвышении женщины и необученного пацана, продолжая издеваться над ними и искать границы их терпения. Но увидев намек на будущую угрозу — кто знает, как он решит ее устранить. Незачем рисковать своей жизнью и будущим моей семьи.

Почти час заняла у меня попытка научиться держать в голове образы светящейся пыльцы и расходящейся по телу энергии. Я решил, что самым лучшим будет представлять, как при каждом вдохе силы в моем теле загорается голубой узор меридианов и узлов. Один в один — как в книге. Буду

воображать, как постепенно меридианы впитывают энергию, что я поглотил, и растут, становясь ярче. Еще больше времени ушло на то, чтобы научиться шагать и, не теряя концентрации, представлять в голове эту пыльцу. В итоге я, ломая ноги на этих руинах, и заново создавая пропавший образ, понял, что слишком много хочу в первый день. Идеально будет этим заниматься на поливе. Не такие уж неподъемные ведра, ровная лестница, монотонное занятие, не требующее внимания — идеальные условия! И отложил попытку поглощения энергии. Иначе я точно ни одного камня не соберу и даже куска мясного корня не получу.

Стоило мне принять это важное решение и облегченно вздохнуть, как жизнь подкинула еще один выбор. За очередной стеной я обнаружил камень. Причем он один перекрывал своим весом всю мою сегодняшнюю норму. А значит, был еще ценнее. А почему? Да потому, что здесь все, что было построено древними либо давно рассыпалось в песок, дающий своим цветом название нашей пустоши, либо такое крепкое, что нашим инструментом его просто невыгодно добывать. Будь у нас достаточно небесных металлов из первого пояса, хотя бы красного, всё было бы по-другому. Но они слишком дороги. У отца были маленькие пробойники из Льдистой стали. Это всё, на что хватило в свое время немалого заработка деда. Не слышал, чтобы у Газила было что-то подобное. Иначе кости Рауха не ценились бы так.

Вот и приходится надеяться на удачу. Иногда, даже не очень редко, оставшиеся руины словно лопаются, сдавшись, времени. Но чаще всего они при этом рассыпаются на довольно мелкие, с мой кулак или, реже, кулак мужчины. А вот крупные куски — редкость. В нашем доме дороже всего не его беленые стены, сложенные из самана, а наш стол, который одновременно и большой и плоский. Вот и передо мной лежит камень почти похожей формы, только вдвое меньше, редкая удача. И мне нужно выбрать, следовать ли принятому решению — как можно меньше трогать тяжести или нет. Все же он для меня очень тяжел, тем более тащить его предстоит далеко. Это совсем не сравнить с водой до огорода. Нет, решительно помотал я головой. Нужно быть твердым. Тем более если случилось чудо и после моих недавних попыток возвышения в меридианах плещется немного больше силы,

чем обычно, то она наверняка уйдет в мышцы. А значит лучше поступить иначе.

Спустя три часа я уже был в деревне. Мне пришлось пройти ее насквозь. Хранилище камней у нас с другой стороны. Два невысоких узких и длинных строения, небрежно перекрытых сверху драконьей травой всего в один слой. Это так мало, что внутрь легко проникают солнечные лучи через многочисленные щели, а в дождь здесь всегда лужи. Но внутри лишь кучи камней, которым это ничуть не вредит. В хранилище множество дверей, через которые удобно носить камень до ближайшей кучи. Между зданиями, под отдельным и добротным навесом, стоят огромные весы, сделанные из редкого в наших краях дерева и железных чаш. Тут использован драгоценный целый и ровный ствол неведомого мне дерева. Рядом куча принесённых за последние дни камней. Я с грохотом высыпал камни из мешка на мерную чашу и активно крутил головой, оглядываясь в поисках нужного человека.

— Двадцать два, — зевнув, Ларг сделал отметку на доске, висящей на складе, и посмотрел на меня.

— Согласен, — внимательно посмотрев на мерные камни, которые Ларг положил на вторую чашу, он не был замечен в обмане, но осторожность не помешает, подтвердил я и спросил, ткнув пальцем в несколько строк выше своего имени. — Подскажи, уже ушел на добычу?

Ларг отрицательно помотал головой с неровно обрезанными, видимо под горшок, волосами, высыпал мою добычу в общую кучу, отряхнул чашу от пыли, закрепил ее веревку на плече весов, и снова устроился в тенечке, тут же закрыв полные сна глаза. А я, направляясь к дому дяди Ди, вдруг задумался. Может, Ларг не спит, а просто всегда погружен в Возвышение? Ха-ха-ха, — развеселился я, — отличная отмазка для этого лентяя.

— Эй, есть, кто дома? — позвал я, зайдя за невысокую ограду, сложенную из совсем мелких камней и глины.

— Чего тебе, нахлебник? — раздалось в ответ, заставив меня пожалеть о своем порыве, хотя я подозревал, что так и будет.

— Здоров Рат, я видел твоё имя на камнях, — я улыбнулся и выкинул сожаление из головы.

— Ищешь, кто поможет тебе с ними? — насмешливо предположил выглянувший из-за старенькой циновки пацан, немногим меня старше и прилично выше.

— Почти угадал, — я показал ему большой палец, хваля за удачное предположение. — Хочу помочь тебе.

— Похоже, мне уши забило песком, я им не верю! — Рат вышел из дома и стал демонстративно ковыряться пальцем в ушах. — Может последний квыргал стал тебе поперек горла?

— Рат, слушай, — я примиряюще выставил перед собой руки, даже не злясь на него, так смешно выглядели его кривляния, — давай не будем ссориться, я пришел потому, что могу тебе помочь, а мне тот камень все равно не дотащить.

— Камень? — заметно было, что парень снова готовился сказать что-то язвительное, но я сбил его с мысли.

— Да, да. Пластина килограмм под пятьдесят, — я уже даже не скрывал улыбки, глядя на его страдания, уж слишком жирный куш. Это мне с него не получить всей выгоды, а вот Рату его зачтут как минимум в двойном размере.

— Хорошо, нахлебник, — не смог не уколоть Рат, — идем, оплатишь мясо не положенное в наш котел.

— Не, не, не! — не согласился я. — Идем, я тебе подгоню по-соседски каменюку.

— Идем, — процедил сквозь стиснутые зубы Рат, после почти минуты молчания, когда он видно уговаривал сам себя.

— Ну и отлично, — довольно заметил я. — Сходи к Ларгу, возьми переноску и встречаемся вон там.

— Хороший камень, — нехотя признал сын дяди Ди, прервав свое почти часовое молчание, и поправил шнурок стягивающий волосы. — Может, сдадим вдвоем?

— Не, — отмахнулся я. — Тащи сам, мне он слишком жирный будет, да и на тебя Виргл будет косо смотреть, если Ларг ему доложит.

— Да ему лень будет столько языком болтать, — упрямо продолжил Рат.

— Это ты не ленись, бери и тащи, а мне еще двадцатку до темноты собрать нужно, — я решил закончить бесполезные споры и забраться повыше, чтобы оглядеться и наметить путь, а потому принялся карабкаться по стене.

— Еще норму? — непонимающе уточнил Рат снизу.

— У любимчиков свои привилегии, — насмешливо ответил я ему уже с третьего этажа.

Отсюда открылся удивительный вид на пустошь. Над широкой полосой белого песка, стелющегося почти до горизонта обычная блеклая серо-зелёная полоска весенних трав пустоши неожиданно раскрасилась яркими желтыми пятнами, которые, казалось, сейчас оторвутся от земли и взлетят в нависающее над ними темно-синее небо.

— Эй, стой! — крикнул я в спину уходящего Рата.

— Чего? — мгновенно обернулся мальчишка. — Передумал?

— Нет, — я еще и помотал головой. — Есть еще предложение.

— Такое же выгодное? С удовольствием! — Рат аккуратно опустил камень и довольно потер руки.

— Не совсем. Не выгодное. А если поймают, — я помедлил, — то еще и накажут.

— Кхе, — закашлялся мой собеседник, замолчал и принялся перетягивать ремешок, который стягивал его длинные, ниже плеч волосы в хвост на затылке. — Ладно, рассказывай.

— Мне сверху видно все, — таинственно начал я.- И вижу я, что начала цвести акация.

— Да, время пришло, уже почти лето началось. Отец вчера еще сказал, что зацвела. И? — Рат вздернул бови.

— Я не знаю как ты, а я хочу сделать подарок сестре. Принесу ей цветов, — я ткнул пальцем в сторону пустоши.

Я видел сверху и то, что Рат замялся, не готовый сразу согласиться на мое предложение. Да, дело пахло ремнем, если узнают, что дети уходили в пустошь без взрослых. Дело даже не в наказании, а в реальной опасности этого дела. Придется уйти с песков, где нам угрожают только скорпионы и змеи, и войти в пустошь, где легко можно попасться в лапы леопарда. Нам даже шакал страшен. С другой стороны каждый в деревне, кому исполнилось хотя бы восемь-десять лет, хоть раз, но сбегал в пустоши. Чаше из простой бравады или на спор. А я предлагаю дело. Пусть и совсем никчемное в глазах некоторых.

— Уговорил, — хлопнул в ладоши Рат. — Мне как раз нужно замириться с Дирой.

Присыпав камень песком, мы легким бегом, которым старые охотники могут часами передвигаться по пустоши в случае нужды, минут за сорок проскочили полосу почти голого белого песка и под нашими ногами появилась первая скудная земля пустоши с пучками еще по-весеннему яркой травой. Обычно пояс песка вокруг деревни гораздо шире, но не в этом месте. Иначе я и не смог бы, пусть даже с высоты, увидеть деревья. Здесь, не считая редких светлых скал, оставшихся от почти полностью разрушившихся зданий древних, негде укрыться хищнику, но мы все равно остановились и внимательно огляделись. Рат ткнул меня в бок и показал в какую сторону нужно смотреть. Квартики. Вернее их дозорный выглядывает из-за кочки, оценивая нашу опасность. Намек понятен. Любой ребенок знает, что если видишь этого осторожного мелкого хищника, то врагов рядом нет. Бежим дальше.

— Ты так не успеешь собрать камней. Мало времени до темноты останется, — нарушил молчание Рат.

— Ерунда, — я воспользовался поводом и остановился перевести дух. Я не столь вынослив, как Рат и пот уже начал лезть в глаза, привлекая мух. Выбрал кусок рукава почище и вытер лицо. — Не первый раз я не выполню двойную норму.

— А вообще лихо у тебя выходит, — сын дяди Ди улыбнулся и показал мне большой палец. — Я видел там на

доске уже двадцать два? Я обычно с обеда почти до вечера по руинам ползаю.

— Просто это охота не для тебя, — я подколот парня, который мечтает ходить с отцом в пустошь.

— Даже не подумаю спорить. Я учусь добывать мясо, которое оставляет за собой следы. Мне нет дела до хитростей камней. Осталось не так долго и я забуду про это муторное дело. Уж лучше сидеть скоблить шкуры от жира или полировать рога, — я лишь молча развел руками и, не ответив, побежал.

— Удачно, — теперь я ткнул Рату в сухую палку, валяющуюся у подножия выбранного дерева. Как это сборщики, которым разрешено после сезона дождей собирать сухую древесину, пропустили ее? — Ты с ней стоишь на страже, а я полез.

Ухватившись поудобнее за низкую ветвь, я подтянулся, взбираясь по шершавому стволу приятного темного оттенка. Сложность начнется, когда я начну пробираться по ветке. Дерево сплошь покрыто шипами длиной в половину моей ладони. Хорошо что мне нет резона беречь одежду. Она и так стара и вся в дырах. «Ну-ка, еще чуть-чуть», — подбодрил себя. Я добрался до удобного места, с которого, наконец, смог дотянуться до свесившихся сверху молодых веточек с цветами. Девочки будут рады.

Глава 4

Сегодня я чуть пораньше вышел на работы, поскольку не знал точно, как долго мы будем вдвоем собираться и как быстро дойдем, а потому сейчас беззаботно лежал на берегу реки и бездельничал в ожидании, пока подтянутся остальные. Можно было бы и самому начать работать, да, боюсь, никто не оценит. Лежал я с полным комфортом, потому что беспокоился о сестре и припас циновку из рафии, которую и раскатал на сухом песке. От реки немного тянуло ночной прохладой, но, помня о наступающей жаре, это было даже приятно. Поэтому расположившись с полным удобством я развлекался тем, что рисовал на небе воображаемые картины, которые создавал в своей голове из разноцветных завихрений энергии. С каждым днем эта фантазия у меня получается все лучше и лучше. Теперь даже летающие в вышине птицы не мешают мне, наоборот, я научился с их помощью делать свои картины все более живыми. Это вообще не имеет отношения к Возвышению, но неплохо меня успокаивает и настраивает на предстоящую кропотливую работу со своим телом. Сверху начал раздаваться знакомый визг, Скирто появился, пора начинать, пока он нас не заметил. Я с неохотой начал нежно гладить по светлым волосам Лейлу, которая пригелась у меня под боком и задремала, добирая самый сладкий утренний сон. Просыпайся, цветочек.

Это очень странно, я в ошеломлении глядел на свои руки без единого следа веревок от ведра. Эти два месяца, которые я провел, представляя себя впитывающим энергию на каждой ступеньке лестницы, принесли мне ощущение, что с каждым днем ведра становились все легче. Но я с недоверием отмахивался от любых мыслей об увеличении уровня Возвышения, списывая все на свое взросление. Но вот, полив установленные себе как веха, три ряда уже почти выросших и готовых к сбору мясных корней, я по привычке остановился размять ладони, в которые обычно вбиваются до белых полос ручки тяжелых глиняных ведер. И не вижу ни единого следа, да и вообще не ощущаю ни усталости, ни ломоты в плечах. Хотя еще вчера все было как обычно. Были и затекшие

пальцы, и разламывающиеся плечи. Прорыв на звезду, неверующе подумал я и глупо улыбнулся. А затем меня сбил с ног пинок, утопив мою улыбку в песке.

— Почему ты отдыхаешь, отброс? — ворвался в уши визгливый крик Скирто, а вопил он с наслаждением, видно долго ожидал момента и я его не подвел, хорошо подставился. Не зря ведь всегда в очередь крысеныша отдыхал вне его глаз. — Почему ты, здоровый лоб, стоишь, отдыхаешь, когда все работают?

— Прости, Скирто, — я выплюнул песок и забормотал, не поднимая головы. — Руки свело.

— Что ж ты за неженка? Ты как баба! — Скирто принялся пинать меня в сторону обрыва, а я не решался даже немного ему сопротивляться, потому что, если моя догадка верна, то я сейчас так же силен, как крысеныш. И нельзя дать ему это понять. — Катись, катись работать!

— Не бей его! — неожиданно рядом раздался тонкий голосок, и между мной и Скирто выскочила Лейла размахивая нашим полевичком и брызгая из него водой на крысеныша.

— О, соплячка! — удивился и даже кажется, обрадовался Скирто. — Тебя еще тут не хватало, не влазь в разговор мужчин.

— Ты бьешь его! — снова закричала Лейла, не обращая внимания на поднявшего руку Скирто. Так что мне пришлось дернуть ее к себе, чтобы он ее не ударил. Боюсь тогда бы я не смог сдержаться.

— Я тебе сказал не лезть, соплячка? Сказал. Ты лезешь к мужчине? Лезешь, — принялся погано ухмыляться Скирто своей крысиной мордочкой, опустив руку. — И не работаешь, и твой никчемный брат не работает. Еще и голос какая-то сопля поднимает. На кого? Вы сегодня жрать не хотите? Мусор, что ты молчишь, я тебя сегодня не узнаю, ты решил теперь начать прятаться за юбкой или, наконец, прикусил свой поганый язык? Вот печаль!

— Все, все! — я, наконец, смог стереть с лица счастливую улыбку и без опасения поднял голову от песка, прекратив оглядывать ккрысеныша исподлобья. — Сейчас мы с сестрой

умоемся, заново полевичок наполним и будем работать дальше.

— А я разрешал вам уходить? — поразился Скирто и расправив узкие плечи, задрал нос в небо, — Поглядите на него, люди, — картинно развел он руками, обращаясь к замершим на грядках мелкой ребятне и подросткам. — Я только сделал ему замечание, что он много отдыхает, как он решил вообще свалить проветриться к реке. Конечно, там сейчас прохладно!

— Хорошо, — я тоже развел руками. — Давай я отолюю прямо на грядки.

— Ах, ты сучонок, — Скирто оскалил свои кривые желтоватые зубы, как никогда становясь похожим на свою кличку. — Самый умный, да? Иди, отливай и можешь не возвращаться назад. Будешь вечером пустую воду хлебать.

— Умный? Нет, — насмешливо покачал я головой, редко когда эта пронырливая сволочь так глупо подставляется, да и зря он руку поднял на мелкую. — Я самый сильный здесь. Я уйду, но останутся мои не политые девять рядов. И их польет, польет? — я начал водить пальцем по свидетелям нашей стычки, а потом ткнул в подходящего. — Следующий по возрасту после меня, Тукто!

— Скирто, сразу говорю, — тут же подал тот голос. — Иди в жопу! У меня и так уже руки отрываются. Девять рядов, это просто до хрена. Да даже ряд сверху мне нахрен не нужен. И ты, Леград, иди в жопу, со своим пальцем. Нехрен в меня тыкать.

— Нет желающих? Что же тебе делать? Ах, прости, прости, — замахал я руками. — Ведь самый сильный здесь не я. Ведь здесь есть ты, четыре звезды!

— Сука! — выдохнул взбешенный Скирто и шагнул ко мне.

— Ты просто сам польешь их и честно получишь мою пайку, да? — я одновременно с крысенышем отступил, утягивая за собой сестру, продолжать дальше я не буду, хотя на языке многое вертится, он и так уже на грани. Нужно знать меру.

— Отливай. Возвращайся. Поливай, — коротко выплюнул Скирто слова и, пнув песок так, чтобы он обсыпал нас с сестрой, повернулся ко мне спиной.

Я с глупой улыбкой потянул пищащую и трущую глаза сестру к спуску. Да, в следующий раз Скирто оторвется на мне за свое унижение, подсунув ведро с щелью или просто сбив с ног, но это того стоило. Я два месяца вел себя как пугливая мышь или квартик, терпеливо снося все унижения. Пусть это будет мне награда за мою первую звезду.

— Лейла, хватит дуться, — я шутливо брызнул в нее водой.

— Ты сказал, что мне нужно в туалет, — ткнула она в меня пальцем и снова отвернулась.

— Не обманывай, — я сгреб ее в охапку и начал обнимать. — Я сказал, что тебе нужно умыться.

— Не сильно лучше, — сестра сначала делала вид, что вырывается, а затем буквально влипла в меня, стараясь крепче прижаться.

— Родная, тебе уже почти шесть, а потому ты будешь все чаще попадать работать со мной. Я часто ругаюсь с шайкой Виргла.

— Вначале ты тоже ругался? — перебила меня Лейла.

— Кхе, кхе, ладно, — я решил быть проще с этой мелкой врединой. — Меня часто бьют. Не смей вмешиваться. И я, и мама боимся, что станет хуже. Терпи и не смей никуда влезать. И бойся старших, запросто могут тебя ударить. Ты поняла?

— Ты злой, — обвинила меня Лейла, не переставая обнимать.

— Ты поняла меня? — уточнил я, приглаживая макушку мелкой, несколько прядей вырвались из-под шнурка, что стягивал ей косичку на затылке, вечно у меня убегают пушистые волосики, когда я ее заплетаю.

— Поняла, — грустно ответила сестра.

— Раз поняла, то беги к своей тятке и не забудь про полевичок, — я легонько хлопнул ее по попе, дождался в ответ показанного языка и подхватил свои ведра. Нужно проверить свою догадку и заодно порадовать Скирто ударной работой.

Следующие два часа, которые я без отдыха таскал ведра, ясно показали, что я действительно шагнул на следующую ступень закалки. Я не ощущал тяжести ведер, почти не уставал, а на моих руках так и не появились следы от переноски тяжестей. Внимательно оглядев свое отражение в реке, я решил, что новых мышц почти и незаметно, а значит, моя закалка проходит идеально. Разрушая свой образ, я зачерпнул воды ладонью и изобразил на старой джутовой рубаше следы пота, чтобы не давать повода для подозрений Скирто. Ничего крысеныш, пинай меня, пинай. Если два месяца назад я мог только успокаивать себя надеждами, то сегодня я знаю точно, что придет день, когда я отомщу всей вашей шайке. А возможно и убийце. Я за два месяца сделал то, на что у тебя, шавка Виргла, ушло три года. А может быть я потратил даже меньше времени. Месяц назад, как то само вышло так, что светящаяся пыльца стала сливаться в моем воображении в тонкие нити. И я ничего с этим поделать не мог, а затем и не захотел, потому что такой образ возникал в моей голове гораздо легче. Возможно, именно поэтому в наставлении и не указывалась верная картина поглощения энергии. Практик, начавший поглощать силу миру, сам оказывается на верной дороге. И, похоже, она у каждого своя.

В подавленном настроении я снова сидел в своем тайном убежище и печально бросал камешки в воду, ставя точки в своих мыслях. Несколько дней я был счастлив от совершенного прорыва, от надежд на будущую месть. В своих мыслях я предавался мечтаниям и строил планы на будущее. Затем я обратил внимание на свои руки. На ладонях кожа не стала толще, не превратилась в чешуйки или еще что. Даже старые мозоли остались на месте. Но проведя несколько опытов с все теми же ведрами, выяснилось, что эффект сопротивления повреждению был только на кистях. Если ладонь сопротивлялась даже ножу, который только после сильного нажатия оставлял царапину, то остальная кожа осталась прежней и попытка пронести ведра на предплечьях, сцепив руки в замок, оставила глубокие следы. От

открывшихся перспектив у меня захватило дух. Орикол болтал о техниках усиления тела, которые позволяли переносить удары мечей и укусы зверей. Но это же были техники Воинов Развития Духа! Техники, которым учатся если не годами, то многими месяцами! А тут я стал обладателем схожего эффекта лишь после двух месяцев работы с меридианами. За четыре года можно значительно развить эту способность! Я начал придумывать способы, которыми можно было бы закалить все тело, как вдруг меня пронзила страшная мысль. Что я делаю?! Чем мои действия будут отличаться от Виргла, который старательно напрягает мышцы, обрастая ими все больше и больше. Вот теперь я сидел и переживал о том, что, похоже, сделал всего шаг в своем возвышении и уже споткнулся об вторую преграду. Причем о такой уникальной проблеме я даже намека не видел в наставлении по закалке. Впрочем, кто будет описывать редкие случаи в наставлении для отбросов. Вероятно, есть миллионы практикующих, которые подняли вес, но в итоге не сдали экзамен, потому-что развили не меридианы, а мышцы. А я видимо стану первым практикующим, который не сдаст экзамен, потому что развил не меридианы, а кожу. Я бросил очередной камушек: «Идиот! Отброс!».

А затем я замер с поднятой для броска рукой. Стоп, стоп, стоп. Упершиеся во вторую преграду развивают мышцы, а не меридианы, и все равно становятся сильнее. Сложно не стать сильнее, когда мышцы вспухают буграми, напитанные энергией. Но если я развиваю кожу на сопротивление и это действительно преграда, то за счет чего я стал сильнее? И второй вопрос, а за счет чего мама поднимает шесть своих весов? Если предположить, да что значит предположить, по-другому и не выходит! Если развитые меридианы усиливают те мышцы и кости, которые уже есть у практикующего, на степень своего Возвышения, если они могут позволить стать в несколько раз быстрее, а об этом прямо указано в наставлении, то почему они не могут усилить кожу? Ведь она у меня совсем не изменилась! И если я прав, то мне смело можно закалывать все моё тело, потому что никакой второй преграды у меня нет и в помине. Но кое-что нужно уточнить у мамы, когда я недавно спрашивал у нее, поднимала ли она тяжести в своем детстве, то об этих вопросах я даже не

додумался. Поскорее бы вечер! Надеюсь, со шкурами время сегодня пролетит быстро.

— С возвращением! — я снова, как и всегда помог маме расстегнуть ремни переноски, но на этот раз еще и попробовал украдкой ее приподнять и, почувствовав, как огромная, выше мамы, переноска, набитая лепешками и камнями, шевельнулась, удовлетворенно улыбнулся.

— Мам? — сидя спиной к шкуре-занавеске, я, не в силах больше терпеть, начал задавать вопросы. — А ты, сколько сдавала экзаменов?

— Начиная с четвертой, на каждую звезду сдавала. В Арройо всех сдавших экзамен досыта кормили, да еще и мясо выдавали как награду. Ну, на первых двух звездах. Да и потом... В общем, я всегда два раза в год ходила на экзамены.

— Два раза? — удивился я.

— Арройо большой поселок, главный в Черной пустыне. Я же говорила тебе, что у нас даже Воин постоянно живет. Именно он и объезжает такие дыры, как эта, — зло закончила мама, как всегда, когда вспоминает, где сейчас мы живем.

— А сдавала с первого раза?

— Нет, если честно, — я внимательно слушал еле слышную за звуками льющейся воды маму. — Никогда с первого раза не получалось. Лучший результат был со второго раза на шестую звезду. Счастливое время.

— А мозоли у тебя бывают? — перебил я ее.

— Кхе, — откашлялась мама. — Станные вопросы. Нет, я восьмая звезда, я уже и забыла что такое мозоли.

— Ага, — я даже начал подпрыгивать на скамье, услышав подтверждение своим домыслам, — А когда они исчезли?

— Не помню, — задумчиво протянула мама, выходя из-за шкуры и скручивая влажные волосы в пучок. — После экзамена на пятую звезду, когда меня взяли учеником к Кривому Олу, я наверно еще года два мучилась ими при работе со шкурами.

— Так, значит.... — начал я бормотать себе под нос, примеряя узнанное из разговора к себе, но меня отвлекли.

— С чего такие вопросы, родной, что случилось? — мама схватила меня за руки и начала внимательно осматривать мои ладони.

— Да так, — я помялся, но под тревожным взглядом серых глаз мамы сдался и, убедившись, что Лейла возится, наводя порядок в умывальном углу, за шкурой, потыкал в руку подхваченным со стола ножом.

— Так! — удивленно протянула мама. — Я видела подобное, но там, у охотника кожа была больше похожа на коросту. Говорят, съел какой-то алхимический ингредиент. И приятного у него в жизни с такими руками было мало. У тебя же, — мама еще раз провела тонким пальцами по моей ладони. — Нормальная кожа, мягкая, еще детская. Надеюсь, ты не ел никакую траву?

— Чего вы там шепчетесь? — к нам выскочила возмущенная Лейла, сверкая зеленью любопытных глазенок.

— Я спрашиваю у Леграда, почему он забросил читать? — строгим голосом ответила ей мама, а затем развернулась ко мне, ткнув пальцем в грудь. — А, родной? Почему я уже месяц вижу закладку на одном месте?

— Мама! — я возмущенно застонал, ошеломленный такой быстрой, а главное неприятной для меня, сменой темы. — Я почти весь день на работах, могу я хоть вечером немного отдохнуть?

— Ты, конечно, можешь отдохнуть, — мама показала рукой на мой лежак, покрытый шкурами. — Лечь, полежать, а потом, приехав в Арройо, разговаривать как дикарь, только вышедший из пустыни, — на эти слова я привычно закатил глаза, выражая свое отчаяние. — Не изображай небесную скорбь! Иначе я начну рассказывать, как мне пришлось тяжело в прошлом! Тебе осталось только три книги!

— А потом ты опять выменяешь новые у торговца. Знаем, проходили такое, — сморщился я. — Но ты права. Я постараюсь читать каждый день.

— Я тебя не узнаю, — подняла брови мама, даже Лейла, уже начавшая раскладывать немудрёный ужин по простым красным толстым мискам, посмотрела на меня удивленными глазами, не услышав моего обычного брюзжания.

— Не уверен, что мы вернемся в Арройо, — я напоказ покрутил перед собой рукой. — Но выглядеть в чужих глазах косноязычным нулевином совсем не хочется.

— Ты опять не веришь, что твоя мама насобирает нам денег на караван! — возмущенно начала мама и вдруг замолчала. — Подожди, как странно ты построил фразу. Лейла, дочка, сходи в сарай, возьми из оплетенной хранушки три куса сладкого корня, ты сегодня умница у меня.

— Ух ты! Спасибо! — сестренка с горящими глазами отбросила со своего пути циновку, исчезая за порогом.

— Ты намекаешь своей маме, что ничего не ел, а успешно практикуешь и твой успех в Возвышении всего за два месяца не только странная кожа? — у мамы начали блестеть глаза от рождающихся слез. А я молча подошел к ней и, обняв ее, легко оторвал от пола. — Римило, ты видишь это? — мама смеялась, вытирая слезы со щек и не сводила с меня глаз.

Глава 5

Отличное место для новой тренировки, подумал я, с удовольствием осматриваясь. Жаль, что находится оно далековато от деревни. Часто быть здесь у меня не получится. А еще оно чуть дальше, чем безопасная зона вокруг нашего селения. Не почти голый песок, окружающий деревню, а тот огромный воображаемый круг, в котором любые звери, годные в пищу, выбиты уже многие годы. ну, кроме мелких квыргалов, квартиков и песчаных крыс. Так же как и выкопаны любые травы древних, впитавшие в себя энергию мира. А если там нечего есть, то и обычным хищникам делать нечего. А если нет трав, которые могут сделать сильнее, то и Звери не станут тратить своего времени. Но я сейчас почти в получасе ходьбы от этой воображаемой границы. И это справедливо для сытного времени, а сейчас стоит самая жара и вся трава в пустоши пожелтела и высохла. Шакал, да и кто покрупнее может соблазниться добычей квыргала и войти в пески руин, которых обычно избегают. Поэтому стоит быть внимательным и осторожным. Не Черная гора, но все же.

Когда-то, очень давно, если верить книгопечатникам Морозной Гряды, триста шестьдесят шесть лет назад, в этом месте стоял огромный мост, соединявший две части города Древних на берегах реки. От города мало что осталось в день его гибели. А вот мост оказался немного крепче. Он выстоял в солнечном пламени залившим эту землю, и лишь годы спустя стал сдавать, разламываясь на части. Но если обычные здания древних, разрушаясь в наши дни, превращались обычно в мелкие обломки, то здесь все было наоборот. Мост разломился на гигантские куски, сохранив, по меньшей мере, половину прежнего объема. И сейчас, одетые в белопенные буруны, из воды торчали его черные останки.

За три месяца я перепробовал на себе массу странных и просто безумных вещей, которые только приходили мне в голову. Я таскал ведра на предплечьях и на шее. Разумеется, только тогда, когда смотрящими за работами были Порто или Ларг, которым не было дело до меня. Да и на их глазах я вел себя вполне обычно. Я обтирался песком дважды в день и

первое время, когда выступала кровь, даже всерьез опасался, что занесу какую-то заразу в ссадины. Я устроил в своем тайном месте лежак из мелких острых камней, на котором лежал часами в дни, когда уходил на поиски камней. Я даже хлестал себя веткой колючки и тыкал шипами акации, которые есть в каждом доме. Но всего этого уже было мало, моё тело стало достаточно сильно, чтобы просто не замечать такие издевательства, переводя их в раздел мелких неудобств. Сейчас я с легкостью добыл бы цветы акации, на радость Лейлы, не получив ни одной царапины. И сегодня я пришел для испытания нового способа.

Добрый час я потратил на осмотр окрестностей и подготовку места тренировки. Для этого я припас хорошую длинную веревку, которую пришлось добывать через Рата. Отношения с ним у меня наладились, после того похода за цветами. В последний раз я отдал ему три свои ухоронки с хорошими камнями, а он, якобы для себя, потратил полученные рабочие доли на эту вот веревку. Последнее время он вообще стал в деревне считаться удачливым камнедобытчиком. Но каждый раз, слыша похвалбу в свою сторону, лишь кривился. Ему ли было не знать, что это моя слава. Обычно возвысившиеся выше четвертой звезды тут же освобождались от детских работ и получали место новика в охотничьих командах. То, что тот же силач Порто наблюдал за поливами огородов, объяснялось лишь одним — это был его день отдыха, когда он полдня работал на деревню, а затем был совершенно свободен. Так вот. Я был совершенно уверен, что тоже достиг пятой ступени, но я по-прежнему ходил на поиски камня. С моей новой силой, ловкостью и выносливостью я почти не тратил сил, обыскивая руины по берегам реки, легко поднимаясь на верхние этажи в такие места, куда не могли попасть остальные подростки. Так что моей добычей стали просто огромные запасы камня, скопившие в развалинах за долгие годы, пока их добычей занимались дети, которые я превратил в несколько тайных складов. Теперь я раз в две недели обыскивал новые места в руинах, действительно разыскивая камень для пополнения запасов, а в остальное время, просто их тратил, всегда принося на сдачу немного меньше назначенной мне нормы. А вот Рат часто приносил гораздо больше, потому что я вошел во

вкус и через него достал новую рубаху тонкой кожи, взамен грубой джутовой, окончательно порванной при неудачном падении, флягу из тыквы-горлянки, которая всегда ждала меня в моем тайном месте, вот эту веревку в конце то концов. Дошло до того, что Рат начал подозревать, что мне действительно известен какой-то необычайный тайный секрет, например способ разрушения несокрушимых стен древних. Он уже не верил в старое объяснение, что я просто удачливый и внимательный охотник именно на камни. Пришлось ему выдать байку, что однажды нашел чудесное место, где все стены комнаты рассыпались на годные камни, вот теперь и таскаю оттуда найденное. Но он по-прежнему сомневается.

Я принялся крепить свою страховочную веревку. Интересно, я наклонился поближе к мелкому каменному крошеву на краю огромного монолита и разгреб его, вытаскивая на свет что-то больше похожее на гигантский шип пустынной акации, чем на каменный обломок. Вот это находка! Он по размеру ничуть не уступает отцовскому кинжалу! Похоже, я ошибался, считая, что мост развалился на огромные куски. Я бросил найденный камень сверху на стопку своей одежды, он точно не пойдет на сдачу в деревне. Хорошо, что этот шип дождался меня. Я прошел по останкам моста так далеко, как только смог. Могу с уверенностью сказать, что до того, как облазил верхние этажи руин, в поисках камней, пройдя непреднамеренную тренировку ловкости, мне бы не удалось добраться до этой расщелины. Немалой замечу ширины расщелина, которую мне, пятой звезде, перепрыгнуть не удастся. А внизу, в провале этого каменного рта высится одинокий зуб. Вода реки, встречая на своем пути такое резкое сужение русла, разъяренно ускоряет свой бег и гневно ударяет в препятствие. И я позаимствую эту ярость для своей закалки. Последний прыжок перенес меня на верхушку зуба, а затем, немного поколебавшись, я скользнул в воду. Идеально! Я опасался, что придется болтаться на веревке, как наживка, но нет. Этот камень оказался под водой похож на ступенчатую пирамиду и если сначала я оказался в воде по пояс, то шаг на вторую ступень погрузил меня ровно по шею. Я с рычанием оперся спиной об камень и выплюнул захлестнувшую меня воду, это будет очень интересная тренировка. Вода ударяла меня, каждую секунду меняя направление, пытаюсь сорвать с

выступа, опрокинуть, сломать новую преграду ее бегу. Мне стоило больших усилий не просто сопротивляться стихии, но и поддерживать в голове образ вливающейся в меня энергии, но была и странная деталь. Казалось, синие нити, появляясь в воде, светятся немного ярче, чем обычно. Очень необычно.

Моя первая тренировка в воде продлилась недолго, несмотря на то, что я хитрил, экономя силы на сопротивление воде, упираясь в камень за своей спиной, но и это выматывало. Не прошло и пятнадцати минут, как ноги начали дрожать и подламываться. Хватит, решил я, иначе это уже будет тренировкой на выносливость, и, поймав веревку, принялся подниматься наверх. Но едва поднявшись на высоту роста над водой, как я вновь оказался в ней. Какого дарса, единственное, что я успел подумать, прежде чем обрадованная река крепко приложила меня к камню и вынесла из расщелины на простор. Пришлось спускаться по течению минут десять, прежде чем я заметил место, где можно было подняться на берег. Выбравшись из воды, я оценил повреждения от удара и с досадой подумал, что предстоящая пробежка к остаткам моста обещает быть очень запоминающейся. Минут двадцать пробираться будучи в несколько раз более осторожным, чем обычно. Я покачал головой и решил, что мне очень не хватает в деревне еще и рассказов о том, что этот отброс одичал до того, что голышом бегают по пустоши. К счастью, как я и ожидал, никто из охотников не завернул в руины возле реки, а потому мой забег так и остался тайной. А причиной моего падения, похоже, оказалась моя неопытность. Веревку просто перетерло об край, оказавшийся острым почти как нож. Наука мне на будущее.

Отмерив из тайника три четверти простой нормы камней, а это по-прежнему двадцать килограмм, я обессиленный возвращался домой. Болела разбитая рука, болел ободранный бок, страшно представить что было бы со мной, если бы не мое закаленное тело. Ноги дрожали и с трудом несли меня по неровным и острым изломам черного города древних. Так что я с облегчением вздохнул, когда закончились эти проклятые руины и начался обычный белый песок с одинокими светлыми скалами и пучками высохшей травы. Несколько взбодрившись при виде приближающейся деревни, я попытался представить,

чем могли быть сотни лет назад эти скалы. А затем меня снесло с ног, и земля врезалась мне в голову.

— Я думал это огромный, разожравшийся в пустоши, дарс, — раздался надо мной ненавистный голос, пока я со стонами выбирался из-под своего мешка. — Думаю, сейчас я его завалю и погоню пинками в деревню. Похваюсь опытным охотникам необычным трофеем. Но я, кажется, ошибся, или нет?

— С первого взгляда, мне тоже показалось, что это дарс, босс, — противно захихикал крысеныш, вот уж чей взвизгивающий голос я тоже могу узнать даже в полной темноте. — Но вот сейчас, когда он слетел с копыт, знаете, что я заметил, босс?

— Расскажи нам, Скирто, — лениво, немного растягивая каждое слово, продолжил разыгрывать сцену Виргл. Она, связанная с дарсом, у них всегда одна. Кажется, сегодня мне предстоит испытание, которого я когда-то так боялся. Хватит ли у меня воли не сорваться? Пожалуй, полгода, как я не попадал в такую историю. Вот только с тех пор, как я абсолютно беспомощный терпел издевательство над собой, многое изменилось. Например, моё Возвышение.

— Мне кажется, у него нет копыт, босс, — заржал как сумасшедший над своей тупой шуткой верный жополиз Скирто.

— Неужели? — я, наконец, перевернулся и смог оценить презрительную усмешку на лице юного вождя. Он возвышался надо мной как младший брат той скалы, что была у него за спиной. Высокий, широко расставивший ноги в широких кожаных штанах из мечерога, с длинными мускулистыми руками выставленными напоказ в дорогой тонкотканой безрукавке, со спиральным узором по вороту. — А в остальном?

— Да и в остальном, босс. Он слишком чистый и не воняет, — я сел и оглянулся по сторонам, пытаюсь понять, есть ли шанс выскочить из их круга. Похоже, для слабака, которого мне теперь нужно изображать, это невыполнимо. Пусть их и всего четверо.

— Странный дарс, — покачал головой Виргл, щуря черные глаза, будто смотря на солнце. — А ты что молчишь, Порто?

— Ты ошибся, босс. Это Леград, — признаться такого я не ожидал.

— Я ошибся? — Виргл неспешно обернулся к здоровяку и заложил большие пальцы рук за широкий ремень из кожи пересмешника.

— Да босс, — спокойно кивнул Порто, за что я был благодарен, хотя и не понимал причины его непокорства.

— Но ведь не дело мне ошибаться, иначе какой я босс? — вкрадчиво произнес Виргл. — Не слышу?

— Нет, босс! Вы всегда босс! — загомонили все одновременно.

— Нет, нет! Не уговаривайте меня! Я ошибся! Как же быть? — Виргл обвел взглядом окружающих подручных, мне оставалось только продолжать следить за представлением, неожиданные слова Порто не сбили его с колеи.

— Босс! Босс! — запрыгал, повизгивая Скирто, меня начало просто потряхивать, видя его ужимки. — Я знаю, босс!

— Скажи нам, Скирто, — счастливо улыбнулся Виргл. Ему, похоже, удовольствие доставляет это подлизывание и именование, презрительно подумал я, глядя на отвратительно выглядящие первые усики на его лице.

— Я думаю нужно исправить этого неправильного дарса, — поднял палец вверх крысеныш, оглашая свою гениальную выдумку.

— Уроды! — злобно выплюнул я, не в силах продолжать безропотно сидеть и пытаюсь, хоть так, выплеснуть свою ненависть.

— Босс, он еще и говорит! — восторженно завопил Скирто.

— Это тоже неправильно, — Виргл покачал головой изображая печаль и снова перевел взгляд на Порто. — Исправь это, Порто.

— Не могу босс, — развел руками здоровяк. — У нас разрыв три звезды. Я могу и убить его случайно.

— Хорошо, — процедил зло сощуривший глаза сын вождя, — убивать его и впрямь рановато. Но ты меня разочаровываешь Порто, похоже, тебе нужны будут дополнительные тренировки. Со мной. Скирто!

— Да, босс! — взвизгнул крысеныш и, подскочив ко мне, принялся бить ногами. А я, обхватив голову руками, мог только радоваться тому, что обувь у всех в деревне из тонкой кожи ящериц. Будь на них боевые сапоги, какие мама описывала у стражи в Арройо, боюсь, я бы серьезно пострадал. А так, ничего, терпимо. Больно только когда удар приходится по отбитой руке. Хорошая все таки идея была с закаливанием тела!

— Скирто, дарсы не разговаривают, — напомнил скотина Виргл, чьи ноги я видел буквально в шаге от себя.

— Ага, щас! — с одышкой ответил крысеныш, пытаюсь пробить защиту моих рук. Слабак, с презрением подумал я, каким чудом он получил четыре звезды, если уже задыхается. — На! На!

— Отброс, ты, конечно, можешь продолжать извиваться на песке, но я начал уставать. Убери руки и прими свою судьбу деревенского мусора. Прими удар самого слабого из нас. Иначе...Порто может и снова откажется, сегодня он видимо перегрелся на солнце, но Шиго с радостью ударит тебя вместо Скирто. И тогда ты действительно можешь умереть. Хочешь проверить, насколько ты удачлив? — а у меня сегодня выходит двойное испытание. Впрочем, кто тут мусор, как не те, кто толпой унижают слабого? По-прежнему слабого перед лицом силы Виргла. Но разрыв уже гораздо меньше. Я за пять месяцев прошел тот путь, на который у них ушли годы. Еще пара шагов и я обгоню их. Я уже начал подниматься на ту гору, что уведет меня из этой деревни, оставив здесь настоящий мусор. Всех их. И я опустил руки, принимая свое испытание и глядя в такие же серые, как у меня, глаза Скирто.

— Мусор, вонючий отброс, жирный дарс, — распалял себя все больше и больше крысеныш, обрушивая удары на мою голову и лицо и превращая пустошь вокруг в круговерть

цветных пятен, света и темноты. Я уже не понимал где кто находится, все вокруг словно расплылось.

— Довольно, а то ты сломаешь нашу игрушку, — наконец раздался веселый голос Виргла. — Осталось вернуть этого дарса в грязь, из которой он выполз. Порто, вперед. Или снова найдешь причину?

— Нет, босс, — без промедления раздался ломающийся бас здоровяка, а на меня хлынули вонючие помои. Их отвратительный запах так ударил в мою кружащуюся голову, что меня вырвало.

— Вот это другое дело! — довольно заявил Виргл. — Мусор ты меня слышишь? Последние пару месяцев ты бегаешь, по деревне, задрав нос. Мне не нравится что такой отброс как ты, пропахший дерьмом джейров, не выполняющий норму, презираемый охотниками, ходит по нашей деревне так, как будто она ему принадлежит. Я все-таки нашел время исправить это. Слушай сюда. Если я снова увижу, что ты поднимаешь глаза в деревне от земли, то ты будешь ее жрать. Мне нравится твой теперешний вид. Если я снова увижу тебя чистым в деревне, то опять окунув помои. Дорогая выделанная кожа слишком хороша для тебя. Верни старую рубаху из джута. И не вздумай штопать одежду, мусор должен быть одет в рвань. Запомни это. Ты понял меня, отброс?

— Понял, — еле выдавил я с кровью сквозь разбитые губы.

И остался на песке один.

Глава 6

- Что с твоим лицом? – мама одним быстрым, слитным движением не только сбросила с себя переноску, но и, непонятно как, расстегнула ремень.

- Разногласия с Вирглом по вопросу моего внешнего вида, - неожиданно лишившись ежевечернего ритуала помощи маме, я не знал, куда деть руки, как-то даже разговор начался не так, как я себе представлял. - Твой сын слишком хорош для этой дыры.

- И это правда! – мама осторожно коснулась моего лица прохладными пальцами. - Завтра я отправлюсь к Черной горе. Найду тебе свежую траву Восстановления тела.

- Не нужно, мама, - замахал я руками. - Оно и так слишком быстро заживает, мне придется прятаться пару дней от глаз его шайки.

- Быстро заживает? – удивилась мама и, зайдя со мной в дом, принялась внимательно разглядывать моё лицо при свете лампы. - То есть вот это? Это уже зажило? – ее голос задрожал.

- Хорошо, все хорошо, - я, крепко обняв маму, принялся ее утешать, рядом примостилась снова шмыгающая носом Лейла, которая тоже была напугана, когда я вернулся домой. - Я немного поиграл на нервах у крутого босса, вот и одно к одному. Я теперь буду вести себя так, как он хочет. И этого не повторится. Твой сын будет терпеливее, мама.

-И что он от тебя требует?

- Ничего нового, - я усмехнулся. - Быть деревенским мусором. Не поднимать глаз, быть грязным и оборванным. Радовать его своим видом каждый день.

- Прости сын, прости!- мама сжала меня так, что я охнул и она, опомнившись, ослабила объятья. - Моя вина перед тобой все копится и копится. Я даже не беспокоюсь как вы живете без меня, бросив дом и дочь на твои плечи!

- Мама, прекрати, - мне больно видеть ее такой, в этом нет ее вины.

- Сын, прости свою мать. Но этот торгаш, - мама прошипела, - отлично видит мою нужду, и дает мне даже не четверть цены. Еще два года! – она схватила меня за плечи и отстранила от себя, вглядываясь глазами полными боли. - Два долгих года я прошу тебя вытерпеть все испытания, что обрушит на тебя небо. Только тогда я смогу спасти вас и вернуть в Арройо!

- Мама, хватит!

- Мама, ты так говоришь, как будто на нас напали разбойники, - буркнула Лейла, недовольная, что лишилась объятий.

- Ах, родная, ты почти угадала, - покачала головой мама и принялась ее тискать. - Ничего, мама соберет молодые травы и посадит свой личный маленький огородик на южном крае Черной горы, там, где всегда солнышко. Через год, я соберу отличный урожай, не меньше чем у Кардо. Может хоть его хватит заткнуть жадную глотку торговца.

- Мама, - в волнении я почти кричал, схватив ее за руки, - но ведь скопление трав может привлечь Зверя! Одно дело просто обыскивать эти проклятые развалины, хотя и это опасно. А другое дело самой сделать все, чтобы позвать тварей на обед!

- Все будет хорошо, мама опытная бродяга пустошей! Ты хоть раз слышал, чтобы охранники у Кардо бились со Зверем? – попыталась меня успокоить мама, своей навязшей уже у меня на зубах присказкой, и обычной улыбкой.

- Хватит, - я был настроен решительно и решил применить подлый прием. - Ты рассказывала про свою юность и, там никогда не было и слова про охотников. Тебе хочется сгинуть в Черной горе и оставить нас одних с Кардо?

- Это подло, сын! – охнула мама, а в ее глаза засверкали искорки, превращая серое в сталь.

- Как иначе победить твоё упрямство с травами, наследством и деньгами? – я упрямо глядел ей в глаза, не

поддаваясь на жалость и не страшась ее гнева.

- Ты не понимаешь, как тяжело нам придется на новом месте! – снова начала мама тот же рассказ, что я уже слышал.

- Я понимаю, как тяжело нам придется без тебя! – Лейла только переводила глаза с мамы на меня и обратно, не смея вмешиваться в нашу почти ссору и не смея плакать. - Прекрати ходить на гору!

- Нет! – мама разрубила воздух перед собой рукой, - Я могу пообещать быть осторожнее, но пойми, без денег для нас ничего не изменится!

- Никакого огорода в этой проклятой башне! – ставлю я условие.

- Хорошо, договорились, сын мой, - с облегчением вздохнула мама и поскорее сменила тему, тоже ее любимый прием в спорах. - Вы вообще собираетесь кормить вашу маму?

- Встаем! Поднимаемся! Все на площадь. Быстрее, быстрее! – разбудил нас оглушительный крик над ухом.

- Пшел вон из дома! – закричала мама и, похоже, швырнула что-то, а вернее кого-то, в сторону двери, потому что раздался грохот, и циновка с входа слетела, сорванная темной фигурой. Лейла в испуге начала плакать, и я кинулся к ней.

- Дарсова баба! – заорали с улицы. - Приказ вождя! Все на площадь! Быстрее! Или я опять войду и выволоку тебя!

- Это ты, Паурит? Твою гнилую отрыжку трудно не узнать. Воспользовался шансом пощупать? - насмешливо крикнула мама в темноту, заставив меня заскрипеть зубами.

- Не умничай! – с обидой ответил тот же голос. - Я сказал, щас выволоку! И сделаю!

- Иди Миргло для начала выволоки, слабак! – продолжила насмехаться мама, пока я торопливо одевал впотьмах Лейлу.

- Не, мне она не по вкусу, - начал бахвалиться Паурит. - Я бабу люблю повернуть, а там скорее обходить нужно. Выходи и караван свой тащи. Или я вытащу.

- Если войдешь в дом, я тебе ноги сломаю, - пообещала мама.

- Вождю тоже? – насмешливо спросил новый голос с улицы. Ракот?

- Ждите, сейчас оденусь, и выйдем, - помолчав, ответила мама и прошипела под нос. - Уже в открытую называют Вождем, вонючий дарс!

- Да можешь и так выходить, а то я плохо в темноте рассмотрел! – радостно посоветовал, Паурит. Я запомню твоё имя, поклялся я себе.

Похоже, здесь собирают всю деревню. Нас подняли одними из первых и стоя на площадке, той самой с пробежки через которую начался мой путь Возвышения, в центре деревни, в лучах встающего алого солнца, мы слышали крики со всех сторон, а между домов мелькали фигуры, идущие к нам. Что же происходит?

- Дарсов выкормыш! Ди, я ведь столько раз говорила тебе быть осторожнее! – вдруг сердито прошептала мама.

Я оглянулся и действительно увидел выходящего на площадь дядю Ди. Даже в сероватом свете последних минут ночи было заметно, что он бледен, как побелка, а его загар выглядит как небрежно намазанная сверху на лицо грязь. В чем он был неосторожен? Неужели мама понимает что происходит?

- Ди, что у тебя? – негромко спросила мама, не глядя в его сторону.

- Мясо засолил, шесть тушек квыргала, - растеряно ответил дядя Ди, весь поникший, с опущенными плечами. - Удачно разрыл большой выводок.

- Удачно? – почти по слогам уточнила мама и припечатала. - Жадный дурак!

- Что делать, Эри? Что мне делать? – на дядю Ди было больно смотреть, он кажется, даже трусился мелкой дрожью.

- Молиться какому-нибудь богу, что ты был не один такой, идиот, в деревне, - припечатала шепотом мама. - Тогда наказание будет меньше.

- Что же делать, что делать? – дядя Ди все больше был похож на какую-нибудь молодуху, сжегшую ужин и теперь причитающую над угольками в ожидании мужа с тумачами.

- Ди, хватит труситься! Ты мужчина или нет? – возмутилась мама, наконец, подняв взгляд на него. - Ралио, дай ему пощечину, чтобы был не такой бледный, я боюсь не сдержать руку и сломать твоему мужу что-нибудь.

- Эри! – возмутился дядя Ди, а его жена только покачала головой и вздохнула.

- Что Эри? – мама тоже покачала головой, но в отличие от Ралио, со злостью, а не с сожалением. - Я тебе говорила не оставлять следов?

- Да Эри, - растеряно подтвердил дядя, Рат только кусал губы глядя на отца, который сам на себя был непохож.

- Теперь говорю, – отходите от нас и меньше показывайте, что продолжаете общаться с нами. Пожалуй, даже неплохо, что у тебя столько мяса оказалось, - задумчиво проговорила мама.

- Это еще почему? – совсем растерялся дядя Ди.

- Больше шансов, что поверят, будто ты перестал помогать нам, - мама без улыбки, внимательно оглядела его.

- Эри, прости! – дядя Ди резко сменил цвет лица с белого на красный. - Я помню, кому обязан жизнью!

- Потом поговорим, отходите, - и мама отвернулась от их семьи, обрывая разговор.

На площадь перестали выходить новые лица, видимо согнали всех. Только теперь появился Кардо. Огромный, больше похожий на буйвола, истории, про которых мне рассказывал отец. Охотники редко охотятся на них, предпочитая добычу мельче. И на это есть причина. Буйвола почти нельзя взять в стрелы, нужно подходить с копьем. Но не за эту сложность его не любят трогать. А за ум и мстительность. Если ты не убьешь буйвола, а лишь ранишь, то будь уверен, он будет следить за тобой, и нападет сам. Есть байка, что однажды он пришел за охотником в его дом и убил его там ночью. На буйвола охотятся, только если уверены, что

убьют здесь и сейчас, не дав ему бежать. Если лев или пересмешник не смогли убить буйвола, то меняют место охоты, предпочитая на несколько недель уйти с его глаз. Боюсь, Кардо похож на него не только снаружи. По виду он вообще не похож на главу деревни. Как всегда, он одет в простые тонкие кожи и зарос черной давно не стриженной бородой, как какой-нибудь охотник бобыль. Борода его резко отличалась от более светлых тёмно-коричневых длинных волос, свободно спускавшихся с его головы. Он оглядел разбившихся на кучки жителей и вскинул руку, привлекая внимание. Но рта раскрыть не успел.

- Какого дарса! Ты кто такой, сектантская отрыжка?! Пшел вон отсюда! – раздался дикий крик и, из дома Орикола буквально вылетело чье-то тело. Правда, без крыльев его полет закончился метрах в десяти от дверей, лишившейся циновки. Выскочивший следом хозяин дома огляделся и снова заорал. - Кардо, блевотина старая, это как понимать!

- Спокойно Орикол, произошло недоразумение, - наш глава скривился так, будто жевал протухший билтонг. - Никто не должен был тебя трогать. Мой человек проявил излишнюю прыть.

- И, по-твоему, я должен радостно попрыгать, услышав это, развернуться и уйти? – спокойно спросил бывший Воин, резко меняя тон.

- Что ты хочешь? – оглянувшись на жителей, уточнил Кардо.

- Наказания. Они у тебя совсем обнаглели от безнаказанности, - Орикол покачал пальцем, будто ругая малыша. - Я чую, недалек тот день, когда они начнут сильничать баб.

- Орикол, - натужно рассмеялся Кардо, - что за ерунду ты несешь? Мы все жители одной деревни.

- Да, да, - спокойно покивал бывший Воин и продолжил, не сдерживая голос. - В какой-то, затем сгоревшей, деревне я уже слышал подобные речи. Говорят, дом главы полыхнул первым.

- Хватит, - раздраженно рыкнул Кардо. - Я извиняюсь перед тобой! – и, шагнув к уже поднявшемуся на четвереньки

телу, схватил его за грудки и от всего сердца приложился несколько раз кулаком к его лицу, тот сразу обмяк. - Достаточно?

- Хм, - задумался Орикол, оглядывая небо с разгорающейся алой зарей. - Такая рань, а мне уже не уснуть. Еще раз.

- Скройся с моих глаз, недоносок, - Кардо с силой впечатал ногу в задницу провинившегося Ма, снова отправляя его в полет. Жаль это не Паурит, подумал я. Но он не настолько тупой, чтобы считать Орикола равным остальным жителям деревни и пытаться его силой вытащить из дома.

- Итак, что привело вас всех на площадь? – спросил Орикол, растирая помятое от сна лицо с длинной щетиной.

- Жители деревни! – отвернувшись от учителя, и игнорируя его вопрос, Кардо обвел нас рукою. - Волею неба и богов, наши предки оказались здесь, в центре нашей страны. Да, это скудное и суровое место. Но нам, хвала небесам, удастся достойно жить и растить наших детей, даже в этих песках, смешанных с прахом Древних. В чем же сила нашей деревни? В нашем единстве! В том, что мы трудимся и работаем сообща, плечом к плечу встречая все невзгоды! Так было раньше... С каждым днем, мне, главе нашей деревни, приходилось с болью смотреть, как вы все меньше думаете о своих товарищах и все больше только о себе. Мы становимся все слабее, наши склады пустеют, а караваны брезгуют заходить к нам. Я не могу больше этого терпеть, иначе, видит небо, наша деревня просто исчезнет в песках, как тысячи до нее. Сегодня я проверю, все ли жители деревни исполняют мои указы и не прикармливают ли они, наши общие скудные ресурсы, отбирая их у наших детей. Воины вперед!

- Какие воины, самодовольная отрывка, - тихо прошипела мама. - Стража позволена только пятизвездочным селениям!

- Разойдись! Ты сюда! – приближенные Кардо принялись разгонять нас по краям площадки, выстраивая как на сдаче экзамена, когда нужно чтобы было видно всем и было видно всех. - Вы трое на эту сторону!

А затем мы, молча наблюдали, как Ракот, Паурит и старик Газил обходили дома и тщательно обыскивали каждый, выкладывая перед хозяевами то, что они посчитали лишним или спрятанным. С каждой минутой людей, которые выглядели даже хуже, чем дядя Ди, становилось все больше. А я наглядно видел то, о чем давно говорила мама. Все жители деревни утаивали. Утаивали многое. Ах, совсем не потому, что мы бедны, перестали приходить к нам караваны. Если бы бродячие торговцы знали о личных запасах в нашей деревне, то давно слетелись бы как грифы на падаль. Перед всеми появлялось разнообразное мясо, а я переживал, что деревня голодает, и кучи шкур, зубов, рогов и копыт, но кое-кто красовался целой горой самых разнообразных вещей, которые можно было купить только у торговцев. Я с радостью увидел трясущегося Скирто, перед ним с матерью, отец Порто, Ракот, выкладывал травы. Огромный мешок трав. Верный подхалим Виргла обеспечил своей матери отличное местечко старшей у сборщиков травы на Черной горе. Видимо она решила, что ей этого мало, а Ракот не собирается ее прикрывать. А вот перед матерью Шиго пусто, хотя она почти в такой же ситуации, только ее место оплачено Кардо не сыном, а смертью мужа годы назад. Вообще, дядя Ди зря так боялся. С моего места видно, что мяса перед ним, пожалуй, меньше всех, а шкур и прочего и вовсе нет. Это у второго-то, как бы его не принижал Кардо, охотника деревни! Все же советы мамы ему изрядно помогли в этой беде. Но едва я растянул губы в усмешке, как моё сердце пропустило удар. Перед нами упала шкура, а на нее лег какой-то невзрачный полу засохший кустик. Перед нами стоял Паурит. Сейчас я отчетливо видел гадкую усмешку на его губах, жирно блестящую бородку с застрявшими в ней крошками, давно немытые жидкие волосенки, которые торчали во все стороны. А главное, блестящие маленькие черные глазки которые просто горели какой-то непонятной мне эмоцией.

- Тварь, - тихо выдохнула мама одними губами.

- Тихо, тихо, - Паурит делал невозможное, его улыбка стала еще гаже, меня от нее буквально выворачивало, он тоже почти шептал. - В следующий раз будешь понежнее, а то мужик к ней с лаской, а она его кулаком, стерва. Ты, баба, будь

помягче и жизнь твоя будет проще. А то отвыкла, отвыкла, то уже от мужика.

Паурит, час назад я клялся, что не забуду твоё имя. Оно мне не нужно. Видит небо, нам двоим тесно под ним. Ты умрешь, иначе ненависть разорвет мне сердце. Мне нет дела до твоих звезд, как и до того, что ты взрослый, опытный охотник. Ты привык бояться Зверей, которые ищут силы. А нужно будет бояться меня. Я ведь тоже ее ищу. Я вытащил из мешочка камень и, сжав его в кулаке до боли, заставил себя опустить глаза в песок, чтобы он не увидел в них мою ненависть и свою смерть. Клянусь, ты умрешь и бесследно пропадешь в песках, а твоё имя исчезнет под этим небом. Дальнейшее проходило мимо меня. Я плохо слышал, что там вещает наш самопровозглашенный вождь. Что-то об ответственности и наказании. Но потом он от слов перешел к делу. Определялся виновный в семье и Кардо назначал ему плети. Это я пропустить не смог. Маме он назначил пять плетей. Столько же, сколько и Кари за мешок травы. Люди на площади кричали, умоляли. Но мама лишь гордо молчала и не пыталась сказать даже слова о том, что траву ей подкинули. Молчал и я, лишь что-то кричала Лейла, но ее схватила и прижала к себе Ралио, заслужив мою благодарность. Сам я не способен был сейчас позаботиться о сестре.

Я сжимал кулаки и глядел, как тощий Котил снимает с пояса плеть. Он единственный в деревне имел ее, как погонщик нашего маленького стада домашних джейров и единственный умел ею работать. И нет. Ему я мстить не буду. Мне хорошо видны его трясущиеся руки и пот, заливающий выбритое с вечера лицо. Для него работа палачом и есть наказание, даже более сильное, чем его жертвам. Мне не за что его винить. За отсутствие силы восстать против произвола главы? Силы нет ни у кого в деревне. В том числе и у меня. Ненавидеть всех? Я и так ненавижу всех этих мужчин, которые опускают глаза или бледнеют как дядя Ди. Всех, неспособных даже словом возмутиться тому, что происходит на площади. Я ненавижу и себя, за то, что не могу защитить любимого человека.

- Леград, - окликнули меня сзади, но стоило мне повернуться и увидеть Шигу, как тот ударом в лицо сбил меня

с ног, а затем наступил на голову, вдавливая ее в песок, - босс велел напомнить, чтобы ты не поднимал глаз от земли. Запомни желание босса, отброс!

Унижения нашей семьи в это утро не знали конца. Наказание своей матери мне пришлось смотреть лежа на песке, окрашивая его кровью из своей руки. Шиго не поднял ногу с моей головы, пока не просвистел последний удар.

Глава 7

Солнце жарит просто немилосердно, середина сухого сезона, а в этих руинах негде спрятаться от него, пока оно стоит так высоко. Разве что лечь навзничь в совсем короткую тень у стены. Обычно жители деревни не носят на голове ничего, только некоторые охотники уходя далеко в пустоши иногда обматывают лицо платком от пыли. Но те же караванщики покрывают схожим, только более длинными не только лицо, но и голову. Да и я других селениях видел, что носят даже особые шляпы из рафии. Пожалуй, мне бы тоже нужно о чем-то подобном подумать. Возможно дело привычки, но я просто чувствую как мои мозги варятся на солнце и скоро закипят и выплеснутся через уши. Может быть Тукто и легче переносить этот палящий зной, но с моим более темным волосом это настоящее испытание. А ведь у дяди Ди он вообще черный!

— Эй, Тукто! — окликнул я, наконец, появившегося внизу пацана. Тот было закрутил светлой, почти белой, как у всех в его семье, головой, но все же, сумел заметить меня.

— Вот это ты забрался, — он в восхищении покачал головой, прищелкнув языком.

— К делу, — кратко ответил я, в последний раз оглядываясь над выступом стены на виднеющуюся вдали деревню. Никого нет в этих раскаленных руинах. И это отлично.

— Как скажешь, Леград, вот корни, — он бросил под ноги сначала большой, затем маленький мешочек, — вот красная сыромять. Твоя очередь.

— Хорошо, — я показал пальцем, чтобы он не ошибся. — Обернись влево. Видишь второй этаж, треугольное окно?

— Вижу, — кивнул Тукто, бросив короткий взгляд на нужное окно и снова повернувшись ко мне.

— Тебе туда, — я снова ткнул пальцем. — Лезь.

— Я надеюсь, ты не задумал такую глупость как обман? — недоверчиво нахмурился Тукто, пытаясь сделать во мне дырку взглядом голубых глаз. Они сейчас особенно выделяются на темном загорелом лице, покрытом пылью. Сам я наверняка выгляжу не лучше, разве что глаза серые, как у мамы.

— Нет, лезь, давай, — буркнул я, начиная спускаться. Слишком он разговорчивый стал, с утра таких вопросов не было.

Последний месяц, после экзекуции, я начал понимать, что такое по-настоящему голодать. Забудьте моё старое нытье о житье впроголодь. Только теперь я понял, что такое хотеть жрать. Постоянно, с самого утра и до ночи, когда ворочаешься на шкурах, пытаюсь уснуть под сосущее чувство в животе. Забудьте о подкормке от дяди Ди, только паек от деревни за общинные работы. Но даже полив две нормы на огородах, я едва получал половину старой порции мясного корня или, что вообще выглядело насмешкой, тыквы. Тыквы! Это вообще почти трава годная лишь на то, чтобы набив живот заглушить голод. Ее бывает неплохо добавить в мясную похлебку. Но получить от пустой тыквенной болтушки силы на целый рабочий день или вырасти? Где хотя бы сладкое зерно или семена драконьей травы? То же самое касалось и мамы. Лейла так и вообще, если это была смена Скирто или Шиго, оставалась без еды. Они легко находили, за что лишить пайки мелкую девчонку, которую уже шатало ветром.

Вчера я подсмотрел, как мама сдавала с утра лепешки и ругалась с Кари и Ракотом. Снова тыква. Мне показалось, что еще слово, и она кинется на Ракота и примется бить его. Судя по тому, как подался назад Ракот, так показалось не только мне. Нужно было как-то выкручиваться. От отчаяния я был готов взяться за ловлю мелких ящериц и кузнечиков, которых было полно вокруг деревни. Останавливало меня только воспоминание о рассказах отца. Это бесполезно, потому что на ловлю такой скудной добычи уходит сил больше, чем получишь съев их. Кроме как взяться за добычу настоящего мяса в голову ничего не приходило.

Я стал опасаться, что Виргл надумает снять меня с камня, но, похоже, само небо приглядывало за мной. Наоборот, меня вообще перестали ставить на другие работы. Исчезла помощь

кожевнику, складу, пастуху, просушка трав и дерьма джейров, вылавливание скудных рыбешек, которые были настолько глупы, что рискнули появиться в нашей реке, я не мел площадь и не толлок мел, не полировал рога, не мазал глиной стены и не поправлял крыши. Я не получал ни одной из десятков работ по деревне. Меня не брали в поход за камышом, рогозом или драконьей травой. Только ведра и камень.

Возможно, Виргл хотел вымотать меня одиночеством и тяжелой работой. Но я уже был в состоянии полить весь огород сам и не устать. Если конечно накануне ел хоть что-то. И у меня была моя семья. Мой нежный светлый цветочек — Лейла. Так что объявление, — «На камень!» — я воспринимал как подарок. Я буквально допрашивал Рата, который знал многое о своей мечте, когда попадал вместе с ним на работы. Я вспоминал все истории, что слышал от отца и дяди Ди. Я донимал обессиленную маму своими вопросами. И все это в поисках крупиц знаний о пустоши и об охоте. Увидеть самого дядю Ди было почти невозможно. Ни один охотник, получивший плетей, больше не оставался один. Они группой, в которой был доверенный Кардо, с утра уходили в пустыню. Группой они возвращались ближе к темноте. В ближайшие месяцы никто не пронесет в деревню неучтенный кусок мяса. Так что получить наставника мне не суждено.

Следующим этапом моего плана стало создание оружия. Тут очень пригодился тот шип, который я нашел у моста. Да, он был каменный и им, нельзя было резать, ведь у него не было острых боковых граней. Но зато он был прочнее, чем любой железный охотничий нож в деревне и его кончик сужался до невероятной игольчатой остроты. Эта длинная каменная игла была создана, чтобы превратиться в моё первое боевое оружие. Так я пришел к сделке с Тукто. Если Ракота я ненавидел лишь чуть меньше, чем Кардо, Паурита, Виргла, Скирто и Шиго, то к Порто я был равнодушен. Да, я помнил помои, но помнил и его отказ называть меня дарсом и на равных участвовать в той забаве. А с его братом вообще было легко иметь дело. Он чувствовал за спиной поддержку старшего и был нагловат в разговорах со старшими. Но никогда не использовал его имя, не обижал мелких и не задира л нос. Поэтому у меня была надежда, что, будучи

связан со мной общим делом, он не станет выдавать меня из-за пустяка. Сегодня была первая, достаточно безобидная для меня проверка.

Я хотел чуть подкормить сестру с мамой и достать ремни для рукояти своего будущего оружия. Я не верил, что верный друг детства Кардо живет, как остальные в деревне, впроголодь. И знал, что Тукто достаточно умеет шевелить языком, чтобы заболтать дурака Ма и достаточно умен, чтобы не лезть к жадному Газилу, о чем я ему прямо и сказал. Осталось придумать, чем я куплю его помощь. Вряд ли здесь подойдет камень как для Рата. К счастью, на верхних необследованных этажах руин я находил не только их. На вершине Черной горы выют гнезда огромные птицы хищники. Добыть такую считается в нашей деревне большой удачей. У нее есть даже имя, пусть совсем простое Раух, а не обычное для пустыни Дробитель костей, Красный иглистый волк и прочее, как обычно, именуют зверей добравшихся до силы. Имя она заслужила за то, что кости ее по прочности превосходят любой простой металл, хотя она даже не Зверь обретший силу и тем более не Монстр, и полностью уходят в дело, превращаясь в инструмент и оружие. Говорят, они так прочны потому, что она может питаться камнями руин Древних. И в доказательство своих слов рассказывают, что в желудках добытых птиц были целые пригоршни мелких камней. Их добывают из засады на приманку. Никто и никогда не находил просто мертвого Рауха. Я стал первым.

Не знаю, что с ним случилось. Пришла старость, враг или неожиданная болезнь. Важно то, что умер этот Раух не там, где лежат все кости мертвых его племени. А на самой верхотуре одинокой руины, что торчит как палец, направленный в небо, на три часа ходу от деревни вниз по течению. Он лежал там, на солнце долгие годы, оставив после себя только костяк, обтянутый кое-где остатками кожи. И он ждал меня. Иногда, когда я начинаю задумываться о своей жизни, я начинаю видеть вокруг себя испытания и награды небес. Возможно, мне нужно меньше читать трактаты мудрецов, которые рады были раньше всучить маме торговцы за полновесное серебро. Возможно. Но эти кости никто не мог найти кроме меня, достаточно сильного, чтобы забраться по отвесной стене на такую высоту, достаточно ловкого, чтобы пройти по узкому

гребню и при этом еще совсем неширокого в плечах, чтобы протиснуться в лаз на последнюю площадку. Поневоле начнешь задумываться о странном.

Именно эти кости сейчас, восторженно вопя, пытается сломать Тукто, пока я торопливо пережевываю корень и проверяю содержимое малого мешочка. То, что нужно. Куски обработанной сыромятной кожи красной антилопы всевозможных размеров. Сложно точно понять для чего она мне. Мне достаточно соврать о замене шнуровки на мокасынах, починке креплений циновки и прочего. Мало ли для чего в хозяйстве пригодится кожа.

— Эгей, — передо мной свалился костяк птицы, ну как-то так и я ее спускал, экономя силы. — Отличная сделка! Он гораздо больше, чем я ожидал. Не жалеешь что продешевил? Столько костей за такую мелочь?

— Ничуть, главное чтобы Виргл не узнал, больше я ни о чем жалеть не буду, — снова прямо сказал я то же самое, что и утром. Лучше на первой сделке узнать, что он не держит язык за зубами. Возможно, в будущем мне понадобятся более серьезные вещи. — Он будет рад поводу снова повалить меня в песок.

— Да, — посмурнел Тукто, резко перестав веселиться. — Боюсь, если бы не брат, мне бы тоже пришлось худо.

— И отец, — напомнил я ему, с интересом глядя на него, к чему он ведет?

— Да, и отец, — пацан помялся и продолжил.- Мне жаль, что так вышло с матерью.

— Ты о чем? — я отмахнулся от его сочувствия. — Многие были наказаны в тот день.

— Я видел, что Паурит ничего не вынес из вашего дома.

— Что?! И ты.... — и тут я замолчал, внезапно поняв в деталях то, что произошло и то, что он видел. Это было как вспышка, мгновенное озарение.

Наш дом крайний, правильнее было бы начать осмотр с него, но Паурит медлил, они уже обошли половину домов деревни, когда он принялся за него. Чего он ждал? Он ждал

удобного случая, когда в каком-нибудь доме найдут то, что можно легко подкинуть другому человеку. Изначально он возможно и не планировал делать ничего такого. Но мама изрядно задела его гордость, дав ему по рукам. А что происходило перед моими глазами? Ракот принес травы Кари. Огромную кучу трав, из которых незаметно нужно взять всего одну. И Тукто видел не только пустые руки Паурита, но и то у кого он взял эту проклятую траву. Могу ли я требовать, чтобы этот пацан обвинял своего отца перед всей деревней? Чудо что он вообще сожалеет хоть о чем-то и заговорил об этом. Все же они с братом не в отца, несмотря на вылитую в него внешность. Я глядел в голубые, как у Ракота глаза. Избить его за унижения матери? Он то здесь при чем? Упасть в своих глазах и стать похожим на Виргла? Никогда!

— Я понял Тукто, я понял. Ты хороший парень. Мне тоже жаль, — я ритуально закончил, перебивая его, когда он открыл рот, чтобы что-то сказать. Будто один из нас странствующий торговец, подводящий итог торгу. Я не хотел сейчас говорить, мне нужно побыть одному. — Хорошая мена!

— Хорошая мена, — ответил пацан, не отводя от меня грустных выцветших в едва уловимую синь глаз.

Я уходил не оглядываясь. Мне почему-то казалось, что он так и стоит на месте, смотря мне в спину. Наверное, тяжело видеть, как на твоих глазах, отец совершает подлость. Мне кажется, Тукто никогда не будет считаться приближенным нового вождя. И конечно не расскажет о нашей сделке. Мне нечего сейчас сказать Тукто. Я не хочу кричать о несбыточной справедливости и ронять пустые слова. Никто за нас не заступится. Я выбрал для себя путь стать сильнее и вырваться из этой пустоши. А перед этим самому отомстить за свои обиды. Через год Тукто начнет свой путь Возвышения. Я могу только дать ему пару советов в будущем, чтобы увеличить его шансы и отплатить за правду и неподдельное сочувствие в голубых глазах, в которых нет холодного презрения его отца. Ведь мой талант оказался совсем неплох, как и выбранный путь Возвышения. Путь, на котором, оказывается, есть не только три Преграды.

С тех пор как я увидел беспричинное унижение мамы, мне стало труднее заниматься развитием меридианов. Наверное,

во мне слишком много ненависти. Странно. Я всегда считал, что очень отходчив на обиды. Даже получая тумачи от Виргла, я кипел гневом день, два, а затем мне уже было сложно вызвать в себе такие же яркие чувства, как момент унижения. Я затухал, словно фитиль без масла. Но теперь все иначе. Даже в тысячный раз, поднимаясь с ведрами и, привычно представляя, как в меня втягиваются синие нити, как ярко пульсируют мои меридианы в такт ударам сердца, я вдруг ловил себя на том, что не помню, как из головы исчезли эти образы. А вместо них раздается свист плети, и снова болит щека от песка. Так было раньше. Но сегодня я понял, что моя ненависть, нет, не утихает, а преобразуется во что-то другое, даже более сильное, четкое, яркое. Мои воспоминания, пропитанные ненавистью ко всему поселку и отдельным именам, словно сжимались в один острый клинок, направленный сейчас лишь на одно лицо. Я бы назвал это предвкушением крови. И оно совсем не мешало моему Возвышению, а словно подталкивало его.

«Паурит, ты бы видел, какой отличный кинжал я собираюсь сделать!», — разговаривал я сам с собой от переполняющей меня радости и ярости. Мой отец был хорошим кузнецом. Пусть я молокосос, который ничему не успел научиться, но здесь невелика работа. От отца остались рецепты и инструменты, но они без практики и учителя почти бесполезны. Почти. Даже простое чтение рассказало мне про виды кинжалов, мечей и копий. В моем воображении, я вижу, во что может превратиться эта каменная игла. В отличный четырехгранный кинжал рондель. Я стащил у тощего Котила из пристройки у загона два отличных обрезка копыт, что поделать, видимо родители отца в чем-то правы, я сын своей матери, и теперь терпеливо, по чуть-чуть делал в них отверстия. В итоге в будущем навершие кинжала отверстие оказалось слегка великовато, но это не страшно. Насадив роговые пластины, я затем плотно обмотал рукоять между ними тонким ремешком, а после добавил более толстые куски на тупой конец, фиксируя навершие, и под эфес. Теперь полдня на солнце и высохшая кожа зажмет копыта намертво на каменной игле. Конечно, я с сомнением оглядел свою кривую поделку, кинжал вышел, совсем непохож на тот идеал,

что горел в моем воображении, но забрать жизнь у Паурита он сумеет.

«Подожди-подожди», — осадил я сам себя. Ведь все начиналось с желания добыть мяса самостоятельно. Как все это за минувшие два дня незаметно для меня превратилось в кинжал для Паурита? Станные и пугающие ощущения. Будто та моя жажда крови обрела жизнь и стала существовать отдельно, влияя на мои поступки. Пусть так, решительно потряхнул я головой, снова разговаривая сам с собой. Одно другому не мешает. Чтобы самому добыть какую-нибудь большую ящерицу или квыргала, нужно внимательно проследить, куда уходят охотничьи команды из деревни, чтобы пойти в другую сторону. Хорошо, что теперь нет одиночек, которые бродят туда-сюда и тоже охотятся на мелочь в ближайшей округе. Только команды, только далекие походы на крупных животных. Джейры по-прежнему под запретом, коз я вряд ли найду, поэтому беда ждет их старших родственников. Ведь с них можно получить не только мясо, но и ценные рога, копыта, я с любовью потрогал свой кинжал, и шкуры. Охотники сейчас добывают голубую и красную антилопу, мечерога и большого бородача. И не только. Не только. Ведь жадность Кардо так велика, а деревня так напугана, что охотники уже два раза ходили на ночного пересмешника. Стайный хищник с вонючим мясом, но очень ценной шкурой, когтями, зубами и сердцем. Глупцы, ищущие смерти, ведь именно среди хищников чаще всего встречаются Звери. Те, кто встал на путь Возвышения, схожий с человеческим. Но это не важно, это их выбор. А важно то, что если Паурит окажется в такой команде на пересмешника, то у меня будут все шансы осуществить свою месть. То, что я слышал вечером у костров, где обрабатывали шкуры, вселяет в меня надежду на это. Виргл, надеюсь, ты решишь сгноить меня на камнях. Пожалуй, я взвесил мешок с мясным корнем, ближайшую неделю я даже половину нормы не буду сдавать, порадую тебя, что твой план осуществляется. Ведь ты и знать и не знаешь, что теперь планы строю я.

Глава 8

Жирные дарсы! Как так сложились звезды на небе, что вы сейчас все собрались здесь, а не занимаетесь своими делами. Вартус! Ведь не прошло еще и часа, как я вымаливал у тебя хоть кусок мясного корня, за едва набранную за два дня норму камней. Я ведь специально выбрал это время, когда долгий день близится к вечеру, но еще остается часа два до обычного окончания работ и возвращения охотников. Как так получилось, что вы все вернулись раньше и кто остался вместо вас на приемке? Вчера меня снова охватило то странное чувство, когда ты поднимаешь привычную вещь и вдруг понимаешь, что тебе стало странно ей пользоваться. Ты начинаешь прислушиваться к себе и понимаешь, что она стала немного легче и словно сама летает, едва касаясь твое руки. Прорыв на звезду, когда твоя сила скачком увеличивается.

Я спрашивал у мамы, и она не смогла вспомнить, чтобы у нее бывали такие ощущения. Я для себя решил, что это связано с моей скоростью возвышения. Сила мамы поднималась постепенно и не спеша. А я двигаюсь гораздо быстрее ее. Мое тело просто не успевает привыкнуть к увеличившейся силе. Так было и с предыдущими ступенями. Но с этой вышло еще нагляднее. Ненависть похоже остановила мое Возвышение, а создание кинжала словно прорвало плотину. В эти десять дней мне иногда казалось, что еще чуть-чуть, и я увижу движение силы в своем теле.

Стоило мне начать представлять нити энергии вокруг своего тела, как на краю взгляда я замечал их сияние и просто в воздухе. Мои тренировки воображения, когда я мысленно рисовал цветную энергию на облаках, птицах, людях и просто окружающих предметах привели к тому, что я в такие моменты просто терялся, не понимая реальность это или мои домыслы. А в этот треклятый сарайчик я снова залез для того, чтобы точно подтвердить свои догадки. Я считал, что перешел на шестую звезду. Отмеченная печатью гиря из камня, который просто негде добыть в наших руинах, подтвердила мой уровень. Но что делать теперь?

Я огляделся. С прошлого моего посещения здесь стало еще меньше гирь. Пожалуй, если их переложить... Вернее, если переложить те, что мне под силу поднять, то можно соорудить у дальней стены нишу. И в ней уже переждать до ночи. Главное сделать все тихо и надеяться, что никто не обратит внимания на то, что внутри все стало сложено по-другому. И я лихорадочно, прислушиваясь, замирая при каждом крике с площадки, постоянно посматривая в щель наружу, принялся таскать все, что имело меньше семи звезд на своем боку. У меня все получилось. Никто меня не услышал, да и тайник получился на загляденье. В углу я обнаружил еще пару щелей, некому, некому гонять учеников с глиной и побелкой, и сложил нишу именно там. Теперь, с удобством, спасибо закалке тела, лежа на гирях, я наблюдал за вечерней тренировкой всей компании.

— Сегодня я подниму шести звёздную гирю восемь раз! — Шиго горделиво поднял вверх руки.

— Да ты ее уже месяц пытаешься поднять, — отмахнулся Порто, вытирающий пот куском замши на скамье.

— Нет! — помахал пальцем Шиго. — Я прямо ощущаю как мои руки стали сильнее! Сегодня я уверен в себе! Гляди!

Шиго поерзал, удобнее ухватывая ручки гири, и с утробным рыком стал поднимать ее, громко считая.

— Раз! Два! Три! Четыре! Пяять! Шееесть! Семь! Аааа! Восемь! — бросив гирю, от чего она с гулким ухом упала, взметая песок, Шиго победно воздел руки и принялся орать. — Да! Да! Я сделал это! Сегодня я ставлю себе следующую вершину! Я повторю это еще четыре раз!

Странно. Неужели это так тяжело? Я же только что поднимал эти же двести килограмм, да и вообще переложил с места на место добрых два десятка здоровых гирь, и не заметил сильной усталости. Да и мама иногда, когда находит, забивает переноску камнями для меня. Вместе с обычным грузом у нее иногда выходит тот максимум, который она способна поднять. Нужно ли говорить что и ее норма лепешек больше, чем у остальных? И так она идет несколько часов. Я заколебался. Все же я принял решение как можно меньше касаться тяжестей, а не уподобляться этим орущим

здоровякам. И здесь я появился только для проверки. И уже успел и так хорошо прикоснуться к гилям.

«Хорошо! — решил я. — Один раз можно себе позволить, чтобы выяснить свои пределы.» Я, проверив, что никто и не думает приближаться к сараю, скользнул через щель под крышей к входу. Двенадцать. Я поднял ее двенадцать раз и не почувствовал особой усталости. Прекратив лишь из-за беспокойства быть обнаруженным. Снова оглядевшись через щель в двери я, с сомнением, посмотрел на следующую гирю, но все же ухватился за шершавые ручки. Семь звезд я смог шевельнуть и возможно даже на несколько волосков оторвать от земли. Но не более. Снова устраиваясь в каменной нише, я обдумывал эти странности.

— Да че ты как девчонка? Тебе не надоело возиться с этой мелочью? — надрывался на площадке Шиго. — Ты бы еще двойки взял!

— Экзаменационных гирь на две звезды не существует, — спокойно ответил Порто, все еще сидящий на скамье и заново стягивающий волосы в простой хвост.

— О боги! Ты меня прекрасно понял! — закатил глаза Шиго.

— Я хочу попробовать свою удачу с семеркой, — сказав это, Порто встал, почти оттолкнув стоявшего вплотную Шиго.

— Ого! Так вот что ты задумал, — Шиго похлопал в ладоши вслед Порто, не обратив внимания на его грубость. — Давай, давай!

— Эти слова звучат гордо, — услышал я ненавидимый голос Виргла, к сожалению, та часть площадки, где он был, мне была почти не видна. — Неужели ты присоединишься ко мне, став второй семеркой?

Порто молча остановился у каменной тумбы. Вдохнул, выдохнул и ухватился за ручки. В таком согнутом положении он и замер на несколько секунд. А затем, странно поерзав ногами и руками, с громким рыком, начал разгибаться, поднимая гирю. Не сумев полностью разогнуться, он замер,

продолжая рычать, а затем гирия вырвалась из его разжавшихся рук и упала, едва не расплющив ему ноги.

— Неудача, — презрительно рассмеялся Вартус.

— Сегодня уже лучше, осталось немного, — спокойно ответил Порто, снова мокрый от пота, громко и часто дыша.

— Босс, а ты сегодня чего не тренируешься? — неугомонно продолжил Шиго, я и не замечал, что он такой балабол.

— Ждал ваших результатов. Слабовато. Я думал увидеть большее, — наконец появился в пределах моей щели Виргл. Он даже здесь не снимает дорогой рубахи, совсем не собираясь ее жалеть. А все остальные, между прочим, либо в грубой коже, либо вообще голые по пояс.

— Особо нет времени тренироваться, — о чем это Ларг? Он по полдня сидит на присмотре, ни дарса не делает, только спит. Тренируйся — не хочу! Или для них тренировки это вот эти гири и все? Но, я улыбнулся, про то, что их главарь старше их на год, не сказал ни слова. Бриться боссу уже пора. Эта поросль на его губах выглядит просто мерзко!

— Я занят делами деревни даже больше вас, — пожал плечами Виргл. — Но мои успехи больше. Вы просто плохо работаете.

— Дайте совет, босс! — подскочил Вартус, что при его росте, равном Вирглу, смотрелось смешно. — Как стать таким же сильным?

— Когда вы тренируетесь, то представляйте, как становитесь сильнее. Каждый раз, когда вы поднимаете гирию, представляйте, как становитесь еще чуть сильнее. Как будто каждое поднятие гири поднимает вас к звезде! — что он мелет? Я был ошеломлен услышанным. Где в наставлении о закалке меридианов он видел что-то хоть чуть похожее?

— Покажите босс! — начал заглядывать в глаза главарю своей шайки Скирто.

— БОСС! БОСС! БОСС! — принялся орать Шиго, хлопая в ладоши с такой силой, что хвост волос, стянутых на его затылке, подпрыгивал и стегал его по спине с каждым ударом.

Виргл, улыбаясь, ленивой неспешной походкой стал приближаться к гире, которую не поднял Порто. Но взяться за нее не успел. В голову орущего Шиго влетел, разлетевшись вдребезги, кувшин. Крик словно обрезало, как мою веревку тогда на реке. Раз! И Шиго лежит на песке, а вокруг толстые черепки красной глины. Все на площадке замерли в недоумении.

— Да вы задрали орать. У меня от таких криков начинают болеть зубы. Я решил со сна, будто сектанты опять орут воззвания своему богу. А это всего лишь грязные молокососы нашли себе такого же грязного кумира. Даже не пойму без вина, что мне кажется более мерзким, — услышал я недовольный и хриплый голос Орикола.

— Учитель? — это Ларг, который до этого не проронил ни слова на своей скамье.

— Ты слабоумный? Кого ты ожидал увидеть, лентяй?

Откинув циновку, в дверях появился Орикол. Он что кувшин в окно кинул? Обычно же у него дом наглухо закупорен, как перед бурей? Он оглядел площадку, ударил себя ладонью по лбу и вдруг начал безумно орать, словно буйвол, затем сорвался с места и принялся носиться по площадке, с каждым словом отвешивая пинок или затрещину всем, кто на ней находился. А я прильнул к своей смотровой щели, пытаюсь не упустить ни одного удара, которые грели мою душу.

— Тупые молокососы! Отбросы, которым нужно лишь прочитать одну! Одну! Одну книгу! И делать то, что написано в ней! Впитывать энергию мира! Впитывать! Энергию! Где? Где, уроды? Где в ней написано, что нужно рвать задницу и поднимать эти дарсовы гири? Какие гири, скоты! У древних вообще не было гирь! Не было, вонючие уроды! А они даже не замечали этапа закалки! Они оставили тысячи наставлений о других этапах. А о закалке всего одно! Одно! Которое вы не можете выполнить! Тупые джейры! Я сорок раз! Я сто раз запрещал вам выносить эти дарсовы гири на площадку! Они для экзамена! Тупые ублюдки, гири не нужны для закалки меридианов! Для закалки нужна воля и голова! Верьте и представляйте! Уроды! Тупые уроды!

Орикол внезапно успокоился и почти упал на скамейку, с которой недавно могучим ударом сбил Ларга. Был он все в той же тканой рубашке, что и всегда, грязной настолько, что с трудом угадывался ее родной светлый оттенок, с распушенной шнуровкой в которую было видно волосатую грудь. И в, резко отличающихся от когда-то дорогой рубахи, грубых кожаных штанах, которые обычно надевали на грязные работы. Впрочем, они тоже выглядели так, словно он ею и занимался. Он с тоской оглядел опустевшую площадку, на которой остался лишь пытающийся встать Шиго, и поднял глаза к небу.

— Неужели я все еще не выплатил цену своей глупости? Как? Как мне с такими учениками уехать отсюда? О, небеса, как мне не пить с горя, видя таких пустоголовых учеников? А ну встали передо мной! — он обвел взглядом съежившихся парней, ставших перед ним по рангу силы, лишь жавшийся к Вирглу крысеныш выделился. — Что нужно делать для закалки? Молчите? Шиго!

— Ээээ, — заблеял почти как джейр тот, чей мокасин еще недавно жег мою щеку в воспоминаниях, держась за голову, — Впитывать энергию мира.

— Я поражен тем, что ты все-таки это выучил, тупой уродец. Ты сегодня представлял, как она вливается в тебя? — Орикол встал и упер палец в грудь собеседнику.

— Да! — закивал черноволосой головой Шиго, ради этого опустивший руки, но тут же улетел спиной вперед от тычка простым пальцем.

— Врешь, хоть и пьющему, но учителю. Ты сегодня думал только о гирях и, возможно, девках, — покачал головой сам названный учитель и шагнул в сторону. — Порто, а ты представлял?

— Я старался, но видеть невидимое не для меня, — спокойно сказал Порто.

— Плохо, но твои старания хотя бы видны, и всегда есть надежда, особенно если ты бросишь таскать эти гири, — Орикол остановился напротив Ларга. — Что можешь сказать мне ты?

— Я словно кувшин, в который она вливается, — твердо ответил самый большой лентяй поселка. Так он все-таки не спит целыми днями?

— Хм, я удивлен, но ты не врешь, — Орикол убрал палец и перешел к следующему. — Вартус, что можешь сказать мне ты?

— Это все глупости, ваше воображение энергии. Я верю только в силу кулака. Картинки не помогут мне в пустоши, — нагло заявил прямо в глаза бывшему Воину высокий, мускулистый почти черный от загара парень.

— Наглый, самодовольный квыргал, который спит в своей норе и не знает, как велики разноцветные пустоши за ее пределами, — покачал головой Орикол и вдруг быстрым, почти неуловимым движением, пнул парня в грудь. Отчего тот улетел почти в конец площадки и теперь лежал и, царапая голую грудь, пытался сделать вдох. — Мне редко приходилось видеть таких тупых квыргалов. Попробуй поверить в силу моего кулака, полученную глупостями. А ты? Признаюсь, я считал, что в этом поселке у тебя самые большие шансы на достижение пика.

— Простите, учитель! Я строго следую наставлению по закалке. Но уже несколько лет я не вижу ни малейшего прогресса в Возвышении, — стоящий перед Ориколом парень склонился в вежливом поклоне, сцепив руки. — Боюсь, мое тело страдает от третьей преграды и недостойный никогда не сможет оправдать надежд своего учителя. Я упал едва взлетев.

Это Рикто. Самый взрослый из парней нашей деревни. Еще полгода и он будет считаться взрослым. Я знаю, что он в шайке Виргла, но редко вижу его с ними. Худой, я бы сказал очень худой, жилистый, всего пять звезд, что в его возрасте делает его чудовищно слабым. Странно, но я слышу, что не только поклон, но и слова его полны уважения к Ориколу. Уважения, которого я не видел ни у одного другого жителя деревни. И его речь гораздо плавнее и богаче, чему у остальных парней. Пожалуй, с удивлением подумал я, подобных оборотов я, кроме нашей семьи, и не слышал больше нигде в деревне.

— Я никогда и подумать не мог, что окажусь в роли учителя. И не пытался следовать этому нелегкому пути. Я, старый пьяница, плывущий по течению, не заслуживаю от тебя такого именованья, — со странной тоской в голосе говорил Орикол, глядя на Рикто. — Это тебя любой настоящий учитель с радостью назвал бы учеником за твое упорство. Могу лишь повторить свой совет. Ты скоро станешь взрослым. Иди в пустошь, сражайся, находи себе равных противников среди зверей. Находи себе противников сильнее тебя. Заставь свое тело сломать свои глупые ограничения.

Как интересно, подумал я, провожая взглядом шагнувшего дальше Орикола. Эти его слова очень напоминают совет, данный моему отцу. Тот, который позволил ему прорваться и привел нашу семью к этим черным руинам среди белого песка. Бывший Воин остановился перед Скирто, и я с удовольствием прильнул к щели плотнее, жалея, что она становится все уже с этого края и не дает насладиться хорошим обзором происходящего. Орикол меня не разочаровал. Он даже не стал ни о чем спрашивать крысеныша, а просто схватил его за пояс штанов и запустил в воздух. Приземлился тот точно на уже начавшего шевелиться Вартуса, выбив из него не только песок, но и жалобный вопль. Отлично! А теперь, самое вкусное, как кусок мясного корня, который не трогаешь до самого вечера. Одну затрещину Виргл сегодня уже получил, видел своими глазами, но этого мало!

— Твоего ответа я жажду услышать больше всего, — принялся скрестить отросшую щетину на шее Орикол. — У тебя есть мысли почему?

— Нет, учитель, — почтительно склонил голову в поклоне Виргл, заставив меня в удивлении чуть не заругаться в голос, выдав себя. Что это с ним?

— Как-то недавно меня уже пытались уязвить вежливым именованьем. Тогда я ответил, что слова собеседника полны яда. Пожалуй, ему стоило бы поучиться у тебя. Твой яд так незаметен и скрытен, что девять из десяти с радостью выпьют его.

— Учитель, простите, но я не понимаю ваших иносказаний, — вежливо ответил и снова склонил голову

Виргл.

— Скажи старому пьянице, зачем ты так упорно пытаешься сбить с пути Возвышения тех, кто окружает тебя, — услышав это, я едва не разбил лоб, пытаюсь еще сильнее прильнуть к щели, чтобы не упустить ни одной детали происходящего.

— Учитель, я лишь даю им советы, когда они меня просят об этом. Ведь следовать советам самого сильного ученика вполне естественно, когда рядом нет учителя, — Виргл поднял голову и взглянул в глаза собеседнику.

— Тебе нужно больше тренироваться. Не с тяжестями, нет. С лицедейством, уродец. С каждым новым словом я все отчетливее вижу клыки за твоей улыбкой, и все сильнее пахнет твой яд. Ты меня раздражаешь. Я пью это дарсово вино, которым заливают меня твой отец, смотрю, как ты набираешь звезды, сбиваешь всех с пути, но молчу, как мы с ним и договорились. Но вот прошел год. Тебе уже пятнадцать. На этом экзамене ты можешь даже и не появляться. Ты все еще жалкая семерка. Ты достиг своего потолка, мусор. Подскажи, ничтожество, годное лишь на то, чтобы с завистью ломать достижения других, на что надеется твой отец через год? Как сын отброс вытащит своего отца из этого дерьмового песка?

Я видел, как после слова уродец едва заметно вздрогнула спина Виргла. Лицом он действительно не вышел, не уродец конечно, но и красивым его не назовешь, он взял худшее от обоих родителей. Я видел, как с каждым новым оскорблением он вздрагивал все отчетливее и как поднимались его плечи. Я уже было решил, что еще одно, два колких слова Орикола и Виргл кинется на него, оребя новых тумачков. Этой мечте не было суждено сбыться, наверное, небо решило, что подарков на сегодня хватит.

— Виргл! — раздался громкий крик, от которого тот словно окаменел. Наш славный вождь пожаловал, заскрипел я зубами от разочарования.

— Кардо, — Орикол развернулся в сторону голоса и снова принялся скрестить шею. Меня уже этот его жест начинает злить, кажется, даже здесь я слышу этот противный звук хрустящей щетины.

— Орикол, что за крики? — продолжил уже более тихий голос. — Ты будоражишь жителей деревни. А мы ведь договаривались об их покое?

— Кардо, — Орикол проигнорировал обвинение. — Я интересовался некоторыми вещами у твоего сына неудачника. Может, ты сможешь ответить мне хотя бы на последний вопрос?

— И что ты спросил последним?

— Учись сопляк у отца, — ткнул в грудь Вирглу Орикол, отчего тот чуть не упал. — Десять из десяти бы поверили. Не нужно Кардо, не нужно. Ты уже давно здесь.

— Орикол, я, как и любой любящий отец, верю в сына. Он еще блеснет талантом, ослепив всех вокруг.

— Продолжаешь юлить, — Орикол сплюнул под ноги Вирглу. — Хорошо, я сам увижу через год.

Я наблюдал, как удаляется Орикол, заставивший меня взглянуть на происходящее с другой стороны, как разбегаются от короткого рыка Кардо мелкие шавки его сына. Или не шавки, ведь некоторые из них тоже заставили взглянуть на них по-другому. Внезапно, заставив меня испуганно вжаться в камень, со стороны входа раздался оглушительный звук. Сорвали с ремней плетеную дверь сарая? Перестав дышать от страха, я ощутил странное и пугающее чувство. Словно сквозь многочисленные каменные гири по мне скользнул тяжелый взгляд, заставший похолодеть от ужаса. Тишина стояла такая, что я слышал как какие-то насекомые шуршат в толстом слое драконовой травы на крыше.

— Щенок! — ощущение взгляда исчезло, и я услышал яростный шепот Кардо. — Ты меня разочаровываешь!

— Прости отец! — я снова принялся тихо дышать, надеясь, что за шумом разговора они не смогут меня услышать. Как близки их голоса! Словно стоят в шаге от меня! — Но мне не хватает таланта! Я не могу прорваться на восьмую звезду, как ты хотел!

— При чем здесь это! — зашипел Кардо. — Я уже смирился. И даже нашел способ все исправить. Я о другом! Я

твоей возне с шайкой! Да, я просил тебя научиться собирать вокруг себя людей. Но ты, в своей лени, решил выбрать самый легкий путь.

— Отец!

— Что отец? Ракот меня уважает, он верен мне. Закир отдал жизнь за меня. А ты?

— А Ма? А Паурит? — возмутился Виргл.

— Шавки, которые верно прыгают за подачку. Я говорил о верных людях. Я рассказал тебе, как нужно завоевывать их сердца. Но ты, ленивое отродье, решил взять не верностью, а числом, да еще и побыстрее. А ведь Порто так похож на отца! Он стал бы верен тебе! Но ты выбрал Вартуса и крыс. Хорошо, я закрыл глаза на твои слабости. Ты мой сын. Я молчал когда ты, чтобы сплотить шавок, травил того пацана.

— Сын отродья, что поднял на тебя руку! — повысил, перебив отца, голос Виргл. — Если бы не твой запрет, я уже убил бы его!

— Я уже забрал его жизнь и отомстил его жене, — я услышал звук затрешины, но мне было не до радости, я весь превратился в слух. — При чем здесь ты? И кто дал тебе право решать кто будет жить в деревне?

— Отец, мое сердце словно чернеет, когда я его вижу! — это что скрип зубов?

— Ты не думаешь головой! Я не забирал у них надежду! Я почти разорил их, но они всегда могли уехать отсюда, мне ли не знать о рецептах и молоте? Но ты постоянно давишь на них! Подумай, подумай и ответь, — за стеной зашуршало, и Кардо продолжил злым шепотом. — Ты моим именем лишаешь их еды. К чему это приведет?

— Они будут страдать! — почти закричал Виргл.

— Дурак! Небо! Как мой сын может быть таким дураком? — гневно зарычал Кардо, а затем вкрадчиво спросил. — Ты бессмертен?

— Нет, — мне слышно как растерялся Виргл от странного вопроса.

— Тогда скажи, если завтра Эри вернется домой и увидит, что ее дочь умерла от голода, то, что она сделает?

— Поднимет крик. Но ты сильнее ее, у тебя появится законный повод ее убить, — уверенно ответил Виргл. Мама станет кричать? Я кровожадно ухмыльнулся. Ты не видел как шарахнулся Ракот. Она на грани.

— Ты тупой щенок, что думает только над своими проделками, — тут ты ошибаешься Кардо, я чуть изогнул губы в улыбке. Я подозреваю, что почти все придумано крысенышем Скирто. — Она придет в наш дом тогда, когда меня не будет и убьет и тебя и мать раньше, чем я успею ее остановить! Тебе станет на небе легче, когда я убью ее в ответ?

— Ээээ, — заблеял как джейр Виргл. — Как убьет? — легко, тварь, подумал я с ненавистью. Возможно, я даже успею ее опередить!

— С громкими, на всю деревню, проклятьями на мою голову! И наверняка она будет не одна! — раздался звук отличной звонкой затрещины. — Я уже сказал Ракоту, что ты прикрывался моим именем. Он меня понял. Отныне ты не лезешь в дела взрослых.

— Хорошо, отец, как скажешь, — по слову выдавил из себя Виргл.

— Это все мелочи! Главное! Почему я появился здесь?

— Потому что этот алкаш вылез из своей вонючей норы! — снова закричал Виргл, найдя нового виновного.

— Нет! Может я смогу вбить в тебя ум? — Кардо снова отвесил затрещину. — Потому, что вся деревня слышала, что мой сын сбивает с пути их детей. Я когда-то пошел тебе навстречу и запретил учить этого сопляка и на это закрыли глаза. Они приبلуды. Но сегодня все в деревне узнали, что ты лишаешь их детей шанса вырваться отсюда!

— Да кто поверит этому алкашу? — возмутился Виргл.

— Все, все поверят! Все, кто помнит, как он появился здесь. Сын, я пошел на многое ради того, чтобы ты достиг

десятой звезды, — вкрадчиво сказал Кардо. — Думаешь, их желание вырваться отсюда меньше?

— Меньше отец, раз они молчали под плетями! — уверенно заявил Виргл.

— Тупой сопляк! — видно Кардо окончательно разозлился. Он уже говорил почти в голос, а звуки затрещин почти не стихали. — Мне надоело все тебе разжевывать и снова и снова запихивать выпавшее в рот! Отныне, никаких совместных тренировок твоей шайке! И чтобы я даже шепота не слышал: «Дайте совет, босс!». Иначе я напомню, что такое плеть тебе!

Уже давно ушли с площадки Кардо с избитым сыном, начало темнеть, погружая сарай в непроглядную темноту, а я все лежал и думал. Как много тайн видели и слышали стены этого сарая, если даже в моей жизни, так много важных вещей связано именно с ним? Выходит, через год Виргл должен чудом перепрыгнуть три звезды и сдать экзамен, покинув вместе с семьей нашу деревню из которой они выпили все соки. И выходит, я зря накручивал себя тем, что за нашей семьей постоянный пригляд. Конечно, Кардо по-прежнему не нужно знать, что я успешно закаляю меридианы. Но, похоже, половина бед нашей семьи это злые умыслы совсем других людей, избравших нас своей мишенью. Уменьшило ли это мою ненависть к Кардо? Нет! Кардо и Паурит должны умереть! У меня остался всего год на мечь!

Глава 9

Все сложилось как нельзя лучше и так быстро, что это больше похоже на волшебство. То, что из детских сказок о богах и героях. Когда богиня Природы просто бросила семя в землю и на глазах восхищенных придворных дворец Южных пределов начал возноситься к небу, оказавшись на ветке исполинского Древа, верхушка которого достигала летящих звезд. Или как в песне про то, как однажды вечером Рег Валос, Повелитель Севера остановился у горного озера и решил, что здесь будет стоять его дворец. Он просто пожелал и молчаливые скалы, послушные его воле, потекли, превращаясь в сияющие крыши палат и гордые шпили башен. Вот и у меня вышло почти так. Стоило мне сделать кинжал, как не минуло и месяца, а охотники идут на пересмешников именно так, как мне и нужно. С ними Паурит, но он вовсе не главный. Главный Ракот.

Я выглянул в небольшое окно. Единственное, что меня раздражает в происходящем, так это то, что они очень медленно идут. Я, конечно, мчался сюда изо всех сил, но все же, почему они по ровной пустоши идут так медленно? Не случилось ли чего-нибудь? Может просто обходили засаду леопарда? Наткнулись на пуму? Я пару раз подбросил на руке свой клятвенный камень. Ладно, все равно уже ничего не изменишь. Все эти дни я приучал надзирающих за огородами, что если накануне не добрал камень, то за полив я брался еще в темноте и к моменту их прихода мой кусок работы был уже готов. Затем, получив их подтверждение, я на их глазах брал плетеную переноску и уходил вниз по течению в руины за камнем. Так было и сегодня, так что теперь мне некуда спешить, раньше обеда я никогда не возвращался с первой ходки. Ведь я, по-прежнему слабак, которому двадцать килограмм камней непосильная ноша на развалинах древних, что в разы удлиняют любой путь.

Приняв решение спокойно ждать, я откинулся на стену, которая еще не успела нагреться и приятно холодила мое разгоряченное бегом вдоль реки тело. Значит, займусь другим делом, и я решительно закинул в рот полоску завяленного

почти до каменной твердости билтонга. После того памятного разговора Кардо с сыном наши дела значительно улучшились. Во всяком случае, мама стала получать настоящую полную пайку за работу. А я начал тайком охотиться. Оказалось что раньше, когда дядя Ди говорил, что ему улыбнулась удача, а я хвалил его навыки, то прав был дядя. Теперь мне лучше понятно то унижение, которое испытывает отличный охотник, который из-за Кардо занимается делом неумех новичков. Охота на квыргалов вообще не требовало никаких других навыков кроме умения смотреть глазами. Я выбирал направление, куда никакая из групп охотников сегодня не пошла, неспешным бегом выбирался за полосу безжизненного песка у развалин древних, в ту их часть, где еще не исчезали одинокие скалы, но уже появлялась густая трава, и начинал смотреть. Вот тут начиналась удача охотника. Можно было весь день нарезать круги, но не встретить ни одного квыргала. Но если ты его увидел, то считай мясо уже в твоём мешке.

Возможно, ребенку и было бы сложно добыть его, но любому новичку, имеющему силу и выносливость пяти звезд закалки меридианов, это не составляло большого труда. Лопатка джейра, а еще лучше любого его старшего родственника и неглубокая нора квыргала вырытая им в мягком сыпучем песке, скрепленном только корнями высохшей травы, не могла его спасти. Я отлично помнил презрительную усмешку на лице мамы: «Жадный дурак!». И, выкопав одного грызуна, оставлял остальных в покое. И, конечно же, не рисковал приносить домой тушку и варить ее. Пусть маме и перестали впихивать тыкву, но и мяса давать не начали. Пусть самому Кардо, как оказалось, нет дела до нас, но Виргл и Паурит могут внимательно приглядывать за объектами своей похоти и ненависти. Поэтому я превращал мясо в билтонг. Нарезал полоски мяса, чуть подсаживал, вялил их на солнце и, лишь затем, приносил домой. В общем, ужинали мы всегда мясом. Невкусным и тяжело жующимся, но настоящим мясом, а не корнем с его названием. Хотя Лейла иногда начинала плакать и просить наваристого супа. Но главное ее перестало шатать от ветра и ручки, ножки у нее приятно потолстели. А серые глаза мамы потеряли стальной блеск сдерживаемой ненависти.

Я перевернулся на спину и бросил взгляд на небо. Начали кружить. Пришлось начать махать руками и ногами. Проклятые падальщики! Живой я. Живой. И не собираюсь сдыхать вам на поживу! Нечего надеяться и становиться в круг надо мной. Еще чего доброго охотники насторожатся. Чего это за падаль ожидается в руинах? Что там случилось и нет ли там пересмешников или шакалов? Грифы, летите прочь, вам сегодня в любом случае ничего не достанется.

Идут. Я, подползая к окошку, внимательно наблюдал за точками вдалеке. Снова ждать и думать. Будут ли они следовать установленному ранее порядку? В мою сторону направилась одна точка, но Паурит ли это? Я положил руку на рукоять кинжала. Охотники всегда, добравшись до этого места, останавливались. Затем разбегались в разные стороны, кроме старшего в отряде, который оставался ждать разведчиков. Пустошь вокруг — это охотничьи угодья той небольшой стаи пересмешников, которых начали выбивать по приказу Кардо. Сейчас разведчики будут искать, где сегодня охотятся хищники. Многие травоядные и хищники в рывке быстрее обычного охотника пятой-шестой звезды. Но никто из них не может похвастаться такой выносливостью. Травоядные не могут далеко уходить от воды, без которой быстро гибнут. А большинству хищников нужно внимательно выбрать место охоты, потому что упустив добычу раз, преследовать ее или идти на новое место охоты без отдыха для них слишком тяжело, то человек может позволить себе полдня без воды пробежать по пустоши в поисках добычи.

Прошлые две охоты Паурит всегда проверял водопой, который принадлежал только этой стае. Подозреваю, что он это делал по двум причинам. Утром, в десяти из десяти случаев здесь не будет стаи. Они могут вообще не вернуться сюда, территория стаи велика, а если все же надумают, то появятся в своих норах либо вечером после удачной охоты, либо в самую жару, переждать ее. А после ночевки уйдут за добычей в рассветных лучах. Это самое безопасное место для проверки в это время, а он точно не храбрец. Вторая причина — сама вода в озере и, какая-никакая, зелень. Пусть это всего лишь жесткая трава, невысокие плотные колючие кусты акации, несколько ее более высоких товарок, ставших деревьями, и более густая и высокая густая поросль

цимбопогона по берегам ручья, что и наполняет крохотное озерцо.

Думаю, если бы это место не было логовом пересмешников, то травоядные давно бы сожрали здесь всю сочную зелень. Самый пик засухи. Дождей давным-давно не было, даже река стала мельче, в пустоши воды стало совсем мало и травы высохли. Я, побывав у логова, всего один раз, для проверки местности был очарован. После голого песка с пучками сухой звенящей на ветру травы у деревни и желтого, покрытого пылью разнотравья в пустоши глаза просто отдыхают глядя на эту яркую сочную зелень. Вот и Паурит наверняка смывает песок с лица и отдыхает в тени акаций, перед тем как отправиться обратно в путь по набирающей силу жаре.

Если руины вдоль реки можно смело считать городом, который когда-то занимал оба ее берега на многие часы пути, то что было здесь предположить сложно. Если позволить разыграться своей фантазии и не забывать что даже сейчас это место удивительно красиво, то можно предположить, что здесь раньше было место отдыха богатых горожан. Здесь не так много домов. Даже если считать что не уцелела лишь половина, то все равно, жило здесь не больше чем в пять раз от жителей нашей деревни. И тогда эта капля воды, еще не испарилась и была огромным озером, плескавшимся у порога крайних домов. А может быть здесь сидели чиновники, которые внимательно проверяли товары, доставленные в город по суше. А никакого озера и родника вообще не было тогда. Кто знает?

Да, это Паурит, с облегчением опознал я крохотную фигурку, оборвав фантазии. Не изменяет себе, это хорошо. Я заставил себя отпустить кинжал и размял затекшие пальцы. Осталось немного, напомнил я себе и своему стучащему сердцу. Бросил напоследок взгляд в небо. Ждут и следят. Всегда в ожидании чье-нибудь смерти. И она близится. Я спустился со своего наблюдательного гнезда и, тщательно следя, чтобы между приближающимся врагом и мной были камни или здания, побежал к подготовленной засаде. Ничего особенного, просто место, через которое, скорее всего и пройдет Паурит. Просто вершина одного из камней, в четыре

роста взрослого мужчины, что густо окружают кольцом развалины домов. Просто вершина с принесенными сюда почти от самой деревни камнями. Несколько прыжков, подтягиваний на кончиках пальцев и я замираю, распластавшись на нагретом черном камне. Теперь мне остается только ждать, пока терпимо, но в полдень я уже такой трюк не проверну. Тогда этот камень будет раскален так, что кажется можно на нем жарить мясо.

Вот, сейчас! Я осторожно, двигаясь буквально на кончиках пальцев, проверил то, что говорили мне мои уши. Паурит подомной! Я сглотнул тяжелый комок в горле и решительно встал. Внизу я отчетливо видел проходящего врага. Первого, у которого я отниму жизнь. Не стоило тебе трогать мою мать. Мудрецы говорят, что нет более жестоких существ, чем дети. Хватит, я оборвал поток мыслей. Просто убей его! Я взял в руки первый камень, занес его над головой, и, еще секунду промедлив, швырнул его вниз.

Тренировки не прошли даром. Камень, который я швырял, наверное, сотню раз, в сто первый попал именно туда, куда я и целил. Между лопаток ничего не подозревающего Паурита. Второго камня не понадобилось, как и запасного плана с вступлением в схватку с убегающим врагом. Я приближался к хрипящему на сером песке человеку, которого пообещал убить и стискивал в руке свой кинжал. Два месяца мне понадобилось на осуществление мести. Осталось совсем немного. Буквально три шага и один удар.

— Паурит, — я остановился в шаге от беспомощного врага. Случалось, что копая норы квыргалов, зверьки попадали под удар костяной лопатки. С моей силой им ломало спину. Именно на подобный результат я и рассчитывал, бросая в охотника камень в две мои головы. — Ты слышишь меня?

— Слышу, — прохрипел Паурит, пуская кровавые пузыри. Хорошо, я боялся, что он умрет, так и не узнав, за что понес наказание. — Пацан, откуда ты здесь? Помоги! Помоги мне!

— Зачем? — я нарочито удивился, прислушиваясь, как все спокойнее бьется мое сердце, а затем сдернул с головы платок и улыбнулся своему врагу. — Это я бросил в тебя камень. Я не

буду тебе помогать. Я здесь не для этого. А знаешь, зачем я здесь?

— Ты че? Пацан, ты че? — в маленьких черных глазках Паурита загорелся ужас. Это хорошо, это выражение в них мне нравится гораздо больше, чем похоть, которая и привела его к смерти.

— Когда ты говорил свои первые грязные слова моей матери, я пообещал себе, что ты за них заплатишь, — я принялся объяснять ему, почему он сегодня умрет, мне важно, чтобы он пожалел о каждом мгновении своего поступка. — Пожалуй, я бы ограничился тем, что сломал бы тебе руки, которые ты протянул к ней. Но ты ведь не остановился на этом? Тебе захотелось наказать ее за строптивость, чтобы она была...Как ты сказал, Паурит, помнишь?

— Нет! Нет! — Паурит принялся отползать от меня, видимо спину ему не сломало, спокойно отметил я. — Я пошутил...Нет, ошибся. Ошибся, я! Забудь, пацан, забудь! Я извинюсь перед ней!

— Хочу, чтобы ты знал, Паурит, — я вытащил из нашейного мешочка свой клятвенный камень и показал ему. — В ту минуту, когда ты советовал моей матери быть нежнее с тобой, я поклялся на этом камне древних, что ты умрешь. Умрешь за свои грязные слова и улыбку, которой не место под этим небом.

— Помогите! Помогите! — изо всех сил принялся кричать Паурит, впрочем, получалось у него плохо, мешало отбитое нутро.

— Глупо, — сказал я, возвращая камень на место. — Ты добирался сюда почти час бегом. Ракота с земли даже не видно за горизонтом.

— Пацан! Как тебя, там? — Паурит еще сильнее задержался, отползая от меня. — Стой! Давай поговорим!

Я презрительно скривился. Даже не помнит, как зовут сына той, которую он унижал. Мразь, забывшая от страха про копье и нож, но на что-то еще надеющаяся. Я крепко сомкнул пальцы на кинжале, сделанном для этого мига, и сделал последний шаг к своему врагу. Пинок по руке, которой он

пытался прикрыться и быстрый удар в сердце. Мой рондель вошел в его тело по роговую гарду, пробив насквозь, словно оно было из воды. Краткие секунды судорог и Паурит затих. Я смотрел на его мутные безжизненные глаза, теперь потерявшие всякое выражение, слипшуюся от крови светлую редкую бороденку, оскаленные в последнем крике желтые зубы и чувствовал, как тот кровожадный клинок ненависти, что горел в моем сердце, словно тускнеет, утоленный покрывшей его кровью моего врага. Да, кивнул я своим мыслям, пусть эта жажда крови и прорвала мою преграду в Возвышении, но без нее мне гораздо легче. Клятва убить Паурита перестала давить на мои плечи всем весом неба над моей головой, а душа моя словно стремится улететь, такое облегчение я испытываю. И радость. Теперь я могу без стыда глядеть в глаза моей маме.

Хорошо, когда можно свободно расправить плечи и поглядеть в небо, но дело еще не окончено. Я быстро раскатал шкуры, украденные еще два месяца назад. Впрочем, они такие старые, да и валялись в таком месте, что я не уверен, будто их пропажу вообще обнаружили. На шкуры я перенес тело Паурита, его оружие, свои камни и скатал все в плотный сверток. Затем внимательно огляделся по сторонам. Это место просто идеально для меня. Не знаю, чтобы я делал, если бы дело произошло там, где Ракот с легкостью бы узнал все детали случившегося по следам. Здесь же везде тонкий слой песка на каменном основании, который просто на глазах перемешивает ветер, гуляющий между черных остовов зданий древних. Потому сюда и отправили разведчика, что следы пересмешников просто не читаются. Даже сейчас невозможно по свежим следам понять, сколько весил человек, а через два часа, когда пропажу начнут искать, здесь вообще не останется ничего и никто не сможет сказать точно, кто его убил. Впрочем, я больше надеюсь на то, что, даже обнаружив остатки следов, как у ребенка, они не смогут поверить, что ребенок действительно убил и унес взрослого мужчину-охотника. Во всяком случае, не я, которому не дали прочитать наставление о закалке. Тут скорее впору вспоминать детские страшилки о тварях пустошей. Неужели там не найдется истории про крохотного убийцу, съедающего свою жертву вместе с костями.

Я усмехнулся, натянул платок на голову и, взвалив сверток на плечо, побежал к далекой реке. Значит появится.

— Шиго! — исподлобья оглядевшись вокруг, подмечая, где кто стоит, я начал злобно шипеть, по прежнему не поднимая глаза, еще шагов за десять до весов. — Ты дашь мне сегодня жрать или нет?

— Смотри, сколько ты принес камня в этот раз, вонючий мусор, — заржал тот, кому я когда-нибудь сломаю его ноги. — И не перепутал ли ты их с дерьмом. Ну, по своей тупой привычке.

Я проверил кривые цифры на доске, вот от Шиго точно можно ожидать подлости, и, увидев, что все в порядке, принялся вываливать камни в чашу. Я был грязен, покрыт песком и потом. В общем, изо всех сил радовал своим видом любого из шайки Виргла.

— Пятнадцать, всего выходит, — наморщил лоб Шиго, пыхтя над сложением. — Сорок два. Вот щас я обалдел, вонючка. Это кажись первый раз за неделю, когда ты выполнил норму.

— Я встал сегодня до зари, по темноте полил свои грядки и весь день таскал тебе камни, пока ты сидел в теньке, — огрызнулся я, слегка для начала своего плана.

— Ты врать ври, но не завирайся, — нахмурился Шиго. — Полдня лишь минуло, да и пришел ты только третий раз.

— Хорош мне зубы заговаривать, — огрызнулся я и сделал еще полшага вправо. — Ты мне жрать давай, брюхо сводит! Или ты сожрал мою пайку?

— Да ты воще обнаглел мусор! — изумился Шиго, поднимаясь на ноги и впечатывая мне кулак в лицо. Я отлетел от удара туда, куда и планировал, половиной тела скрывшись от всех взглядов между постаментом весов и стеной склада, и коротко ударил сам себя по губам. Его удар был слабоват для моего теперешнего закаленного тела.

— Это вы уже совесть потеряли! — я вскочил на ноги и, брызгая слюной и кровью при каждом слове, закричал,

привлекая внимание окружающих. — Я больше всех норму делаю! А вы паек зажимаете!

— Что вы тут орете? — это откуда-то вылез на свет старик Газил. Прошел насквозь через склад? С той стороны как раз его мастерская. Жаль что он. Старик сам любитель поскандалить, не мне с ним тягаться.

— Да вот, этого дарса словно осы покусали! — ткнул в меня пальцем Шиго. — Вопит, как дурак.

— Да сколько можно! — снова закричал я, стараясь, чтобы меня услышало как можно больше людей, здесь маловато взрослых для моей задумки. — Старший, я уже полгода как двойную норму ношу! Я до ночи бывает в руинах пропадаю, а столько не нахожу! Я еле до деревни доползаю! Мне еще даже одиннадцати нет! Почему двойная норма?! Вы на доску гляньте! Никто больше столько не должен носить! Даже те, кто почти новик!

— Не ори, — старик Газил оглядел любопытных, собирающихся на мой крик, бросил взгляд на ту самую доску и словно плюнул, — Выдай ему пайку. По норме завтра глава решит.

Прижимая к груди мешочек с едой, вяленным мясом к слову, я улыбался разбитыми губами. Дело сделано, правильно я поступил или нет, покажет время. Это единственное, что я придумал, чтобы дополнительно отвести от себя подозрения. Теперь меня точно запомнят, как целый день таскавшего камни. Как запомнят и мою слабость, и кровь от легкого тычка в зубы.

К вечеру поселок загудел. К нам забежал Рат, сообщивший новость. На охоте пропал Паурит. Ушел осмотреть водопой возле логова и пропал. С концами. Даже следов не осталось. Я честно ответил, что туда ему и дорога, а Рат мне мешает готовить ужин и вытолкал его за порог. Я с легкой улыбкой варил не пустую похлебку на корнях а из наваристого честного мяса. Не важно, действительно ли Ракот не нашел никаких следов или пока скрывает правду. Я приложил все свои силы, выполняя клятву, и ни о чем сейчас не жалею. Я поймал пробегающую мимо Лейлу с плетеной из травинок куклой в

руках и поцеловал в макушку пахнущую солнцем и ветром. Сейчас я счастлив.

— Привет, — я помог маме расстегнуть ремни переноски, пустой сегодня и, прижавшись к ее боку, пошел к дому. Как странно, понял я, уже скоро я догоню ее ростом, — как ты?

— Как обычно, — устало отмахнулась мама и взъерошила мне волосы, — сегодня только все сразу сдали. А почему у нас так вкусно пахнет мясным супом?

— Поругался на выдаче, — честно ответил я. — Чтобы прекратить мои крики, Газил выдал мне мясо. Никто и слова не скажет.

— Жадина Газил выдал мясо? — с сомнением уточнила мама. — День полон странных событий. Ты слышал, кстати, Кари сказала, Паурит пропал? Завтра охотники будут искать тело.

— Да, слышал, — я широко улыбнулся и поднял взгляд. — Вряд ли они его найдут, река глубока, а я приготовил ему тяжелые камни.

— Леград!

Глава 10

Думаю, что мой план мести Пауриту можно считать полностью удавшимся. И я остался вне подозрений. Не удалось лишь понять действительно ли Ракот не нашел никаких следов или скрыл что-то от простых жителей. Глава деревни никаких подробностей об исчезновении Паурита не оглашал. Но после того дня произошли изменения в привычном распорядке жизни, которые о многом говорили. Например, уже месяц никто не ходит за камнем. Кардо сказал, что добытого пока хватит. Я бы начал беспокоиться, если не о том, что меня подозревают, то хотя бы о своих охотничьих вылазках и тренировках закалки на мосту. Но, противореча сам себе, глава тут же объявил о новых работах. Весь камень пустили на достройку стены вокруг деревни. Если раньше, там, где она была все же сложена, ее высота была по плечи взрослому, то теперь ее поднимали выше. И даже мне было понятно, что за месяц запасы камня закончатся, а стена не будет готова и наполовину. Так что я решил, что все мои опасения пусты. К тому же, если после наказания плетьюми и простые сборщицы дерьма ходили группами, то теперь с ними обязательно был охотник с луком и копьем и возвращались они гораздо раньше. А на пересмешников и даже за травами вообще перестали ходить. Я пришел к выводу, что глава опасался скорее хищника ставшего Зверем, чем человека и полностью успокоился.

Я праздновал полный успех своего плана мести. Даже поведение мамы изменилось к лучшему. Хотя она и не признавалась в том, что рада смерти Паурита. В первый день она была больше напугана. Моей судьбой. Ее тревога за меня была так велика, что в первый вечер она даже омрачила мою победу. Тем, что почти оторвала мне уши и выпорола старым ремнем, которым раньше притягивали циновку на окнах. Но все ее страшные крики шепотом о том, что я еще ребенок и мне нельзя мстить и убивать, на меня не действовали. Для себя я все решил уже давно и, небо мне свидетель, ни о чем не жалел стоя над убитым. Правда на второй день мне это

надоело, и если сначала я просто терпел и молча слушал все это по второму кругу, то вскоре устал и стал задавать вопросы.

А как же Рам Вилор, не знавший поражений? Ведь в восемь лет он убил волка, напавшего на младшего брата. В одиннадцать он защищал стены города и убивал пиковых Мастеров духовной силы. Да, согласился я, глядя на ее ошарашенное лицо, мне еще нет одиннадцати. Да, я не могу за месяц пройти все этапы закалки меридианов. Мой талант не бросает вызов небесам. Но и враг был слабаком, равным мне по силе, а я шестая звезда в десять лет! Что тоже очень неплохо. Тут мама отошла от ступора и выпорола меня снова, но было уже даже не обидно, а скорее смешно.

А вот на третий день на меня перестал действовать и ремень. Вот просто перестал. Злая как демон восьмерка чуть ли не изо всех сил махала ремнем, а мне было почти не больно. Так что я просто сказал, что теперь верю, что Рам Вилор мог сражаться с врагами сильнее, чем он сам и встал с лежака. Мол, хватит, а то ты устанешь, а толку нет. И тут же принялся утешать начавшую плакать маму.

- Значит, говоришь, Рам Вилор? – внезапно спросила мама.

- Что? Ты о чем?

- Похоже, я зря раньше не читала вам эту историю, - мама вскочила с лавки и бросилась в угол, к сундучку с дорогими вещами. – Где же она есть? Вот!

Мама торжествующе потрясла найденной книгой. Кажется, я помню этот красочный, хоть и потёртый переплёт, это и есть та, из которой она читала нам перед сном о приключениях императора.

- В то свежее раннее утро ничего не предвещало беды в обширных владениях семьи Вилор. Мирно паслись тучные стада на сочной весенней траве. Из окон дома Раму казалось, что изумрудные склоны холмов усыпаны бесчисленной россыпью смешных букашек, что ворочаются в утреннем тумане.

Эту историю я действительно совершенно не помню. А желания перечитать самому детские сказки у меня никогда не

возникало. У мамы всегда была наготове книга с более серьёзным содержанием. Эта же история рассказывала, как соседнее, враждующее с героем, семейство убило молодого подмастерья, что работал под защитой их герба. А отец с матерью Рама Вилора были в отъезде. И на совете семьи, он, уже доказавший к тому времени свой огромный талант, взял долг мести на себя. Он нашёл в архивах описания нескольких рецептов. От новой краски для ткани, до лекарства, что заживляло раны. И за два месяца разорил враждебную семью, заставив их уехать в другой округ.

- Как видишь, он не стал бросаться в погоню за преступником, а требовал выдать его суду. И лишь когда ему отказали, принялся за месть. И в ней не оказалось места для крови. Понимаешь?

- С другой стороны, - я принялся рассуждать, - он мог наказать лишь виновных, а так, выходит, что его кара коснулась всех, кто только был причастен к смерти его человека. Даже просто тем, что работал на семью его врага.

- Но он не стал убивать и уж тем более не радовался смерти.

- И это очень странно. Помнится, когда он стоял на стенах города, то не давал противнику ни капли пощады. А там, кажется, кто-то пытался сдаться.

И была ещё одна странность. У мамы. Я задумался. Она всегда читала словно нараспев, в лицах, так захватывающе, что, закрыв глаза, можно было, словно перенестись туда, в сказку. Так почему же сегодня, ближе к концу истории, она то и дело запинаясь и делала паузы. Я быстро протянул руку и схватил книгу, лежащую у мамы на коленях.

- Что ты делаешь?!

Она попыталась отобрать книгу, но я упрямо настоял на своём. Несколько вздохов борьбы за сборник сказок и он оказался у меня. Я быстро пролистал раскрытую историю и укоризненно посмотрел на маму. Она действительно пропустила целые куски, как я и подозревал. И Рам Вилор в них вершил суд и над убившим подмастерье, и над теми, кто отдал такой приказ и над теми, кто позже отказал в

справедливости посланнику молодого мастера. Да, юный герой не проливал сам их кровь, для этого у суда был палач.

- Мама, - мне оставалось лишь покачать головой.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Зато теперь по вечерам мы с Лейлой, снова, как в старые добрые дни, слушали, как мама читает нам сказки. И, конечно же, среди них были сказки и о Раме Вилоре. Кроме этой.

А еще я, наконец, узнал историю Рикто. Да и вообще, многое стало мне понятнее в жизни деревни.

— Это долгий разговор, который мне придется начать издалека. Тебе никогда не казалось странным, что в этой деревне все взрослые близки мне по возрасту, а из стариков только склочный Газил? — задала мне встречный вопрос мама, услышав мой про Рикто и его правильную речь.

Действительно. Я никогда не задумывался над этим, но так и есть. И это, если вспомнить предыдущие поселки, в которых мы были, ненормально. Что я и озвучил маме.

— Да, — кивнула она. — Когда долго живешь, а тем более вырастаешь рядом с чем-то необычным, то привыкаешь к нему, как к привычной детали пейзажа, и не удивляешься тому, что сразу бросается в глаза постороннему. Это молодая деревня. Отселенцы. Они все жили раньше в четырехзвездочном Плектто. Если у того же Арройо есть шанс получить еще звезды, то Плектто изначально основан бестолково. Мы там не были, но я наслышана. В округе нет ничего полезного, что позволило бы развить мастерские, а зверья вокруг мало. А вот жителей стало так много, что они начали страдать от нехватки еды. Но пятую звезду не получить за голодные рты. А торговать нечем. Поэтому молодые, те, кто не так давно стали взрослыми и завели семьи, решили отселиться. Ну и старикашка Газил, которого, подозреваю, просто выпнули под зад.

— Почему? — нет, он мне тоже не нравится, но нужно же знать, почему мама сделала такой вывод.

— Да кто ж его знает, — развела руками мама. — Выбирай любую причину. Склочный вредный дед. Жадный до такой степени, что даже в подмастерья взял себе дурака Ма,

который ничему большему, чем мять кожи никогда не научится. Да и сам он мастер лишь в этой дыре. Уверена, в Плекто он дожил до седых волос и согнутой спины, но так и не заслужил свое клеймо. Любой из этих причин достаточно было бы, чтобы мой учитель Кривой Ол дал ему пинка с порога своей мастерской, невзирая на свою доброту, которая вошла в поговорки в Арройо.

— А у тебя клеймо есть? — загорелся я, никогда в беззаботном детстве мне не было дела до таких подробностей ремесла мамы или отца.

— Есть, — погрустнела мама. — Одно оно и осталось.

— Мама, а вдруг выйдет так, что ты собираешь деньги не на караван, а себе на инструмент? — лукаво улыбнулся я, обнимая маму, чтобы утешить своим теплом.

— Ох, сын. Думаю, Римило был бы счастлив, что ты осуществил его мечту. Я гляжу на твои успехи и восхищаюсь тобой! Ты вырос и повзрослел так быстро, что я этого и не заметила! — она поцеловала меня и, не отпуская продолжила рассказ. — Собрал их и повел на новое место некто Зариус. Не знаю, что за человек он был, но голова у него на плечах была. Пусть место, где стоит деревня, выглядит страшновато, но выбрано очень толково. Рядом река, не пересыхающая даже в сильную засуху, на первое время есть глина, камень, про отличный песок и говорить нечего. Но главное, здесь есть надежда на будущее.

— Черная гора, — решил блеснуть я умом.

— Верно. Рядом есть она с неплохим источником Силы под собой. А вокруг просто огромное количество зверья. В чем-то действительно уникальное место. Я не так много видела подобных за годы путешествий, хотя рек пересекли немало. Оно словно отпугивает зверей и само бесплодно, а вокруг него кипит жизнь, в двух днях пути отсюда на водопой за раз приходит столько зверей, сколько бывало и за месяц не увидишь в пустоши в другом месте. Их так много, что они даже выбивают всю траву и бывает глодают деревья. Эта пустошь у деревни пуста и однообразна, здесь выжили лишь два дерева, да десяток трав. Но после дождей еды хватает всем, этого не отнять, — мама прервалась налить из кувшина нам отвара, и я

вернулся на свое место. — Зариус молодец. Начал строить стену вокруг деревни, сами дома ставить из самана, а не как обычно в новых местах из шкур, палок, сухой драконьей травы и обещаний. Хотя тут лишняя палка это редкость. В первый год они перерыли все руины в поисках камня, кое-что говорят и долбили сами. Начали добывать мясо и шкуры, ходить за травами. Стали приваживать торговцев, сбывая им излишки. Ди говорил, что потом они планировали разбить большие огороды редких и сильных трав на горе и начать охотиться на приходящих к ним Зверей

— Ого, — я поневоле восхитился задумкой. — Это кто бы на них охотились? Кардо и Миргло?

— Это был план на годы, — мама пожала плечами. — Зариус планировал тратиться на развитие деревни, покупку оружия, снаряжения. Пошли бы слухи, стали приходить люди в поисках лучшей доли. Появился бы кузнец. Из сильнейших охотников за мясом создали бы команду добытчиков Зверей. Первые звезды поселения набирают легко. Нужны лишь люди для числа и учитель закалки для галочки.

— Учитель? — а вот это уже интересно.

— Да. Орикол появился при Зариусе, — это я и сам уже понял. — Когда мы уезжали из Арройо, его еще не было.

— Подожди, — вот тут я не понял маму и ткнул рукой в открытое окно. — А причем здесь Арройо. Это Белая пустошь.

— Как причем? — удивилась мама моему вроде очевидному вопросу. — Да, Арройо в Черной. Но это лишь условности, названия отражающие условия природы, вернее преобладающий цвет песка от разрушенных зданий древних, а значит и земли. На самом деле эта деревушка находится в подчинении Арройо и платит ему налоги.

— Налоги? Мы? — я недоверчиво заулыбался. — Чем?

— Что здесь такого? Налоги платятся не только деньгами, берут все, что только можно довести до места. Начиная с мяса, клыков и заканчивая? — мама покачала головой, не дождавшись от меня ответа. — Травы. Травы с Черной с удовольствием принимаются в Арройо. Пятая звезда поселка это мастерские! И алхимики в том числе.

— Ага. Да, — со смущением закивал я головой. Эти дарсовы умные книги, где налоги это обязательно золото или духовные камни.

— Так вот, — мама с усмешкой щелкнула меня по носу, смеясь над моим провалом. — Он появился в Арройо уже после нашего отъезда. Неплохой Воин шести звезд. Был в боевом крыле ордена Морозной Гряды.

— Это что? — уточнил я. В книгах, что только не называли орденами.

— Морозная Гряда это, — начала мама.

— Свободный город первого круга, которому получается Арройо, с нашей помощью, платит налоги, — перебил я ее, отыгрываясь за щелчок.

— Верно. Главное здесь именование — свободный. Как рассказывал сам Орикол, это значит, что он управляется не членом семьи императора. Он для этого слишком незначителен, даже для боковой ветви. Но и не принадлежит власти одного из крупных кланов или орденов, поделивших между собой территорию первого круга. А принадлежит немногочисленной семье, которая никому напрямую не подчиняется. Довольно уникальное явление, насколько я могу судить из Нулевого.

— А секта? — снова уточнил я. — Это как в книгах? Братство, избравшее веру отличную от имперской, и проводящее обряды во имя выбранного бога, получающее за служение ему уникальные силы? С которыми борется семья Императора?

-Да, — подтвердила мама и поморщилась. — По рассказам Орикола в соседи Морозной Гряде выпали не самые приятные секты.

— Да уж, потому он, наверное, их поминает через раз, — заулыбался я. — А, похоже, Орикол много чего вам рассказывал.

— Пока у тебя есть хорошее вино, он отличный собеседник, — мама грустно улыбнулась и спросила. — Ты не помнишь, как они с отцом сидели за кувшином?

— Наверное, помню, — я крепко сжал губы, стараясь не заплакать. В те дни, мне некогда было приглядывать, кого отец приглашает к себе за стол на новом месте. Я сам был нарасхват в любой деревне. Путешественник, которому есть что рассказать своим открывшим рты сверстникам. Беззаботный ребенок, чувствующий за собой незримую поддержку могучего отца и не боящийся, что его могут обидеть без причины. Чудесное время. — Мама, не смотри на меня так. Все хорошо. Продолжай.

— Для того чтобы удержать в своих руках город, его глава объявил о создании воинствующего города-ордена Морозной Гряды. Сама его семья небольшая и обычный способ, когда используются только свои силы им не подходил. Их было мало, но у них в руках оказались ресурсы целого города. В ряды ордена, под клятву принимали всех желающих. Боевое крыло ордена как раз и занималось битвами с людьми и зверями. Орикол имел неплохой талант и занимал должность Попечитель леса. Неважно, что конкретно он делал, — помахала пальцем мама, закрывая мне рот с незадачным вопросом. — Важно то, что это третий из шести рангов ордена. Как ты понимаешь, шестой и пятый он не смог бы занять никогда. Почему?

— Глава города, — дал я очевидный ответ.

— Верно. Эти должности заняты им и его семьей. Но как говорил Орикол, шанс в будущем получить четвёртый ранг, Управителя, у него был. Для этого нужно было, в том числе, продолжать удерживать скорость Возвышения и стать в итоге мастером. А вот с этим у Орикола начались проблемы. И он начал утаивать от ордена одну траву, которую ел сам.

— Ел? — я неподдельно удивился, мама неоднократно предупреждала меня о недопустимости употребления в непереработанном виде любой травы обладающей силой, а тут опытный Воин.

— Да. Эта трава была из исключений. Обычно такие травы и называют просто и прямо по его действию. В его случае это были Цветы роста духовной силы. Он утаивал часть и однажды ему крупно не повезло. То, что он съел, оказалось в десятки раз более редкий Цветок духовного

водопада, который вырастает на этом растении раз в десятки лет.

— Водопада? — я задрал брови, показывая свое недоумение.

— О, — отмахнулась мама, — как только не изгалялись с названиями всех этих растений алхимики. Потом считаешь, если захочешь, сборник трав нулевого. Главное, что его можно было только преобразовывать в котлах алхимиков. Энергия, заключенная в цветке была столь груба и сильна, что обожгла ему меридианы и выжгла начисто срединное средоточие. Оно?

— И делает практика Воином.

— Верно. Это, конечно же, обнаружилось. Возможно, простой цветок ему бы и простили, но Водопад был слишком ценен. Обычных штрафников полно в нулевом. Каждый поселок, получивший вторую звезду, получает и подобного учителя, как символ, что они превысили порог населения. Но Орикола выкинули в нулевой с приказом загнать в самую глубокую дыру.

— Я удивлен, что его не казнили, — пробормотал я себе под нос, но мама услышала и ответила.

— Разве его каждодневные мучения не стократ хуже смерти? Он просыпается с мыслью о том, что ему больше никогда не стать Воином и не может уснуть из-за нее же. Думаешь, почему он хлещет пойло?

— А как же его слова о надежде? — скривил я губы в усмешке. Я возможно несправедлив и жесток, но я тоже был беспомощен, но выход нашел, пусть и не сразу. А он уже годы хлещет пойло и плачется ученикам, что они тупые и все делают неправильно.

— Тут дело в такой тонкости. Если ученик подобного штрафника проходит экзамен, то учитель получает право переехать в поселок выше на одну звезду, — подтвердила мои догадки мама. — Но почему учителя появляются впервые в двухзвездных поселках?

— Эээ, их мало? — предположил я.

— Нет, не настолько, первый пояс может загнать сюда любое количество штрафников, было бы желание, — опровергла мама мой ответ. — Просто сравни шанс воспитать десять звезд из сотни детей или из пяти?

— Выходит Орикол действительно попал в самую глубокую дыру, — покачал я головой, изображая сочувствие.

— Ты забыл, что Зариус был умным человеком, — заулыбалась мама.

— Точно, — я даже хлопнул в ладоши от догадки. — Ведь он планировал быстро получить две звезды поселку. Получается, он изрядно обманул того, кто назначил сюда Орикола.

— Верно, — с довольной улыбкой ткнула в мою сторону пальцем мама. — Не знаю, как Зариус узнал об Ориколе, не знаю, что он там врал в Арройо и кому заплатил. Но куш Зариус сорвал огромный.

— Куш? — вот тут я опять не понял. Какой куш был в этом алкаше?

— Сын, я видела сотни штрафников, сосланных из самых разных городов и сект. Я слышала сотни их историй. По большей части они простые неудачники, не способные к Возвышению, совершившие преступления за которые им назначили наказание в нулевом. Редко, очень редко их Возвышение было выше двух звезд. Всем кто выше и в первом поясе находят применение.

— А что значит, было? — уточнил я, это она об их росте уже здесь, после наказания?

— Штрафникам уничтожают средоточие, так как и Ориколу, или блокируют, если вина не столь велика и наказание предусматривает возвращение обратно в первый. И стирают из памяти техники, которым их обучили, — удивила меня мама жестокостью наказания, но тут же объяснила его причины. — Чтобы они никогда не могли сравниться в силах с проверяющими Воинами из первого.

— Подожди, — я нахмурился, вспоминая ее старые слова, — А зачем вы тогда платили золото Ориколу за знания о

техниках?

— Ах, — с досадой махнула рукой мама. — До каких глупостей только не договорятся за третьим кувшином мужики без присмотра. К тому же он клялся, что печати запрета касаются только техник ордена. И у него есть одна ими не стертая, потому что им не принадлежала.

— И? — я догадывался из прошлого разговора, что Орикол соврал, но все же интересно.

— Техника была, — неожиданно признала мама, изрядно удивив меня. — Но она была не начального, а среднего уровня и Римило просто не смог даже начать ее понимать за оставшееся ему время.

Мы долго сидели, обнявшись после этих слов, снова утешая друг друга своим теплом и молчанием, которое было пропитано воспоминаниями. Не знаю, о чем думала мама, а я вспоминал, как отец учил меня плавать и как хохотал с берега озера над тем, как смешно у меня выходит следовать его советам. А я помню, возмущался и кричал ему, что скоро утону. Но жизнь продолжается и, услышав звонкий голосок играющей Лейлы с улицы, которая что-то втолковывала своей кукле, мама отстранилась, долила нам свежий отвар душицы и продолжила рассказ.

— Я скажу больше, У Орикола и без этого был шанс уехать отсюда. Если бы уж ему не понравилось здесь в будущем.

— Не понимаю. Какой шанс? — наморщил я лоб. — Ты же сама говорила о пяти и сотне?

— Мы с него и начали разговор, — намекнула мама.

— Рикто? — недоверчиво спросил я.

— Верно. Сын Зариуса, — наконец-то я узнал, что он сын бывшего главы деревни. Тот, чье место занял Виргл. Неудивительно, что я редко вижу его в шайке, его падение можно считать даже ниже моего. Как неудивительна становится и его правильная речь. Если уж Зариус был умен, то и сына наверняка учил, как мама нас с Лейлой. — Говорят, у него был неплохой талант, как и у Виргла.

— А сейчас он просит прощения у Орикола за свой застой, — мрачно уточнил я. Ужасная судьба, заставляющая меня вздрогнуть. Остановиться на полпути к своей мести? Надеюсь, небо не готовит мне такого испытания. Иначе можно вспомнить об Ориколе и бездонном кувшине с вином.

— Да. Это все случилось почти в один момент. Сначала погиб Зариус. Если судить по рассказу Ди, то очень странная смерть, — мама покачала головой, а ее серые глаза затуманились в раздумьях. Она медленно продолжила. — Очень похоже на случившееся с твоим отцом.

— Монстр? — удивился я и стиснул кулак.

— Очень похоже, — мама снова принялась качать головой, словно сомневаясь в своих словах. — Но я познакомилась с темной стороной Кардо. Услышала что-то там, узнала что-то здесь. И у меня все больше сомнений в его рассказе. На охоту отправились Зариус, Кардо, Ракот, Паурит, Гризмо и Закир. И двое не вернулись.

— Подожди, — я вспомнил слова Кардо. — Закир отдал жизнь за меня. Он ведь так сказал сыну.

— Верно. Казалось бы, это отлично подтверждает историю про Монстра. Но я не верю. Я думала над этим, но все меньше в это верю. Гораздо больше меня настораживают те его слова: «Я на многое пошел ради твоей десятой звезды». После смерти Зариуса, все в свои руки взял Кардо, который раньше был его правой рукой. Он был равен ему по силе и авторитету и никто не стал этому противиться, даже не дожидаясь решения проверяющего Воина. А когда тот приехал, то наверняка просто спросил про звезды и оставил сильнейшего здесь на месте главы, раз уж все в деревне хорошо. Но с того момента все дела начатые Зариусом заглохли. Кардо не стал продолжать развивать поселение. А его сын внезапно застыл в Возвышении. В отличие от Виргла.

— Действительно странно все это, — теперь задумался я сам.

— После случившегося с отцом, когда я упорно не верила в обстоятельства его гибели, — прервала мои раздумья мама. — Я поневоле погрузилась в книги о травах. Сначала я искала

подтверждения своей правоте, затем источник заработка. И мне попадалась в описаниях одна поистине ужасная штука. И подходящая под мои догадки о Кардо, — я весь превратился в слух. — Черный гриб замкнутого пути.

— По запутанному названию я могу лишь сказать, что его нужно отдать алхимику и только тогда выйдет толк.

— Верно. Неядовитый, а просто малосъедобный из-за своей горечи гриб. Но у алхимиков для него есть простой рецепт, который может осилить любой, у кого есть гриб, горшок для варки и время, — я невольно наклонился ближе к маме, захваченный этим рассказом. — А толк...Толк у него один. Капли конечной выварки хватит, чтобы остановить заcalку меридианов. Как побочный результат — человек очень худеет. Тебе ничего не напоминает?

— Рикто, — похолодел я, услышав описание. — Резко остановился на пяти звездах, и он худой, даже не просто худой, а болезненно, до такой степени, что кажется, я видел его кости обтянутые жилами через кожу.

— И я находила этот гриб на Черной горе, — тихо продолжала мама. — Теперь ты понимаешь, почему я не верю в смерть Зариуса от когтей Зверя?

— Выходит Кардо может дать его любому? И нам? — я в ужасе подумал, не остановилось ли мое Возвышение, но затем одернул сам себя. Я прорвался всего несколько недель назад, о чем я думаю.

— Спокойнее, спокойнее, — мама растрепала мои волосы, поняв мои мысли. — Ты же не пьешь ничего из рук Кардо? Да и если бы ты начал худеть, я бы сразу всполошилась. Кхе, кхе, — закашлялась она в смущении, — Ну да, мы все недавно похудели. Дарсов Виргл. Но ведь была причина? А беспричинное изменение я бы не пропустила.

— И что бы тогда сделала? — мрачно уточнил я, давая себе зарок не пить ничего кроме воды, что принес сам с реки. И не просить ни у кого фляги попить. Тем более фляги дороги и мало у кого есть. Вернее есть чаще всего только у связанных с Кардо и Вирглом.

— Есть противоядие, — беспечно улыбнулась мама. — Чуть сложнее в приготовлении и из трех трав. Но за эти два года я сумела их все отыскать и отложила в тайник. Просто на всякий случай.

— А Рикто? — спросил я, но сам себя прервал. — Да, прости, о чем это я.

Мы по-прежнему во власти Кардо и эти травы, вероятно в единственном экземпляре, просто страховка мамы для нашей семьи. Если сделать противоядие и дать его Рикто, то....Даже если он будет делать вид, как и я, что его Возвышение замерло, то, что делать с тем, что избавившись от яда, его тело начнет набирать вес? Станет ли он держать в тайне нашу помощь? Поверит ли в вину Кардо за смерть отца и свое состояние? Если поверит, то удержится ли от мести до дня, когда станет сильным? Слишком много подводных камней, о которые может разбиться наша семья. Если мои, еще совсем недавно призрачные, планы на месть успешно осуществляются, то я помогу тому, кто пострадал от рук моего врага. Тем более что все возможности для этого у меня будут. Это все что я могу для него сделать. Я снова повторил в памяти имена тех, кому собирался помочь в будущем. Тукто, Рикто. У них даже имена схожи, усмехнулся я про себя.

Я, отбросив все мысли и планы, с удовольствием окунулся в интересную, после полугода собирания камней, работу по укладке стен. Я в основном работал на тяжелом участке, наверняка спасибо Вирглу, где ее нужно было возводить с самого начала. Но для меня главное было не поднимать ничего тяжелого и не забывать плескать на себя из кувшина, чтобы окружающим не было понятно, что я даже не потею при работе, только от солнца и то, не сильно. Хотя возникали и неожиданные проблемы, но о них после. Для начала мы рыли в песке основание стены, длинную яму шириной в два локтя и глубиной мне по грудь. Затем невдалеке делали еще одну, больше похожую на чашу. Неглубокую и круглую. И замешивали в ней глину с песком, кизяком, рубленой драконьей травой и навозной жижей. Затем бутили основание стены. Бросали в яму слой камней и заливали густой замешанной смесью. Когда камни переставали выглядывать — повторяли снова. Обычно к вечеру мы полностью оканчивали

основание. Следующие пару дней, пока оно сохло, мы снова месили саман в прежней чаше, но на этот раз гуще, без жижи, но добавляя мелкую рубленную сухую траву, а не толстые стебли. Все это мы трамбовали в сделанные из обожжённой глины формы. И оставляли на солнце сохнуть большие саманные кирпичи. Затем, заставив всю подготовленную и застланную сначала циновками, а поверх слоем свежей травы площадку сырыми кирпичами, мы начинали укладывать на высохшее основание готовые, сделанные несколько дней назад и почти полностью высохшие, кирпичи. Только прилипшую траву отдирай от низа. Или же переходили копать основание для нового участка стены, если на укладку кирпича были еще свободные руки. В итоге у нас получалась стена в два локтевых кирпича толщиной и высотой до пальцев вытянутой руки взрослого. Думаю не нужно говорить, что я пару раз пытался поднять один такой кирпич, но сделал вид, что для меня это непосильная задача. Их таскали как минимум пятизвездочные. А мы, пацаны, были, как принеси-подай. Но должен сказать, что мне даже понравилось работать на стройке. И я зря умничал и смеялся над Кардо. За месяц мы полностью окончили стену, и камень даже остался. Теперь деревню окружала настоящая стена, придавая ей гораздо более солидный вид. Нужно ли говорить, что за этот месяц не было ни одного нападения на людей. И жизнь деревни потихоньку возвращалась в старое русло. А я радовался своей самой быстрой и легкой звезде. Я достиг седьмой. Всего за полтора месяца! И думаю благодарить нужно свершившуюся месть. Может, не зря в сказках всегда говорится, что небо приглядывает за давшими обеты? И награждает или наказывает их. Кто знает?

Глава 11

Наверное, да что там, буду честным сам с собой, я действительно был неправ. Но терпеть и дальше было просто выше моих сил. Да, работать на стене мне понравилось. Не буду отрицать. Да, находиться в компании было интересно. Не сразу, меня все эти разговоры о пустом поначалу просто выворачивали. Похоже, я просто одичал на своем камне, как и хотел Виргл. Но затем я втянулся и начал даже находить в этом трепе ни о чем удовольствие. Но сколько можно? Видит небо, я действительно отвык быть с кем-то. Больше месяца я уже не был наедине с пустошью и своими мыслями. И сегодня я не выдержал. Договорился с Ратом и Тукто, что они дотащат мой тук с колючкой. А сам, сделав вид, что живот прихватило просто смертельно, уговорил дурака Ма, возвращаться без меня. Догоню мол. Само собой, никто из остальных подростков не горел желанием составить мне компанию среди низкой травы. Конечно уже пошли редкие дожди, и пустошь потихоньку зеленеет. Но ни полевичка, ни цимбогон еще не успели подняться стеной. Ведь я специально выжидал, когда мы далеко уйдем от куртины акаций. И вот, убедившись с высоты свинцового дерева, что весь отряд скрылся вдалеке, я, наконец, остался один.

Это жутко выматывало. Я смог привыкнуть к опущенным плечам, взгляду в песок и вечно грязной порванной одежде, которая уже буквально сопрела на мне и расползалась от старости на нити. Жить словно два разных человека. Один для глаз семьи, другой для глаз деревни. Я словно лицедей в театре, что описывался в книгах, представлял, как выходя за порог дома, натягиваю на себя маску изгоя и отверженного. Мусора. Отброса. И это было трудно. Особенно оставшись без отдушины в виде часов, когда я будто уходил в руины в поиске камней и мог быть самым собой. Но я справлялся. Проблема пришла с другой стороны. Поднявшись на седьмую ступень закалки, как Виргл, я понял, что скрывать свои силы гораздо сложнее, чем лицедействовать. Я стал слишком быстр, чего, кстати, вообще ни за кем не замечал из деревенских жителей, слишком силен. Я мог махнуть рукой, сгоняя муху,

прилетевшую полакомиться соленым потом, так, что рука со свистом рассекала воздух. Мог походя, наткнувшись бедром на угол здания, отломать кусок самана от него. Повезло, что такие случаи прошли незамеченные. Мне приходилось контролировать каждый свой жест, каждое свое движение. И это выматывало до такой степени, что иногда, в ответ на безобидные слова соседа, хотелось наорать на него или вообще ударить так, чтобы он отлетел и больше не смел со мной заговаривать. Хотелось схватить тяжелый кирпич и швырнуть его в проходящего мимо Виргла, чтобы он упал, захлебываясь кровью, как Паурит. А я скрипел зубами, глядел в песок, говорил о какой-то ерунде.

Новые распоряжения о сборе сухих колючек я воспринял как подарок небес, но был разочарован действительностью. Нас не выпустили одних. Да и вообще, это не шутка, мы выходили за пределы песка, за пределы нор квыргалов и безопасного пояса и останавливались лишь там, где пустошь окончательно проявляла свою власть и могла похвастаться когда-то густой травой, колючими кустарниками, мелкими акациями и даже редкими настоящими деревьями. Глупо на самом деле было надеяться, что туда, где могут быть не только безобидные джейры, но и пересмешники с пумами, кто-то отпустит детей одних. Но столь близкая свобода так манила меня, что я махнул рукой на осторожность. Гораздо хуже будет, если на днях я сорвусь на людях и разрушу весь свой план мести. Так я то ли утешал себя, то ли обманывал, провожая взглядом уходящий отряд.

Произошедшее со мной дальше я после мог объяснить только кратковременным сумасшествием. Или же наказанием небес за столь быстрый рост в звездах. Допустим, первый час, когда я бегал со всех ног за шакалами, награждая их пинками, прыгал на деревья, проломил проход в купине колючки, распугав птиц, бросал камни в джейров, вопя про старые обиды, хорошо не убил никого, еще можно было понять. Но вот то, что я начал творить в дальнейшем.... Кажется, мне показалось, что вожак мечерогов как-то не так смотрит на меня. Не помню, все в памяти словно заволочло пылью, которую я поднял во время бега. Я ворвался в стадо, пинками разогнал их и, ухватившись за длинный прямой рог вожака, принялся охаживать его кулаком. В ужасе, с испуганным

блеянием стадо бросило своего вожака и помчалось прочь, добавляя в воздух мелкую светлую пыль. Кажется, сложно было сначала дотянуться до рогов и выдержать первый его рывок, когда он просто поднял в воздух мое легкое тело. Но я справился и мечерога отпустил, только когда он обессиленный рухнул на колени. И то, только потому, что заметил в траве одинокого пересмешника. На свою беду, разыскивая для стаи больную или раненную жертву, он нашел меня. И примерил на себя ее роль.

Тут я отчетливо помню, что он показался мне похожим на Виргла со своей отвратительной усмешкой на морде. И я, забыв про несчастного мечерога, в два прыжка оказался у новой цели. Некрупный пересмешник оскалил зубы, намереваясь кинуться на меня, а я, кажется, улыбнулся и пнул его в бок. К счастью, с каждым ударом я становился все более спокойным и все более походил на самого себя. Так что вскоре я уже вполне осмысленно проверял на подвернувшемся противнике границы своей силы и ловкости. Как там звучал совет, который я слышал уже дважды? Искать себе равных противников? Отлично, начнем с пересмешника. Но с каждой минутой схватки, больше похожей на избиение, убеждался, что если меня не застанут врасплох прыжком из засады, то, пожалуй, среди простых хищников пустошей для меня нет противников. Возможно этот же пересмешник мог откусить мне руку или ногу, я не ободрялся своей закалкой тела, видя размер его зубов, но я был слишком быстр для него. Он вообще казался мне стоящим под водой. Так плавны и замедленны были для меня его действия. Я видел, как он расправлял лапы, отрываясь от земли, и тут же одним рывком оказывался вплотную к нему, впечатывая кулак ему в брюхо и останавливая прыжок.

— Все, — заключил я, стуча пяткой в скулящую тушку пересмешника. — Можешь ползти обратно в стаю. Скажешь, здесь вообще жрать нечего, а по морде дают. Похоже, мне нужно искать настоящего Зверя, чтобы найти себе противника. Не подскажешь такого в округе? Пересмешник не отвечал, а кажется пытался прямо под моей ногой вырыть нору, в которую можно было бы спрятаться от моих издевательств.

— Великолепно!

Этот спокойный, полный осознания своей силы голос, раздавшийся со спины, подействовал на меня как прыжок в утреннюю холодную воду реки после часового бега на пределе сил по развалинам. Когда разгоряченное тело падает в холодную воду и дыхание, словно замирает в груди. Я медленно, понимая, что случившегося уже не изменить, повернулся к говорившему со мной. Это был среднего роста смутно знакомый мне мужчина. В запыленном просторном халате коричневого цвета с обвязанной когда-то белым платком головой. Не скажу, сколько ему лет, но я вижу первую седину в его ухоженной густой бородке, а вот и усы и щеки у него гладко выбриты. Он сидел на каком-то Звере, похожем на огромную ящерицу желто-зеленого цвета только с невероятного размера когтями, огромными, толи шипами, толи рогами на голове, и с седлом и сумками на узкой спине. Сбоку от наездника висели короткое копье и сабля. Но главное, главное было в том, что на шею мужчины тоже был намотан белый платок и на его хорошо видимом мне конце был простой и гордый набросок черным трех горных вершин покрытых снегом.

Воин Морозной гряды. Кажется тот же самый что и год назад, поэтому он мне и кажется знакомым. Если я верно помню эту необычную длинную бородку, которая растет только на кончике подбородка. Обычно у наших мужчин либо борода разной степени ухоженности на все лицо, либо бреются полностью, у кого есть терпение шкрябаться наощупь бритвой. Я, лихорадочно вспоминая все, что слышал об этикете между практикующими, сорвал с головы платок, бросив его под ноги, приложил кулак к открытой ладони и чуть поклонился, опустив глаза с Воина в землю.

— Младший приветствует старшего!

— Подойди поближе, — Воин похлопал по грубой запыленной спине ящера, подзывая меня.

— Старший! — приблизившись к собеседнику, я замер в новом неглубоком поклоне, на это раз вытянув руки вдоль тела.

— Я поражаюсь все больше и больше, — сделав короткий жест ладонью, который я различил краем глаза, разрешающий

мне выпрямится, Воин покачал головой. — Такая вежливость в этой дыре. Я и в Арройо могу на пальцах пересчитать дословно соблюдающих этикет. Сколько у тебя звезд?

— Этот младший достиг седьмой звезды менее пятнадцати дней назад, — ответил я, не выпрямляясь.

— Ты выглядишь просто ребенком, — продолжил собеседник, — сколько тебе лет?

— Этому младшему через месяц будет одиннадцать.

— Одиннадцать? — Воин смолк на долгие секунды, заставляя меня нервничать. — Посмотри мне в глаза! Что ты сейчас делал с этим несчастным животным?

— Младший испытывал свои новые силы, — выпрямившись, и глядя в темные глаза Воина, ответил я почти правду, надеясь, что он не видел избиения несчастной антилопы.

— Почему в таком возрасте ты здесь один?

— Здесь? — осмелился я уточнить.

— В пустоши, вне безопасных стен, без старших? — перечислил Воин.

— Этот младший отстал от своей группы, чтобы провести проверку, — снова ответил я полуправду.

— Почему, даже если стереть с тебя пыль пустоши, ты выглядишь как грязный оборванный нищий? — я увидел на лице Воина гримасу.

— Этот младший не очень ладит с людьми в деревне, — позволил я себе немного пожать плечами.

— Ты, достигший в одиннадцать семи звезд, не ладишь с жителями? — удивился Воин. — Это ведь та дыра у реки, где пьянствует Орикол?

— Верно Старший, — я коротко поклонился, лишним не будет.

— И Орикол не вцепился в тебя будто клещ? — Воин расправил платок, свисающий на грудь, и провел рукой по

гербу, но смысла его жеста я не понял, стряхивал пыль? Вспоминал город? — Ты понимаешь степень своего таланта?

— Этот младший считает свой талант немного лучше хорошего, — я опустил глаза на шею собеседника, не выдерживая давления его взгляда. — Уважаемый Орикол не знает о моем таланте.

— Как много интересного я узнаю из твоих ответов, — всадник покачал головой. — Я слышу столько старой, но еще не остывшей, ярости в твоих словах. Небеса бросили в руки Ориколу изумительную драгоценность, но он втоптал ее в навоз. Как твое имя?

— Леград, — я снова совершил поклон.

— Хорошо, увидимся в деревне.

— Старший! — я поторопился принять позу смиренной просьбы. Тело склонено параллельно земле, ладони сложены лодочкой и вытянуты над головой.

— Говори, — я не вижу лица собеседника, но и не слышу в его голосе удивления. Он догадывается о моей просьбе. Но она должна быть озвучена. Я не знаю, что в голове у этого Воина и что он будет делать дальше.

— У этого младшего просьба к Старшему, которая не будет сложной для него.

— Ты переигрываешь в своем угождении. Я сам решаю, что для меня сложно, а что нет, — перебил меня Воин. — Продолжай.

— Младший умоляет Старшего не говорить в деревне об этой встрече и о том, что этот недостойный идет по пути Возвышения. Умоляю Старшего оставить эту встречу между нами.

— Похоже, слово «не ладит» плохо описывает твою жизнь, раз ты так смиренно привык просить снисхождения, — Воин помолчал. — Во сколько ты начал заниматься и с какой звезды?

— Этот младший занимается возвышением восемь с половиной месяцев, — я не рисковал разгибаться, все висит на волоске. — Младший начал с третьей звезды.

— Я видел, как ты сорвал ветку колючки и стегал ею пересмешника, покажи мне ладонь, — приказал Воин и внимательно осмотрел ее. — Идеальная закалка. Тело и душа, идущие к небесам бок о бок. Хорошо. Эта встреча останется между нами. Мне интересно, что получится из тебя, Леград. Если ты сумеешь дойти до конца, то польза городу будет велика.

Воин снова намотал на лицо платок пустытника, защищающий от пыли, и стукнул бока ящера пятками. Я посмотрел вслед Воину, который быстро удалялся в сторону деревни, подымая в небо густую пыль, и сам оглядел ладонь. Целая, хотя он, скорее всего, ожидал увидеть ссадины от шипов. Но у меня давно сошли даже старые мозоли от камней. Хорошо, что на стройке можно было вымазаться грязью, и никому не было нужды присматриваться ко мне. Похоже, мое состояние с повышающимся сопротивлением тела не уникально или, во всяком случае, известно вот этому Воину. Идеальная закалка. В общем, и я почти также назвал. Только мое отдельное — закалка тела, закалка меридианов объединили в единую — идеальную. Хорошо, что я смог заинтересовать этого проверяющего и теперь есть надежда, что моя тайна останется не раскрытой. Но каков гад! Я раздраженно пнул землю и наконец сплюнул скрипящую на зубах пыль. Мы тут неделю корячимся и собираем колючку, чтобы по его приезду топить только ею и не раздражать важного гостя ароматами горящих лепешек джейров. Мы ждем его только через три дня, а он уже тут. И надо же было так мне повезти! Совпадение достойное великого неудачника! Впервые за почти год я сорвался и это увидел во всей красе человек, который тоже бывает здесь всего один день в году! Я с ненавистью снова плюнул под ноги и побежал в деревню, забирая чуть в сторону, чтобы не глотать поднятую пыль. Как бы суметь маму предупредить о нависшей над нами угрозе? Всего одно слово и единственное, что нам останется — это бежать в пустошь. Нужно быть готовым и к этому варианту.

Как и в прошлом году, после приезда проверяющего Воина вся обычная жизнь деревни полетела в пропасть. Начнем хотя бы с того, что вернувшись за ограду, я обнаружил, что тут уже готовили праздничный ужин. Готовили на этой проклятой колючке, которая и втравивала меня в беду. Она давала

отличный жар, но и прогорала просто мгновенно. Поэтому с ней никто и не связывается обычно. Будем надеяться, что мы ее приволокли достаточно. До прихода мамы, которую просто не было способа предупредить, я больше мучился от вороха мыслей, что терзали меня, чем занимался делом. Откуда у нас ценные вещи, что заслуживают того, чтобы их тащили на своей спине в пустошь? Так что сборы заняли у меня меньше часа. Немногие запасы еды, огниво, простая кухонная утварь, по большей части облитая белой, она просто легче, большой сверток шкур и кож, немного одежды, больше для сестры, пара самых дорогих книг и то, что мама продолжала именовать моим наследством. Сборник рецептов и описаний, связанных с работой по металлу и самый малый набор инструментов кузнеца. Я вытащил из ниши между ложем мамы и стеной небольшой сундучок из полированного дерева мопани и кожи буйвола, с уголками из бронзы. Немного поколебался, но все же расстегнул ремennую застежку крышки и откинул ее. Внутри были аккуратно и плотно уложены инструменты. Я вытаскивал их и наслаждался ощущением их тяжести, гладкости, надежности. И конечно воспоминанием, что их так же сжимали когда-то руки отца. Клещи, ручник, гладилка, раскатка, гвоздильня, зубило, подсечка, обжимка, подбойки и пробойники в отдельном раскладном подсумке. Ну и конечно, там был молот, лежавший на дне, который, как думает Кардо, самая дорогая вещь в наборе. Он сильно ошибается. Самое дорогое здесь как раз самое мелкое и сделанное из стали, которой просто нет в нулевом. Например, пробойники, которыми пользовался еще дед отца и, на которых, я провел пальцем по кончикам от самого тонкого к самому толстому, нет ни следа от сотен тысяч ударов. А молот. Что молот? Его можно сделать почти из подручных материалов. На первый раз даже из камня древних. Жаль, что всем этим отец меня считай и не учил пользоваться. Мал был, да и вечная дорога. Так, нахватался в редкие дни, когда отец иногда напрашивался на работу в чужой кузне.

Солнце начало клониться к земле, окрашивая небо красным, вернулась мама, которую я огорошил тревожными вестями, а никаких криков вокруг нашего дома по-прежнему не слышалось. Похоже, пронесло и меня не выдали. Если только Кардо не ждет нас на площади, что вряд ли. Но страшись, не

страшись, а делать было нечего и мы всей семьей двинулись в центр деревни на звук гонга. Приезд Воина это не то событие, что можно пропустить, оправдываясь запретом на посещение тренировок. Как бы Кардо нас не любил, как бы не потакал сыну, но чтобы оказать почтение важному гостю, его должны приветствовать все жители. Если приехавший Воин узнает, что кто-то не появился поклониться ему, думаю, деревня тут же поменяет главу. Да и нам не поздоровится. Это традиция, ставшая законом. Поэтому Кардо будет внимательно осматривать пришедших на зов гонга.

Почти без лишнего шума жители деревни выстраивались с трех сторон за символической невысокой оградой вокруг площади в центре деревни. Взрослые были серьезны, и того же требовали от детей. Лишь раз у кого-то начал возмущаться совсем мелкий, но ему тут же заткнули рот. Все смотрели в сторону дома Орикола, который стоял сразу за проходом с четвертой стороны. Там, за распахнутыми воротцами, на деревянном стуле сидел уже знакомый мне Воин. Уже без просторного халата странствующих пустынных, в традиционных штанах и длинной обтягивающей рубаше, сшитых из тонкой блестящей и гладкой ткани, которую вряд ли могут делать в нулевом. Все темное, почти черное, но с вышитым ярким красным узором на рукавах и отворотах и серебряным гербом города на груди. Мне почему-то кажется, что даже его темные волосы отливают красным. Сейчас, рядом с громилой Кардо, тем более сидя, он совсем не выглядел на свой средний рост. Скорее коротышка. Да и сняв балахон пустытника, выяснилось, что и могучим телосложением он не блещет. Но это все было не важно. Важна была его сила Воина и власть города, незримо льющаяся из герба на его рубашке, вместе пригибающие головы всех людей на площади, заставляющие склониться в угодливом поклоне даже нашего самовольного вождя. Кардо, убедившись, что собрались все, откашлялся и громко произнес в царящей тишине.

— Жители деревни, — тут он махнул рукой.

— Приветствуют! — почти слитно ухнула толпа, и все мы склонились, прижимая руки к бедрам.

— Уважаемого проверяющего! — закончил Кардо, не разгибаясь.

— Хорошо, — Воин снова, как и в разговоре со мной, коротко повел рукой снизу вверх, разрешая выпрямиться, и спросил, не поворачивая головы. — Орикол, ты снова не удостоишь меня хотя бы кивка?

— Здоров, Тортус, — спокойно ответил наш пьяница, сегодня на удивление трезвый. И даже выбритый, что за минувшие, после покупки мной у него наставления, дни, случилось всего раза три. Говорили они, ничуть не понижая голоса, будто нас и вовсе не было здесь. И от почти презрительного тона, которым наш Орикол общался с всемогущим проверяющим, даже у меня сводило холодом живот, что уж говорить об остальных простых жителей. Но его собеседник был спокоен и расслаблен.

— Пусть так, — кивнул Воин. — Начнем с главного вопроса. Есть ли в этом году претенденты?

— Нет, пусто, — Орикол бросил короткий взгляд на Воина и снова принялся бесцельно блуждать глазами по стоящим напротив людям.

— Уважаемый проверяющий, прошу к столу, основное угощение подоспело, — Кардо повел рукой в сторону деревянного же стола, накрытого светлым полотном и уже заставленного едой на зеленой обливной посуде. Кардо постарался и накрыл стол так богато, как только мог в нашей деревне. Одна посуда, которую мама никогда не решалась купить, говорит сама за себя.

— Нет, глава, подожди. Я каждый год неделями скачу по вашим пустошам, то сплевывая пыль, то мокнув под дождем. И для чего? Чтобы отведать вашего жесткого пережаренного мяса, в которое вам не по карману положить даже специй? — Воин пропустил через кулак бороду. — Мне это надоело. Сегодня мы проводим большой смотр практикующих. Орикол!

— Тортус, оно тебе нужно? — бросил короткий взгляд на собеседника наш пьяница.

— Мое терпение на исходе, заслуги прошлого не бесконечны, — Воин же даже не повернулся, продолжая

смотреть выше наших голов на алое небо.

— Виргл, Порто, Шиго, Ларг — экзаменационные гири на площадку! К первой скамье тройку и дальше по порядку. Передо мной девятка. Бегом!

— Список ранжирования, — Воин вытянул в сторону Орикола руку.

— Отсутствует, — процедил тот.

— Ты здесь, в этой дыре, уже почти четыре года. Хорошо хоть некоторых учеников знаешь по имени, — Воин помолчал. — Ты думаешь, что падать дальше некуда. Это просто дыра даже без названия, хуже которой и нет в этих краях. Но представь, что я сейчас, при всех жителях, изобью тебя до полусмерти.

— Я презираю сам себя, что мне до мнения слабаков? — теперь Орикол глядел на Воина, не отворачиваясь.

— Намекаешь, что после тоже возьмешь свое силой? Хорошо. Я приеду сюда еще раз. Затем меня на посту сменит Дамтур, — Воин снова пропустил бороду через кулак. — Что ты будешь говорить ему?

— Сейчас будет тебе список. Виргл, тащи мне бумагу и чернила! — Орикол крикнул, не глядя на него, и не видел, как тот сначала бросил взгляд на отца и лишь затем убежал за дорогой бумагой. И это заметил не только я, хотя Тортус по прежнему не опускал с неба глаз.

— Орикол, как бы ты не храбрился, я вижу, что тебе все же есть куда падать дальше, — на губах Воина появилась тень улыбки, а вот у Орикола отчетливо вспухли желваки на щеках. — Веди смотр, учитель.

— Дети, слушайте внимательно! — теперь голос Орикола гремел над площадкой. — Каждый, кто станет десятой звездой, будет объявлен чемпионом деревни, уедет отсюда в Первый круг и заберет с собой кровных родственников. Все, кому близится десять лет, и кто желает ступить на дорогу Возвышения, ведущую в небеса, могут выйти на эту площадку и пройти первый свой экзамен. Я зафиксирую ваши результаты. Через год, вы сможете похвастаться своими

успехами. Каждый, кто на глазах уважаемого Воина возьмет следующую звезду, получит подарок от нашего главы. Десять килограмм свежего билтонга!

Внимательно наблюдая за происходящим, я видел, как дернулся от этих слов Кардо и, хотя улыбка не исчезла с его лица, но стала выглядеть как свежая шкура, натянутая для просушки. Перед лицом проверяющего Воина пообещать ему такие убытки. Первые звезды берут все. Исключений нет, как бы не был плох твой талант. И ведь не отступить. Иначе можно потерять лицо перед ним или даже оскорбить. Я злорадствовал недолго. Рядом со мной, без всякого уважения к старшему, оттерев плечом нашего соседа, встал Шиго.

— Отброс. Если ты думаешь, что этот шанс тебе дан этим самым небом, про которое вечно болтает Орикол, то ты ошибаешься. Можешь выходить. Виргл сказал тебе не мешать. Но тогда мы каждый день будем сами проверять твою силу. Кулак против кулака, — Шиго сунул мне под нос свой с плотными мозолями на костяшках, от его любимого мешка с песком. — Думай.

Я поднял глаза, которые при Шиго сразу опустил вниз и столкнулся взглядом с Воином, который, наконец, опустил глаза и внимательно наблюдал всю эту сцену. Еще бы Виргл попробовал мне помешать выйти на площадку. При Воине начать драку! Проще прыгнуть со скалы. Все легче последствия будут. Я улыбнулся Тортусу и снова опустил глаза. Я не буду выходить и объявлять всем, что я хочу вступить на путь Возвышения и начать развитие духовных меридианов. К чему кричать об уже давно свершившемся? Нет, я по-прежнему никчемный отброс. Порадую Виргла. Ему недолго осталось. Кстати! А ведь Кардо могло перекосить и по другому поводу! Он через год, каким-то чудом, хочет, чтобы сын взял десятую звезду. И уедет отсюда. Какая ему будет разница сколько и кому выдать мяса. Но если раньше он мог сказать, что сын в прошлом году немного не дотягивал, то теперь, когда появится запись о его текущей седьмой! Что он сможет сказать? Ему нужно будет убедить этого Тортуса, что в его сыне проснулся талант, и он проскочил три звезды за год! Пусть попробует! Мне, кстати тоже предстоит пройти этот же путь, если я хочу успеть отомстить Кардо. Прежняя гора в

четыре года сейчас кажется мне немного низковатой. Если я не хочу упустить убийцу отца, мне нужно взбираться на ту, что обещает привести меня к вершине всего за два! И половину времени я, считай, уже потратил.

А между тем, на площадку выскочили несколько младших ребят. И я с удивлением увидел среди них не только Тукто, которому немного рановато, но и Диру, дочку дяди Ди и Ралио. Она тоже хочет развивать меридианы и достичь десятой звезды? Или ее цель не столь высока? Конечно, можно было бы закрыть на это глаза, ведь не зову же я Ралио тетей и не помогаю советом Рату, названному в честь матери. Но сам Рат никогда и не ставил себе целью покинуть эту деревню. Он лишь хотел получить пятую звезду и начать ходить с отцом на охоту. А от Ралио я видел лишь обычную помощь доброй соседки. Она не поддерживала нашу семью так, как дядя Ди, которого я считаю ее частью. Посторонний вряд ли понял бы эту избирательность в моем отношении к ним. Нужно внимательно посмотреть, как будет учиться Дира, и узнать, чего она хочет добиться. Странно конечно признавать это, но если ее цель вырваться отсюда, то я не смогу оставить ее без помощи. Пусть это и опасно, но можно все хорошо продумать, чтобы остаться вне подозрений.

Орикол продолжал говорить дальше, все повышая количество звезд для испытания. Речь его текла плавно и без остановок, полная восхваления Возвышающихся и неба, которое смотрит на них. Видимо этот смотр был ему знаком и участвовал он в подобных десятки раз. Из интересных событий можно было отметить, что Тукто получил третью звезду, Дира не смогла взять этот вес и была очень расстроена. Шайка Виргла не изменила своих результатов, которые я видел из сарая. Хотя Виргл пытался, да. Но выглядел при этом ничуть не лучше Порто, над которым смеялся Вартус. Видя неудачу своего босса он, конечно, промолчал, верная шавка. А еще я, наконец, увидел эмоции на лице проверяющего Воина. Это случилось, когда Миргло вышла, попытаться взять девятую звезду. Зрелище почти двухметровой женщины, одни руки которой были больше, чем его ноги, а ноги, плотно обтянутые кожаными мужскими штанами, толще, чем я сам, выбило его из безразличного созерцания экзамена. Да, когда рядом проходит Миргло, никто

не может остаться равнодушным. Я сам всегда с ужасом гляжу на нее. Бедный, бедный Котил!

— Смотри окончен, почтенный проверяющий, — Орикол стоял прямо, одним видом отрицая свою вежливость.

— Позволь уточнить. Перед своим учителем выстроились все юные возвышающиеся этого места? Ты никого больше здесь не назовешь своим учеником? — услышав этот вопрос, я напрягся, это Воин явно обо мне.

— Станный вопрос, Тортус, — Орикол нахмурился. — К чему ты ведешь? Да, я подвел нашего учителя, но хватит мне этим тыкать! Мне никогда не быть как он!

— Закончили, — кивнул Воин и пропустил бороду через кулак. — Озаботься копией списка, я уеду с восходом. Глава, начинайте пир по случаю экзамена и появления в вашей деревне тех, кто впервые вступил на дорогу, ведущую к небесам.

— Даже не знаю, рад ли я, что ты, отброс, стал таким послушным, — вlepил мне под ребра кулак Шиго, перед тем как уйти. Но мне было не до его тщетных усилий. Главное что все мои тревоги были напрасны.

Глава 12

Снова! Эта дурочка! Она снова рыдает! Каждый вечер она прётся на площадь, прямиком в теплые объятия шайки Виргла. Хотя, конечно, упрямства ей не занимать. Не могу не признать этого. Второй месяц, как она каждый день выслушивает их почти неприкрытые насмешки и оскорбления. Как же, девчонка на тренировке! Она единственная из них за все годы существования деревни, кто занимается Возвышением. Пусть и лет этих было меньше, чем пальцев на одной руке. Обычно женщины деревни считают, что это не их дело и оставляют Возвышение на мужчин. Исключение из этого — Миргло.

Вот шавки Виргла и пользуются поводом. Особенно один крысёныш, которому только дай волю и новую жертву. Но она не кричит, не истерит, не обливается слезами. Камень древних, крепкий и непоколебимый, а не девчонка. На их глазах. А вот стоит ей скрыться за низкими оградками домов, как она забивается за сарай возле загонов и рыдает. Мне сейчас отлично слышны её всхлипывания и какие-то жуткие подвывания, от которых сжимается сердце. Не могу никак определиться кто она? И впрямь дура? Или из тех людей, которые любят, когда об них вытирают ноги? Я бы понял ее мучения, если бы на площадке был доступ к чему-то уникальному. Если бы там, хоть иногда, появлялся Орикол, к примеру, и его нужно было ждать, чтобы выслушать наставления и советы. Но приходить туда, чтобы поглощать энергию мира и при этом тонуть в словесных помоях? Это выше моего понимания.

Тот же Тукто в этом вопросе умнее её. Он был на тренировочной площадке вместе со всеми только раз, на следующий день после вручения книги по закалке. И его не задирали, ведь он не девчонка, у него там брат в конце концов. Но на площадке он появляется только тайком и где-то всего раз в месяц. Во всяком случае, я однажды его там заметил и как раз через месяц после уезда Воина. Орикол уже давно не появлялся со своими нравоучениями. Виргл поначалу делал вид, что никаких совместных тренировок нет, но сейчас все вернулось к прежнему виду и гири валяются по всей

площадке. Вот в темноте, при вспышке молнии, я увидел странное шевеление и проверил. Там Тукто тайком пробовал свои силы.

Но как! Придурок! Мне хотелось выскочить, не хуже, как тогда наш единственный в деревне пьяница, и вломить ему хорошую затрещину. Для проверки наличия мозгов. Он пыжился, кряхтел, делал перерывы, но раз за разом поднимал каменюку с тремя звёздами на боку. Дарсов Виргл, всем, всем мозги залил этой дрянью с гирями. Он уже никому ее не льет в уши, а она сама им лезет. Эти мелкие только видят, как он со своими шавками пыхтит, и лезут повторять. Как тупые джейры в загоне. Примани вожака куском солонца и все остальные побегут за его хвостом. Им ничего не даёшь, а они бегут по твоему желанию, обходясь одной надеждой и далеким видом недосыгаемого лакомства. Как же! Все бегут! Вот и тут: вроде и мозги свои есть, и книгу им в руки дали. А гляди же. В общем, выскакивать я не стал, сплюнул от злости в песок под ногами и пошёл обратно домой, пока дождь не дошел до деревни.

Конечно, я обещал сам себе, что помогу им. И даже решил, что это не так сложно сделать. Но обдумав эту мысль, понял, что как бы я не мудрил, просто на слово мне не поверят. Вот если бы Орикол вылезал из вонючего дома и занимался своей работой, вправляя мозг начинающим, пусть и через затрещины, то всё было бы замечательно. Но он опять глушит пойло, Виргл и прочие продолжают тягать гири, Кардо снова закрывает на это глаза, а эти сопляки примеряют к себе всякую увиденную у старших дрянью. Так что если я его поймаю и начну ему гнать байки про правильное Возвышение, то он, скорее всего, примет меня за дурака. И пошлёт. А если я проверну такое с этой упертой девчонкой, то она начнет вопить, а может и драться кинуться. Это она на людях смирная девочка. Уж мне ли не знать, что она бывает за Ратом гоняется с кулаками.

Их может заставить поверить моим словам только показ моей реальной силы. Прямое указание от сверстника, что опередил их, уже не отбросишь в сторону. А тут опасность того, что Кардо, да даже, для начала, Виргл об этом узнает, становится слишком высока. Можно было бы подождать год, пока либо те отсюда не уедут, либо я не стану так силен, что

опасность разоблачения для меня станет несущественной. В конце концов, и месть мою никто не отменял. Но за этот год их Возвышение может быть безнадежно испорчено. И тогда все мои намерения им помочь будут просто насмешкой над ними. И так, каждый новый день работает против них.

Несколько дней я разрывался в сомнениях. Как ни странно, выход подарили мне сказки. Все те же сказки про Рама Вилора. Мама в этот раз читала нам историю про то, как он взял под свою власть Равнины Синих Слез. А ведь я ее слышал раньше, но забыл. Он не хотел кровопролития и гибели простых солдат и вызывал на бой всех генералов вражеской армии по очереди. А чтобы битва был честной, перед каждым боем снижал свое Возвышение до уровня противника. И победил во всех тридцати пяти боях.

Казалось бы сказка. Но все знают, что Рам Вилор реально существовал. Это основатель нашей возрожденной империи. И эти сказки — это его жизнеописание для детей, которое выпускаются его Кланом. Почти всё, что в них написано, было с ним на самом деле. А ограничение силы — это как раз то, что мне сейчас необходимо. Отложим в сторону вопрос с показом силы Тукто и Дире. Я по-прежнему вынужден контролировать свои движения. Особенно их скорость. Для меня все в деревне, после того как я делал этакое незримое усилие над собой, схожее с напряжением несуществующих мышц, словно я поднимаю ещё одни веки с и так открытых глаза, выглядели медлительными увальнями. По моим наблюдениям самыми быстрыми были моя мама, Миргло и дарсов Кардо. А вот Ракот был медленнее.

Я как-то попросил маму поймать меня в доме. Она поймала. Но стоило ей это значительных усилий и нескольких попыток, пока она не начала воспринимать меня всерьез. А я после этого несколько успокоился насчёт её походов на Чёрную. Простого хищника ждет судьба моего пересмешника. Да, наверное, даже молодой Зверь не сможет её ранить. Тем более не только я сижу взаперти и выхожу за стены лишь в компании сверстников. Но и мама давно забыла, что такое тайная отлучка на Чёрную гору. И, признаться, мне от этого только спокойнее. Так вот, контроль своих движений меня по-прежнему жутко выматывал морально. А способность Рама

Вилора давала мне отличный шанс разом решить все мои проблемы. Единственная сложность заключалась в том, что Вилор в той истории был отнюдь не на этапе Закалки меридианов. Можно ли вообще повторить этот трюк с моими возможностями?

Оказалось, всё можно сделать, если есть сильное желание и упорство. И того, и другого у меня оказалось с избытком. Но даже так, у меня ушла на это куча времени. Вот как раз почти все эти два месяца, что я наблюдал за мучениями Диры, это и заняло. Начал я с простых внушений себе: «Я слаб! Камень тяжелый! Я на этапе три звезды!». Долго я мучился с этим, но ничего толком не выходило. Нет, в итоге я все же добился, я очень упрямый, что после приказа, я действительно не смог поднять камень. Однако подобное самовнушение держалось минут пять, не больше. Вроде можно начинать радоваться, но если представить, что я еще буду и каждые пять минут себе повторять: «Я слабый! Я слабый!», — то сорвусь еще раньше.

И я решил обратиться к помощи образов. Раз у меня так хорошо получается представлять потоки силы, что иногда я вижу вокруг себя разноцветные картины, которые рисуются даже без моего участия и усилия, то почему бы их не поставить себе на службу? Я решил представить, что рисую перед собой красную, как кольца на теле змеи, печать. Обычную круглую печать, наподобие той, что изображена в книге по истории империи. Только у меня она совсем простая. Без вычурностей, герба и мелких деталей. Просто круг, проведенный толстой линией и по его краю идут надписи «Ограничение», а в центре жирно горит «3 ступень».

Это выглядело так. Я представлял, что двумя, тремя движениями рисую перед собой печать и надписи, затем словно приклеивал ее себе на плечо. И приказывал сам себе, что пока на мне печать, то она ограничивает моё проявление силы, но не влияет на настоящее Возвышение. Не с первого раза, не с десятого, но через пару недель у меня всё получилось. Печать рисовалась именно такой, как я её воображал. Послушно перемещалась на плечо. Не исчезала ни в процессе этого действия, ни после касания, ни после того, как я отводил глаза. Теперь, пока на мне была печать, даже

вёдра на поливе стали тяжелые и я снова по-настоящему начал обливаться потом.

Был и неожиданный эффект моих тренировок, который заставил меня усомниться в том, что это действительно самовнушение. Я решил оставить печать на себе на длительный срок. Стоило мне утром открыть глаза, как я увидел тлеющую, как угольки, печать, которая будто бы и не исчезала на ночь. Хотя не мог же я во сне её представлять? Это было загадкой, над которой нужно было бы подумать, но больше я подобных проверок себе не позволял. Я опасался, что, несмотря на все усилия в формулировке приказа для печати, я ограничивал таким образом и свое Возвышение. Тем более, если у меня вышло нечто большее, чем внушение. Потому скрывшись с глаз людей, после окончания работ, сразу же её снимал. И с тревогой прислушивался к себе. Для прорыва было еще рано и я это сам понимал, но ничего поделать с собой не мог.

Пусть всего трёх дней проверки мало для того, чтобы полностью меня успокоить, но продолжать и дальше слышать эти рыдания больше нет сил. Может, это я люблю делать себе больно? Иначе я не могу объяснить, зачем я тоже прихожу сюда каждый вечер. «Хорошо, пусть так! — решил я. Возможно, это моя совесть пытается заставить сделать меня хотя бы одно по-настоящему доброе дело. Сейчас, мне кажется, совсем не время лезть со своими умными советами. — Завтра. Я попробую помочь ей завтра». Как раз будет ее очередь на прополке и мы увидимся.

— Дира, привет!

— Привет. Чего это ты? — она даже не разогнулась над грядкой. — Обычно не утруждаешь себя приветствиями? Со-сед.

— Да, неправда, — я пожал плечами, игнорируя колкость. — Слушай, я тут половину уже полил, хочу спуститься и чуть отдохнуть, умыться, воды там попить. Пошли со мной, я у тебя совета хочу спросить.

— Совета как умываться? — она все же выпрямилась и уставилась на меня своими синими глазами, точь-в-точь как у отца.

— Попьем. Поговорим, — уговаривал я ее, но не замечал ни капли согласия в глаза. — Чуть отдохнем. Тоже ведь устала?

— Некогда мне, мне еще матери помогать, — девчонка уперла руки в бока, она, кстати, была сегодня не в простом платье тонкой кожи, как можно было ожидать на работах с землей, а в дорогом из тонкой ткани. Не сравнить с моей дерюгой. Чего это она?

— Дира, пожалуйста, пойдем. Правда, нужно поговорить, — стараясь не замечать её соседок по грядкам и их быстрых взглядов, я продолжал настаивать.

— Нет, некогда мне, — как отрезала Дира и снова склонилась над грядкой, выискивая среди мясного корня сорняки.

— Хорошо, — вот упрямая девчонка, выругался я про себя. — Тогда вечером сегодня не убегай на тренировку. Дождись меня, хорошо?

— Хм, посмотрим! — она сверкнула на меня злым взглядом исподлобья. — Хотя! Из-за тебя пропускать занятие? Ещё чего!

— Так! — мне это все надоело. Как же сложно с девчонками! Десять слов сказал, а уже голова болит! И за локоть потащил её из борозды. — Пошли, поговорим!

— Да ты обалдел!

— Не ори! — оборвал я её. — Шиго только дай повод, вон как косится. Сейчас даст мне в морду из-за тебя. Этого хочешь?

Дира замолчала. Она молчала, пока я стаскивал её по лестнице, ведущей к реке. Молчала, когда я затащил её под самый обрыв. Он слегка изогнут, так что увидеть нас сверху нет никакой возможности. С лестницы, с верхней половины можно, но я раньше увижу если кто пойдет. Но это вряд ли. Сейчас, когда каждые два-три дня льет дождь, полива мало. Все уже сделали свои нормы. Лейла, выполов свой детский кусок, тоже ушла домой. Остался я со своей увеличенной.

Справа, где набирают воду, тоже нас не увидят, а вот снизу по течению или с того берега, есть шанс.

Я провел рукой по плечу, стирая с себя печать. Её влияние было чуть шире, чем изначально рассчитывалось, и не ограничивалось моей силой, даже мир под ней для меня словно терял краски. Принялся внимательно оглядывать руины на том берегу. А Дира всё молчала. Я не обнаружил никого, кроме птиц, кто мог бы нас увидеть и повернулся к ней. Она, поджав губы, смотрела мимо меня на тот берег и молчала.

— Дира, — вздохнул я, — хватит дуться. Я, кажется, тебя никогда ни о чем не просил. Просто поговорить — разве это много?

— Ты у отца уже всё, что можно выпросил, — буркнула Дира кому-то за моей спиной.

— Да сколько можно! — обиделся я. — Сначала Рат, теперь ты! Ты видела? Мы с Ратом нормально общаемся, он уже не говорит таких глупостей. Ты чего начинаешь?

— Не знаю, что вы за дела с ним крутите, а мне до этого дела нет! — Дира и вовсе отвернулась от меня. — Хорошо сейчас Ракот присматривает за всеми охотниками и ты мяса не выпросишь у отца!

— Да что ж ты такая злая? — я был удивлен. Я не первый раз с ней заговариваю и никогда не слышал от нее таких речей. Это Рат любил что-нибудь на эту тему завернуть. Давно, правда. — С чего бы мне у него что-то просить?

— Ты вино просил? — она резко повернулась и ткнула в меня пальцем. — Дорогое дедушкино вино!

— Вино я купил у дяди Ди, — огрызнулся я. — За дорогую траву, которую, кстати, у вас не нашли, а значит где-то лежит в тайнике. Всё честно.

— Да ты его даже дядей называешь, — Дира топнула ногой. — Столько раз он вас кормил, что у тебя совесть проснулась! Я только и слышала по вечерам: «Сегодня семья Леграда будет сыта». Попрошайка беспомощная!

— А вот сейчас ты обидела и меня и своего отца! — я действительно разозлился. Что эта дура несет? Если из уст Рата подобные обвинения вызывали улыбку, потому что не чувствовалось в них настоящих чувств парня, который на самом деле всё понимал. Да он сам потом почти извинялся, пусть не напрямую, а такими намёками. То её слова почему-то вызывали у меня злость. В них слышалась настоящее презрение ко мне. — Я считаю твоего отца частью своей семьи не за то, что он подкармливал нас, а за то, что один оказался человеком и по-настоящему отдавал долг жизни. Не только делясь мясом! А поддерживая нашу семью изо всех сил! Единственный из всех!

— Вот именно! Он сильный! И помогает вам! — принялась вопить Дира, снова начиная тыкать в меня пальцем. — А что сделал ты для своей семьи? Слабосилок! Правильно тебя прихвостни обзывают отбросом!

— Ах вот оно что! — протянул я, успокаиваясь, но уточнил. — Ты злишься потому, что я отброс?

— Нет! — мотнула волосами Дира. — Я злюсь потому, что ты даже не начал развивать меридианы! Твой отец был десятка! Он почти вырвался из этих проклятых песков! Твоя мать восьмерка! Она сильнее всех мужчин в деревне! А ты? Слабак! У тебя был отличный шанс попасть в первый пояс!

— Да успокойся ты! — шикнул я на нее, с опаской косясь наверх. Как бы эти крики не услышали. Хотя, ведь всё что она кричала, только поддержит мой образ.

— Да иди ты к дарсу в нору! Вонючий отброс! Там тебе и место! — она попыталась убежать и пришлось ее схватить за рукав.

— Да, да, — я уже улыбался. — Может когда-нибудь и придется. Но мы еще должны поговорить.

Но Дира не собиралась меня слушать. Она крутанулась вокруг себя, пытаясь вырваться. Рукав дорогой рубахи затрещал, и я перехватил её за плечо, легко удерживая на месте. Разъярённая девчонка вся как-то извернувшись и вцепилась зубами мне в руку. И замерла, пытаясь, похоже, отгрызть от меня кусок. Если бы на мне была печать, то это

могло и получиться. Еще не прошедшие следы от ведёрных ручек тому подтверждение. Но не с идеальной закалкой седьмой звезды. Без ограничений печати мое тело наполняла энергия из меридианов, придавая ему невероятную прочность. Ошарашенная моим спокойствием Дира ещё сильнее сдавила зубы, а я опять улыбнулся и, подняв ее хрупкое тельце в воздух, медленно потянул её в одну сторону, а свою руку в другую, давая ей время разжать зубы. Иначе, с моей силой можно и покалечить.

— Что это было? — переводя круглые глаза с неповреждённой руки на моё улыбающееся лицо и обратно, дрожащим шёпотом спросила Дира, все ещё не касаясь песка ногами.

— Сначала мои вопросы. — я погрозил ей пальцем, наслаждаясь её состоянием. Как это здорово — не скрывать свои способности! И поставил ее на место под обрыв, с которого она и начала свой побег. — Для чего ты начала практиковать закалку?

— Хочу уехать отсюда. Отцу все равно, ему здесь нравится. Ему ничего в жизни не нужно. Была бы крыша над головой и добытый своими руками кусок мяса, — растерянная девчонка, ошарашенная тем, что только что произошло, принялась честно говорить то, что держала в себе. — Рат как отец. Мать смирилась со своими шкурами и будет с отцом. А я не могу в этих песках. Я хочу в первый пояс. Туда где нет этого палящего солнца. Где сказочные леса. Где много людей. Где платья, как на картинках. Где вкусная еда, а не этот корень, который весь год сажаешь — ешь, сажаешь — ешь. Или грызешь паршивый билтонг. Это отцу пожаренное на костре мясо — счастье, а...

— Довольно, я понял, — прервал я ее монотонный рассказ. — Ты получила наставление, прочитала его?

— Да, с мамой, — немного покраснела девочка.

— И зачем тогда ты ходишь к шайке Виргла?

— Ну, как? — окончательно растерялась от этого простого вопроса Дира. — Тренироваться.

— Тренироваться? — я помотал головой, пытаюсь уложить в неё этот простой как камень ответ. — Как часто ты в наставлении вообще видела слово тренироваться? Там его упоминают всего раза два! Зато на каждой странице, через слово говорят — поглощать, развивать, впитывать, направлять! В конце концов, это путь Возвышения! Возвышения! А не тренировки! Зачем тебе ходить на площадь, если в наставлении сказано учиться поглощать энергию, которая открывает путь к величию Небес. А она есть везде! Даже на твоих нелюбимых грядках с корнями!

— Ну, как же? — дрожащим голосом, с подозрительно блестящими глазами снова начала нести чушь Дира. — Сказано тренировать силу поглощения, есть тренировочная площадка, там все занимаются. И я. Занимаюсь. Там.

— Так! — я едва удерживался, чтобы не побиться головой об такой притягательный скальный обрыв, чтобы уложить в ней эти чудесные умозаключения. — Так! Слушай сюда. Это все дарсова чушь!

— Тебе-то почему знать! — вдруг ожила девчонка, словно я задел дорогое для нее. Даже намечающиеся слёзы исчезли. — Сам даже не начал заниматься!

— Да, на твоих тренировках, — я постарался вложить в слова как можно больше яда, — меня не найти. Так тот же Тукто тоже не ходит на площадку. Ему ты тоже скажешь, что он не занимается?

— Ну, — задумалась собеседница. — Занимается. Наверное. Он сильный! Он уже четверка! Понял! А ты даже на экзамене не вышел!

— Ты мало сейчас в воздухе висела? — ехидно уточнил я, и продолжил таинственным шёпотом, словно страшилку ночью перед костром рассказываю. — Хорошо. Только для тебя и только один раз я открою тебе свою страшную тайну!

— Какую? — Дира удивленно приоткрыла рот и тоже перешла на шёпот.

— К обрыву стань ближе и коснись его рукой, — скомандовал я, оглянувшись по сторонам ещё раз и продолжил,

опуская руку на песок. — Становись на мою ладонь и держись за обрыв.

Не сводя взгляда с ее круглых глаз, я медленно оторвал ее на своей ладони от песка и поднимал все выше и выше. До уровня пояса, плеча. Хотел было продолжить, но не решился. Этак я буду стоять точно под ней. А она одета в это платье до колена. Потом она может меня попытаться прибить за такое и будет права. Поэтому я легонько толкнул ладонь, подбрасывая её вверх ещё на половину роста. Дира тихонько взвизгнула, скользя руками по чёрному камню обрыва, а затем рухнула вниз, где я её поймал.

— Что это было? — подняла голову Дира, до этого молча сидевшая на песке, завесив глаза длинной чёрной чёлкой. — На какой ты звезде?

— Я? Да я слабосилок. Ты что! Я даже на экзамен не решился выйти. Ты о чём, вообще? — я не удержался и позволил себе небольшую месть.

— Я была не права, — тихо признала Дира, разительно отличаясь от самой себя, кричавшей несколько минут назад. — Твоя тайна действительно страшная.

— Страшная? — я улыбнулся. Что она там напридумывала себе?

— Так меня может подкидывать только отец. Значит у тебя тоже не меньше шестой звезды.

— Почему не меньше? — вскинул я брови.

— Мы как-то уговорили Рикто поиграть с нами. Он не мог нас так бросать. Ему это было заметно труднее. А ты как пушинку, с улыбкой, — привела свои доводы Дира и замолчала.

— Ясно, — я кивнул ее словам, стараясь не выдавать удивления столь умным рассуждениям. — Страшная то почему?

— Я мелкая, но не дура, — снова зло сверкнула на меня синими глазами Дира. — Я слышу и вижу, что происходит в деревне. Тебя и так бьют, а если Виргл узнает, что ты такой сильный, то убьет тебя. Он тебя ненавидит.

— Да, уж, — улыбаться мне расхотелось, всё она правильно понимает и ничего себе не придумала. — Если ты такая умная, что же ты кричала, что я слабосилок? Мне ведь нельзя быть другим.

— Прости, Леград, прости меня! — Дира бросилась ко мне и схватила за руку. — Я злилась, что ты даже не пытаешься бороться с ними, не стараешься вырваться отсюда! Из этих дарсовых песков!

— Хорошо, хорошо. Я понял тебя, — я осторожно попытался освободиться от её хватки, не сделав ей больно. — Ты чего? Отпусти меня.

— Прости меня! — глаза Диры снова начали блестеть, но вот меня она не отпустила, вцепившись словно клещ в джейра.

— Прощаю! Успокойся, — мне только её слез не хватает. Уйти просто разговаривать и вернуться с зарёванной девчонкой? Тут уже ложью с разговором о корнях для супа не обойдёшься.

— Я поняла! Я поняла! Ты позвал меня научить правильно возвыситься! Научи дуру! Не могу я тут жить! — Дира всё не думала отпускать мою руку и уже мой рукав начал трещать, грозя оторваться. На мне хоть и новая джутовая рубаша из толстых грубых нитей, но она старательно порвана во множестве мест, чтобы не давать повода Вирглу. И сейчас вообще расползется на клочки под таким напором.

Я уже не рад был, что связался с нею первой. Нужно было на Тукто потренироваться с объяснениями. Эти ее перепады настроения и захлестывающие эмоции просто сносят меня с намеченного плана разговора. Нет, я замечал, что девчонки сильно от нас отличаются. Но почему-то ориентировался на спокойную и рассудительную маму. А не на вот это! Мы здесь уже минут пятнадцать, наверное. Там Шиго на слюни изойдет из-за моей лени. О чем тут можно столько разговаривать? Нужно быстрее возвращаться.

Кое-как я все же привел Диру в более спокойное состояние, пообещав встретиться вечером и тогда дать ей советы. И взял с нее обещание, чтобы она к Вирглу больше ни ногой. Затем действительно умылся и, пустив вперед Диру,

начал подниматься к огородам. Первое что я увидел, когда моя голова поднялась над обрывом — это ждущего возле последней ступени Шиго. Но озвучить какое-нибудь оправдание долгой отлучке не успел.

— Отброс, я стоял здесь и ждал, когда же ты начнешь работать. А тебя все нет и нет. Ты все отдыхаешь и отдыхаешь. Языком с девчонкой чешешь в свое удовольствие. Все уже закончили поливать, и ушли, а твой участок ещё наполовину сух. Я даже не хочу слушать твое бормотание, — не пропустив меня дальше и, кривя губы в усмешке, начал красоваться перед остальными своей властью Шиго. А затем неожиданно пнул меня в грудь. Последнее, что я увидел, улетаая вниз, был испуг в его глазах.

Резкая, пронзительная боль обожгла моё плечо, и я открыл глаза, внезапно поняв, что ещё недавно вокруг было темно, а сейчас меня слепит свет. Плечо успокаивалось, открывая мне ещё несколько очагов боли. Сильнее всего болела кружащаяся голова, затем пальцы на все той же левой руке. А еще рёбра, спина, задница, колени и прочее. Считай почти всё тело, но гораздо меньше чем пальцы. Проморгавшись, я обнаружил над собой лицо Ракота. Тот склонился надо мной и внимательно рассматривал мою руку. С некоторой оторопью, не веря своим глазам, я увидел вывернутые в неправильную сторону пальцы. И тупо моргая, словно молодой джейр, которого Котил тянет на убой, пытался понять, что это такое могло с ними приключиться, когда Ракот начал хватать их своей стальной хваткой и дёргать.

Вот тут меня проняло ужасом и ещё большей болью, и я попытался вырваться. Но не смог! Я, равный по силе Ракоту, бился как беспомощный квыргал, прижатый им к земле, как вдруг все закончилось. Я осмотрел сначала свои пальцы, которые снова выглядели нормально и даже шевелились, а затем скосил глаза на плечо. Там ярко горела красным моя печать. «Это как?», — успел подумать я, а затем мне стало не до выяснения странностей, голова начала кружиться всё сильнее, а вокруг стали раздавались крики.

— Шиго, твареныш! Тебя сюда зачем поставили? — орал надо мной Ракот, не переставая ощупывать меня своими стальными пальцами. — Что бы ты не только лентяев гонял,

но и присматривал за этими мелкими идиотами. Ты за что взят в охотники? За силу? Тогда ты так новиком и останешься, на всю жизнь, как Ма! Головой нужно думать, смотреть за этими дарсовыми джейрами, у которых свои головы еще пустые! Они же на ровном месте найдут способ ногу сломать! Или шею!

— Да он сам его с лестницы скинул! — это, кажется, Дира вопит.

— Так, это кто?

— Это я! Старший, мы вместе снизу пришли. Шиго начал орать, что Леград долго поливает и скинул его с лестницы — ничуть не снижая громкости, продолжила Дира.

— Да, я тоже видел, старший! Он его пнул ногой. Леград и улетел, — раздался подтверждающий гомон голосов.

— Шиго, дарс тухлый! — зарычал Ракот. — Это как понимать? Тебе совсем моча в голову стукнула?

— Да не хотел я! — начал истерично оправдываться Шиго, частя словами. — Кто знал, что он такой хлипкий! Он всегда с этими ведрами носится туда-сюда как заведённый! И вообще, дашь ему в бок, он скривится и дальше бежит. А тут я его слегка пнул, а он сразу улетел! И вообще, всё с ним нормально! Вон, живой он! Чё вы орете? Ракот, нормально всё!

— Ты как со старшим говоришь? — надо мной раздался звук хорошей затрешины.

— Да его аж подбросило от этого слегка, таким ударом и убить можно, — обступившие нас продолжили глубже макать Шиго в дерьмо. Да, он, хоть и меньше чем Скирто, тоже пользуется всеобщей любовью у всех, за кем надзирает на работах. — Да они вечно его пинают тут. Он и у Скирто раз с ведрами летел по лестнице. Да ну! Скажешь тоже. Тогда он всего пять ступенек задницей посчитал и встал. А тут? Да он взлетел, почти как птица. И катился чуть не до самого низа. А руку, ты видел руку? Да что рука? Я вообще думал — хана ему, убил его Шиго.

— Ты чего молчишь, Леград? — обратился ко мне Ракот.

А что я мог сказать? Я всё это время боролся со своей головой, которая упрямо говорила мне, что всё вокруг меня

неумолимо вращается и пытается на меня упасть. Я даже вцепился пальцами в песок, будто держась за него, так было легче. И именно в этот момент силы мои закончились, и меня просто вырвало под ноги стоящим вокруг.

— Дарсова отрыжка! — мрачным тоном выругался Ракот. — Голову отшиб. Так, ты, ты и вы двое тащите его домой. Придурки! Да не за руки! Шкуру от бочаги тащите и на неё положите его. Осторожно! Не трясите сильно. Шиго, распределяй его долю по работникам, как закончишь — к Вождю, сучёныш!

Глава 13

Вечер был полон криков и тревоги. Первой была напугана Лейла, в тот миг, когда меня принесли домой. И я не мог ее успокоить, потому что мне было все хуже и хуже. Меня, не переставая мучило и кружило, язык заплетался, куда уж тут говорить с сестрой. Я не мог на ней даже взгляда сосредоточить. Все можно было бы исправить. Я не сомневался, что стоит мне снять с себя печать ограничения, как мое тело придет в норму, справившись со всеми ранами. Но сначала вокруг меня суетились те пацаны, что принесли меня домой, затем их выгнали примчавшиеся Дира с Ралио. Жена дяди Ди первым делом успокоила сестренку и передала ее дочке. Да и меня с опытом за пять минут устроила так, как не смогли мои сверстники, которых она сразу вытолкала за порог. Как то, буквально в пару ее движений и шкуры на лежанке перестали давить мои больные бока, и голова оказалась удобно устроена. Еще одна теплая рухлядь укрыла меня сверху, меня и впрямь потряхивало, словно в ознобе, несмотря на обычную дневную жару на улице. Все окна и дверь она занавесила наглухо, как перед бурей, будто знала, что с каждой минутой меня все больше мучает яркий свет.

К этому времени, обдумав ситуацию в краткие минуты, когда мне становилось легче, решил что это отличная возможность наказать Шиго. Даже Ракот был возмущен произошедшим, что уж говорить об остальных деревенских. Поэтому, как бы мне не было плохо, но нужно терпеть и оставаться под печатью. Я крепкий, если уж сразу не разбился, то пару дней выдержу. Нужно как-то уговорить маму на время отложить принципы и пойти к Кардо с требованием наказать виновника.

Мама вернулась в наш дом не одна, а с Ракотом. Она откинула циновку со входа ипустила в дом еще яркий солнечный свет. Не ожидая подвоха, я не успел прикрыть глаза и его лучи словно пробили мне их, вонзаясь прямо в голову. Я невольно застонал, а через секунду возле меня уже была мама.

— Что? Что у тебя болит? Небо! Что они с тобой сделали! — похоже, мой вид тоже испугал маму, как раньше сестру. Я и сам предполагал, что выгляжу я так же, как себя чувствую.

— Свет, убрите свет, — простонал я, не в силах терпеть эти острые лучи, которые и сквозь закрытые веки продолжали мучить меня. И даже повернуться не получалось, уж слишком я был обложен шкурами. К моему ужасу я даже слова произнес с трудом, язык не только по прежнему заплетался, но и сами эти простые слова приходилось с трудом выискивать в памяти.

— Ралио, закрой циновку! — раздалась резкая команда мамы, которая ввинтилась мне в уши, словно оса и голова принялась болеть еще больше.

— Подожди, дай я его посмотрю, — раздался голос Ракота, более тихий, а потому не причинивший такую боль.

— Посмотришь? Хорошо, смотри внимательно, Ракот, чтобы тебе было, что сказать Кардо. Потому что я этого не оставлю и заставлю вас сполна заплатить за все! — а теперь пришло время пугаться мне, вслед за сестрой. Что это с мамой? Кого я собирался уговаривать, если в ее словах столько злобы?

— Успокойся, женщина, я знаю, что он ничего не сломал, все же это я вправлял ему плечо и пальцы.

— Войдя за стены, я слышала от людей достаточно, чтобы плюнуть на твои слова, — словам мамы можно было смазывать стрелы охотников, столько в них было ненависти. — Утешитель из тебя так себе! Он катился по лестнице до самой площадки. Это чудо что он ничего не сломал! Но кто даст мне обещание, что он не порвал жилы в вывернутой руке? Что он не отбил ничего внутри?

— Не нужно кричать. Руки, ноги шевелятся, кровью не кашляет. Отлежится, и снова будет бегать.

— Ты что из меня тупую дуру делаешь? Жене такой бред будешь втирать, оправдывая свою отлучку вечером! Ты просил оставить свет! Куда ты смотрел, если не видишь его глаз! Или эти синие круги только мне видны? Он был без сознания! Да

тут все пропитано запахом рвоты! Он отшиб голову! А вы его принесли сюда и бросили одного!

— А куда мы должны были его отнести? — Ракот махнул своей рукой, указывая в стену. — Ко мне домой?

— Почему бы и нет, Ракот, почему бы и нет? — мама пожала плечами. — Сегодня Кардо ушел с охотниками. Ты оставлен в поселке старшим!

— И что? — Ракот прищурил голубые глаза. — Я должен был лично присматривать за каждым малолеткой в деревне?

— Нет. Не должен. У тебя есть дела поважнее, например молодая джейрочка, которая виляет хвостом, — спокойно ответила мама, но вдруг повысила голос. — Должны присматривать ваши щенки, которых вы натаскивали на моем сыне.

— Что ты несешь? Эри, — начал говорить Ракот, но мама его оборвала.

— Закрой рот, Ракот! Закрой свой рот, пока я не выбила тебе зубы! Я долгие месяцы терпела. Я молчала, когда ваши шакалята избивали моего сына. Это разрывало мне сердце, но я не лезла со своей юбкой в мужские дела. У него больше нет отца и он должен сам учиться быть сильным. Я терпела, когда лично ты, Ракот, морил голодом всю нашу семью и улыбался мне в лицо, пока я молила о милости для дочери!

— Такого не было, — процедил сквозь зубы Ракот. А затем, я в изумлении увидел, как мама буквально размазалась в воздухе от моей лежанки к Ракоту.

— Я два года мечтала об этом, — прошептала мама, но я отлично ее услышал, и, кажется, отвесила Ракоту обычную пощёчину.

Не смог точно понять ее движения, под печатью она слишком быстрая для моих глаз. Особенно сейчас, когда люди внезапно раздваиваются или их фигуры начинают дрожать или вообще расплываться. Но, чтобы мама не сделала, результат был замечен всем. Громилу Ракота просто унесло от хрупкой женщины в угол, ударив о стену так, что с потолка посыпалась пыль, причудливо клубясь в лучах солнца, которые

продолжали пронизывать комнату через неплотно затянутую циновку входа. Я с трудом оторвал взгляд от этих причудливых рисунков.

— Эри! Ты, дарсова баба! — Ракот завозился в углу, поднимаясь на ноги. — Ты сама всю голову отбила! Ты совсем страх потеряла?

— Страх? Я боялась за моих детей, — мама оглянулась на Лейлу, которая обхватила ногу Ралио, стоящую с открытым ртом. — Это верно. Но что теперь? Что теперь мне делать, когда моих детей начали убивать среди белого дня? Нагло, на десятках глаз?

— Бешеная баба! Да кто? Кто его убивал? — сорвался на крик второй человек в нашей деревне, заставляя мою голову вспыхнуть болью. — Это вышло случайно!

— Случайно его скинули с обрыва? Скорее счастливая случайность, что он упал на лестницу, а не пролетел чуть дальше!

— Ну, пусть так, — развел руками Ракот. — И что дальше, дура?

— Дальше? Теперь идем и ждем Кардо. Ох-хоотничка, — буквально выцедила мама. — Вы так привыкли все строить с позиции силы, что само небо просит напомнить вам, что в деревне лишь один человек может мне приказывать. Я хочу, чтобы моему сыну помогли, а виновные ответили.

Мама снова вернулась ко мне, осторожно поцеловала в лоб и тихо прошептала: «Будь настороже». Едва Ралио притянула ремнями циновку за ушедшими, как я тут же стер с плеча печать. Не знаю, почему мама стала так решительна и бесстрашна, но боюсь, это приведет к беде. Меня пугает происходящее. Не представляю, что будет дальше, но как минимум я должен иметь здоровую голову, а не бояться каждого лучика солнца и дрожать от громкого голоса. Почти час, мучимый тревогой, я лежал и изо всех сил поглощал энергию мира, пока голова не прояснилась и почти перестала кружиться. Дальше я решил не рисковать и снова, улучшив момент, когда мать Диры отвернулась от меня, нарисовал печать и поместил ее на привычное место. Будь проклята эта

неизвестность! Теперь мне оставалось только ждать. И обыгрывать в голове разные варианты будущего. Худшие варианты.

Те, в которых вот сейчас за окном раздадутся крики верных шакалов Виргла, которые пришли окончательно решить вопрос со мной. Это лучший из худших вариантов. Среди них равен мне только Виргл. Именно его нужно будет убить первым. Остальные мне не ровня. И не смогут мне помешать убежать вместе с сестрой. На столе лежит нож, которым мы разделывали мясо. Мне нужно будет добраться до него и использовать против Виргла. В том, крайнем случае, если мне не удастся застать его врасплох, на ловкость и скорость нельзя надеяться. Я и так в не лучшей форме со своей рукой, повезло что левой, и головой. Мне нельзя получить еще рану, потому что единственной надеждой сестры буду только я. Если я не увижу возможности, то лучше хватать Лейлу и бежать в пустоши. Там, в развалинах я знаю несколько мест, где можно в безопасности оставить сестру и вернуться в деревню за вещами и припасами. Эта стена от дикого глупого зверья, а не человека.

Худшие варианты, это когда за мной придут взрослые охотники. Среди них тоже не будет никого сильнее меня. Но вся проблема в том, что они и здоровее и гораздо опытнее шакалят. Они могут ничего еще не понять, но успеть отреагировать просто по привычке, которая спасает им жизнь в пустошах. Не раз видел, как просто на резкий шум в темноте, охотник, сидящий у костра, мгновенно хватался за нож, а иногда и вообще сразу вскакивал на ноги. В этом случае, лучшее, что я смог придумать, это позволить вывести меня с сестрой из дома и только тогда показать свою силу. Я был так сосредоточен и взволнован, готовясь к самому худшему, что даже Ралио решила, что мне стало хуже, и в тревоге уже не отходила от меня, непрерывно меняя мокрую старую тряпку на голове.

Мои размышления прервал шум шагов на улице, я напрягся, вслушиваясь в них, а затем облегченно выдохнул и буквально растекся под шкурами. Среди этих спокойных шагов были легкие, словно танцующие шаги мамы. Я улыбнулся Ралио, склонившейся надо мной и успокаивающе похлопал ее

по руке. Но сам заставил себя собраться и снова бросил взгляд на нож. Еще рано для радости. Посмотрим, с какими вестями вернулась мама.

Вести были хорошие, понял я по улыбке. С мамой пришла Орма, жена Кардо. Она, в отличие от мужа, как всегда была в дорогом тканом платье, наверное от нее эта привычка покрасоваться и у сына, и принесла плетеный короб, который положила на наш стол. Следом в дом вошли дядя Ди с Ратом и занесли несколько мешков, которые тоже сложили у стола, а сами принялись шептаться с родными. Орма же сполоснула руки из рукомойника, хорошо я с утра сначала нам в дом натаскал воды, а после начал поливать, а затем внимательно ощупала мою голову, руки, долго заглядывала в глаза, непонятно что там высматривая.

— Кружится голова?

— Да, — сказал я и напоказ сморщился.

— Что? — уточнила Орма.

— Громко. Больно, — теперь я шептал.

— Что еще? В глазах двоится? — тоже тише стала спрашивать Орма и снова пробежалась пальцами по моей голове.

— Двоится. Ингда. Или плывет, — сообщил я то, что происходило со мной час назад, на этот раз сознательно исказив речь.

— Как давно его рвало последний раз? — Орма перекинула свою огромную, толщиной с руку взрослого мужчины, черную косу на спину и повернулась к Ралио.

— Часа полтора назад, — сморщив лоб, ответила та.

— Ясно, — Орма встала и шагнула к столу. — Голова разбита сильно, но выглядит он неплохо, глаза вообще ясные, даже удивительно. Самое плохое — головокружения и тошнота, думаю, пройдет через пару дней. Я буду заходить с утра, глядеть на его состояние. Эри, гляди сюда.

Орма откинула крышку своего короба и принялась долго перечислять маме, что и как из короба заваривать и пить. Похоже, он был полон лекарственной травы. Ралио принялась

гонять Диру и Рата, заставив их вынести и ополоснуть корчаги с моей рвотой, а затем помочь ей с готовкой. Но все же суэта чужих людей в доме закончилась и все они, уже в темноте разошлись, оставив нашу семью одних.

— Мама, ты что, правда сошла с ума? — именно таков был мой первый вопрос, едва я перестал слышать голоса ушедших.

— Ты обижаешь маму, сынок, — она засмеялась, выглядя так, словно выпила вина.

— Тогда что происходит?

— Просто мне надоело бояться, надоело, что мои дети страдают из-за моих страхов и ненависти.

— Ты же всегда боялась оставить нас одних, а теперь сама побежала в пасть Кардо! Я боялся, что он убьет тебя!

— Страх? — усмехнулась мама. — Он был очень давно, еще тогда, когда мой сын не ступил на путь Возвышения. Теперь он силен как лучшие из охотников этой дыры и может сам постоять за себя и защитить сестру.

— Ты слишком много от меня ожидаешь! — растерялся я от такого ответа. — Да зачем ты все это затеяла? Зачем ударила Ракота?

— Сын, много ли ты советовался со мной, когда захотел, — мама бросила взгляд на Лейлу, которая пыхтя, пыталась развязать мешок. — Когда исчез Паурит?

— Мама, — я был поражен до глубины души. — Я не советовался с тобой, ты права. Но там все было продумано! А тут? Что за безрассудство! Ты же сама учила сначала думать! И всегда говорила, что не будешь ни о чем просить Кардо!

— Сын, — мама рассмеялась. — Я и не просила! Я требовала! Неужели я бы проглотила такое? Всему есть предел!

— А есть ли предел у Ракота? — намекнул я на его унижение.

— С ним особое дело. Он на самом деле из тех людей, которые поклоняются силе. Думаешь, он просто верный друг

детства для Кардо? Нет! Кардо сильнее его на две звезды, потому он верен ему до конца.

— То есть, ты дала ему по морде, и он сразу стал тебя уважать? — я позволил себе поиздеваться над мамой.

— Уважать он меня не будет, но и удар оставит без последствий. Другой мог бы затаить обиду, найти управу на меня, хотя бы поступить так, как Паурит. Но не Ракот. Станный человек на самом деле, но такое не редкость, я уже сталкивалась с такими. Я напомнила и показала ему, что сильнее его. С этой стороны не будет больше никаких проблем. Да он даже не сказал Кардо об этом, — мама развела руками.

— А с какой стороны будет? — я был недоволен тем, как все это у нее просто выходит. Год она уговаривала меня терпеть и ждать появления денег, чтобы сбежать отсюда, а теперь она сама на себя не похожа.

— Жизнь покажет, — мама веселилась, довольная собой. Может быть, решил я, это похоже на мое состояние после убийства Паурита. Когда с плеч исчезает невероятная тяжесть, исподволь давившая тебя к земле. Тогда ее можно понять, она принижала себя еще дольше меня и не позволяла сорваться. А может это и есть такой срыв. Когда она копила в себе обиды и унижения. А теперь они вырвались. — А пока все просто чудесно.

— Мама, мама, смотри! — к нам подбежала Лейла сумевшая победить завязку на мешке и разыскавшая в его глубине целую связку сладкого корня.

— Ух ты! — всплеснула руками мама и наигранно спросила. — Что это такое?

— Это вкусняшка! Там была! Никогда столько не видела! — у Лейлы была улыбка просто от уха до уха.

— Ну, хорошо, раз ты нашла, то тебе и есть, — улыбнулась мама и счастливая Лейла умчалась к ведру с водой, мыть редкую сладость.

— Хорошо, мама, — проводив ее взглядом, я обернулся к маме. — Тогда рассказывай, о чем ты там говорила с Кардо и в

честь чего такие подарки.

— Нет, о хорошем потом. Почему ты так сильно ударился? Ты ведь седьмая звезда! Ты просто не мог так сильно разбиться на этой лестнице! Да ты даже упасть не должен был от этого тычка! О чем ты думал, когда поддавался этому Шиго? Или? — глаза мамы снова стали напоминать полированную сталь. — Или он ударил в полную силу?

— Седьмая звезда может и не могла упасть, — признал я, но честно уточнил. — Но третья хорошо, что смогла остаться живой.

— Как третья? — ахнула мама и побледнела. — Что мне приходится все тянуть из тебя клещами?

Я принялся подробно рассказывать маме про свои проблемы со сдерживанием силы и притворством. Рассказал про срыв в пустоши, который просто скрывал раньше, отделавшись коротким рассказом, что Воин увидел мою силу. Описал свои попытки повторить старую сказку и уподобиться ее герою. Рассказал про созданную мной печать ограничений и последствия ее ношения. Не забыл посетовать на то, что идиот Шиго не мог подождать пока я отойду от обрыва и все бы обошлось. И все это вполголоса и внимательно следя, чтобы маленькие любопытные ушки не услышали лишнего. Но все же наступило и мое время задавать вопросы. Но мое терпение уже было на исходе, потому как мама сначала накормила Лейлу, сварила в маленьком горшке жуткую смесь из доброй горсти трав, что были в принесенном коробе, отцедила в поильник и дала мне насладиться его вкусом. Не зря же я назвал эту смесь жуткой. Наконец уложила спать сестру и только тогда принялась отвечать.

— Раньше, да, раньше я действительно боялась за вас и боялась самого Кардо. Я вбила себе в голову, что он и дальше продолжает мстить нам за свои обиды, — тут я усмехнулся своим мыслям, ведь я тоже жил с этой мыслью, которую каждый день подпитывали тяжелые работы и унижения. — Но тот разговор, — мама проверила мгновенно засопевшую после сытного ужина и пережитых ужасов Лейлу, — открыл мне глаза. Горько признавать, но в чем-то он честный человек. Его месть была лишь против Римило.

— Не нужно мама, — я не смог сдержать свой гнев. — Честный человек с ядами, которыми он угощает окружающих? Без его позволения не может твориться ничего в этой деревне. И я не только про Виргла. Ты забыла свои собственные слова? Ты платила полновесным серебром за все в этой деревне!

— Да, извини маму за эту слабость, — мама потерла лоб. — Но теперь мы совершенно безразличны Кардо. Больше того, из того разговора ясно, что ему сейчас нужны спокойствие в деревне и большие деньги на последнюю подготовку к своему плану. Вероятно, у меня нет другого объяснения, он нашел способ купить уникальное зелье, которое поможет сыну прорваться к десятой звезде.

— А такие есть? — я был поражен ее догадкой.

— Конечно, есть, но не в нулевом, — удивилась мама. — Помнишь совет Воина твоему отцу? Он ведь говорил, что есть более легкие способы, но нам они не доступны. Я и сама слышала байки стариков, что помнят первый, о таком зелье. Даже там очень не дешевая штука. А уж у нас и вовсе запрещенная.

— Запрещенное зелье? — я невольно прищурился, зацепившись за эти слова.

— Хм, действительно, — мама задумалась. — Это я знаю точно, доводилось слышать, что алхимики клянутся не создавать зелья, повышающие уровень возвышения.

— Откуда он его взял?

— Думаю только тот старикашка, с которым крутит дела Кардо, знает, откуда оно у него. Бесценное и опасное сокровище для земли отбросов, мечтающих о десятой звезде.

Точно! Старикашка! Как я мог забыть его, составляя список своих врагов? Кардо, Паурит, Виргл, Шиго, Вартус, Скирто и старикашка, пока безымянный для меня. Паурит свое получил, остальные в будущем тоже получают от меня знатных плюх. Но грязный торгаш лично подменил зелье отцу, можно считать на равных с Кардо влил ему его в рот! Они не отделаются просто побоями. Конечно, с ним всегда путешествует охранник, да и уровня Возвышения старикашки я не знаю. Но мне почему-то кажется, что схватка с человеком,

которого почти в одиночестве можно перехватить в глубине пустоши, пройдет как-то легче, чем с Кардо посреди его охотников. Погоди, старик, на мои губы вылезла непрошенная злая улыбка, мы скоро встретимся и я спрошу, зачем ты отравил моего отца!

— Сколько звезд у того старикашки?

— Девять, — медленно проговорила мама, не сводя с меня взгляда. — Но с тех пор минули годы. Он уже стар. А вот его охранник молод и вряд ли он восьмерка. Они долгие годы пересекают нулевой из конца в конец и все еще живы. Тебе еще рано думать об этом. К тому времени, когда ты сможешь справиться с ними, ты уже получишь шанс уехать отсюда. Забудь о них!

— Я все понимаю мама, — я похлопал маму по руке, но свои мысли снова оставил при себе.

Мне нужны противники или хотя бы тренировки, чтобы верно осознавать пределы своих сил. А поняв свои возможности, тогда и можно начать строить новые планы. Охранник, наверняка сражавшийся с теми же разбойниками, это не Паурит убитый со спины. Тут мама права.

— Так вот, — продолжила мама. — Ты сам слышал, что ему не нужны проблемы, ему нужны деньги. Мы с ним много кричали и обвиняли друг друга, конечно, он не хотел огласки, но у меня было время, пока я шла по деревне, а Ракот не смел закрыть мне рот. Так что я много чего наговорила ему в глаза при свидетелях, считай, полдеревни примчалось на мои крики. Скучно в этой дыре. Всех развлечений Кардо с плетьюми, да вот я теперь. И я припомнила самозваному вождю многое. В итоге каждый из нас посчитал, что он победил в переговорах и обманул другого.

— Это как, — не смог я не задать вопрос, глядя на лукавое лицо мамы.

— Очень просто. Я припомнила ему двойные нормы для всей нашей семьи и жизнь на грани голода. То, как тебя первый раз при людях ударил Шиго, а старик Газил пообещал поговорить с Кардо о снижении нормы для тебя. И обманул. Громко кричала правду, что ты полил больше, чем любой

сверстник, а тебя все равно скинули с обрыва и чуть не убили. Я выдираю свои волосы и спрашивала у зрителей, останется ли жив мой сын и, что теперь будет есть наша семья, когда ты на месяц прикован к лежаку, — размахивала руками мама и негромко описывала в лицах происходившее у дома Кардо. — В итоге мы сошлись на том, что Ормо осмотрит тебя и даст лечебных трав из запасов деревни. Шиго при мне получил ремней и на месяц попал на полив. Ему отвели половину всех гряд. Еще мы получили еды на месяц, не меньше, судя по размеру этих мешков. А ты на два месяца освобожден от любых работ.

— Судя по тому, как ты улыбаешься, — прервал я наступившую тишину. — Это можно считать твоей победой?

— Нет, это Кардо посчитал, что кинул мне достаточную кость и затем решил отыгаться. Я ведь говорила тебе, что он сильно озаботился деньгами? Он решил заработать на мне. Угадай, что он сделал?

— Ну, я не знаю, — голова соображала все еще плохо, но если мне предстоит изображать больного еще месяц, и каждый день Орма будет меня проверять, то снимать печать будет совсем плохой идеей, пришлось мучиться и перекачивать в голове тяжелые мысли. — Он потребовал молот? Ну, отдай, все равно это дешевка.

— Еще чего! — возмутилась мама. — Пусть дешевка! Но он помнит руку Римило!

— Прости мама, — расстроился я. — Я не подумал.

— Я не обижаюсь, — мама погладила меня по голове, едва-едва касаясь волос. — Да и бесполезно. Тот торгош сразу бы сказал Кардо при продаже, что это дешевка. Нет, вспомни, о чем ты часто меня просил?

— Просил? — я еще раз хорошенько подумал. — Просил пойти к Кардо и попроситься в сборщики трав?

— Верно! — мама энергично закивала. — Я ни о чем даже просить не стала. Кардо сам завел разговор о тратах на лечение и еду и предложил возместить все деревне более дорогим трудом, чем сбор сухого дерьма. Теперь я работаю в

сборщиках травы и уже через пару дней могу, не скрываясь идти на Черную гору!

— Здорово, — я действительно обрадовался.

И не тому, что меня перестанут называть пропахшим дерьмом и прочее. Нет, я уже привык и, обладая настоящей силой, лишь играл обиду, представляя будущее возмездие обидчикам. Нет. Я радовался тому, что мама перестанет ходить в такое опасное место одна. Ведь на горе сборщики чаще всего находятся в безопасных туннелях, под защитой охранников плантации. Я не сомневаюсь, что при любом удобном случае Кари назначит маму в свободный поиск. Но даже так она окажется в глубинах Черной горы не одна. И мне будет гораздо спокойнее. Если конечно нечистые семерки смогут справиться с бедой, от которой приходится бежать честной восьмерке, не преминул напомнить я себе важный факт, теперь реально представляя силы настоящих практиков закалки меридианов и их превосходство над упершимися в первую преграду. Ладно, они охотники и у них есть копья, будем верить в лучшее. Если что, они позволят маме действительно сбежать.

— Здорово, — подтвердила мама. — А теперь подумай и скажи. Кардо считает, что обманул меня и за пучок дешевых трав получил сборщика, который принесет ему кучу денег. А я считаю, что победила я и теперь смогу утаить от него еще больше дорогих трав. И кто из нас прав?

— Ты конечно! Лучшая мама на свете!

Глава 14

— Отвяжись от меня, глупая девчонка! — процедил я сквозь зубы, пытаюсь ускорить шаг, хотя и понимал бесполезность этого занятия.

— Леград, ну хватит от меня убегать, — заныла позади Дира, причём таким мерзким девчачьим тоном, которого я от неё ни разу и не слышал. Меня буквально передернуло от отвращения.

— Хватит меня преследовать! Я уже проклиная тот миг, когда решил помочь тебе! — сказал я почти правду.

— Ну чего ты, Леград! — позади удивились моему рыку.

— Хватит за мной ходить хвостом и канючить! — я бросил взгляд по сторонам. — В конце концов, нас увидят!

— Да никого здесь нет! Ну, помоги мне! Ну, ты же мой учитель!

Я скрипел зубами и хотел не только рычать, а ещё и пустить в ход зубы. Поддался своей слабости, сделал доброе дело для семьи дяди Ди. Рассказал этой девчонке всё что знал, всё, о чём додумался сам и до чего дошёл своим трудом. Куда девалась та, пусть захлестывающая меня своими эмоциями, но умная девчонка из-под обрыва? Она будто снова головы лишилась и вбила в себя очередную глупость. Про учителя. И постоянно донимала меня вопросами, которые лишь поначалу были хоть чуть умны и по делу. А затем быстро скатились в русло одних и тех же повторений. А потом она вообще исполнилась уверенности в пользе совместных тренировок.

Ее путь к этой идее был столь же извилист, как и к прошлой необходимости ходить на тренировку на площадь. И эта площадь снова была в цепочке её рассуждений! Интересно, создатель трактата «Инструмент» вообще сталкивался в своей жизни с людьми, столь извращенно относившихся к его труду? Или его законы рассуждений и выводов относятся только к мужчинам?

В целом и общем, Дира провела параллель между понятиями учитель и тренировка, ученик и проклятая тренировочная площадка. Затем соединила эти два допущения и огорошила меня новостью, что отныне будет заниматься поглощением энергии и своим возвышением только со своим учителем. Потому что так, возвышение происходит быстрее! «Где, где, та умная девчонка, которая говорила мне о страшной тайне? Стоп! А это идея! Она конечно вряд ли Ракот, но всегда есть верный способ добавить ума глупому, который прошлый раз прекрасно на ней сработал.»

— Ну, давай я приду сегодня вечером и мы вместе будем заниматься возвышением! — я остановился, увидев искомое.
— Что? Ты согласен!?

— Ага, ну-ка, иди сюда, — я поманил её жестом, не оборачиваясь, зная, за вчерашний день, когда она преследовала меня по всему двору, что она не отстанет от меня дальше пяти шагов.

Я распахнул дверь, сделанную из стеблей драконьей травы, низкого сарая возле загона. Здесь у Котила хранится инструмент, вёдра, куски солонца, всякая непонятная хрень, которую ему жалко выкинуть и сжечь, иногда он сюда загоняет молодых самцов перед убоем. Отсюда я как раз и украл тогда шкуры. Но сейчас здесь точно никого нет. А вот пара крепких ремней есть. Я дёрнул дверь обратно, и она, повиснув на кожаных петлях, прикрыла нас от возможных взглядов. Затем смерил Диру, не переставшую болтать языком, многообещающим взглядом и стёр с себя печать. Дира, все же начала догадываться, что всё это неспроста, когда я взял в руки тот ремень, что был без узлов и выглядел поновее и помягче. Я же не зверь. Но было уже поздно. Стальной рукой возвышения седьмой звезды я прижал её к стене и в воздухе просвистел первый удар.

— Хватит рыдать, — я с улыбкой, испытывая душевное облегчение, глядел на сидящую на корточках в углу Диру.

— Ты меня выпорол! — сверкнуло и обожгло злостью из-под челки синим взглядом. — Я всем расскажу! Маме своей расскажу!

«Не верю»: подумал я, почти ощущая, как в тяжелой голове лениво, словно против течения, движутся мысли. Идея вбить в нее ума через пятую точку была просто великолепна. Это доказал уже первый удар. Если, когда я схватил ее, Дира начала орать, а получив его, вообще перешла на визг, то потом резко замолчала и все остальные удары только тихонько вскрикивала. Невероятный прогресс за эту неделю, когда она меня даже не слышала, заглушая своей болтовней. Вернее, она не слышала мои доводы и убеждения, живя в своём очередном выдуманном мире, который не задевали мои слова. Зато теперь я снова вижу перед собой ту самую умную девчонку, которая за краткий миг оценила мой уровень возвышения.

— Итак. Повторю еще раз, — для большего веса своим словам я хлопал ремнем себе по ноге, отмеряя фразы. — Всё, что я знал, я тебе рассказал. Теперь всё зависит от тебя. И перестань меня преследовать! Я только встал на ноги, а ты хочешь, чтобы меня в чем-то заподозрили и снова попробовали убить? Теперь всерьёз?

— Я не хотела, — заблестела глазками, которые теперь казались почти черными и были полны слез, Дира.

— Я тебе уже не верю, — я покачал головой. — Ты, что творила все эти дни? Почему ты не слышала моих слов?

— В наставлении сказано, что нужно всегда у учителя спрашивать, если сомневаешься в прогрессе, — Дира, словно мелкая Лейла, показала мне язык, заставив в изумлении вскинуть брови.

— Ах, какая умная девочка! — я тоже всплеснул руками, как умилённый родитель. — Выучила наизусть! Какие умные слова запомнила! А что же ты не выучила то, что написано дальше? Чтобы учитель проверил духовным зрением! Им даже Мастера не обладают!

— А вдруг ты обладаешь? — Дира поднялась на ноги и, потеряв место наказания, сделала шаг ко мне.

— Так, Дира! — я швырнул в неё ремень. — Я вижу, что мозги тебе снова отказывают! Не подходи ко мне! Я сам буду искать с тобой встречи и иногда проверять тебя, раз уж я

учитель. Надеюсь, ты перестанешь витать в облаках. Но если ты снова меня ослушаешься, то сегодняшняя порка покажется тебе легким ветерком перед бурей! Клянусь небом!

Дверь только хлопнула об стену, едва не рассыпавшись, за неразборчиво шипящей Дирой, которая просто вылетела из сарая. И этого человека я, еще недавно, хотел просить привести ко мне Тукто! Я обхватил покрепче голову, которая начала болеть и немного кружиться, наверное, от злости. Где был мой разум, когда в нём промелькнула эта мысль? Она и сама по себе глупа. Незачем им вообще знать друг о друге. Так меньше для меня опасность. Она и так с этой Дирой опять закрывает надо мной небо. Грозит засыпать меня с головой и похоронить.

Я, вернув на себя печать, вышел из сарая и снова скорбно, не спеша, стуча себе по ноге ведром, поплелся на берег реки. Неприятно чувствовать себя больным, но иного выхода нет. И так я слишком быстро выздоравливаю, по мнению Ормы. А ведь я сегодня всего второй раз снимаю с себя печать после падения. Можно считать, что, несмотря на ограничения, моё тело всё же значительно крепче, чем у настоящей тройки. Что-то во мне при возвышении улучшается необратимо. Не могу сказать, что эта мысль меня ужасает. Она меня, напротив, радует. Как показала жизнь, ходить под ограничением там, где тебя не любят, опасно для здоровья.

А есть здоровье, нет здоровья, а дела вместо тебя делать никто не будет. Это я такое надумал, когда вчера бока болеть на шкурах начали. Так что, я сегодня решил, что хватит Рату меня замещать в хозяйстве и пора хотя бы воду носить самому. Иду вот, чёрные песчинки от глаз отгоняю, и пытаюсь понять, с чего это мне в голову такая гордость ударила? Пока дома лежал под печатью, то всё было неплохо. А вот теперь, еще и половины пути не прошёл, а чувствую, что мне бы нужно срочно присесть, что-то всё нехорошо так кружиться начинает. Где тут заборчик пониже?

Ой, дурак, я! Это я сейчас выходит, попрыгал по сараю в полную силу, сам себя потряс основательно, как будто земляной орех в крынке чистил, а затем снова на себя печать наложил. Хорошо, что тем вечером ни с кем сражаться не

пришлось. Похоже, я только в мыслях и был на это способен. Зря мама надеялась на меня. Ой, как хреново-то!

Последовавшее дальше, я, с чистой совестью, снова мог списать на небо, которое опять подталкивало меня к действиям. Чем другим считать то, что когда, через десяток шагов, я всё же свалился на землю, то через несколько секунд об меня споткнулись. И неудачником оказался Тукто.

— Э, Леград, ты чего здесь на улице забыл?

— Буэ-эээ, — единственное, что я смог ему ответить.

— Гребаное дарсово подхвостье! Леград, ты чего? — слушал я испуганный голос над собой. — Что с тобой?

— Ой, плохо мне, — ответил я чистую правду, наблюдая, как надо мной кружатся цветные облака, сеющие чёрный песок, а среди них мелькает лицо Тукто. Может ну её, к дарсу, эту скрытность? Я, кажется, сейчас загнусь, тупой джейр. Накой хрен мне эта, лично налитая, вода в рукомойнице нужна?

— А ну, держись за меня. Дарсово дерьмо! Это что, твоё ведро? Ты, за водой собрался что ли? Идиот!

— Ага. Полностью с тобой согласен, — я не решался кивнуть, ощущая свою голову как до краев полный жбан — как бы мозги не пролить. — Тукто, помоги до дома вернуться, а?

— А я тебя куда тащу? К реке, чтоль? — удивился пацан. — Чтоб ты там сдох на глазах Шиго, и он начал танцевать от радости?

— Да кто тебя знает, куда ты тащишь. Я, так вообще, не вижу что передо мной, — я крепче ухватился за Тукто и с этой опорой всё же дотянулся до печати, снимая её.

Что-то мне это головокружение и метель крупных чёрных песчинок перед глазами совсем-совсем не нравится. Вроде ничего не болит, а голова тяжелая как камень и что-то меня руки-ноги с каждой секундой всё хуже слушаются.

— Дарсово отродье, ты смотри не сдохни у меня на руках! — коротко засмеялся Тукто. — А то, твоя мать меня прибьет.

— Ты то тут при чем?

— Да она тогда так орала на Кардо и грозила всем карами за тебя, что всё может быть.

— Не, — я неспеша покачал перед собой рукой, уже не так опасаясь растрясти голову, которая вроде становилась легче, — она добрая, просто достали.

— Да, хорошее слово, обтекаемое, — согласился со мной Тукто. — Достали.

— Не бери в голову, — посоветовал я ему, разобрав в его голосе уже знакомые мне странные нотки. — Далеко там ещё?

— Да уж не близко, — огрызнулся Тукто. — Как ты вообще сюда добрался?

— Ногами.

— Ой, дурак ты.

— Дурак, — согласился я, но уточнил. — Был.

— Был? — Тукто засмеялся уже в голос. — А теперь?

— Теперь поумнел.

— Так только в сказках бывает. Был дурак, вдруг, бах! И умный. Ты же не в сказке? — уточнил Тукто.

— Ой, так хреново в сказках не бывает.

— Значит, и остался дураком, — сделал вывод Тукто.

— Хорошо, хорошо, как скажешь, — я похлопал его по плечу.

За такой, ничего не значащей, пустой перебранкой мы и добрались до моего дома. К моему облегчению, Лейлы не было, она, похоже, убежала играть с подружками. Не нужны ей лишние тревоги за меня. К счастью, моё положение изгоя, почти не повлияло на нее, пройдя мимо. Слишком они ещё мелкие, а старшим нет дела до них.

Тукто свалил меня на лежак, бросил ведро в угол и, помявшись, присел за стол на лавку, внимательно разглядывая сиденья напротив. Они были нашим последним напоминанием о старой жизни, единственными уцелевшими из обычных вещей. Цену за них давали копеечную в деревне, буквально кувшин сладких зерен. Поэтому мама сказала, что лучше

сожжёт их в трудную минуту, чем отдаст за него. А были они необычны тем, что такие единственные не только в этой деревне, но и, наверное, во всей округе. Они были сплетены из тонких, когда-то гибких веточек дерева.

Мама говорила, что там, где их сделали, из них плетут всё. И столы, и кровати, и корзины. А место это, где растёт такое необычное дерево, чуть ли не на другом краю нулевого круга. Там тоже есть широкая река и все её берега заросли невысокими деревьями, которые совсем не похожи на обычные деревья пустоши. Они тут как палка, у которой сверху зонтик толстых веток. А у тех — невысокий корявый ствол и длинные тонкие ветви, которые свисают до земли. Их даже отгораживают и стерегут от травоядных, что могут объесть ветви. Здесь у нас подобного нет, а потому могут только плести всевозможные корзины из травы рафии.

Ещё, когда начинается засуха, то ходят ниже по течению к большому водопою и там набирают камыш. Из него плетут вторые циновки на окна, корзины или оплетают им кувшины. Но всё это непрочное и быстро ломается. Особенно переноски для камня и вёдра. Эти же сиденья были очень прочные, но легкие и всегда нас сопровождали в нашем путешествии. Я помню их всю свою жизнь. Может быть, только в Арройо их ещё не было, но в этом я не уверен. Стол помню, а их нет. Но это ни о чём не говорит. А вообще я был рад, что Тукто не ушёл. Теперь мне нужно лишь ещё немного прийти в себя и можно будет выполнить и перед ним свое обещание.

— Ты не подумай чего, — вдруг нарушил тишину Тукто. — Я остался на случай, если тебе хуже станет. К Орме побегу. Но вообще, я сам слышал от Виргла, будто она сказала, что у тебя в голове вмятина и чудо, что ты вообще жив. Так что, ты бы завязывал на новый ремешок и покрепче со своими прогулками к реке.

— Чего? — удивился я и принялся ощупывать голову в поисках той самой вмятины. Если даже придраться, то вроде в одном месте не так кость ощущается. Но уж точно вмятины нет. Но сегодня и не первый день. Не будет же Тукто врать? А Виргл? — А он, по какому поводу меня вспоминал?

— Он с Шиго шерсть сгонял. Наживую. Мол, он на его игрушку покусился и теперь, как ты сдохнешь, забавляться не с кем будет, — Тукто кинул на меня быстрый взгляд. — И вообще заявил, что твоя жизнь принадлежит ему.

— Урод! — выцедил я сквозь сжатые от ненависти зубы. «Ты хочешь, чтобы и я решил взять твою жизнь в свои руки?»

— Не спорю, я на твоём месте стал бы ещё осторожнее, — кивнул Тукто.

— Постараюсь, — для начала я попытался спокойно улыбнуться, скрывая ненависть. — Так что с Шиго?

— Шиго. Да, — Тукто откашлялся. — Так что Шиго три раза получил наказание. Сначала отец его палкой отходил, затем Кардо на полив поставил, а последним Виргл ему бока намял.

— Ничё, думать будет, перед тем как кулаками махать, — я улыбался уже без напряжения, и лицо не сводило в оскале.

— Думать? Это ты слишком хорошего мнения о нём. Раньше он вроде как поумнее был, но потом по привычке, что босс, — ухмыльнулся Тукто. — за него думает и решает. И отупел.

— Так разве бывает? Что был умный, а стал тупой?

— Бывает. Про Шиго и какой он раньше был, мне брат рассказывал. А теперь и я лично убедился, что так бывает.

— Это с кем? — не понял я.

— Да с тобой, — засмеялся Тукто, глядя на молча открывающего рот меня.

— Ладно, — сказал я, немного отойдя от подколки. — Это хорошо, что ты на меня свалился. Мне с тобой поговорить нужно.

— Я бы и насчет свалился, мог бы с тобой поспорить и посмеяться, но ты меня заинтересовал. Валяй!

— Ты только спокойней относись к моим словам и помни, что я вообще-то чуть ли не умирающий. Ты помнишь тот разговор в руинах? — не увидев понимания на лице собеседника, я уточнил. — С Раух?

— Да, хорошо помню, — лицо Тукто побледнело и заострилось.

— Я тебе благодарен, — осторожно начал я. — За разговор, за честность. Это сложно объяснить...За то, что никогда не будешь в шайке Виргла.

— Ну, это еще неизвестно, — Тукто перекосило. — Брат там, стану охотником, куда мне деваться?

— Будешь как дядя Ди, свободным, — пожав плечами, предложил я выход.

— Ага, быть отличным охотником, но жить на окраине, питаться одними квыргалами и чтобы про тебя вспоминали, только когда идут на буйвола? — усмехнулся Тукто.

— Значит, бегать вокруг Виргла, шарить по чужим домам и поддакивать при каждом слове, — нарисовал я картину другой жизни.

— Брат не такой! — вскинулся пацан, стиснув кулаки.

— Не совсем такой, да, — согласился я. — Но будь честен со мной. Помоями меня он обливал по первой команде.

— Да он! Ты! — Тукто вдруг сник. — Ладно, я пойду.

— Куда это? — я нарочито удивился. — Я же ещё не закончил.

— Ну! — выдохнул Тукто, замерев на краю скамьи.

— Ты вряд ли будешь с Вирглом, — повторил я. — Да, твой брат уже вляпался в это дерьмо. Но ты?

— И что? — с ненавистью спросил Тукто.

— Ты занимаешься Возвышением, чтобы стать охотником? — перешёл я к сути. — Или чтобы вырваться отсюда?

— Ха, — обмяк на лавке Тукто. — Вырваться. Если бы это было так легко! Половина деревни уже бы воспользовалась этим шансом. И вернулась бы в земли предков. В чудесный Первый пояс, где любой легко может стать Воином.

— Ну ты уж загнул! — возмутился я. — Любой! Ещё скажи, что там талант не важен!

— Ничего не загнул! У нас прадед жил в Первом!

— И?

— Отец кучу историй рассказывал! — Тукто замахал руками. — Там куча сект и кланов, что ищут таланты и вбухивают в них зелья! Лишь бы ты быстрее развивался! Да что зелья! Там энергии мира гораздо больше, чем на этих выжженных землях! За границей нулевого ты потратишь в разы меньше сил и прорвешься к Воину! Это тут — хоть головой бейся, — уже тише закончил парень.

— Энергии в нулевом маловато, я знаю это не хуже тебя. Везде написано. Но ты, верно заметил — это всё равно шанс. Ты ведь не хочешь загубить свой шанс? Загубить как брат? — уточнил я.

— Не хочу, — выдавил из себя Тукто, отвернувшись от меня.

— Так какого дарса, ты там по ночам таскаешь эти проклятые гири? — я постарался вложить максимум презрения в свои слова. — Ты не умеешь читать? Ты тупой? Ты глухой? Ты ни разу не слышал диких воплей Орикола?

— Я не глухой. А тупой ты! А у меня есть глаза, — огрызнулся Тукто. — Я вижу Рикто, который подходит к гилям раз в месяц и так и не шагнул за пятую ступень. И вижу Виргла. Даже хотя бы брата! Отца!

— Тупой джейр! — не выдержал я очередного выноса моей бедной разбитой головы. — Как вам Виргл мозги засрал этим дерьмом! Ты тут рассказываешь про деда. А он что? Ничего про Возвышение не рассказывал?

— Прадеда! Рассказывал деду! — огрызнулся Тукто. — У них в семье была своя тренировочная площадка.

— И? — уточнил я. — Не будем трогать прадеда, который попал в нулевой. Твой прапрадед тоже каждый день гири таскал?

— Не знаю, такого отец не рассказывал. Может и каждый! Отец, говорил, он сам в молодости раз в неделю с утра до вечера тренировался. Не сам же он это придумал?

— Тьфу! — я с досады чуть не сплюнул на пол. — Ты Орикола видел?

— Видел! — завопил доведенный моими расспросами Тукто.

— Что ж ты так орешь? — я перепугался и, вскочив с лежака, принялся оббегать окна и осматривать в щели циновок округу. — Фух! Не ори так. Давай так. Забудем про рассказы твоего прадеда, которые к тебе пришли через третьи руки. Забудем про твоего отца. Глянем на то, кто есть сегодня на нашей площадке. Виргл и Орикол. Кто из них двоих для тебя больший пример? Виргл, жалкая семерка Закалки меридианов? Или Орикол, Воин Развития Духа шестой звезды возвышения?

— Эээ, — заблеял Тукто, но нашёлся. — Да он тоже здоровый как мечерог!

— Хорошо, — я снова упал на лежак, осторожно опуская бедную голову на мягкие шкуры. Закружилась. — Возьмём мою маму. Она восьмёрка. Что ты скажешь про неё?

— Хорошо, хорошо, ты во всем прав, — махнул рукой Тукто. — Ты умный, а я тупой. У меня был глупый прадед, что вылетел из Первого. А ты умный. Через месяц в него уедешь. Что ты предлагаешь? Не трогать гири, а целыми днями мечтать о помощи небес? Не видел, чтобы она в нашей деревне хоть кому-то на голову упала. Ни самому тупому Ма, ни самому умному, но ударенному по голове.

— Как вы меня достали, — устало ругнулся я, оглядывая комнату. — Тупые джейры, которых нужно ткнуть носом, иначе они не верят своим глазам. О! Вон, корень мясной дай.

Тукто не утруждал себя лишними движениями и просто бросил мне корень со стола. Лейла его туда, что ли вытащила? А вот я ловить его не стал. Просто не был уверен в себе и своей голове. Аккуратно подобрал его и, вытянув вперёд руку, медленно сжал кулак. Корень смачно хрупнул и вылез противной жижей между пальцев, брызнув мне на лицо.

— Четверка, — отряхивая руку на пол, я подначил собеседника, — повторить берёшься?

— Это что за трюк? — Тукто бросился к горшкам, стоявшим у стены, и принялся их обшаривать. — Ага!

Найденный новый корень он сначала внимательно осмотрел со всех сторон, будто видел первый раз. Затем изо всех сил сжал в кулаке. Ничего. Принялся помогать второй рукой. Ничего. Сдавил двумя руками перед грудью и только тогда корень лопнул и смялся в его ладонях. Тукто положил получившуюся лепешку на стол и выбрал новый корень. Сжал его в кулаке, проверяя, а затем снова бросил его мне. Я пожал плечами и, отыскав его среди шкур, повторно продемонстрировал трюк с превращением мясного корня в густую кашу.

— И как ты силён? — сжав губы, уточнил Тукто.

— Сильнее тебя, этого тебе достаточно, — отмахнулся я от его любопытства.

— Прекрати, — дернул уголок губ Тукто. — Я сейчас вернусь домой и для начала пристану к брату. От него двинусь либо вниз, либо вверх по силе. И уже к ночи я всё равно буду знать твою силу. Вернее силу, которая нужна для этого трюка. И возьму для проверки твои корни, чтобы ты голодным остался!

— Какие все умные становятся, когда их пнёшь, — настала моя очередь недовольно кривиться.

— Ты о чём? — Тукто прищурился, пронзая меня взглядом голубых глаз.

— О своём! — отрезал я. — Седьмая звезда.

— Седьмая звезда, — прошептал Тукто, роняя на стол корни, которыми он потрясал в воздухе до этого.

— Поэтому, хорош впаривать мне эти лепешки джейров и кричать, что небо несправедливо. Я ничего не могу тебе обещать, но уж в моих силах осветить тебе верный путь. Дальше, лишь от тебя будет зависеть, хватит ли у тебя воли идти по нему. А от неба, величина твоего таланта, данного тебе при рождении. Но замечу. Мой отец получил десятую звезду в двадцать семь лет и не проклинал небеса за низкий талант, а упорно шёл навстречу мечте.

Глава 15

Время, отмеренное мне Кардо на выздоровление, тянулось, словно ему не будет конца. Оказалось, что это очень сложно — бездельничать. Особенно если ты ограничен тесными стенами деревни, и окружен чужими взглядами. Теперь я был умнее и внимательнее к своему здоровью. Печать я вешал только при посторонних. Конечно, меня смущали пристальные взгляды Ормы, которая по-прежнему осматривала меня еще неделю. Но очень меня испугало произошедшее со мной. Может, я и сгущаю краски, но мне, после раздумий о произошедшем, действительно казалось, что, не сняв тогда печати, я бы умер у Тукто на руках. Так что, пусть лучше она что-то подозревает, чем я снова окажусь перед угрозой смерти.

Перед Ратом пришлось повиниться и рассказать, как Тукто пришлось меня через пол деревни тащить обратно домой, а потому я без его помощи не обойдусь. Дира при этом разговоре тоже была и должен заметить, что новость эта изрядно испортила ей настроение. И первой жертвой её настроения стал её брат. Она изрядно прошлась по уму того, кто с радостью скинул тяжелую работу на человека, который недавно упал на голову. Затем переключилась на меня. Я тоже не блистал сообразительностью в её описании. Даже больше. Выходило так, что удар по голове окончательно лишил меня мозгов. То, что у нее острый язычок я знал и раньше, главное, что она не пустила в ход кулаки, как привыкла делать это дома, без лишних глаз. А так, это было даже забавно, тем более, во многом я с ней был полностью согласен.

Поэтому, целую неделю я честно не выходил со двора и изо всех сил изображал больного. Не скажу, насколько я сумел обмануть Орму, но лишь два дня как я перестал ее кормить рассказами о тошноте, внезапных головокружениях и черном песке перед глазами. Чувствовал то я себя на самом деле очень даже хорошо, но повторять свой идиотский подвиг с ведром, который чуть не прикончил меня, было страшно. Я решил начать с неспешных прогулок по деревне. По часу, по два, затем дольше и дольше.

Ощущения от того, что ты находишься в деревне, у всех на виду, но предаешься безделью на законных основаниях, были просто непередаваемыми. Время для таких прогулок было самым удачным. Часто шли дожди, было настолько прохладно, что даже днем больше никто не закатывал циновки, чтобы пустить воздух гулять по дому и облегчить жару, что уж говорить про ночи, когда все с радостью закапывались в шкуры. В воздухе почти не было вездесущей пыли и тянуло свежестью от реки, которая стремительно наполнялась водой. Да и вообще, время для меня начало идти быстрее, чем в четырех побеленных стенах. Частенько, особенно, когда начал ходить и по вечерам, натыкался я и на шакалов Виргла. В особенно несчастливые дни даже в полном составе и во главе с боссом. Но старательно глядя в песок, всегда не спеша проходил мимо. Ни разу меня не окликнули, хотя взглядами провожали. А уж если там был и Шиго, то я буквально чувствовал его обжигающий взгляд на своей спине, но не так, как тогда в сарае от Кардо.

Надоело все, даже возвышение. Вот уж не думал, что такое возможно. Раньше то оно у меня прерывалось тяжелой работой, поисками и охотой, хотя бы просто бегом по развалинам. А теперь всех радостей, только прогулка по деревне, которой я стал уделять все больше времени, отлынивая от развития меридианов. Как только я поймал себя на этой мысли, как разозлился сам на себя. Несколько часов я высказывал все, что я о себе думаю, перечислял обиды и обидчиков, напоминал о судьбе семьи, если мы останемся в этих песках.

Странное занятие, но мозги я себе прочистил и еще яростнее принялся за возвышение. Если бегать по развалинам и впитывать энергию я еще не мог, то неспешно прогуливаясь вдоль стены, держать в голове образ проникающих в меня нитей силы, выходило просто отлично. Я отказывал себе даже в минуте отдыха. Я просыпался и начинал впитывать силу, я уходил на прогулку и поглощал энергию, я тащил самое маленькое ведро с водой и продолжал возвышение. И результат не замедлил появиться. Не прошло и месяца с моего падения, как я взял восьмую звезду. Она далась мне всего за три месяца усилий. Теперь я сильнее Виргла, только двое в деревне равны мне, и лишь главный враг все еще недосыгаем.

Несколько дней новая сила кружила мне голову, и я поневоле отрывал время от возвышения на воображение различных планов мести. Но все они мне не нравились. Виргла и половину его шайки я, конечно, ненавижу, но убивать их только из-за этого? Это я мог сделать и раньше, Паурит свидетель. В моей голове вспыхивали десятки картин, как они обливаются кровью. Но нужно ли мне это? Я не хочу брать с них плату большую их вины. К тому же, я вспомнил слова мамы об Ориколе и его наказании, которое хуже смерти в сто крат. Конечно, тот же Скирто вообще не сдвинулся по пути Возвышения, чтобы наказать его лишением возможностей в продвижении по нему. Тем более, я вообще этого сделать не смогу.

Кстати, интересная мысль. А могу ли я накладывать свою печать на других людей? Нужно будет всё же проверить. А вот наказать Скирто за все унижения увечьем, вполне мне по душе. Но сделать это, не выдав себя, слишком сложно, и не принесет нужного мне эффекта. Как и в случае с местью Пауриту, мне нужно чтобы он четко понимал, за что и от кого страдает. Так что, эти планы со сломанной ногой отставляем в сторону в ожидании еще двух звезд. Десятая звезда не оставит никому выбора. Просто не забываем — Виргл, Шиго, Скирто. А, и Вартус. Он меня со своим: " Встреть мой кулак своим кулаком!«, изрядно бесит. Я с удовольствием выполню его просьбу. Пусть только ждет.

А ещё есть Кардо, который мечтает вырваться из пустошей и попасть в благословенный небесами Первый пояс. И вот ему...

— Ага, и впрямь не обманули, — вот уж на кого я не ожидал наткнуться, так это на того самого Вартуса. — Пошли, босс хочет с тобой поговорить.

Почему мне кажется, что ничего хорошего мне эта встреча не принесет? Шли мы не долго. Деревня небольшая, а Виргл, конечно же, был на тренировочной площадке. Они все здесь были. Шиго, Порто, Ларг, Скирто и даже Рикто стояли возле Виргла, который единственный развалился на каменной скамье, опираясь плечами на низенький заборчик. Совсем не боится испачкать, еще не просохшей после дождя, глиной

дорогую рубаху. Я бросил короткий взгляд исподлобья, осматривая их.

— А вот и вы, долго же вас пришлось ждать, — процедил Виргл, разминая шею.

— Извини, босс, он долго из своей хибары не выбирался.

Я промолчал, лишь про себя усмехнулся. Значит это я, второй час наворачивающий круги вдоль стены, виноват что не выходил из дома? Хорошо, хорошо. Пусть будет так.

— Ну, ничего, в конце концов, именно он наш гость, так что ему простительно, верно? — сын Кардо повернул голову направо, на верного крысеныша.

— Да босс! — тут же подал голос Скирто, который, похоже, только и ожидал команды поддакнуть.

— Леград, я вижу, ты хорошо помнишь мою просьбу. Сегодня я разрешаю тебе смотреть смело. Подними голову! Сегодня твой день! — я отчетливо слышал в его голосе издевку, но пока не мог даже предположить, что он или Скирто, придумал на этот раз.

— Будь здоров, Виргл, — я, впервые за долгие месяцы, прямо поглядел ему в лицо. Он изменился. Теперь у него не только эти отвратительные жидкие усики, но и на подбородке появились длинные волосы, которые он, похоже, холит и бережет. Тьфу!

— Да. Как верно ты подметил, Леград, — Виргл будто невзначай сцепил обнаженные руки и заставил взбугриться мышцы, красуясь. И эта привычка не изменилась. — Будь здоров. Тебе это сейчас ведь нужнее всего?

— Да вроде я уже окреп и встал на ноги, у твоей матери хорошие травы, — Я покачал головой, не соглашаясь. — Я больше не падаю и не блюю на всю округу.

— Да, слышаны, — хохотнул Виргл, а крысеныш его поддержал. — Даже Вартус видел, как ты валялся под ногами у Тукто. Да и моя мать, конечно, понимает толк в травах, но говорит, что это больше заслуга твоего сильного тела.

— Как ей угодно, — я пожал плечами, внутри весь сжавшись, что это за намек в его словах? — Но если бы все

дело было в здоровом теле больного, то лекарей вообще бы не существовало.

— Ха-Ха-Ха, — начал бить в ладоши Виргл. — Ты это слышал Скирто?

— Да, босс, слышал. По-моему, он к вам подлизывается, — нагло заявил главный жополиз шайки.

— Ты думаешь? Леград? Сегодня вроде небо на месте? Не, Скирто, тебе показалось. Леград, ты знаешь, между нами было много недопонимания, — и Виргл замолчал, уставившись на меня.

— Недопонимания? — пришлось мне подать голос и постараться, чтобы он не дрожал от ненависти на этом слове.

— Да, мы слишком быстро выросли, стали новиками и забыли, что вы мелочь — младше нас и слабее, — «Что за бред он несет?», — думал я, стараясь не выдать удивления. — Да и мать твоя виновата.

— Она то в чем виновата? — не удержал я язык за зубами.

— Полагаю в гордыне, — улыбнулся Виргл. — Она, восьмерка, годы проведшая в пустошах, не хотела заняться другой работой на благо деревни. Предпочитала вонять дерьмом, но не подойти, не то что к моему отцу, а даже к Ракоту. А вот стоило моему отцу, вождю всей деревни, переступить через свою гордость и попросить ее ходить на Черную развалину древних, как она тут же согласилась. Разве я не прав?

— Такая точка зрения тоже имеет право на жизнь. У каждого свой взгляд, — я постарался спокойно пожать плечами, сегодня для моей маски просто день испытаний. — Так я страдал за ее гордыню?

— И за свою слабость. Это пустоши. Здесь ценятся сильные люди. А не слабаки, пропахшие дерьмом, — Виргл, сжав кулак перед собой, продолжал нести свой бред. — Поверь, нам просто противно было на тебя смотреть, и мы хотели подтолкнуть тебя вперед, к силе.

— Раз уж у нас пошел такой разговор, — я подался вперед, вглядываясь в его лицо, — то разве ты не помнишь,

как я приходил сюда, к Ориколу, чуть больше года назад?

— Да, помню, — отмахнулся Виргл, не моргнув и глазом. — Уж не знаю, что там этому алкашу стукнуло в голову, может он залился вместо отцова вина брагой на помете джейров. Он был не прав. Отец говорил с ним. Теперь ты можешь приходить сюда, а он выдаст тебе наставление. Твоя мать сильна, так будь же ее достоин.

— А то, что Шиго не пустил меня на экзамен? — мне уже было интересно, а что он будет врать дальше? И что он вообще хочет от меня?

— Какой ты злопамятный, — скривился Виргл. — Хорошо. Тогда моя шутка зашла слишком далеко. Я признаю это. Слушай. Давай отринем наши обиды и начнем с чистого листа?

— Обиды? — кажется, мой голос все же задрожал. Выходит он меня обижал, а не смешивал с помоями? Да еще и считает, что ему тоже причиняли обиду? Тварь!

— Да! — с широкой улыбкой закивал Виргл. — Твоя мать стала полезным членом нашей деревни, давай и ты присоединяйся к нам в Возвышении!

— Ага, в Возвышении, — повторил я его слова, находясь в полном ошеломлении от странности происходящего. Я считал Диру немного странной?

— Вот, я знал, что ты согласишься! — довольно крикнул Виргл. — Каждый мужик должен быть сильным!

— Молодец! Мужик! Ждем тебя! — начали бить мне по плечам и спине остальные ребята.

— Садись! Я знал, что ты не откажешься от такого предложения, — Виргл провел рукой над скамьей, привлекая мое внимание к мискам с жареным мясом и нарезанными овощами. — Потому подготовился заранее. Давай скрепим начало новой жизни!

Вот в этот момент, когда я послушался и сел на лавку, уставившись на эти простые красные миски, которые до этого, тупой и слепой джейр, в упор не замечал, в моей голове что-то

сверкнуло, и я опустил взгляд еще ближе к себе. Там стояла темно-красная, почти черная чаша для питья.

— Я то, пожалуй, уже могу себе позволить, да вот ты еще маловат для этого. Да и головой ударенный, — поцокал языком Виргл, принимая из рук Скирто небольшой кувшинчик и лично разливая его содержимое по чашам. — Так что пьем не вино и даже не хмельную брагу, а пустую, молодую. Даже детям можно. На сладком корне квас, мать ставила. Давай, бери! За начало новой жизни!

В голове промелькнуло множество мыслей, одна тащила за собой другую, третья их дополняла, но громче всех гремела одна. Это то, чего мы с мамой опасались! Где он? Чаша была пуста. Он и себе налил из этого кувшина. Не мешкай! Не мешкай! Я, было, хотел улыбнуться, но почувствовал, что застывшие губы я сейчас разомкнуть не смогу. Поэтому просто медленно потянулся к своей чаше.

— Давай, давай, — покивал Виргл и, лихо схватив свое питье, повернулся в пол оборота ко мне, будто смотря на своих шакалов. Но мой обострившийся взгляд сейчас видел и его побелевшие пальцы на чаше, и вздувшиеся мышцы на руках, и чуть скошенные в мою сторону глаза. И я тоже резко бросил руку к чаше.

— Дарсово дерьмо, — мой быстрый взмах, который должен был смести со скамьи чашу со всем содержимым, словно ударился о столб. Широкая чаша не просто не упала, а лишь немного сдвинулась по камню скамьи, даже не расплескавши брагу. А вот пальцы я прилично отбил.

— Что такое?- повернулся ко мне Виргл и соорудил удивленную рожу, но я видел, как горели торжеством его глаза. — Совсем забыл! Это мы с пацанами привыкли пить из них, а про тебя я и не подумал!

— Точно босс, — запрыгал, повизгивая Скирто. — Он же еще тройка, небось!

— Извини, Леград, — Виргл приложил руку к груди. — Это мне отец чаши подарил, к пятой звезде. Таких, наверное, больше нет во всей нашей Черной пустыне. Они из Красного небесного металла. Тыж сын кузнеца, наверно слышал про

него. Прикинь! Каждая весит сотню килограмм. Только на этой скамье и можно их расставить.

— Что ж, — я, наконец, справился с собой и растянул губы в улыбке. — Похоже, не судьба мне выпить за примирение, — я принялся вставать со скамьи, но мне на плечо легла рука Вартуса.

— Куда это ты? Босс тебя не отпускал.

— Ты хочешь обидеть меня? - ненавистное лицо скривилось в удивлении. - А об этом не переживай, — махнул рукой Виргл. — Шиго! Простую чашу нашему гостю!

Шиго, который, похоже, ждал этой команды, уже через несколько секунд стоял перед нами, протягивая белую облитую чашу Вирглу. Тот поднял сделанную из небесного металла и перелил ее содержимое в поданную. А Шиго лишь затем поставил ее передо мной. Я не видел, что было в новой чаше до этого! Все произошло выше моих глаз!

— За начало новой жизни! — повторил Виргл, не сводя с меня взгляда черных глаз.

"Вылить?", - в голове мелькнула мысль и пропала. "И каждый день дрожать в страхе, получая еду из запасов деревни? Может там действительно простой квас? А я трусливый квартик, от каждого шороха прячущийся в нору?"

— Ты хочешь обидеть босса?

— Я хочу отбросить все старые обиды, начать всё заново, — Виргл улыбнулся так, что это больше напоминало оскал. — А ты ещё и раздумываешь?

— За будущее! — мне пришлось собрать в один кулак всю свою смелость и решительность, чтобы спокойно выпить содержимое чаши, а не бежать отсюда, вырываясь из рук прихвостней и расшвыривая их. Я пил, не ощущая сладости и щекотания крошечных пузырьков. Я вслушивался в свои ощущения в поисках горечи. Ибо именно так в моих мыслях проявлял себя Черный гриб. Тщетно.

— Ну вот, — Виргл улыбнулся, всматриваясь в меня. Я тоже постарался изобразить на лице хоть намек на улыбку, хотя, больше всего, мне сейчас хотелось схватить эту дарсову

чашу из небесного металла и превратить его лицо в кровавую кашу. — И хорошо.

— Я, наверно, пойду, Виргл, — я попытался встать, но на плечо легла теперь рука Шиго.

— Да подожди ты, му... — прервался и хохотнул Шиго. — Босс тебя опять не отпускал.

— Здесь всё решает босс, — это уже подал голос Скирто.

— Да, не торопись, — кивнул Виргл. — Ты бери мясо. Мечерог. Лично взял его вчера на копье. Стрелы для слабаков. Вкусно?

— Да, — я кивнул, не находя в себе силы благодарить его, — такого я давно не пробовал.

— Ну, теперь то, твоя мать будет получать совсем другой паек. Не дерьмовый, — Виргл хохотнул. — Все теперь у вас будет. Ты теперь приходи на тренировки к нам, возвысишься, станешь новиком, сам будешь к столу добывать мясо.

— Боюсь, мне сейчас не до тренировок, — я постучал пальцем себе по голове, заставляя спокойно проговаривать слова, а не рычать. И обвел взглядом остальных участников этого фарса.

Шиго, дарс, улыбался так, что казалось, я могу пересчитать все его зубы, Порто стоял темный как весенняя туча. Вартус кривил губы в кривой усмешке, и поглаживал кулак. Рикто напоминал кусок камня, такой же острый скулами и неподвижный. Меня пробила дрожь при взгляде на его тощее тело. Неужели и мне уготована такая судьба? Надеюсь, мама не подведет. Ларг переводил глаза с меня на Шиго и щурился, а Скирто о чем-то хихикал в кулак.

— Да, я помню, — Виргл выплюнул под ноги тугую непрожеванную жилу. — Мать сказала еще месяц тебе нужно беречь голову.

— А вот потом, я все же проверю, насколько тверд твой кулак, — подал голос Вартус.

— Да, — Виргл хлопнул себя по лбу, — я же тебе говорил, что мы ценим силу. Пусть ты не можешь пока поднять гири, но ведь есть еще и сила духа. Без этого в пустоши никак. Да. Мы

не потерпим в наших рядах слабаков. Мы и сами бьемся друг с другом, так что, и тебе предстоит доказать нам свое право быть на площадке.

— Против Вартуса? — голос мой был полон презрения.

— А почему нет? — пожал плечами Виргл. — Он будет сдерживаться, не бойся. Это тоже недостойно будущего охотника. Бояться. Но я пока закрою глаза на это.

— Давай, я начну со Скирто? — предложил я, внимательно оглядывая крысеныша, слабость которого я прекрасно помнил. Победить не сумею, но разбить лицо смогу с удовольствием. Скирто будто подавился смешком под моим взглядом.

— Я смотрю, ты наглеешь на глазах. Неужели простой квас так дал тебе в голову? — повысил голос Виргл, нахмурившись. — Или ты из тех людей, что доброту принимают за слабость? Ты меня разочаровываешь, Леград. Я вижу — в твоих глазах зажглась дерзость. Такое нужно бы искоренять сразу же. Но я помню, что ты еще считай калека. Поэтому скажу так. Опустить голову, и спрячь свою дерзость в песок, мусор. Через месяц приходи на тренировку. Покажи силу своего кулака и духа. А уж если ты докажешь свою силу и станешь четверкой, то я подумаю над тем, чтобы снова разрешить тебе поднять глаза. Вали отсюда, пока не получил ласкового пинка.

Ты дурак Виргл. Это не дерзость в моих глазах. Это ненависть и твоя смерть горят в них. Ты только что нагрузил чашу своих преступлений этой пустой брагой так, что она просто упала, перевесив мою доброту и прощение. Со стороны может показаться, что только что происходила сущая бессмыслица. Виргл пригласил отброса, которого года два унижал, за свой стол и разделил с ним еду и питье. Наобещал кучу поблажек, разговаривал, почти как с равным, а затем вдруг повернул все в обратную сторону. И снова ткнул носом в дерьмо.

Другой бы придумал кучу объяснений происходившего. Как его приспешники, которые навоображали себе каждый во что горазд. От очередной шутки босса, до настоящего прощения отброса. Другой. Но не я. У меня есть только одно объяснение.

Настоящее. Ты все продумал, даже не дал сбежать мне от стола. А теперь все бесполезно. Пусть выварка и простейший эликсир, но все, что создано из обладающих энергией растений, проникает в тело с огромной скоростью. В сказках эликсиры бывало просто лили на тело героя и они, пусть хуже, но действовали, впитываясь в кожу и раны. Теперь, главное не сходить с ума до возвращения мамы. Надеюсь, она не ошибается. Иначе, однажды, ты просто не проснешься.

— Мама, хочешь узнать удивительную вещь, произошедшую сегодня с твоим сыном?

Теперь я встречал маму внутри дома. Ушел в прошлое ритуал помощи с переноской, оставив вместо себя небольшую горечь и тоску по минувшему. Но сегодня я даже не смог сказать простых слов приветствия, так жгло мне язык случившееся. Я едва дотянул до вечера, сдерживая себя от того, чтобы броситься в пустоши навстречу ей.

— Ха, — мама стянула ремешок, стягивавший волосы и мотнула головой, раскидывая по плечам светлые локоны. — Ну, удиви маму.

— Сегодня Виргл сказал, что сожалеет о прошлых разногласиях, и рад будет видеть меня на тренировках.

— Что-что? — мама даже остановилась на полпути к висящему на ремнях рукомойнику.

— И пригласил разделить с ним мясо и квас, — мама бледнела все сильнее с каждым моим словом.

— Мы же говорили о таком, — мама оглянулась на дверь и понизила голос. — Ты сумел пролить его?

— Я пытался. Но там была и ловушка для проверки моего возвышения. Ты слышала о Красном небесном металле?

— Кажется, у отца была запись о нем в сборнике? — мама придвинула плетеное сиденье и присела напротив.

— Да. Материал Древних из первого пояса. Там небольшая чаша весила сотню. Счастье, что я был под печатью. Только руку отбил, — я частил словами, захлебываясь и торопился, наконец делясь хоть с кем то своими переживаниями. — Но ты бы видела его лицо в эту

секунду! Он был так счастлив, что я попался в ловушку и действительно оказался слабаком, — я рассмеялся, но смех был таким же горьким, как привкус во рту.

— Значит, пришлось пить? — мама будто стала меньше ростом.

— Еще и тост толкнуть, — я снова смеялся, не могу ничего с собой поделатъ. — Мама, ты уверена в своем противоядии?

— Конечно уверена, — мама помолчала, вздохнула. — Насколько может быть уверен человек, ни разу его не использовавший, а только читавший описание в книге.

— Ха-ха-ха, — кажется, моя выдержка подходит к концу. — Значит, испытаем на мне.

— Не все так просто, — покачала головой мама и, протянув руку, погладила меня по голове. — Только когда мы будем уверены, что тебя отравили грибом. Противоядие нельзя пить просто по желанию.

— Как думаешь, — я сжал кулаки, — есть шанс, что это пустая тревога?

— Это я у тебя хочу спросить. Что думаешь ты?

— Нет, я думаю, это все было устроено только ради одного моего глотка, — я уже не раз все обдумал за эти часы, а маму спрашивал лишь из чувства последней надежды.

— Почему они пошли на это? Что случилось? — мама потерла лоб.

— Я подозреваю Орму, — поделился я своими мыслями. — Я слишком быстро выздоравливаю. Видно Кардо решил перестраховаться. Она вообще считала, что я должен был умереть.

— Что?!

Мама повысила голос, но затем спохватилась и оглянулась на дверь. Я тоже. Не хватало еще привлечь внимание почемучки. Лейле дай только повод проявить любопытство, как о всяком откровенном разговоре с мамой про наши проблемы можно забыть. Даже про травы и отлучки мамы пришлось долго и упорно объяснять ей, почему нужно

молчать об этом. После этого мы все стараемся держать в тайне от нее. Итак, почти чудо, что она так увлеклась игрой со своей новой забавой — муравьями, и не прибежала в дом сразу же после прихода мамы.

— Так вот почему первые дни от меня не отходил Ракот с Гризмо. Боялись. Расскажи все подробно, желательно слово в слово, — вздохнула мама.

— Хорошо, — я тоже вздохнул и принялся за рассказ, это было не слишком трудно.

Я и раньше с легкостью запоминал те же самые книги, а теперь, после нескольких звезд возвышения, моя память еще улучшилась. Я пересказал не только слова Тукто, но и сегодняшние события. И как ни странно, но успокаивался с каждым словом, все, что я описывал, словно отдалялось от меня, больше не заставляя переживать о своем возвышении.

— Нет, сын, ты прав. Никакой надежды. Так, легкий налет слов, густо замешанных на презрении и насмешках, сказанных, чтобы только получить повод отравить тебя.

— И что мы выберем? — мы обговаривали несколько выходов на этот случай.

— Сын, я бы выбрала бегство. Твой успех в возвышении совершенно меняет нашу ситуацию. Это не то же самое, что путь сквозь пустоши с двумя беспомощными детьми. А твой талант будут рады принять в любом поселке. Даже в родном Арройо. Награда за нового Воина от земель предков слишком велика и для учителя и для самого поселка. Даже большой поселок со звездами не откажется от еще одной поставки из Первого пояса. Немного денег у нас есть, есть приличная куча трав, за которые можно будет получить нормальную цену напрямую у алхимиков. На первое время нам хватит. Но решать теперь тебе.

— Почему?

— Ты не только быстро возвысился. Но и повзрослел очень быстро, — мама развела руками. — Один Паурит чего стоит. И дальше решения, которые ты будешь принимать, будут только тяжелее. Я могу лишь поддержать тебя и уберечь от ошибок. Но научиться этому можешь только ты сам. Тебе

недолго осталось быть со мной. Я верю, что ты Возвысишься. А я потеряла свое право на решение.

— Что? — я вскинулся.

— Нужно было уходить из деревни, как только тебя скинули, — мама отвернулась, сгорбилась, словно в один миг постарела. — И тогда бы ты сейчас не мучился в сомнениях — был ли яд. Я ошиблась. Прости свою мать, я снова, как с Римило подвела вас.

— Мама! Мама! — я бросился её обнимать.

— Прости сын, — мама успокоилась, но отстранилась от меня. — Прости слабую маму, но это будет твой выбор.

Я сидел и думал. Очень непривычно оказаться чуть ли не главой семьи. На одной чаше весов спокойная жизнь в Арройо, без Кардо и Виргла. Жизнь полная возможностей, которых я и семья лишены сейчас. На другой мучительный, полный лишений год, который ждет меня впереди. Но здесь я точно смогу отомстить. Даже если пойму что не успеваю возвыситься к сроку.

— Мы проживем в Арройо без всяких глупостей вроде вступления в команды охотников на Зверей или Монстров? — уточнил я детали.

— Звероловы и монстробои, — мама покачала головой. — Да, если выйдем из главы подъемные для таланта, который решил осесть в Арройо, то сумеем перебиться работой попроще.

Но снова преодолеть месяц пути, чтобы успеть вернуться сюда и буквально на ходу найти способ мести? Легко, если я буду десятой звездой возвышения. А иначе?

— Мы остаемся.

— Если ты хочешь скрыть выздоровление, — мама сжала мои руки, — то тебе придется очень, очень-очень тяжело, сын мой.

— Я догадываюсь, — я кивнул и озвучил еще одну сторону моих размышлений. — Но иначе я подвергну не меньшему испытанию Лейлу.

— Она выросла в пустошах, — напомнила мама.

— Мама, кого ты обманываешь? Она выросла на повозке, прикрытая от ветра и обеспеченная водой и едой. Я не могу себе представить месяца пути для нее с парой фляг воды, и ночевкой под небом в сезон дождей, — не согласился я, освобождая руки. — А если и могу, то просто не хочу. Целыми днями под этим невыносимым солнцем, от которого даже мне дурно? Нет!

— Ты вырос, — мама отвернулась, скрывая слезы. А я сделал вид, что не заметил их.

— Наверное, — я поднялся с лежанки и зарылся лицом пусть в пыльные, но так приятно пахнувшие родным человеком волосы мамы. — Не плачь. Я выбрал и пойду до конца. Лишь бы книга с противоядием не подвела.

Глава 16

Это были невыносимые, кошмарные две недели. Я проклинал небеса за своё решение. Ожидание. Вот что оказалось мучительнее всего. Никакие издевательства надо мной, никакая ненависть в душе не выматывали меня так сильно, как это ожидание, полное страха и неопределенности. Принимать противоядие просто так было нельзя, нужно было получить полную уверенность, что я отравлен и не просто отравлен, а именно Чёрным грибом. Казалось бы, просто — подожди несколько дней и, если начал резко худеть, то всё понятно. Просто подожди. Подожди. Вот это ожидание и неопределенность убивали меня не хуже самого яда. Постоянное вслушивание и всматривание в себя, поиск малейших изменений сделали меня нервным и раздражительным. Как ни горько в этом признаваться, но больше всего это отразилось на сестре.

Она, по привычке, пыталась привлечь меня в свои игры, ведь я так много времени стал проводить дома, но почему-то все меньше с ней. И вот, однажды, она пристала ко мне с просьбой помочь соорудить из глины Черную гору для ее муравьев. А я, я сорвался на ней. Принялся кричать. Ее слезы и испуг стали тем, что ужаснуло меня и положило конец этому кошмару. Я нашел в себе силы принять неизбежное и жить так, будто совсем не важно, что произойдет завтра. Есть только сегодня и нужно взять для себя и дать другим столько, сколько только можно получить от этого дня.

Я просыпался и говорил себе, что это день великолепен и нужно многое успеть сделать сегодня. Но со стороны я, наверное, стал похож на Ларга. С утра я провожал всех из дома на работы, делал домашние дела. Затем кормил вернувшуюся сестру и обязательно выделял на ее игры часа два-три. А все остальное время проводил в возвышении, отбросив всякие мысли о яде. Наслаждался спокойствием неизбежного будущего и красочными нитями силы в своем воображении.

Момент, когда стало ясно, что я действительно отравлен, так же как Рикто, пропустить было никак нельзя. Я резко, буквально за два дня, начал худеть. Особенно это заметно стало по лицу. Щеки ввалились, несмотря на двойную порцию еды, которую я запихивал в себя через не могу. Неопределенность, наконец, закончилась. Будущее неизбежно наступило. В тот вечер мама плакала глядя на меня.

— Ну что ты? — утешал я, гладя ее по голове. Под мышкой у нее сопела Лейла. — Все будет хорошо.

— Может и будет, а вот для тебя начнется время испытания. Это будет очень сложно, поверь голодной девчонке жившей на помойке, — мама сжала меня изо всех сил. — Я тут начала потихоньку через Ди готовиться. Одно только слово и мы уйдем. Поверь, мы сможем.

Я понял, на что она намекает, но отрицательно покачал головой и вышел на улицу. В нашем... Нет, нужно быть справедливым. В моём глупом плане упёртого дурака был только один способ скрыть мое излечение. Это продолжать худеть, даже после противоядия. И здесь все зависело от меня. Забудьте о двойной порции еды, простой и даже половине. Чтобы приблизиться к худобе Рикто мне, похоже, нужно вообще жрать раз в три дня. Моя мрачная догадка о грядущем будущем, когда для возвышения мне нужно будет голодать, начинает сбываться. Пусть не четыре года, как я с ужасом представлял себе год назад.

Год назад? Я с недоумением хмыкнул под нос. Прошел уже год? Да, с удивлением понял я. Я начал идти по пути возвышения практически год назад. Осталась неделя до этой вехи. И мне есть чем гордиться. Жаль, что этого мало. Осталось всего восемь месяцев на то, чтобы отомстить и не дать уехать Кардо с Вирглом. Я выпил содержимое крошечного кувшинчика из белой облитой глины. Странно, яд был сладок и неощутим. А лекарство требует от меня изрядной выдержки, чтобы не выплюнуть, так оно горчит на языке. Я раздавил кувшинчик, растер его остатки ладонями в труху и высыпал под ноги. Кардо, ты не покинешь нулевой, пообещал я, сжимая мешочек на груди.

— О! Какие люди нас посетили! Новики, глядите! — первым меня заметил неугомонный Шиго. Как же он меняется на площадке среди гирь.

— Ага, ты все таки принял приглашение босса, — ухмыльнулся Вартус и шагнул вперед. — Чтобы зайти на площадку, тебе, мусор, нужно пройти меня.

— Я всего лишь хочу получить наставление, — я вжал голову в плечи.

— Без разницы, — наглая пятая звезда сунула мне под нос кулак с набитыми костяшками. — Видал? Встреть его удар и вали куда хочешь. Хоть обратно домой мамочке плакаться. Пусть бежит к нам с криками.

— Хорошо, — чуть дрожащим голосом, стараясь не переигрывать, согласился я и поднял руки так, как это обычно и делал Вартус перед своим мешком.

— Да вы поглядите на него, — радостно завопил тот на пол деревни. — Сопляк что-то умеет! Нука, лови!

Я и поймал. Встретил его кулак своим. Благо тот действительно ударил не быстро и не сильно. Но мне хватило. Удар отозвался вспышкой сильной боли, и я согнулся, прижимая пострадавшую руку к себе. Переждав, я с опаской ее осмотрел. Целая, но как же это оказывается больно. Пожалуй, решил я, это даже неплохо. Нужно приучить себя к боли в схватке. Иначе, когда ставкой будет моя жизнь, я буду к этому совершенно не готов. Похоже, я буду часто приходить сюда и радовать Вартуса.

— Теперь я могу пройти? — держа разбитую руку на весу, так легче, поинтересовался я.

— Босс, даже не знаю. Это ну никак нельзя считать за принятый удар. Слабак! — сплюнул мне под ноги Вартус. — Я выпинаю его отсюда?

— Будь снисходительнее, — рассмеялся Виргл. Пусть мне и плохо видно с опущенной головой, но на его роже явно удовольствие от происходящего. — У нашего малыша все еще впереди. Как твоя голова, Леград?

— Прошла. Травы твоей матери хороши.

— Неужели, — довольным тоном, я буквально слышал его улыбку, протянул Виргл. — А вот выглядишь ты не очень. Вроде как в прошлую встречу ты выглядел получше. Сейчас ты какой-то бледный. Ты здоров?

— Здоров? Не знаю. Но чувствую я себя плоховато, да, — я почесал через дыру в рубаше бок. — Вот решил заняться возвышением. Говорят, что на высоких звездах многие болезни проходят сами.

— Ха-ха-ха! На высоких звездах, да, на высоких звездах, такое и впрямь случается, — Виргл смеялся долго и со вкусом, прихлопывая ладонями по бедрам, наслаждался шуткой. — Вартус!

— Да босс!

— Мне всегда было интересно, что такого он постоянно щупает в своем мешочке?

Мешочек? Я с удивлением обнаружил, что действительно, вцепился здоровой рукой в мешочек для мелочей на шее и, изо всех сил, доступных под печатью, стискиваю свой клятвенный камень. А уже через секунду, едва не разорвав мне кожу на шее, шнурок на котором он висел, лопнул. Первой моей мыслью было отобрать мешочек у Вартуса, и я даже сделал шаг вперед. Но затем опомнился и остановился, стиснув зубы и снова уперев взгляд в песок. Это уже случилось. Нужно лишь дождаться, чем все это закончится.

— Тут пусто, один камень и все, — отчитался Вартус.

— Дай ка посмотреть. Скирто!

— Да босс, сейчас, босс, — засуетилась крысиная морда. — Держите босс.

— Станный камень, — сделал вывод Виргл. — Что это, отброс?

— Не знаю, — я уже настолько далеко зашел в контроле своих чувств, что даже зубы не пришлось разжимать. И голос совершенно спокоен. Вот только руки, оказывается, живут у меня своей жизнью. — Я нашел его в песке недалеко от деревни.

— То есть, даже не в руинах?

— Нет, шагах в ста от стены, — кажется, столько оставалось мне пройти, когда они начали отвечать мне пинки.

— Я многое ожидал увидеть в качестве твоего сокровища, за которое ты то и дело хватаешься, — голос Виргла был полон удивления. — Но тупо камень? Что за хрень?

— У нашей семьи не так много вещей, чтобы я позволил себе что-то действительно дорогое, — я бросил короткий взгляд на Виргла, оценивая его настроение. — А это необычный камень. Я не видел таких больше.

— Я видел у отца пару таких же. Вспомнил. Их даже торговцы не берут. Такой же мусор, как и ты, — мне под ноги упал камень. — Иди к Ориколу. Может тебе повезет разбудить его. Или не повезет.

Под жизнерадостный смех прихвостней Виргла я пересек площадку. Но смеялись не все. Не смеялись Ларг и Порто. Впрочем, визг Скирто с лихвой покрывал их молчание.

— Уважаемый, — подал я голос во тьму дома. Должен отметить, что в этот раз здесь нет такого ужасающего запаха и порядка, кажется, больше.

— Что за наваждения, которых на меня тут и наслать некому? — спросили из темноты. — Парень, куда делся яд из твоего голоса?

— Скажем так, — я помедлил, подбирая слова, — я немного больше узнал о вас.

— Э! Щенок! А вот капля жалости в твоём голосе меня бесит даже больше яда. К презрению я привык. Но привыкать к жалости? Я тебе сейчас всю задницу пинком отшибу.

— Я понял, уважаемый учитель, — я сложил кулаки перед собой.

— Зачем сегодня приперся?

— За наставлением.

— Чего? — такого он явно не ожидал. — Ты что с первым сделал? Первый раз слышу, чтобы наставление угробили. Его ж даже до ветру не используешь. Да и вообще, ты за...За год?

За год должен был его выучить наизусть! Ладно... Не мое дело. Где вино?

— Я пришел за официальным наставлением, — с улыбкой начал я, сейчас его обломлю. — Босс послал меня за ним. Какое вино, уважаемый? Разве Вождь нашего селения мало вам дает?

— О! Какие знакомые нотки, — восхитились в темноте. — Можешь же, когда захочешь. Значит, ты теперь лег под Виргла? Не ожидал.

— Я не лег, — уже без улыбки процедил я сквозь зубы, пусть я еще мал, но смысл фразы уловил прекрасно. Зря я начал язвить. У него это выходит гораздо лучше. Орикол по-прежнему способен парой слов вывести меня из себя. — Я получил предложение, от которого решил не отказываться.

— Ясно, ясно. Называй как хочешь, — раздался звук скрежета щетины. Давно он не испытывал мои нервы. Дядя Ди, когда долго не бреется, все равно не имеет такой выводящей меня из себя привычки. — Утоли любопытство старого пьяницы. До какой звезды ты возвысился за этот год?

— У меня нет успехов, учитель, — я показательно скривился. — Небо не отмерило мне великого таланта. Я не сдвинулся с третьей звезды.

— Да ладно?! — в темноте зашуршало и на свет вылез Орикол. Сегодня он и одет иначе. В длинную, до колена узкую рубаху и штаны из ткани. Все это напоминает одежду приезжего Воина Тартуса, разве что гораздо проще. Удивительно, вспоминая прошлый раз, одежда еще и выглядит довольно чистой. — Ты можешь не бояться. Я пить пью, но язык держу за зубами. Если ты узнал больше про меня, то должен знать, что мне нужен хороший ученик. Уж его я в обиду не дам.

— Не знаю, как вам доказать, но мои слова правдивы, — я глядел ему прямо в глаза. — Небо не дало мне великого таланта.

— Не могу понять, что в твоих словах, — Орикол прищурился, глядя на меня. — Правда, смешанная со смехом. Над кем ты смеешься?

— Над собой, учитель. Над собой и своими усилиями.

— Твой отец был велик. Пусть он был уже не юноша, но управитель Академии лично прыгал бы вокруг него, предлагая условия. Твоя мать хороша, хотя и ленива. Как так может быть? Дай руку, — рявкнул Орикол.

Я, не споря, протянул ему руку, но внутри меня разгорелся огонек опаски. Что он хочет увидеть по руке? На мне печать, но есть ли у Воинов способы лично проверить возвышение? Нет, нет. Даже, если способ и есть, то он, наверняка, требует работы с узлами меридианов. А Орикол калека. Он не может ничего понять. И действительно, Орикол ограничился лишь тем, что оттащил меня к окнам и лучу света в щели циновки. А потом надавливал твердыми, словно стальными пальцами на мою руку и внимательно оглядывал остающиеся после этого следы. Затем не меньше внимания уделил разбитому кулаку.

— Действительно, никак не выше четвертой звезды, — пробормотал Орикол, а затем поднял недоверчивый взгляд. — Почему ты такой худой? Почти нет жира под кожей. В прошлый раз ты выглядел лучше.

— Не знаю, слышали ли вы, учитель, — пусть он наслаждается ядом, который я на этот раз вложил в свои слова. — Но два месяца назад я упал и разбил голову. Она престала кружиться и болеть, но вот со здоровьем у меня стало что-то не то. Вы верно заметили — я стал худеть. Орма не может сказать, что со мной.

— Странно. Ты, внешне стал напоминать Рикто. Но он явно болен и у него мало мышц, а жир вообще стремится к исчезновению, а ты выглядишь так, будто просто месяц ел от случая к случаю и налегал на одно мясо, при этом все остальное в норме.

— Насколько я знаю, Рикто не падал на голову, — с холодком где-то под сердцем, выслушав его подозрения, ответил я Ориколу.

— Я много лет сражался за орден и видел много людей, получивших по голове, — покачал головой Орикол, не отводя от меня глаз, красноватых с похмелья. — Они страдали от

потери памяти, отказа тела, наконец, становились дураками или просто ссались под себя. Но чтобы худели?

— Возможно, мы съели что-то не то? — а что ты скажешь на это? Так ты защитил любимого ученика?

— Ты о чём? — Орикол подозрительно оглядел меня. — Ты намекаешь на моё прошлое? Но не слышу в твоих словах смеха. Гнев?

— Нет, я спрашиваю вас, нет ли шанса что и мой, и Рикто затык в возвышении от действия какой-нибудь травы? — я действительно злился, неужели нужно всё разжевать и вложить в рот?

— Что за бред ты несёшь? — Орикол мотнул головой и тут же скривился, схватившись за неё. Раздражённый, повысил голос. — Что это за трава такая? И откуда ей взяться в деревне?

— Неужели у Рикто не было врага? — я показал зубы в улыбке. — Любимый ученик уважаемого учителя, сын главы деревни. Я вот Виргла сейчас - ненавижу.

— Рикто никого не унижал. Он был достойным сыном своего отца. А вот Виргл, просто тупой ублюдок, будто его мамаша на стороне нагуляла, — Орикол отмахнулся рукой. — Кто его любит?

— Это отсюда, он кажется тупым, но отчего то же Рикто заболел? — я не сдавался, но и прямо говорить не хотел.

— Бред! — отмахнулся с раздражением Орикол. — История с Зариу... — он замолчал, повел шеей и уставился мне глаза в глаза — Есть куча болезней, о которых ты и не знаешь. Говори ясней. Хватит плести паутину.

— Как скажете. Пусть бред. Тогда я ударился головой. В этом причина. У меня нет для вас другого объяснения, — я пожал плечами, не опуская глаз. Не этому тупому алкашу, пропившему все мозги, победить меня. Я и так сказал достаточно.

— Хорошо, — первым сдался Орикол, отворачиваясь. — У меня слишком болит голова, чтобы продолжать дальше этот разговор и вылавливать в твоих словах ложь среди правды. Да

и не важно это. Третья ступень. Ты меня разочаровал. Даже Рикто был слаб, а уж ты...

— Значит даже Рикто не стоил вашей защиты, а уж я вообще мусор?

— Закрой рот! — Орикол исчез за тускло освещенным кругом.

— Наставление, — напомнил я в пустоту.

— Держи, — как и в прошлый раз, мне в грудь прилетела из темноты книга.

— Спасибо, учитель, — я даже поклонился, как младший старшему.

— О да! Ты копил эту злобу весь разговор? Вали!

И я с радостью свалил из этого дома, кипя от возмущения. Конечно, в моем именовании было целое озеро яда. От бывшего уважения в начале разговора не осталось и следа. Этот, когда-то великий воин, сидит и целыми днями пьет. Не даёт себе даже малейшего труда подумать о происходящем вокруг него. Спрашивал он: «Что ты задумал, Кардо?». Тупой алкаш! Лучше бы спросил: «Почему, мой лучший ученик, так странно заболел?».

Дарсов Орикол! Он и пальцем не пошевелил, чтобы хоть чему-то научить меня. Но при этом смел надеяться на мой талант и очередной шанс уехать из деревни. Просто хотел ткнуть в меня пальцем и сказать: «Я учитель этой десятки!». Урод алкашный! Ни слова в мою защиту, ни слова в помощи Возвышения, ни слова с заботой о моем здоровье. Но еще смел меня проверять, не обманываю ли я его! Да я специально скажу Тортусу, что ты ни минуты меня не учил! "Будешь еще годы сидеть здесь и даже Кардо, чтобы снабжать тебя вином, не будет в этой деревне. Будешь сам гнать и пить вонючую бражку!"

Я заставил себя успокоиться. Лучше вспомнить о том, что я тоже самозванный учитель и мои ученики уже два месяца сами по себе болтаются. Не знаю как Тукто, а вот Дира должна бы уже взять третью звезду, при таланте отличном от мусорного. Нужно их проверить и утешить, если что. Заодно

заставить уменьшить свои желания. Я, конечно, говорил, чтобы они считали свой талант обычным и рассчитывали возвышаться не быстрее звезды за семь-десять месяцев. Но они всего лишь подростки. По себе знаю, как скачут мысли и желания. Нужно проверить и снова прочистить им мозги. И вообще, если они молчат и усердно работают, то нужно заняться ими, а не бросать всё на самотёк, как Орикол. Буду, пожалуй, раз в неделю капать им на мозги и заставлять описывать свои ощущения. Упражнения какие-нибудь придумаю.

С Дирой удалось пообщаться этим же вечером. Просто пришел к ним домой, воспользовавшись тем, что она одна дома. Рат две недели назад, наконец, исполнил свою мечту и достиг пятой звезды. У него как раз, так и выходит со скоростью возвышения. Он на два года старше меня. Ему уже почти тринадцать и звезду он брал раз в полтора года. Ну, так он считай и не занимался возвышением. А теперь, когда сбылась его мечта и его приняли в новики, он просто не отходит от отца. Дядя Ди тоже счастлив. Его сын стал охотником! Можно передать ему все секреты ремесла! Так что теперь они в пустоши с раннего утра и до поздней ночи. Не знаю, сколько они выдержат такой марафон, но пока с их лиц не сходят улыбки. Мама Диры тоже еще не вернулась домой с работ и потому нам никто не мешал.

Мое предположение оказалось верным. Дира достигла третьей звезды и даже, оказывается, прибегала ко мне похвастаться этим. Но я в тот день ее намеков не понял, потому что был целиком сосредоточен на своей беде с ядом. А она жутко обиделась на меня за это и с того дня больше к нам не приходила. Она и сегодня поначалу ужасно дулась и отказывалась со мной даже говорить. К счастью, за последнее время я изрядно натренировался на сестре, которая тоже, не сразу меня простила. А потому, мне хватило терпения успокоить Диру. Хотя и пришлось себе дважды напомнить, что я ее учитель и ученика нужно принимать со всеми его недостатками. И даже повернутые набок девичьи мозги не могут служить мне оправданием в желании снова ее выпороть. Своего я добился.

Дира четко описала мне свои ощущения в день прорыва. Легкость движений, облегчение, словно за спиной появились крылья, которые помогают тебе бежать, легкая эйфория. Затем я проверил ее в борьбе на руках, меняя на себе печати. У меня, кстати, было достижение с печатями. Прорыв. Я не хотел доверять их тайну никому. А потому, не использовал на своих учениках, хотя и очень хотелось, тогда бы они точно не нарушили моих указаний. На Лейлу использовать я боялся. Она слишком маленькая. Оставалась мама. Но на нее печать не ложилась. Исчезала в момент касания ее тела. Даже, наверное, на некотором от него расстоянии.

Сначала я решил, что мое воображение просто не могло нарисовать ее на другом человеке. Но затем обнаружил, что так же не могу наложить на себя печать с ограничениями ниже третьей звезды. Вернее, сначала не мог. Она тоже исчезала в момент наложения. В первые дни, когда я только придумал эти печати, видимо небо присматривало за мной. Иначе, почему я не замахнулся сразу на печать двойку? Но теперь, не прошло и месяца тренировки, как я смог ограничить свое возвышение второй звездой. Так что, можно надеяться, что и на маму, вернее равного ей противника, после достаточной тренировки, смогу наложить ограничение, которое позволит мне легко его победить. Да, Кардо, да. Я всегда думаю о тебе. Так вот. Дира легко побеждала меня на второй ступени, была ничья на третьей и на четвертой уже я легко ложил ее руку.

— Слушай, конечно, не мое дело, — Дира помялась, но продолжила. — Давай я тебе рубаху заштопаю, твоя мама и так поздно возвращается. Без обид!

— Р... — я хотел было пошутить насчет подготовки невесты, но сумел задушить в себе этот порыв и сказал совсем другое. — Рад, что ты обо мне заботишься. Но если я стану выглядеть лучше, — для наглядности поднял руки и обернулся вокруг себя, демонстрируя все свои дыры на грубой рубахе и штанах. — То по приказу босса меня обольют помоями.

— Ясно, — Дира поджала губы, помолчала и неожиданно сказала. — Надеюсь, тебе недолго осталось до мести.

Я лишь покачал головой, но промолчал на этот почти вопрос. Эту тему я не хочу ни с кем обсуждать. Особенно с тем, у кого мозги включаются лишь по редкому желанию пятой точки. Вместо этого, я потребовал проверки ее навыков возвышения.

Битый час я заставлял ее на моих глазах ходить по двору, готовить ужин и долбил ее напоминаниями о необходимости впитывать энергию мира. Надеюсь, она не обманывала меня, а действительно вполне освоила процесс возвышения в движении. Ей не нужно врать, все, что я от нее требую, это и в ее интересах. Конечно, гораздо лучше просто спокойно сидеть и заниматься возвышением. Но это не подходит ни для меня, полностью скрывающего все о себе, ни для нее, от которой я требую почти того же. Не нужно ей лишнее внимание, пока Кардо у власти. У Диры придуманное поглощение выглядело так, будто она стоит под лучами света, падающими сверху, и словно впитывает их всей кожей. Уточнять вопрос, точно ли всей кожей, я не стал. Хотя язык очень чесался. На меня ее компания почему-то плохо действует. Хочется язвить и подкалывать ее. Прервала наше обучение Ралио, наконец, вернувшаяся домой.

— О! Привет, Леград. Что ты у нас делаешь?

— Просто заходил в гости. Уже ухожу, — я пожал плечами и действительно поднялся. Находиться здесь дальше мне было тяжело. Подготовка подходила к концу и запахи стояли такие, что, у голодного меня, по-настоящему кружилась голова и постоянно приходилось украдкой сглатывать слюну.

— Леград, ты так похудел, — Ралио протянула руку, останавливая меня. — Как у вас с едой? Может, останешься и поешь с нами?

— Спасибо, — я был приятно удивлен. Раньше не было за ней таких стремлений и заботы. — Мама сейчас неплохой паек получать стала, за сбор трав. А худой я — приболел что-то. Наверно после падения. Что не ем, впрок не идет.

— Ясно, а Орма что говорит?

— Она ничего об этом не знает, — развел я руками. — Пью травы. Говорит, ждите, пройдет. Я пойду. Спасибо за

заботу.

— Ты заходи чаще, — мама Диры задумалась, — Поднатаскай Диру читать, а то мне всё некогда, а сама она ленится. Обед с неё.

— Обязательно, — я бросил взгляд на смущённую девчонку и улыбнулся. — До встречи.

Тукто мне пришлось вылавливать на следующий день. Его назначили в помощь гончару, у которого закончилась глина. Вся посуда красной глины делается у нас в деревне. Да, она выходит тяжелой, грубой и совсем простой. Но зато она считай бесплатна. Возле дома гончара под навесом всегда стоят разнообразные кувшины, крынки, миски, корчаги, рукомойники, поильники, полевики. Вот вчера заметил гончар, что кувшины под навесом уже почти разобрали и сказал Кардо, что глина нужна. Тукто будет теперь полдня глину носить да водой заливать и получит за это пайку. А гончар ее всегда получает, как единственный мастер по глине в деревне. А вот вся облитая посуда, белая, а тем более зеленая это уже привозная и за деньги. Хотя чаще за нее расплачиваются мясом. Она и легче и опрятнее, и в обиходе приятнее, потому как очень гладкая. Но важнее сейчас то, что Тукто дарсов идиот.

— Скажи мне, ты идиот? — именно об этом я его и спросил, когда он подошел к одинокой скале, за которой я скрывался.

— Леград! Нехрен меня так пугать! — вздрогнул от неожиданности Тукто и заорал в ответ. — Чё те надо?

— Мне надо? — я сделал непонимающую рожу и задал встречный вопрос, внезапно вспомнив недавний разговор. — Ты под Виргла хочешь лечь?

— Че? — не понял меня Тукто. Ха! Сопляк малолетний!

— Ты хочешь бегать в его шайке?

— Тыж знаешь — нет, не хочу, — Тукто сбросил корзину из травы с плеч. Это он зря. Она от удара лопнула, рассыпав содержимое под ноги скривившемуся парню.

— Так почему, даже такому мусору как я, издалека видно, что ты взял с них привычку таскать тяжести? О чем? О Чем я с

тобой говорил?

— Так работа у меня такая сегодня. Да и взял я немного, — принялся оправдываться Тукто. — Че мне, десять ходок тут делать?

— Да! Десять! Двадцать! Тридцать! — принялся я орать, зная, что в округе никого нет. — Да ты тащишь килограмм семьдесят! У тебя ноги по щиколотку уходят в песок! Чтобы я не видел, как ты носишь что-то даже близкое к половине своих возможностей! Я обещал тебе шанс. А ты так бездарно его закатываешь в эту глину.

Налетел ветер и я замолчал, закашлялся и сплюнул попавший в рот песок. Помолчал, разглядывая опустившего голову Тукто.

— Последнее предупреждение. Я тебе не нянька. Или делай, как я сказал. Или опять слушай истории о том, как здорово в Первом поясе и мечтай о недостижимом. Таскай эти гребанные тяжести, лишь бы побыстрее управиться с работой, рискуй упереться в преграду и обрасти мышцами. Тогда тебе точно останется только путь в шайку Виргла, чтобы урвать мяса мечерога к столу. Будешь своим внукам рассказывать про прапрапрапредка из Первого. Месяц за тобой буду смотреть, если увижу такое, как сегодня — живи дальше как знаешь. Я к тебе больше не подойду.

Я ушел не оборачиваясь. Чтобы он не увидел на моем лице улыбки. Мне тут в голову пришла интересная мысль. Виргла здесь в любом случае не будет. В деревне, с высокими звездами, останется только Ракот и Миргло. И если Воин снова решит назначить главой самого сильного, то всех ожидает большой сюрприз. Интересно, какие порядки заведет глава Миргло в деревне?

Глава 17

Я нашел идеальное место для тренировки печатей ограничений. Мне даже не пришлось уходить из деревни. Загон для наших джейров. Да, да! Эти тупые, вечно жрущие и вечно гадящие создания оказались идеальными помощниками. Их много, они разные по возрасту и главное...Они никому и ничего не расскажут. Зажимая рот, из которого лезли глупые смешки, я из-за угла следил за Котилом. Не буду же я внаглую на его глазах размахивать над джейрами руками. Это вызовет ненужные вопросы и слухи. С одной стороны, слух о том, что я точно ударился головой, вроде как мне и не помешает. А с другой, неужели мне славы грязного оборванца мало? Быть грязным оборванным дурачком — это уже перебор. Убедившись, что пастух ушел, я не спеша перебрался через низкий, сдерживающий животных лишь только силой привычки, забор прямо внутрь загона. Почему не спеша? Как не осматривайся, но всех глаз в темноте за циновками не увидишь. Если об увиденном расскажут, то что-нибудь придумать в оправдание можно. Начиная от безобидного — прятался и, заканчивая заслуживающим наказания — хотел принести сестре недавно рожденного джейра. Но это все равно ерунда. А вот если увидят как я, больной и тощий, одним рывком, за секунду оказываюсь на заборе... Тут всему моему притворству придет конец. Но для этого еще рано. Оно только набирает ход. Что-то мне надоело ходить за камнем. И по этому поводу есть у меня одна мысль. Не дурачок, а вот сильно ударенный по голове, будет в самый раз для моих планов.

Для начала, мы будем проверять расстояние наложения печатей. Вот этот, совсем маленький джейр подойдет. Ему еще и пары месяцев нет.

— Кызя-кызя, — поманил я его. Но эта тупая скотина только стоит и недоверчиво лупает глазищами.

Впрочем, я ожидал такого. Не первый раз их вижу. И приготовился. Запустил руку за пазуху и нащупал припрятанный под рубахой мешок с тыквой. Ее у нас сейчас

дома прилично собралось. Ее в пайке по-прежнему выдают исправно, только вместе со всем прочим, но глядеть на нее в нашей семье никто не может. Сказывается прошлое, когда в горшке только она и была.

— Кызя-кызя, — теперь я еще и показывал в руке кусок яркой оранжевой тыквы. Джейр заинтересовано запрядал ушами. Я просто видел, как на его тёмно-коричневой морде с белыми и черными полосами появляется мысль. «Хочу!» Хе-хе. Тупые, тупые, но как дело доходит до еды, этим можно и воспользоваться.

Печать ограничения третьей звезды легла отлично. Затем начались сложности. Стагир в «Инструменте» обращал внимание читателя, что объект изучения должен быть един или максимально схож. Так что мне нужен был именно этот джейр. Через пятнадцать минут хитростей и хороводов с тыквой я выяснил свой предел. С этим джейром это были десять шагов. На этом расстоянии я мог как накладывать, так и снимать печати. И за это время никто не поинтересовался, чем же я тут занимаюсь. Отлично — я довольно потер руки и перешел к следующему этапу.

Почти у самой северной стены был круглый сарай, для новорожденных джейрят. У нас в деревне, вообще, сараи обычно всегда строят круглые. Так проще класть саман. Но с этим еще и заморочились, что выделяло его из череды схожих с ним. Тут стены постепенно сужали и сближали по мере поднятия. И вышел почти детский куличек. Ему даже не нужно было делать отдельную крышу, стены постепенно и стали саманной крышей.

Я только сейчас понял, что в деревне почти все дома имеют плоские крыши из многих слоев перевязанной драконьей травы, сложенные на нескольких кривых сухих стволах, которые собрали после сезона дождей. Вокруг нашей деревни, как и сказала мама, пустошь бедная на деревья. Поэтому жителям разрешено собирать дерево, только когда станет ясно, что оно не пережило сухой период и зубы антилоп и даже вода не вернула его к жизни. Воины-проверяющие пристально следят за этим. Как пишут в книгах, стоит только раз позволить людям вырубить деревья и кустарник в пустоши, как она погибнет и снова превратится в пустыню, какой и была

после дня гибели Древних. Как раз в прошлом месяце в деревне закончили сбор дерева. Вышло не так много, как могло бы показаться, глядя с высоты руин на бескрайнюю пустошь. Деревья надежно цепляются за свою жизнь.

Теперь я сидел в этом пустом сейчас сарае и занимался однообразным, нудным делом, от которого клонило в сон. Я рисовал печать, затем уже привычным жестом отправлял её в сторону очередного джейра. Если проходило удачно, то стирал. И по новой. Раз за разом. Если печать не ложилась, то это приносило некоторое разнообразие в мою практику. Я начинал с максимальной скоростью рисовать печати и буквально закидывать ими непокорного джейра.

После первой бессонной ночи я вывел закономерности. На молодых джейров, которые были моложе полугода, я накладывал печати с одинаковой легкостью и на прежние десять шагов. На джейрят — на любом расстоянии, разумеется, в пределах загона. Те же, у которых уже началась охота, поддавались печати всего с пяти шагов. На моего старого знакомого, вожака, она вообще не ложилась, даже когда я, уходя перед рассветом, подкрался и положил на него ладонь. Что же, теперь у меня есть цель и место для тренировок.

— Эй, — я очнулся оттого, что кто-то держал меня за плечо и тормозил. Я что? Отключился на ходу?

— А?! — я развернулся, привычно не поднимая глаз, чтобы понять кто это. Первое что я увидел, огромной толщины черная коса. Затем уже взгляд скользнул по дорогой ткани, и пришло узнавание. Орма. — Чего?

— Ты куда идешь?

— Иду? — интересный вопрос, кстати. И повторил его, спрашивая уже сам себя. — Куда я иду? Че я хотел, то? А! — в голове прояснилось. — Лейла сказала, меня на огороде сегодня уже ждали. Сказать нужно, что завтра приду. Сегодня не могу ничего носить. Завтра двойную норму сделаю. Слово даю.

— Какая двойная норма? Ты идешь и шатаешься. Хочешь еще раз по лестнице катиться? Только после прошлого раза

Эри, наконец, затк... — Орма внезапно замолчала и продолжила уже более спокойно, даже с заботой. — Ты как себя чувствуешь?

— Чет не очень, — ответил я заплетающимся языком чистую правду. — Глаза слипаются, сил нет.

— Ты хорошо спишь?

— Не, — помотал я головой и тут же пожалел об этом. Голова закружилась так, что меня повело. — Ох!

— Голова болит? — Орма подхватила меня под локоть, а я, как замороженный, начал следить за качающейся косой.

— Нет, не болит, — в моем плывущем сознании вдруг возникла мысль, что это отличный шанс кое-что проверить в задуманном направлении. — Сейчас. Ночами болит. Заснуть не получается.

— Ты детскую считалочку помнишь?

— Че? Конечно, помню, — удивился я вопросу.

— Держи, — раньше, чем я успел что-либо понять, с моей шеи сняли мешочек и вложили мне в руку. — Подбрасывай и считалку повторяй.

-Эээ... Раз, два, три, четыре, пять. Мы решили поиграть, но не знаем, как нам быть, не хотел никто водить! Вот дарсово отродье, — мешочек оказался у моих ног, а считалочка только на середине. Причем это случилось действительно само, я не делал это специально, в притворстве.

— Так, я бы дала тебе подзатыльник, за твой грязный рот, но лучше иди-ка ты домой,- покачала головой Орма и поджала губы. — На поливе я скажу сама, что ты не можешь. Вечером зайду к вам.

Не споря, я, было, поплелся домой, но потом опомнился и вернулся за мешочком под внимательным взглядом Ормы. Сам же я решил, что ночами все-таки нужно спать, а не беспомощных джейров мучить. Хотя бы немного. Сейчас мое состояние, когда я словно плыву, а вокруг меня все качается, принесло мне пользу, но с таким же успехом могло и втравить меня в беду.

Мои выводы за прошедшие три недели в загоне таковы. Я не знаю, что такое мои печати, но это явно не техники циркуляции энергии. На этапе закалки меридианов они просто недоступны. Нет еще того, где они должны протекать, высвобождаясь действием. Ни средоточия, ни тем более открытых узлов меридианов. Это, что-то выходящее за рамки сил и возможностей возвышенных Закалки Меридианов. Как в тех сказках, что я вспоминал, ожидая Паурита в развалинах.

Не знаю, известны ли среди Воинов такие способности так же, как Идеальная закалка. Но это обязательно нужно держать в секрете. Если сравнивать джейров с людьми, ведь животные тоже могут идти по своему пути Возвышения, то мне, вообще, не страшны противники сильно ниже меня рангом. Меня — невозможно взять числом. Я мог накладывать десятки печатей, и все они работали. Хотя это неожиданно выматывало меня так, будто я за раз решил десяток заданий с дробями по делению земельных наделов среди наследников богача. Вплоть до слабости и головных болей.

Джейры уже боялись меня. Стоило мне появиться в загоне, как они сбивались в одном углу. Это началось после того, как я сумел наложить на все стадо свой шедевр. Печать первой звезды. Ограниченные силой, данной им при рождении, они оказались настолько слабы, что не держались на ногах. Вот наутро после этой, впечатлившей даже меня, тренировки, меня и встретила Орма. Обессиленный после массового применения тяжело давшихся печатей, толком не спавший уже три недели, я произвел на нее нужное мне впечатление. Пусть и ненамеренно.

— Что? Ты один остался? — вожак стада, конечно же, мне не ответил.

Он стоял перед сбившимися в углу джейрами, низко наклонив голову и угрожая мне острыми длинными рогами. Я подозреваю, что он слабый Зверь. Я не могу наложить на него печать, это значит, что он сильнее остальных сородичей. И он значительно отличается от них. Конечно, такой взрослый самец в стаде один, все остальные уходят на мясо, но не думаю, что шипы на коленях и столь мощные рога и копыта, это нормально. В пустоши я таких джейров точно не видел. Интересно, какая же звезда у него? Если остальных принять за

третью-четвертую, то можно ли его считать пятой или даже шестой?

— Зараза! — я отступил в сторону, пропуская мимо острые рога, и слегка пнул вожака вслед, добавляя ему скорости.

Умная скотина, дождался, пока я отвлекусь. Мы познакомились, когда меня впервые назначили в помощь Котилу на уборку загона. И тогда он не позволил себе так сильно опускать рога. Тогда он бил меня скорее лбом и, оставил о себе просто незабываемые синяки. А вот сейчас, отлично понимает, что ему сойдет с рук, если он наденет меня на рога.

Так дело не пойдет. Еще не хватало, чтобы меня тут увидели, скачущим вокруг джейров. И так, они кричат на полдеревни. Может тот же Котил прибежать и проверить. Пришлось прятаться на прежнем месте в сарае и ждать, когда вожака сморит сон. Тут главное было не проиграть первым в этом поединке. Хорошо, я вспомнил старый совет отца, вернее, байку, которую он рассказывал в одной деревне. Или ему рассказывали? Неважно. Сядишься, засовываешь под себя руки и засыпаешь. Проходит где-то около часа и ты просыпаешься оттого, что руки затекли и тебе больно. Разгоняешь кровь и смотришь как вокруг дела. В случае нужды повторяешь. Я повторил за эту ночь три раза. Действительно, работает. Очень больно. Очень действенно. Даже если падаешь — просыпаешься. Хотя последний раз проснулся с трудом. То ли так устал, то ли моя закалка и с этим справилась.

Сегодня рассвет и подъем деревни я встретил сидя на пороге родного дома. Снова увлекся до полного окончания сил. Ложиться спать уже не было резона. Скоро уже всем вставать. Схожу на полив, поизображаю из себя немощь, а после упаду на два—три часа. Это будет моей наградой за труды.

— Эри? — раздалось с улицы.

У нашего двора стояла Орма. Наконец-то она появилась, ведь обещала зайти еще несколько дней назад. Она снова осмотрела меня, покивала чему-то, оставила новый пучок травы маме и сообщила новости. Во-первых, меня освободили

от работ еще на месяц, что просто замечательно, ведь я уже привык лениться. А во-вторых, всем запретили уходить вниз по течению реки в пустошь. Охотники попытались выбить еще одну стаю пересмешников и еле унесли ноги. Главная самка оказалась Зверем. Вчера вечером решали - что делать. Кардо решил не связываться с убийством этой матерой самки и перенести охоту в другое место. По мне, зря. Охотники уже неплохо набили руку на пересмешниках. Двинули бы вместе оба охотничьих отряда, а не по одному, как обычно. Тем более это направление к Чёрной и его всё равно нужно обезопасить. Но это отличная новость для меня. Мне больше делать в загоне нечего. Сегодняшнюю ночь вожак стада будет помнить в кошмарах. Моя отбитая задница отомщена. И теперь мне нужно двигаться дальше. Вниз по течению.

Отоспавшись два дня и дав немного успокоиться потревоженным пересмешникам, я ускользнул из деревни. Первой остановкой был мой тайник в руинах. Последнее добытое мясо за эти месяцы высохло до твердости камня древних, даже дожди его не испортили, а песчаные крысы до него добраться так и не сумели, хотя по катышкам помета видно, что часто здесь бывали. Здесь мне нужен был только мой кинжал. Пусть я окончательно пошел по стопам мамы и теперь у меня был длинный тяжелый стальной нож, которым еще вчера Ма разделывал туши, но на свое оружие у меня надежды гораздо больше.

После своего безумства в пустоши, когда я еще не умел ограничивать себя, я сделал несколько выводов. Я быстрый, очень сильный, но слишком легкий. Тогда мечерог, которого я схватил за рога, легко меня поднял и зашвырнул бы в полет под копыта своего стада, если бы я не вцепился в него мертвой хваткой. А вот пересмешник, ничего не смог мне сделать, хотя был гораздо опаснее его. Значит, мне ни за что нельзя позволить схватить себя. И раны будут слишком серьезные, несмотря на мою закалку. И боюсь, я просто не смогу вырваться, меня легко свалят с ног и не дадут встать. Я и раньше был уже в плечах, чем сверстники, а с моей-то теперешней худобой и вовсе стал легким. Мое преимущество в силе и скорости. Только быстрые удары в то время, когда я твердо стою на земле и постоянное движение вокруг врага.

А враг хорош. Жутко хорош, оценил я, приподнявшись на пяточке притоптанной травы. Навстречу экономной трусцой, огибая пятна высокой полевики, бежала стая пересмешников. Легко можно было выделить самок, которые у них всегда крупнее самцов и держатся в середине. Но вот главная самка в холке была на четверть выше всех. «Она мне, кажется, по плечи», — с содроганием отметил я в уме. Сколько же в ней веса? Гораздо более густая, чему у остальных животных в стае, шерсть покрывала ее тело словно доспех.

Я с сомнением посмотрел на свое оружие. И вот этим я хочу сражаться с такой тушей? Это не Ма дурак, забывший нож на земле. Это я дурак, который его стащил. Нужно было украсть копье. Ну и что, что оно гораздо дороже и это сложнее сделать. А вот подойти к этому, даже не Монстру, но приводящему меня в дрожь Зверю вплотную и ударить его моим, как оказалось, совсем недлинным кинжалом, легко? Зачем я, вообще, спрятал оружие Паурита так далеко от деревни?

Для начала нужно проверить, а смогу ли я сбежать от них. Одно дело рассказы дяди Ди, что охотник шестой звезды бегают быстрее и дольше пересмешника, другое испытать это на своей шкуре. Я поднялся из высокой травы, разом заставив замолкнуть кузнечиков, и, постепенно ускоряясь, побежал вперед, пересекая путь стаи. Меня мгновенно заметили, и пара крайних мелких самцов ускорила, направляясь мне наперерез. Я, с колотящимся о ребра сердцем, убедился, что они серьезно решили подгрызть мне ноги, и ускорился.

Через пять минут я стоял и уже спокойно ждал, когда самцы меня догонят. Все оказалось правдой. Бежали они просто отлично, но явно хуже меня. Восьмая звезда Закалки Меридианов! Я нарисовал перед собой печать и, выждав нужное расстояние, толкнул ее от себя на самого плюгавого, со свалявшейся в грязные колтуны шерстью, пересмешника. Пришла пора тренироваться. Не собираюсь ставить свою жизнь на волю случая.

Я, со всей возможной скоростью, сделал рывок, огибая второго пересмешника справа, и делая круг вокруг него. Разочарованно отметил, что я, конечно, быстр, но не настолько, чтобы он не успевал за мной поворачиваться,

встречая оскаленными зубами. Нужно сближаться. Я прыжком сократил расстояние и ударил кулаком по холке самца. Тут он не успел достаточно вывернуть шею и схватить меня за руку. А вот я перестарался с ударом. Труп. Я ударил в полсилы, но все равно его словно вбило в землю. Пусть так, там стоя в три десятка голов. Столько печатей вымотают меня. Все равно половину придется убить.

Я присел возле трупа и, преодолевая брезгливость, разжал пасть. Сунул туда предплечье и принялся давить на зубы. Как и ожидалось. До неуязвимости мне далеко. Пересмешники, догоняя, перекусывают ноги мечерогам и осмеливаются нападать на буйволов. Даже я сумел до крови проткнуть себе руку, а что будет, если в меня вцепится та старшая самка, просто не хочется представлять. Там такие размеры, что не удивлюсь, если влезу целиком ей в пасть. Я поднялся и двинулся к первому пересмешнику, доставая кинжал.

На этот раз, мое появление одна из приближенных к главе самок встретила коротким визгом. По этой команде ко мне повернул сразу весь молодняк и все самцы. Стоя разом уполовинилась. Уже набрав скорость, я на миг оглянулся и увидел, что остальные неспешным бегом тоже последовали за мной. Это просто отлично. Так, мы уйдем вглубь пустоши, подальше от деревни, на случай, если найдется сумасшедший нарушивший приказ Кардо.

Через десять минут бега, оценив упорство преследующих, я начал резко забирать вбок от стены высокой полевички, которая еще не склонила стебли от жары, туда, где было больше места. Да и вообще, не дай бог, в ее гуще сидит в засаде леопард. Он может решиться поспорить за мое тело с преследователями. Мне даже шакала хватит, если тот неожиданно кинется в ноги. Пересмешники рванули наперерез, но несколько секунд мы бежали почти в одну сторону и я сполна воспользовался этим временем. Две уже готовые печати отправились в лидеров гонки и там возникла свалка споткнувшихся об упавших. А я уже развернулся им навстречу.

Оставшиеся на ногах растерянно остановились и я, пробегаю мимо стаи, удачно распорядился их неподвижностью,

несколько раз взмахнув ножом. Тяжелый нож с моей силой и скоростью удара оставлял просто чудовищные раны. Минус четыре пересмешника с рассечёнными, почти перерубленными шеями. Я, взметая кучи тощей земли с вырванной травой, развернулся и прыгнул назад. Пинок сбоку по оскаленной морде, удар кулаком с зажатым в нем ножом сверху по голове другому, увести руку от распахнутой пасти и, на возврате, еще один секущий ножом по шее. И моих врагов на лапах осталось только шесть.

Еще минута прыжков и уворотов, теперь уже с ронделем в руках, и у меня появилось время отдышаться. Оставшуюся стаю я уже вижу, и это заставляет волноваться. Они изрядно набрали скорость. Похоже, старшая самка сообразила, что дело совсем неладное. Это неприятно. Я рассчитывал еще раз ополовинить их. Тогда, тогда... Мой взгляд упал на самого мелкого самца, лежавшего рядом. И на мое лицо выползла непрошенная улыбка. А если так? Я схватил его за задние лапы, раскрутил вокруг себя и швырнул в подбегающих пересмешников. В одном из поселков, которые мы проезжали, я видел необычное оружие. Большой камень на длинном ремне, которым хозяин, по его словам, оглушал и сбивал с ног добычу. Я обошелся без ремней и даже без камня. Моя замена неплохо себя показала, сбив с ног по меньшей мере троих и проделав в набегающей стае пролом.

Прыжок, во время которого я чувствую, как из-под ног вылетают комья той скудной серо-жёлтой земли, на которой и растет трава пустоши, и я оказываюсь сбоку, от еще не затормозивших хищников. Крепко сжать пальцы на рукояти ножа. Взмах, еще один, рассечь бок пробегающей мимо самке. Дальше, мне пришлось отдергивать руку к себе, убирая ее от зубов, успевшего среагировать, пересмешника. Я ударил его кулаком с левой, одновременно разворачиваясь. Неудачно. Эту самку я все равно убил этим ударом, но попал не в голову, куда целил, а в основание челюстей и руку рвануло болью. Разорвать дистанцию и осмотреться. На руке кровь, похоже, костью или зубами разорвал. У стаи выбыло четыре самки. Вряд ли самцы были такие крупные и так приближены к старшей самке. Нужно повторить удачный маневр.

Повторить удалось, но снова не все прошло гладко. На этот раз стоя остановилась, едва я схватил тушку их сородича. Но это, наоборот — помогло мне прицелиться лучше, а им увернуться — нет. Еле добросил, самка оказалась тяжелее. А вот дальше пришлось поскакать, убирая руки и ноги от клыков пересмешников и кружа вокруг них. Последний взмах ножом оказался неудачным. Зацепил ударом плечо хищника и, силой удара о кость, нож просто вырвало из руки, неприятной болью отозвавшись в запястье. Я уже привычно разорвал дистанцию, оценивая обстановку. Пересмешников осталось пять и Зверь. У меня рука в крови и потерян нож. Но он эту густую шерсть главного врага и не рассечет. Тут нужен полноценный тяжелый меч. Жаль, жаль, что я не подумал о копье.

Оглядев скалящих полные острых клыков пасти пересмешников, которые и не думали преследовать меня, я, неожиданно для самого себя, заговорил.

— Что? Поумнели? Думаете, теперь ваша взяла, и только я сунусь — порвете? Дарса вам в норы в соседи! Держите подарок!

Я стоял в десяти шагах от них. Именно то расстояние, что мне нужно. Рисуем печать и посылаем ее в цель. Повторяем шесть раз. Ну а вдруг? Как и ожидалось, подействовали только пять. Шестую я внезапно ощутил, как будто пытался натянуть мокасин, забытый на солнце. Тесно и тяжело. Благо с исчезновением печати пропало и это, уже знакомое мне, ощущение. Намек, что лимит моих печатей подходит к концу. А такого не может быть, последние тренировки я создавал больше шестидесяти печатей на обычных джейров. Значит, эти пять здоровых самок тоже не простые животные, а пошли по пути Возвышения. Похоже, я оказал деревне услугу. Пересмешники очень наглые, а имея в стае шесть Зверей, вполне могли сделать нас своей добычей. Это же очень удобно. Не нужно бегать по всей пустоши за бородачами, или рисковать с буйволом, тут слабое мясо само собралось и не убегает. Видимо, у Кардо просто чуйка на опасность. Мне яд дал, от мысли вырезать эту стаю пересмешников отказался. Они бы скорее половину охотников вырезали. Или это я загордился? Жили же они годами с такими соседями?

Самка опустила морду, обнюхивая лежащих у ее ног. Затем толкнула лапой одну, переворачивая ее. Сил у них под печатью хватало только на то, чтобы дергать лапами и в ужасе повизгивать. Что-то для себя решив, глава стаи фыркнула, вздернула губу, обнажая зубы в оскале и медленно, осторожно опуская лапы, зашагала вперед.

— Ну вот, а я боялся, что ты сбежишь, — громко сказал я и тихо продолжил. — Вернее, надеялся. В спину все легче было бы.

Вместо ответа пересмешник прыгнул. Позже, вспоминая, я так и не смог понять, что подсказало мне этот прыжок. Глава стаи не выдала себя ни одним движением. Ничего не указывало, что следующим будет не обычный шаг, а прыжок. И все же, что-то словно толкнуло меня, будто раскалённым воздухом, я отшатнулся в сторону и ткнул в сторону кинжалом. Этот рывок спас мне жизнь. Холод прошел у меня по спине и остановился в животе, заставив там все заледенеть. Отстраненно пролетело в голове: «Небо приглядывает за мной». Если она хотя бы зацепила меня лапой, то для меня все бы закончилось. Она ведь весит раза в три—четыре больше меня. А затем более ярко зажглось понимание, что второго такого рывка я могу не пережить.

Самка еще только приземлялась на передние лапы, стараясь погасить силу прыжка, а я уже метнулся обратно. Если нанесенный вслепую удар никуда не попал, то сейчас, видя цель, я изо всех сил ударил кинжалом, метясь в подбрюшье. А затем едва успел отдернуть в сторону голову, которую, действительно, чуть не откусил извернувшийся противник. Убирая голову я, одновременно, выдернул кинжал и тут же нанес им новый удар под челюсть закрывшему пасть пересмешнику. В этот раз попал удачно, потому что глава стаи резко дернула головой, пытаясь избавиться от кинжала, но сделала только хуже. Руку с ронделем рвануло в сторону, разрывая нанесенную рану, а я, в горячке боя, так стискивал его рукоять, что скорее меня унесло бы с ним вместе, чем я его выпустил.

Прошло пару вздохов, а мы снова стояли в десяти шагах друг о друга. Но в этот раз было понятно, что преимущество за мной. На мне ни царапины. Какая царапина?! Один укус этого

зверя и я покойник. Я трезво оценил размер ее пасти. Даже не представлял, что челюсти можно так широко распахивать. Действительно, моя голова бы там целиком поместилась. Но небо не позволило. А вот я своим единственным самодельным когтем изрядно ранил эту самку. Несколько минут и одной только раны в челюсти хватит, чтобы она изрядно ослабела. Впрочем... Я не буду ждать. Испуг прошел, а я пришел сюда за силой, а не за добычей.

Ситуация поменялась на полностью противоположную. Теперь я не спеша шагал к главе стаи, а она настороженно вглядывалась в меня, снова осерев зубы, покрытые кровью. Шесть шагов. Я был напряжен как натянутый лук и каждое мгновение готов к ее прыжку. Самка рыкнула, оскалила зубы и припала на передние лапы, изображая атаку. Я лишь улыбнулся в ответ. Сделал еще шаг и качнулся вправо, затем влево, сам изображая желание прыгнуть. И она не выдержала напряжения, бросилась в прыжке, снова пытаясь подмять меня и ухватить зубами.

На этот раз я был готов. Шаг вперед и в сторону и удар с одновременным поворотом, который еще больше усилил его. На этот раз кинжал вырвало из руки, я все же себя переоценил. Но это уже было не важно. Я попал точно туда, куда и целил. В глазницу Зверю. Могучая самка, возможно, долгие годы водившая стаю за добычей по пустоши, умерла раньше, чем я к ней подошел.

— Вставай, — я провел рукой, мысленно стирая свою печать с тела одного из пяти пересмешников, сопровождавших павшую старшую. Теперь в руке у меня был нож, который я подобрал, на этот раз я держал его острием назад. Их нельзя отпускать. Мне не нужны Звери, которые могут охотиться на жителей деревни.

Эта самка меня боялась так сильно, что не то что не нападала, а пятилась назад, поджав хвост. Напал я. Прыгнул вперед и влево, но она не воспользовалась своим единственным шансом и не встретила меня встречным прыжком, а затем было поздно. Второй прыжок перенес меня к ее боку, и я изо всех сил ударил ножом наискось снизу вверх по шее.

Вторая самка была храбрее и бросилась на меня, едва исчезла печать. Я снова, уже заученно, ушел вбок, пропуская тушу рядом с собой и нанес удар в голову кулаком. Силой удара ее снесло в сторону. Дальше, я просто забил ее голыми руками, оглушенная, она не была даже близко к тому, чтобы ухватить меня смрадной пастью. А я накрепко запомнил, что во время прыжка ты беззащитен. Уже дважды враг оказывался полностью в моей власти в этот момент.

Третья сразу попыталась сбежать. Я догнал ее и сломал шею. Четвертую и пятую использовал для тренировки печати и просто убил кинжалом обессиленных. Из этого дня я взял все, что только мог. Даже я сам понимаю, что стал гораздо сильнее после этого боя, научившись применять свои силы в схватке.

Я отлично помню, что охотники у пересмешников берут когти, зубы, шкуры и сердца. С первым понятно. Шкуру я сниму только у главной, слишком с ними много возни сейчас и потом. Я и с одной то толком ничего не сделаю. Оттащу в тайник, обсыплю солью и на солнце. Пусть лежит до лучших времен. А вот что делать с сердцами я даже и не знаю. В каком виде охотники их заготавливают? Никогда про это не спрашивал и не слышал в разговорах. Сделаю то же самое, что и со шкурой. Рассечь, спустить кровь, соль и на солнце вялиться. Лишь бы украденной соли хватило на все это.

Я с тоской огляделся вокруг себя. Очень много работы предстоит, и я даже не представляю, стоит ли мне с этим связываться. С одной только вываркой зубов непонятно как придется изворачиваться. И ведь бросить жалко. Мама там, на Чёрной рискует с травами, а тут будущие деньги под ногами лежат. «Нет, — решил я, — нести клыки в деревню слишком опасно». Обойдемся тоже кустарным способом. Силы мне сейчас не занимать. Сколько смогу, выбью, а солнце меня и здесь выручит. Лучше потерять потом половину цены, чем сейчас попасться на выварке. А главное — я посмотрел на акацию. Она снова цветёт. Нужно будет найти место в мешках еще и для цветов

Глава 18

Я сидел в густых зарослях полевички, которая начала терять весеннюю свежесть и принялась клониться к земле. Но все еще уверенно скрывала меня, даже стоящего в полный рост. Мое внимание было разделено между растущими рядом со мной акациями и темным пятном выше и левее меня на зеленом склоне Черной горы. Акации привлекали мой взгляд яркой желтой краской на своих ветвях. Нет, это были не цветы, которые я сорвал для Лейлы и мамы целый месяц назад. Они уже давно опали.

Сейчас, с ветвей срывались живые желтые пятна. Сотни небольших, невероятно ярких желтых птиц свили на акациях свои гнезда-мешки. И теперь, выведя птенцов, стремительно мельтешили туда-сюда перед моими глазами, выкармливая прожорливое потомство. Что-то я не замечал раньше этой птички возле деревни. Не мог же я проглядеть на ветвях эти странные, свитые из стеблей сухой травы гнезда и их ярких обитателей? Я вижу здесь лишь одно объяснение. Они живут только здесь. Я окинул взглядом громадину, у подножия которой прятался. Черная гора.

Если развалины возле деревни я для своего удобства называю домами, на которые они больше всего и похожи, то чем при древних было это, я затрудняюсь сказать. Если оценивать его снаружи, то можно вообразить себе много разных вещей. Домом-городом? Крепостью? Гигантским дворцом? Сейчас, спустя сотни лет после своей гибели во вражеском огне, это больше всего походило на старую, сдавшуюся безжалостному времени гору правильной формы. За что и назвали.

Черный гигантский конус, упирающийся обрезанной вершиной в высокие летние облака. Он стоит в излучине нашей реки, возвышаясь над окружающими его холмами, поросшими густой стеной всевозможных кустарников. Холмы словно придавлены его размером и кажутся гораздо более низкими, чем на самом деле. Эта гора действительно раньше могла быть крепостью, почему нет?

Именно так я считал раньше, когда только впервые увидел ее, перед последней остановкой в путешествии нашей семьи. Мы тогда специально сделали крюк, чтобы увидеть её сразу, а не когда будем уезжать из деревни с попутным караваном. Достаточно представить себе огромную, под стать самой крепости защитную стену, стоявшую раньше по берегам реки и запиравшую вход в излучину. Но если города превратились в песок, то куда делись крепостные стены? При их воображаемом размере они должны были засыпать русло реки своим прахом и изменить ее течение. Все эти холмы, конечно, подозрительны, но они маловаты и расположены беспорядочно.

Если же это было дворцом, окруженным огромным парком с беседками и скульптурами, то представить себе, как они рассыпались и сгорели, во всё сжигающем пламени, гораздо проще. Сложно только представить, кому мог понадобиться такой дворец. С его вершины, где я бы поселился, будучи его хозяином, простой спуск к подножию займет несколько часов. Я могу фантазировать так часами. Но, скорее всего, это не имеет никакого отношения к правде.

Почему? Потому что я знаю точно его странное внутреннее устройство. Мама часто рассказывала о своем путешествии по его ходам. Его больше всего можно сравнить с термитником. Сходство будет не только внешнее, которое придают ему рассмотренные вблизи стены горы. Они, лишь издалека кажутся ровными и гладкими, а на самом деле, словно изъеденные термитами-великанами или оплывшие в пламени. Но и внутреннее. Вряд ли нормальный человек мог бы с удобством жить в извилистых, разветвленных круглых ходах, которые соединяют сотни пещер полусфер и пронизывают всю Черную гору, словно это действительно жилище огромных трудолюбивых термитов.

Туннели, как и пещеры, самого разного размера. Начиная с толщины руки ребенка и заканчивая шириной нашей деревни в сердцевине горы. Зачем людям тоннель, в который можно лишь засунуть руку? И тянущийся, как и прочие, на многие километры? Ходы почти всегда имеют небольшой уклон и, вероятно, по ним можно было бы подняться от подножия к вершине. Возможно. Ходы рано или поздно упрутся в

завалы и странные каменные наплывы и наросты всевозможных расцветок, словно здесь тек расплавленный камень. Но все тоннели постоянно ветвятся и пересекаются друг с другом и, переходя из одного в другой, можно днями блуждать в поисках пути наверх.

Еще одно удивительное свойство Черной горы, это солнечный свет внутри большей части ходов. Часть стен светится неярким светом. Именно он и позволяет расти внутри горы сотням простых и целебных трав. Черная гора уже на треть своей высоты снаружи покрыта упрямой зеленью, которая цепляется за каждую расщелину и неровность камня. Как ни странно, но она совершенно не мешает свету проникать в глубину скал. Думаю, пройдет еще несколько десятков лет, и она сменит название, став Зеленой. Внутри же зелени еще больше.

Маме удавалось подняться почти до середины Горы и буйство жизни внутри не становилось меньше. Она много раз говорила, что: либо под Черной горой находится источник силы, либо на ее вершине. Я теперь знаю, почему она так считает, я тоже уже не верю в свои фантазии о крепости и прочем. Раньше, я принимал это за ее догадки и даже не задавался вопросом, откуда родители знали о Черной горе, но потом она показала мне книгу, где есть глава, полная рассуждений о её загадках. Эта книга полностью разрушила мои детские рассуждения.

Годы назад, один человек совершил путешествие подобное тому, что предприняли мои родители. Разница лишь в том, что он завершил его благополучно, а еще он, по-видимому, был очень богат. На страницах книги, описывающих его приключения в самых удивительных уголках нулевого круга, можно было заметить намеки на то, что он не испытывал проблем с деньгами. У него были воины, даже десятки воинов, которые охраняли его во время путешествия и, бывало, даже вступали в схватку не только с разбойниками, но и со Зверями. Он легко нанимал проводников к заинтересовавшим его местам и покупал странные вещи, оставшиеся от древних, только чтобы внимательно осмотреть их и высмеять жадность продавцов. Он ценил только свое время, оставив запись о его нехватке, которая не позволила

ему дальше искать путь на вершину Черной горы, или свое сожаление, что трава пустоши сохнет и ему необходимо двигаться дальше, оставив обмельчавшие водопады Катарины.

Этот человек обладал поистине огромным багажом знаний во множестве областей. Рассуждая о Черной горе, он печалился, что не находит никаких сведений о ней в записях древних, но сравнил ее внутреннее устройство с усложненными в сотни раз приспособлениями в мастерской артефактора. Как выглядят эти самые устройства, я не имею ни малейшего понятия, как и то, чем там артефакторы пользуются, кроме печи, тиглей, да колб и, само собой, кузнечных приспособлений. Но сама мысль о том, что передо мной, к примеру, гигантский алхимический котел, внушает восторг перед величием древних.

Все же воображение человека, получившего настоящее образование и, благодаря странствиям и общению, обладающего широчайшим кругозором, значительно превосходит таковое у мальчишки, не помнящего ничего, кроме дыры в нулевом, на задворках. Простое чтение книг тут не поможет. Свои фантазии, когда я впервые, перед приездом в деревню, увидел Черную гору, до чтения книги я уже описал. Даже стыдно, что узнав от мамы, как она выглядит изнутри, я лишь попытался придумать, как древние жили в таких странных помещениях, подгоняя факты под свою идею, а не наоборот.

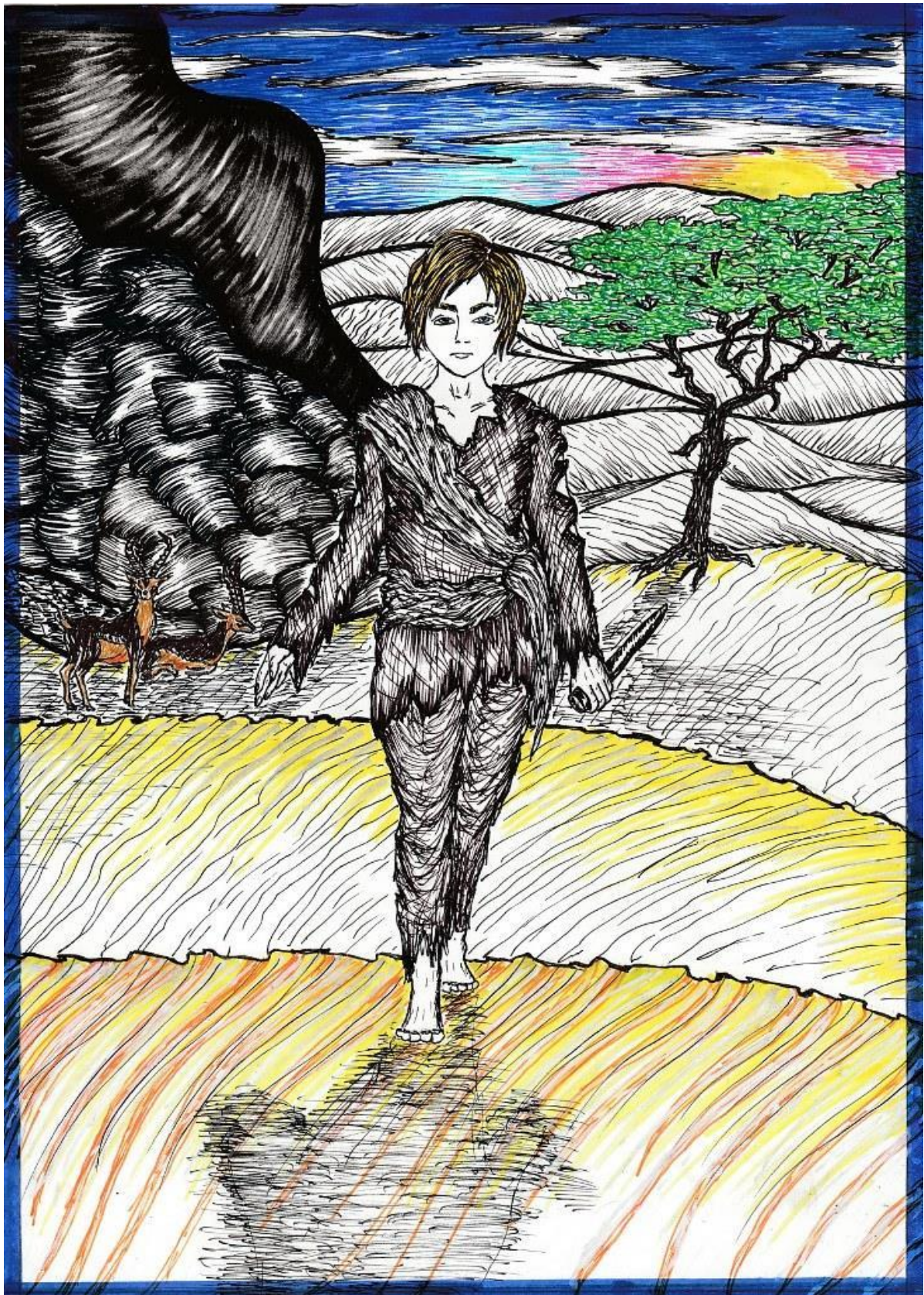
Этот же путешественник, Дирман Стон, предположил, что для своей работы Черная гора имела под подножием место силы, где концентрация энергии мира в сотни раз выше обычного. За время, прошедшее после Падения мщенья, источник не исчез, но, видимо, переполнился или вырос и, стал излучать вовне силу, которая и стимулирует жизнь. Он вспоминал первое свое обследование Черной горы, когда она была так же безжизненна и избегаема животными, как и развалины, идущие вдоль реки. А сейчас ее подножие просто утопает в буйстве травы и кустарников, внутренности тоже заросли растениями, а вокруг горы, также привлеченные этой силой, живут сотни разнообразных животных. Могу дополнить его наблюдения тем, что теперь травы вокруг стало меньше, ее вытеснили кустарники и колючки, а их, похоже, в будущем

потеснят деревья, которые окончательно скроют остатки зданий вдали на холмах.

Он же предложил своё объяснение свету в тоннелях горы. На самом деле, писал он, всю Гору пронизывают еще и совсем крошечные, не видимые глазу поры, которые начинаются на внешней поверхности Горы и уходят до его сердцевины. Вот по ним свет, как вода по руслу реки и приходит внутрь Черной горы, освещая все на своем пути.

Я еще раз оглядел между стеблей травы темное пятно на зеленом, поросшем цепким кустарником, боку огромного невероятно сложного кузнечного тигля. А что? Кто может точно сказать, как это было у древних? Это у нас, в нулевом, тигель просто глиняная емкость, простая как камень. Вдруг, для своей работы, древним нужны были все эти сложности с каналами в теле тигля. А в сердцевине горы как раз и бушевал какой-нибудь легендарный расплавленный металл.

А пятно — это просто один из проломов в стене. Для меня он важен тем, что именно его выбрали сборщики трав для входа в глубины Горы. Там, за годы сложена из колючего кустарника загородка, не дающая легко проникнуть внутрь животным. Там же сооружена из дерева, камыша и драконьей травы хижина, в которой и живут охотники, защищающие сборщиков и травы. Здесь, среди буйства жизни вокруг Черной, можно безбоязненно, не опасаясь наказания смотрящих за порядком Воинов круглый год рубить колючку.

Кстати, может быть здесь и нашли тот прямой ствол, что пошел на весы? Я бы с удовольствием сделал несколько походов сюда за деревом. Хотя, я внимательно оглядел

окрестности. Нет, все же именно акации, а тем более свинцового дерева здесь еще очень мало. Это молодые и как обычно, кривые деревья. А все это буйство зелени — никчемные кустарники. И, проведя взглядом по округе еще раз, я отметил, что совершенно не вижу сухих веток. А рубить здоровое дерево, которое росло многие годы, никто не станет. Возможно, я стану первым нарушителем в нашей деревне за все годы ее существования. Одного воровства мне, похоже, мало.

Все же человека разительно меняет обретенная сила. Чуть больше года назад, мама была готова без всякого отдыха заниматься самой грязной работой, но не унизиться до просьбы к человеку, которого ненавидит. Но затем, почувствовав надежду и имея запасной план в лице моей обретенной силы, она уже требовала уступок от Кардо. А теперь мама, да и я, пошли еще дальше. После моего падения, когда я днями кружил запертый в стенах деревни, я прикинул скорость своего Возвышения и понял, что у меня нет запаса времени. Что запас? Я, возможно, вообще, не успеваю подняться на намеченную вершину. Не зря же последние ступени считаются самыми сложными в преодолении. Уже трижды за свою жизнь я слышал один и тот же совет. Сражения с сильными противниками.

Но теряя полдня на работы в деревне, вынужденный регулярно показываться на сдаче камня, это в лучшем случае не принимая в расчет работы, когда я, вообще, не смогу выйти за пределы стены, я не могу себе позволить бегать по пустоши в поисках Зверей. Поэтому в моей голове и возник план притвориться больным. Да, конечно, была опасность ровно противоположного результата. Когда меня могли поставить на просушку дорогих трав к Кари. Какая работа могла быть легче? И здесь, свое слово должна была сказать мама.

Она снова пошла к Кардо, снова требовала, угрожала и даже просила, унижаясь, уступок от него. То, что раньше было невыносимо унижительно для мамы, теперь вызывает лишь улыбку на ее лице. В итоге я, словом нашего славного вождя освобожден от любой работы на благо деревни. За меня работает мама, пообещавшая тройную норму травы из недр Черной горы, лишь бы ее, шатающийся от ветра никчемный

сын, так и не оправившийся после падения, мог целыми днями лежать на шкурах. Теперь, в нашей деревне два трутня, которым еда достается просто так. Орикол и я.

Вот и приходится теперь мне каждый день учиться бегать все быстрее и быстрее. Это не так сложно. Тем более по утренней или вечерней прохладе. Нужно лишь внимательно оценивать путь, чтобы не разбить ступни о камни или не провалиться в нору. Я поначалу едва не сломал ногу. Но теперь приноровился и глаза будто сами подмечают опасности даже в обманчивых сумерках. А охотники вечно сторожатся и, бывает, новикам, вообще, запрещают бегать в пустоши.

Идти в пустоши вслед за охотниками бесполезно, опасно разоблачением, да и не нужно. Если они снова наткнутся на Зверей, то я и так об этом узнаю. И снова вмешаюсь. Некоторое время я потратил на обследование пустоши на другом берегу реки, куда охотники очень редко отправляются за добычей. Переплывать дважды реку, да еще и с мясом на обратном пути? Слишком сложно, когда нет проблем с охотой.

Хотя дядя Ди рассказывал, что в первый год жизни здесь была очень сильная засуха, и зверье осталось лишь на большом водоеме выше по течению реки, которая в ту жару превратилась в широкий ручей. Там, где заканчиваются руины, в которые, даже тогда, редко кто из животных решался зайти. И на том берегу в шести часах бега у большого озера, ставшего в засуху огромной топкой лужей. До озера путь выходил ближе и в тот год охотились там. Был я и у этого озера и еще дальше, благо восьмая звезда Закалки Меридианов может быть очень, очень быстрой. Именно благодаря скорости мама успевала совершать отлучки и три—четыре часа потратить на незаконные поиски травы в Черной горе. Но Зверей я нашел только двух.

Первый поразил меня до глубины души. И оставил незабываемые впечатления. Это был квартик! Мелкий хищник, добыча которого жуки, скорпионы и змеи вырос почти в два раза от сородичей и обзавелся еще более длинными зубами, которые теперь напоминали зубы змеи и непонятно как умещались в его пасти, и потрясающей густоты усами. Кроме роста, ему явно добавило храбрости. Иначе неясно, как я, вообще, смог бы его увидеть. А здесь, пожалуйста, он сидел

возле входа в свою нору и не спеша осматривал меня с ног до головы, даже не думая спрятаться от возможной опасности, а лишь затем робко выглядывать из убежища.

Я тоже оглядел его, похмыкал над невероятной удачей зверя, который нашел траву силы в этих песках, и было, побежал дальше. Я сам над собой буду смеяться, если вступлю в схватку с квартиком, чтобы проверить свои силы. Подозреваю, что я его и не догоню. Они и так быстрые и ловкие, чтобы справляться со змеей, а уж Зверь... Похоже, змей на этом берегу скоро не останется. От этой мысли я и остановился. А ведь это отличная идея. Вечно приходится опасаться, что скорпион или змея заползет в дом и укусит Лейлу. Конечно, у нас, как и всех в деревне, на окнах и в двери лежат пропитанные соком протуса косички из рафии. Но защита лишней не бывает. Ведь Лейла постоянно бывает на улице, и от клещей ее детский амулет, со всё тем же протусом, вовсе не помогает, постоянно приходится их снимать. Так что и скорпион вполне возможен. Квартик ты, где есть? Не хочешь перебраться на ту сторону реки? Там много—много вкусных змей!

В последующие два часа я отчетливо понял, какой я придурок, раз в моей голове появилась такая идея. Эта хитрая и изворотливая тварь явно стала не только храбрее, но и гораздо умнее своих сородичей. Его ни разу не удалось застать врасплох или оглушить брошенным камнем. Он разгадывал все мои уловки и засады в руинах, отлично слышал, как я подкрадываюсь к нему. Подпускал поближе и лениво скрывался в очередной норе. В бешенстве я пытался даже его вырыть, но это был напрасный труд. Это ведь не короткая нора квыргала с парой поворотов. Здесь, похоже, под ногами было все изрыто одной большой запутанной норой с десятками выходов. В итоге, уставший и униженный, я плюнул на эту затею. Временно. Здесь нужен совет охотника. Как то же их ловят? Или нет?

Второй оказался многострадальный вожак Мечерогов. Что-то этому племени не везет со мной. Его тоже было легко выделить среди стада. Большой рост и гордо поднятая голова с черными, опоясанными белыми полосками, рогами. Короткие секунды схватки и я разочаровано понял, что он изначально не

так опасен, как хищник. Что у него есть из оружия? Рога и копыта. Может быть, шакалам и приходилось опасаться удара острого тяжелого копыта. Но человеку? Когда я подскочил вплотную к нему, то он оказался практически беспомощен со своими длинными рогами, а от удара копыт уворачиваться легче, чем от зубов. С досады оглушив его ударом кулака между рогов, я оставил его в покое. Мне нужна схватка с сильным противником. Убивать его только ради рогов и шкуры? Я с уже добытым варварски поступил, куда мне еще обуза? Решил, что всех травоядных я буду отпускать после проверки силы.

Так, бесполезно завершились мои вылазки на ту сторону реки. А я задумался над сложным и опасным путем, от которого в свое время отговаривал маму. Как же все-таки меняет людей обретенная сила, толкая их на смелые, даже безумные поступки. Если я не могу найти хищников, что идут по пути силы, то пусть они сами придут ко мне. Именно поэтому я нахожусь у Черной горы. Жду, когда мама договорится с охраной сборщиков. Она, отговариваясь тройной нормой, выйдет наружу. Ведь все понимают, что ей теперь просто не собрать на своем наделе в этой, защищаемой и безопасной части горы, столько трав. За колючей изгородью сборщики лишь собирают урожай созревших плодов, свежих цветов и листьев или выкапывают растения, разросшиеся от материнского. За эти годы большая часть ходов разведана, опасные проходы завалены колючкой и камнем и это теперь больше похоже на наш деревенский огород. За тем исключением, что ничего поливать не нужно. Еще одна загадка. Внутри горы есть не только свет, но и всегда влажный воздух, оседающий на всем, что есть в тоннелях, каплями росы в утренние часы.

Редко даже сейчас, когда Кардо озабочен заработком, жители деревни уходят в новые, неизведанные проходы в поисках трав, впитавших силу. Они встречаются там гораздо реже, чем на защищаемом культивируемом участке, где их высаживали несколько лет. Животные с огромным удовольствием съедают всякое растение, наполненное силой. Некоторые чувствуют плотное скопление энергии за многие километры. Это одна из причин, по которой Кардо не увеличивает плотность посадки трав на участке. Как я

понимаю, сейчас там, выясненный опытным путем, максимум, который еще не привлекает Зверей. А создать еще один просто не выйдет. У нас в деревне нет людей на его защиту и сбор трав. Поэтому лишь только после изъятия на продажу выросшего растения, которое ценится именно целиком, выходят на поиски его замены. Этим и пользовалась мама раньше, два—три часа тратя на поиски трав с другой стороны Горы, где почти невозможно было встретить людей. А теперь мы пойдем еще дальше. Мы вдвоем сделаем то, что планировал Зариус для целой деревни.

— Здесь, — мама остановилась перед ничем не примечательной руиной в два этажа, бросила свой мешок, и принялась разгребать песок с северной стороны.

— Я просто в ужасе, — признался я, вытряхивая из мокасин песок.

— Отчего?

— Ты говорила, что торгаш дает четверть цены. Это точно? Это уже третья ходка. Шесть, шесть дарсовых мешков, набитых травой под завязку! И этого не хватает на место у него в караване?

— Три места, — мама пожала плечами и ткнула в меня пальцем. — И не ругайся, Леград. Пусть ты скоро и покинешь меня, но тебе все еще только одиннадцать лет. Будешь взрослым мужчиной, тогда и начнешь ругаться.

— Прости, мам, — я смущенно хмыкнул, не привык я быть в мамином обществе. При сверстниках мне не приходилось следить за языком. — И этого не хватает на три места в его убогом караване?

— И жизнь в Арройо.

— Ты смеешься надо мной, — догадался я.

— Немного, — на лице мамы появилась улыбка, почему-то смущенная. — Нам нужно три места, оплата еды в пути.

— Это идет отдельно? — в возмущении перебил я маму. — Жадный торгаш!

— Да, у этого скупца платить приходится за все. Удивлена, что вода бесплатна.

— Ты уверена? — теперь уже над мамой смеялся я.

— Я уточнила этот момент специально, — с серьезным видом кивнула мама, не поддаваясь на мою уловку.

— Ладно, — отсмеявшись, я повторил вопрос, — еще что?

— На первые месяцы жизни в Арройо и на инструмент мне. Ведь чем-то я должна зарабатывать нам на жизнь потом?

— Да, — хмыкнул я в смущении, — это я тогда не подумал. Почему-то в моих размышлениях главное было добраться в Арройо. Я думал, ты лишь купишь места и все. А ты все продумала на многие месяцы вперед. И этого в мешках все равно не хватает?

— Боюсь, что да, — мама развела руками.

— Объясни, — я помотал головой, пытаюсь уложить в ней порядок цен. Тяжело это сделать, когда и денег в руках не держал. — Это торговец жадный или поселок настолько дорогой? Мне же нужно готовиться к самостоятельности.

— И то, и то, сынок, — мама прекрасно поняла мои затруднения. — Когда мы будем в Арройо, я тебе все покажу и расскажу в лавках. Тогда тебе легче будет запомнить все.

— Ладно, хорошо, — я проверил с высоты путь и спрыгнул к маме. — А торгаш пусть кусает локти. Не хотел давать тебе хорошую цену — не получит, вообще, ничего.

— Да, в Арройо я легко выручу полную цену. У меня есть знакомая, с которой я выросла. Надеюсь, за эти годы она тоже стала мастером.

— Ты про клеймо? — спросил я, бросая мешок маме в руки.

— И про клеймо, и про свою лавку с атанором.

— Атанор? — уточнил я незнакомое слово.

— Вроде так называется у алхимиков их печь, — мама протянула мне руку, чтобы было легче добраться до выступа. Алхимик значит, знал бы торгаш, кусал бы себе локти. Наверняка будет гадать, почему же Эри не принесла ему побочный товар. Я довольно посмаковал в голове образ этого, посыпающего песком голову, торговца.

Место, где мама предложила собрать всю свою добытую траву, было достаточно высоко, чтобы сюда поленились наведаться из деревни, но вполне удобно для Зверей, которых мы и будем приманивать. Высушенная трава привлекает их не так хорошо, как живая, но в тайниках у мамы оказалось ее столь много, что все действительно может и получиться. Мама, выслушав из моих уст повторение своего плана по созданию огорода с травами, только большого для приманки Зверей, долго и недоверчиво качала головой. Но мой рассказ о гибели всех пересмешников ее убедил, хотя взгляд на ремень она невольно бросала не один раз. Но обошлось. Она лишь слегка сняла с меня шерсть нотациями. Всего за час. Достижение, если сравнить с прошлыми тремя днями. И, остыв, она дополнила мой план. Если уж я хочу приманивать Зверей, то ждать, пока посаженные травы наберут сил, слишком долго. Теперь, собрав в одном месте все тайники, появление Зверя не заставит себя долго ждать.

Миновав неширокий пролом во внешней стене, мы прошли, снова сминая только приподнявшуюся траву, по проходу в два маминых роста через небольшие пещеры. Хотя, если говорить не о Горе, а о творении людей, то через два помещения или, вообще, пузыря для воздуха в трубе поддува горна. И лишь в большой третьей остановились. Здесь ход разветвлялся и сужался до моего роста, превращаясь в четыре прохода, которые уводят дальше вглубь горы в разных направлениях. В трех из них мы, после проверки постепенно разобьем свою плантацию трав. А вот четвертый был обманкой, оборачиваясь через десяток шагов тупиком. Именно в этом отнорке мы и складывали друг на друга мешки, чтобы создать максимальную плотность силы, снова воспользовавшись опытом мамы. Еще две ходки и мамины бездонные тайники, наконец, покажут дно. Я не так много раз бывал на сушке трав, но, как мне кажется, мамины запасы равны урожаю деревни за пару месяцев или даже больше. Бедный Кардо, мимо которого проплыли такие деньги. Бедный торговец, который лишился такого прибытка.

— Отлично. Осталось самое тяжелое, идем, — мама покрутила головой, определяясь с нашим положением, и указала кивком подбородка. — Туда!

Это мама про подъем камня, столь большого, сколько только мы сможем вдвоем осилить. Но как по мне, это не самое тяжелое. Ведь мама знает, где лежит камень требуемого размера и веса. Нам останется только дотолкать его до нашей приманки. А вот найти еще несколько схожих для наших огородов будет гораздо сложнее. И мне все-таки пришлось нарушить законы Пустоши. Я все же нашел две ветви свинцового дерева, довольно ровные, которые просто идеально подходили на новое древко для копья Паурита, которое я принес из своего тайника. Старое слишком слабо для моих рук. Но сначала они пройдут испытание, как простой рычаг. Вероятно, дело привычки, но, следуя за мамой, я запутался уже через полтора десятка поворотов. А ведь скоро мне придется самому бродить по ним. Я невольно вздрогнул.

— Первое время, вообще, никуда не сворачивай. Иди по туннелю, не уходя в сужения или расширения, — мы остановились отдышаться. Даже с маминой удачной мыслью о рычагах, нам приходилось нелегко. — Следуй изначальной ширине туннеля, в который вошел. Если начинаются развилки просто возвращайся. Потом, когда освоишься, начнешь узнавать места, где уже был, можешь один раз сворачивать и идти до развилки. Потом все больше и больше. Если уж решил углубиться, то выбирай одно направление. Сразу перед первой развилкой выбери для себя куда. Например, левый проход. Всегда поворачивай налево. Тогда легко вернешься.

— Хорошо, — я, внимательно слушая советы, временами поддакивал.

— Помни, что свет в горе всегда повторяет путь солнца. Поэтому гляди, где ярче свечение и сможешь ориентироваться по сторонам света. Не забывай, мы на южной стороне. Не паникуй. Здесь есть вода, а делая отметки на проверенных поворотах, ты за пару дней выберешься наружу даже от середины горы.

Налегая на трещащую ветку, толщиной в два моих пальца, вырубить которую стоило полностью затупленного топорика, я решил завести разговор, который давно созрел в моей голове. Не могу же я всегда держать всё в себе?

— Мама, — пришлось откашляться, так пересохло во рту от волнения.

— Что? — мама опустила свою ветку и с подозрением оглядела меня.

— Семья возвысившегося до десятой звезды уезжает с ним.

— С чего это ты вспомнил об этом? — мама снова налегла на камень, опрокинув его и заставив с грохотом прокатиться несколько метров вперед.

— Я радуюсь, что исполню мечту отца.

— Да, — мама остановилась и поманила меня к себе, крепко обняв. — Я думаю, Римило был бы счастлив.

— Надеюсь, в Морозной Гряде нас поселят в хороший дом и Лейла сможет увидеть всё то, что пишут в книгах о Первом. Снег, больших рыб, цветы. Как думаешь, насколько плоды драконьего дерева вкуснее мушмулы?

— Сынок, кажется, ты слишком увлекся сказками стариков, в которых там, за границей — небеса сошли на землю.

— Не понимаю тебя, — я нахмурился, недовольный тем, куда сворачивал разговор. — К чему ты это говоришь?

— Я беспокоюсь о тебе. И боюсь, что ты окажешься разочарован.

— Чем? Мама! — я зло, изо всех сил налег на ветку, радуясь её хрусту. — Скажи прямо!

— Сын, — мы, наконец, докатили камень до нашей пещеры и я, демонстративно, упал на мягкую траву. — Мы, конечно, попадем в Первый пояс, но, мне кажется, что наше положение не сильно изменится из-за этого.

— Это неожиданный вывод, — я поднял брови, пусть мама и не видит моего лица. — Ты о чем?

— Здесь мы прибуды, — напомнила мне мама то, о чём я и так не забывал. — Мы никому не нужны и никто за нас не заступится.

— Ты забыла сказать, что тут я считаюсь слабаком и оборванцем, — обиженно дополнил я её слова.

— А там ты будешь Возвысившимся Воином, а мы твоей семьей, — не замедлила с ответом мама. — Ты не хочешь глядеть на меня, а не на потолок, когда разговариваешь? Я же не твареныш Виргл.

— Да, прости, привык, — я, покрывшись румянцем, сел и поглядел на маму.

— На первый взгляд, ты прав, — кивнула мама, опирающаяся спиной на будущую дверь в наше хранилище. — Но я много думала о нашей жизни после Возвышения. Вернее, мы думали. С Римило. У нас были на это годы.

— Расскажи, — прервал я молчание замолчавшей и опустившей глаза мамы.

— Возвысившимся пиковой силы и его уважаемой семьей мы будем лишь здесь, в Нулевом, на пустошах, где живут отбросы, — мама подняла голову и глаза её горели отблеском полированной стали. — Здесь десятая звезда Закалки Меридианов — это вершина, стоя на которой можно не опускать глаз. А стоит нам пересечь границу, как наше положение резко изменится. Вокруг нас будет Первый круг.

— Сектантская отрыжка, — прошептал я ругательство Орикола, поняв, к чему ведет мама.

— Не знаю, сколько людей здесь возвышается в год. Пустоши велики. Пусть будут сотни, — мама развела руками. — Неважно. Ты, моя гордость, мгновенно превратишься в одного из сотен отбросов, которые смогли выползти из нулевого. Вокруг будут тысячи подобных тебе, но выросших в первом круге, а потому, считающих себя лучше моего сына. Нам ли не знать, как люди могут втоптать в грязь другого? Ты снова будешь одним из слабейших. Только теперь в Первом круге. Ещё даже не достигший первой звезды Воина.

— А кем же тогда будете вы? — я вцепился в ворот рубахи, глядя поверх мамы. Туда, где в месяцах пути возвышаются границы Нулевого. Туда, куда так стремился сначала отец, а теперь я. Дарсов Тукто, со своими рассказами!

— Да, кем же будем мы? Мелочь, подобная муравьям? Слабаки, которых терпят на тех землях лишь из-за тебя?

— Не может же быть все настолько плохо? — я снова опустил взгляд на лицо мамы, пытаюсь найти в её глазах надежду.

— Может ли быть все настолько хорошо, как описывают Воины и старики, пересказывающие мечты из поколения в поколение? — мама была безжалостна.

— И что ты предлагаешь? — я разозлился. — Прекратить возвышение? Отказаться от своего таланта? Остаться навсегда в Нулевом? Чтобы Лейла и дальше жарилась в этих вечных песках?

— Нет. Что ты, — мама прибегла к проверенному способу успокоить и утешить. Подошла и обняла. — Это была мечта отца. Увезти нас из вечных песков.

— Это теперь и моя мечта. Найти место, где вы сможете жить, не добывая жалкий кусок мяса тяжким трудом. Место, где ты и Лейла будете носить не грубую холстину, — я уткнулся лицом в такой родной запах и говорил, не в силах остановиться. — Где вы будете в безопасности и не увидите в чужих взглядах презрения. Может быть, мы действительно найдем такое место в Первом круге.

— Хорошо, хорошо, родной. Успокойся. Я предлагаю лишь подготовиться к тому, что не все так замечательно в Первом поясе и Морозной Гряде, как ты думал.

— Я понял тебя, мама. Тогда... Нужно подстраховаться. И обеспечить вам с Лейлой запасной путь.

— Не могу сообразить, о чем ты? — мама принялась гладить меня по голове.

— О тебе, — я наслаждался лаской, которая скоро останется только в воспоминаниях. — Мама, начни снова заниматься Возвышением.

— Ты думаешь, старушке это удастся?

— Ты не старушка! — теперь разозлился я, прежде чем понял, что она сделала это специально. Мама хихикала, я закатил глаза, но продолжил. — Твой талант не может быть

плохим. У тебя сейчас есть время. Если хотя бы часть того, что рассказывают о семьях уехавших, правда, то первое время вам не нужно будет заботиться о жилье и еде, а быть хуже, чем здесь, всё это просто не может быть. Если ты тоже станешь Воином, то положение нашей семьи станет гораздо надежнее. Пусть ты права. И всё же. Одно дело быть, вообще, никем в Первом круге, а другое, пусть самым слабым, но одним из Возвысившихся. Не верю, что разницы в положении не существует. Пусть этих Воинов там и тысячи!

— Не думаю, что все так просто и ясно, как ты себе вообразил, Леград. Но изрядная доля правды в твоих словах есть. Хорошо. Считается, что золотые года для Возвышения - пока растет человек. А после шестнадцати уже единицы из тысяч могут чего-то добиться. Но ведь Римило смог? Я попробую снова вступить на этот путь. Быть может, я даже смогу приложить свою руку к мести Кардо, — мама усмехнулась и оглядела стены. — Давай, заваливаем наши мешки и быстро ищем свежие травы. Наше время на сегодня выходит, через час мне нужно вернуться в лагерь.

Глава 19

Сегодня один из тех редких дней, когда нашей семье можно отдохнуть душой. Опускающийся на горячий песок вечер, жар и треск костра, запах жарящегося мяса, разговоры вокруг обо всем на свете. Если закрыть глаза и помечтать, то можно перенестись в прошлое, когда такие вечера были обычными в нашей бродячей жизни. Нужно только не открывать их. Чтобы не увидеть грубую, раздражающую кожу Лейлы холстину. Осунувшееся и постаревшее лицо мамы. А главное — это не давать себе вспоминать, почему не слышно веселого голоса отца.

— Леград! — разрушил все мои усилия шепот Диры. В груди заворочался тяжелый комок злости.

— Что?! — не открывая глаз, цепляясь за крохи исчезающего тепла воспоминаний, я постарался голосом передать ей всё плохое, что она во мне разбудила. Оставь меня в покое!

— Ты когда меня проверять будешь и учить? — не поняла, а скорее проигнорировала мой намек Диры.

— Чему я ещё, должен тебя научить? — спросил я темноту. — Ты уже вполне бегло читаешь, слушаешь мой гундёж каждую неделю, выполняешь задания и даже хвастаешься особо редкими оттенками, цвет которых я даже не могу себе вообразить. Что ты себе ещё навоображала?

— Ничего я не воображала, — засопели у меня под боком. — Двигайся, расселся тут на моей циновке! И задания у тебя — идиотские!

Упрямо не открывая глаз, хотя и понимая всю безнадежность этой детской уловки, я подвинулся, давая место. Даже Лейла уже года три как понимает, если ты никого не видишь — это совсем не значит, что ты спряталась. Но вот скрыться от проблем жизни, пусть и на минуты, можно. Пока тебя не найдет, севшая на шею, девчонка.

— Леград! — на этот раз меня исподтишка ткнули в бок острым пальцем.

— Дира? — тихо прошипел я, чтобы меня не услышали у костра.

— А?

— Подскажи, — я угадал со следующим ударом и крепко обхватил пойманный кулак, — если я сейчас с диким смехом прыгну на тебя и, валяя по песку, буду кричать, как маленький ребенок: «Лада! Лада!»? Тебе понравится?

— Ты больной? Ой! — Дира тихо вскрикнула, едва слышно даже для меня.

— Да, — довольным голосом протянул я, продолжая усиливать хватку, — я больной. Это вся деревня обсуждает. Знаешь что?

— Что? — уже опасно протянула Дира, наконец, осознавшая, что зря помешала мне.

— Я решил, что, ударенный по голове, может не только умыть тебя по пустынному — песком. Но и покусать. Нужно же проверить, как сильны челюсти седьмой звезды!

— Пусти! Пусти, дурак! — Дира принялась выкручивать руку. — Я щас закричу!

— Ну, это ты зря, — я открыл глаза и, встретив темную, почти черную синеву злых глаз, уточнил. — Обзываешься зря. Я — не дурак. Вот утром пойдешь на работы, зайдешь к нам. Я проверю твоё возвышение. И уже там — укушу. Без свидетелей. И никто не узнает, что у меня с головой совсем плохо стало.

Стоило мне отпустить руку Диры, как она, словно вспышка молнии в ночном небе, промелькнула передо мной, исчезнув с моей циновки и оказавшись под боком у отца. А ведь до костра — добрых десять шагов! Талант!

— Отец, а вот ребята вечно кричат, что лишь копье оружие настоящего охотника, — Рат продолжал пытаться дядю Ди, жарящего мясо. — А ты учишь меня луку гораздо больше.

— Это все глупости, — дядя Ди бросил короткий взгляд на сына. — Главное для охотника — добыча. Как он ее возьмет — неважно. Это может быть копье, лук, силки, даже ловчая яма и брошенный камень. Его главная задача — добыть еду.

— Чего ж тогда Виргл ни разу не брал в руки лук, — Рат был не очень доволен ответом.

— Он тебя упрекает луком? — дядя Ди усмехнулся.

— Бывает, — мой приятель был изрядно смущен этим признанием.

— Рат, — дядя Ди все же повернулся к нему и продолжил, — как считаешь, Виргл часто будет ходить на охоту?

— Ну, — замялся парень, — не знаю.

— Нет. Нечасто, — вмешалась в разговор мама. — Даже думаю, реже Кардо. Он совсем не охотник, в отличие от отца.

Я молча слушал. Хотя мог сказать многое. Например, что о Виргле, вообще, не стоит думать. Он никогда не будет ходить на охоту в этой деревне. Через полгода он с помощью отца мечтает уехать в первый пояс. А еще очень хотелось сказать — этого тоже никогда не случится. Он навсегда останется в песках Белой пустоши. А мертвому — не нужно охотиться. Но я молчал. Щурился на огонь костра из колючки, сберегаемой дядей для такого дня. Наслаждался запахом мяса бородача, которое сегодня позволю себе без оглядки на своё притворство. Слушал, как начинают просыпаться хищники в пустоши, пугая своих будущих жертв голодным ревом, разносящимся в пустоши на многие километры. Я от запаха шкворчащего мяса, между прочим, готов реветь ничуть не хуже. Думал об отличном копье, что вышло у меня из трофейного наконечника и ветви мопане, ещё более крепкого, чем свинцовое, дереве, которое я нашел на одном из холмов возле Черной горы. И молчал.

— Слышишь? — поднял палец дядя Ди. — Он лишь хочет сменить отца и получить в свои руки настоящую, взрослую власть. А пока тренируется на новиках. Показывает вам свою силу.

— Ну, так, с копьем и сложнее, — заметил Рат.

— Сложнее. И легче. Даже новики уже быстрее и сильнее многих животных.

— Ну, тут ты чего-то заговариваешься! — пристыдил приятель отца.

— Да, — дядя Ди и впрямь немного смутился, — это я приукрасил.

— Песчаная пума, леопард, пересмешник, мечерог, буйвол в рывке легко настигнут новика, — принялся загибать пальцы Рат. — А вот если не смогут сразу завалить, то тогда, конечно, убежим. Они не могут долго бегать. Сам говорил!

— Я же сказал — приукрасил, — дядя Ди хохотнул. — Но суть моих слов в том, что четвертой звезде смертельно опасно идти с копьем на мечерога. Он слишком слабый и медленный для такого противника. А вот для Виргла — это простая забава.

— Седьмая звезда! Дубина! — спокойствие Диры под боком у отца закончилось, и она подала голос, одновременно ткнув брата пальцем под ребра. А у него закалки тела нет.

— Ааа! — заорал Рат и схватился за бок. Похоже, не зря девчонка напрашивается ко мне. Хочет похвастаться очередной звездой. Вон, как легко брата чуть не покалечила. Не рассчитала новых сил. Вернее, испытала их на мне, но не понимает всю разницу между мной и им.

Вокруг костра началась суeta. Рат отдышался, и я насладился редкой картиной. Брат гонял сестру! Обычно всё наоборот. Дира визжала, причем радости и восторга в ее голосе было больше чем страха. Ралио, в свою очередь, бегала за сыном по всему двору и кричала на него. Лейла с открытым ртом следила за их беготней. А дядя Ди спокойно и с улыбкой наблюдал всю эту кутерьму. Пришлось вмешаться и напомнить им о самом важном деле. Для меня и моего, страдающего от постоянного голода, живота.

— Мясо!

Дядя Ди спохватился и вернулся с глиняной лопаткой к мясу на камне. Мама подножкой сбила Диру, сверху на нее Раухом упал Рат и принялся щипать и щекотать завизжавшую еще громче сестру. Над ними в растерянности замерла Ралио. Новая часть представления! И благодарные зрители, хохочущие без остановки — мама с Лейлой.

— Эри! — нашла виновницу хозяйка двора.

— Да ладно тебе, Ралио! — мама махнула рукой. — Ты слишком правильная.

— Она могла разбиться! — всё не успокаивалась Ралио.

— Эта девчонка с шилом в заднице? Разбиться на этом песочке? — мама закатила глаза. Наша соседка помялась и, покосившись на кучу из рук и ног, в которой уже никто не визжал, а лишь хохотали на два голоса, молча села на циновку из камыша.

— Хорош! — прикрикнул дядя на детей. — Дира, неси тарелки. Пора снимать.

— Да, папа! — девчонка подхватилась с земли, показала язык брату и умчалась в дом.

— Для него это забава, редкая забава, заметь это, — дядя продолжил разговор. — А для тебя работа. Каждодневная работа. Можно взять стрелой — сделай это. Наступила великая сушь и мало добычи? Выбей хищников в округе. Добыча так скудна, что от этого трусливого джейра зависит выживание деревни? Свари яд. И одной попавшей стрелы хватит, чтобы твоя семья выжила.

У костра замолчали. Дядя сказал все, что хотел. Рат, нахмурившись, укладывал в голове слова отца. Женщины суетились, раскладывая по большим мискам красной глины не только мясо, но и зелень с хлебным корнем. А я вспомнил, о так и не завершенном деле, и подал голос, принимая у Рата эстафету вопросов об охотничьих тонкостях.

— Дядя Ди, а как ловят квартиков?

— Именно ловят?

— Да, живыми и целыми, — уточнил я.

— Тебе он зачем? — Дира сунула мне миску и снова нагло уселась рядом. Надеюсь, ей хватит ума не мешать мне есть.

— Я слышал, что они приручаются и охраняют дом от скорпионов, — такая полуправда у меня была заготовлена именно на этот случай.

— Есть в нашей семье метод, вот только не то что я, но и отец мой с дедом им ни разу так и не воспользовались. Нужды

не было. Не так много в Плекто этой дряни было. Я о скорпионах. Да и тут? Только Ма укусила змея в деревне, так ему два раза Орма отвар дала, и он бегают как ни в чем не бывало. Если бы сам не наступил на нее, вообще, всё обошлось бы.

— А все же?

— Ищешь в пустошах, — дядя Ди пожал плечами и поворошил золу, поднимая искорки, — там, где влажно, на кустах гусеницу храповку. Такая светло-зеленая с длинными красными волосинками по телу, — уточнил дядя, не видя на моем лице понимания. — Сейчас, конечно, уже поздновато, но пару припозднившихся гусениц можно найти. Дальше ловим крупных скорпионов или серую гадюку. Но, этой змеи тут не водится. У нас есть только песчаная гадюка, а к ней квартики равнодушны. Мол, еда и еда. С ней не всегда получится. Аккуратно вскрываем добычу и выдавливаем в их внутренности гусениц.

— Бе-ээ-ее, — высказалась Дира и не донесла до рта мясо, с сомнением оглядывая его.

— Жуй давай, — я ткнул локтем чуть позеленевшую девчонку и с наслаждением вгрызся в свой ополовиненный кусок, назло ей причмокивая.

— Нда, — дядя Ди усмехнулся, глядя на дочь, и быстро закончил. — Добычу подкидываете в отдалении от квартика, чтобы он вас не видел, и её сам нашел. Двух—трех храповок хватит, чтобы он словно опьянел и стал храбрым, как буйвол. Как начнется носиться вокруг нор — можно брать. И не подумает убегать, наоборот, может и на тебя кинуться. Учтите это.

— Спасибо дядя Ди, — я склонил голову, ликуя про себя. Будешь знать, наглое создание, как надсмехаться над человеком, который хотел отнести тебя на берег непуганой еды. — А добавка есть?

— Конечно, есть, — Ралио поманила пальцем дочь. — Ди всю вырезку пожарил. Пока всё не съешь — не уйдешь. Мне на тебя смотреть больно.

Лейла с самого утра убежала на улицу. Счастливая и довольная. Я ей подарил разноцветные шарики. Такие игрушки мало у кого есть из детей. Бродя по тоннелям Черной горы, я наткнулся на преграждающий путь опływ камня. Всё как описывала мама и книга. Только он был необычный. Многоцветный, с четко разделёнными полосами. До самого вечера, вместо поиска трав я скоблил его своим кинжалом, но добыл по небольшой горсточке пыли и крошки каждого цвета. Немного сухожильного клея, терпения, солнца, куска ткани, хвощей и подарок готов. А мы с Дирой, предоставленные сами себе, без любопытных глаз устроились по разные стороны ещё не прибранного стола. Каждый крепко вцепился одной рукой в камень, а другой в противника. Третья звезда — я легко побежден. Пятая — Дира оказывается на моей половине, едва не скинув помытые миски. В общем, всё ясно. И окончательная проверка на четвертой звезде показывает наше равенство.

— Ха! — Дира счастлива. Девчонка и есть. Синие глаза блестят, улыбка до ушей, кажется, носом потолок заденет, и нас обсыплет пылью с потревоженной травы. А вот я смотрю на метки, нацарапанные на стене, и не так доволен.

Тукто вполне прошел проверку временем и больше не был замечен в глупостях и вредном хвастовстве силой. А потому я уже успел и ему надоесть своими наставлениями. Первый раз я подошёл сказать, что он прощен, и я по-прежнему верю в его возвышение. Затем, как и с Дирой, я вылавливал его и либо заставлял слушать себя, либо мучил заданиями. И он, в отличие от второго ученика, ни разу не пытался поймать меня сам и попросить ещё советов. Наоборот, закатывал глаза, поняв, что я пришёл учить его. Но старался. Хотя работы мне было вдвое больше. Очень уж разные они были. Дира и он. Она была гораздо усидчивей, чем он, несмотря на живость своего характера. И мои упражнения по мысленному рисованию ей давались легче.

Она могла вообразить, если верить ей, конечно, гораздо больше красок и оттенков. Хвасталась, что может представлять, совсем тонкие линии. С Тукто было совсем иначе. Долго заниматься одним делом было не по нему. Ему плохо давалось воображение. Зато он легко мог залить весь мир вокруг себя одним цветом. От одного края улицы, до

другого. Так, даже у меня не всегда получалось. Вот и выходило, что для каждого приходилось придумывать свои задания.

Последний раз я подходил к нему на днях — проверить его достижения. И он оправдал моё доверие. Прогресс его занятий налицо. У него уже пятая звезда. Его талант на этом этапе может считаться хорошим. И хотя я его предостерег от больших и, возможно, ложных надежд, и обсудил его будущее, но с Дирой ситуация хуже. Как бы она не наделала глупостей, глядя, как Тукто всё дальше и дальше обходит её на экзаменах. Ей придется обрисовать всё в более черных красках, чтобы она не давала воли своим восторгам и не впала потом в уныние.

— А теперь успокойся и внимательно слушай, — дав ей время попрыгать и выразить свой восторг, я принялся за свои обязанности учителя.

— Ага! — Дира плюхнулась на скамью и выпучила на меня глаза. Я лишь покачал головой на ее гримасы.

— Ты взяла уже две звезды. Причем эту — за три месяца.

— Меньше! — возмутилась Дира.

— Хорошо, — покладисто согласился я. — Немногим меньше чем за три месяца.

— Но? — нахмурилась девчонка и её глаза стали темнеть. Который раз обращаю внимание и поражаюсь, как ее глаза отражают её настроение, меняя свой цвет. — Что-то начало не похоже на твои обычные умствования. Всегда с такой кислой рожей обламывают счастье.

— Не думаю, что это правильно. То, что учитель прикидывает скорость возвышения своих учеников в самом начале пути, но у нас с тобой нет выхода. Ты называешь меня учителем. А мне не так долго осталось быть с тобой, — тут Дира сузила глаза, как леопард перед прыжком на добычу, я даже сбился и замолчал на несколько секунд под этим взглядом. — Поэтому хочу, чтобы ты трезво оценивала свои силы и не забросила возвышение, увидев, что проходит год за годом, а ты всё еще в пустошах.

— Я и сама умею считать, — процедила Дира. — Талант — обычный. Я возьму десятую звезду в шестнадцать. И мне всё равно не придется выходить замуж среди этих саманных стен!

— Хороший настрой, — я одобрительно кивнул. — Запомни: не сдавайся, не отчаивайся, не ленись, впитывай энергию мира каждый день, в любую свободную минуту.

— О да, учитель! — кажется, я понимаю Орикола. Это яд презрения в её словах? — А что вы можете сказать ещё? Кроме повторения слов из книги, которые я уже выучила наизусть с вами?

— Той, кто постоянно придумывает иной смысл словам, написанным в наставлении, невредно и повторить их ещё раз, — обвинил я ее. — Чтобы убедиться, что в уши попали нужные вещи, небеса велели бы заставлять тебя повторять их каждый день. Но, боюсь, за порогом моего дома, к вечеру, ты извратишь даже выученное наизусть наставление.

Дира, со сжатыми в ниточку губами, вскочила было со скамьи, благо сил опрокинуть стол ей не хватило. Но она старалась, да. И замерла, не завершив шаг к двери.

— Прости, Леград, — через секунду Дира сидела на прежнем месте, словно и не было этого порыва. — Я бываю дурой, но стараюсь исправиться.

— Молодец, — без тени насмешки похвалил я ее. — Что я могу сказать не по книге. Из моего опыта даже настроение может влиять на скорость возвышения. Но настроение приходит и уходит и с этим легко бороться. Тебе же предстоит жить здесь еще годы. За это время может случиться разное. Могут появиться те, чей талант гораздо лучше твоего. Не позволяй в сердце появиться зависти и обиде.

— Ну, ты сам меня обижаешь! — фыркнула Дира. — Я что тебе завидую? Нет. Я все понимаю. Небо дает всем разные таланты и разные испытания. Мне твои испытания — не надо!

— Хорошо, — кивнул я, внимательно выслушав её. — И все же позволь договорить. Обиды, ненависть, клятвы и незавершенные дела могут влиять на твоё возвышение гораздо сильнее.

— А как с тобой? С твоей ненавистью?

— Если твоя обида так велика, что ты не можешь отпустить её, вот как ты это сделала несколько минут назад, то она станет камнем на твоей шее. Отвечая тебе, скажу. У меня нет камня. Как нет и ненависти. Но речь не обо мне, — я ткнул пальцем в ученицу. — Ты можешь переплыть на тот берег?

— Э, — растерялась Дира. — Могу!

— А с камнем на шее? Вряд ли. Даже новая звезда не сильно поможет тебе с тяжелым грузом. Я открыл для себя лишь один способ справиться с этой преградой.

— Преградой? — перебила меня Дира.

— Конечно, она ниже, чем описанные в книге три основные, но вполне реальна. Возьмем обиду. На первых порах тебе может показаться, что она помогает тебе возвышаться, подталкивает тебя вверх. Это ложное ощущение. После краткого толчка обида повиснет на твоей шее тяжким грузом. Чтобы справиться — сбрось этот камень.

— Сбросить? — нахмурилась моя невольная ученица, пытаюсь понять мои умствования.

— Уговори себя, что она пустяк, отомсти за нее, заставь извиниться перед тобой, чтобы тебе стало легче. Сделай что угодно, но не давай обиде или ненависти мешать твоему возвышению. Иначе, с таким камнем ты не поплывешь, а пойдешь по дну и доберешься на тот берег годам к тридцати.

— Бррр, — передернула плечами Дира. — Не, не, не! Я поняла тебя — гляжу на мир с улыбкой.

— Хороший выбор, — я повернулся к Лейле, которая заглядывала в щель на входе. — Сейчас, еще немного и я выйду к тебе. Иди играй!

Лейла насупилась, но послушно ушла. А я принялся наводить порядок на полках, после завтрака для мамы и сестры. Мне, в общем, и оставался последний совет.

— Когда достигнешь высоких звезд. Пусть это будет седьмая звезда. То развитие неизбежно замедлится. Все Воины, к которым обращались за советом в этой ситуации, говорили одно. Сражения. Я знаю, что это не принято в нашей

деревне, но ты должна будешь войти в охотничью команду и идти в пустоши. Помнишь вчерашний разговор об удали Виргла?

— Про копье?

— Никаких стрел, только схватка. Если сомневаешься в своих силах, то сначала испытай врага, рань его издалека. Будь осторожна. Начни с рогатых с ними полегче, переходи на хищников. Если простые охотники бегут от Зверя, то это твой шанс на схватку и рост силы.

— Леград, ты, как то, прям, — Дира замялась, подбирая слова. — Ополоумел?

— А ты думаешь — сможешь стать десяткой выпалывая сорняки? — спокойно ответил я не оглядываясь. — Погляди на Миргло! Останешься восьмеркой на всю жизнь? Нет, не спорю. Неплохой уровень в деревне. Тогда ты можешь, как она, и мужа выбрать сама, по своему вкусу.

— Или умереть как твой отец!

Я замер, не опустив чашку на её место. Да. Это удар по больному. Не очень честно. Грязнее, чем мои слова про её мужа.

— Прости! Дарс меня затопчи. Прости, Леград!

— И это тоже неплохой конец. Все не так мучиться в этих жарких песках. Но тут уже решать тебе самой. Меня рядом не будет. Мой отец был неосторожен, думая, что вступает в схватку просто с сильным Зверем, — я попытался закрыть свой рот, но не сумел справиться с самим собой. — Но неужели ты действительно думаешь, что он не мог сбежать, когда понял свою ошибку? Он пропустил всего один удар лапой! Уже когда Монстр был на издыхании!

— Леград, я ничего не думаю, — меня обхватили за плечи и постарались развернуть. Восьмерку? Этими тонкими ручками-палочками? — Ну, откуда у меня, вообще, мысли! Ну, прости меня, дуру!

— Это был его выбор, — что мне до её слабых рук, вцепившихся в меня? Кто тут изрекал умные мысли об обидах? Получи камень и покажи, как нужно его отпускать. Не

получается? Хочется вернуть его собеседнику? — Он решил спасти пятерых охотников. Думаешь, не стоило?

— Леград! Повернись!

Я аккуратно поставил чашку и выполнил её желание. Да. Пожалуй, я тоже слишком безжалостен. Хорош учитель. Таким уроком можно обоим загубить ближайшие недели возвышения. Дира стояла передо мной с закушенной губой, ее побледневшее лицо, в обрамлении черных волос, вообще, казалось неживой маской, вырезанной из мела, с тёмными провалами глазниц. Я поднял тяжелую руку, преодолевая сопротивление своего камня, и стёр слезы с её щёк.

— Вы чё тут орете? — в дверях появилась Лейла, грозно упёршая руки в бока.

— Пospорили, — я постарался, чтобы мой голос звучал беззаботно. После шайки Виргла у меня богатая практика лицедейства. Жаль она не помогла мне минуту назад.

— Вы обнимаетесь, что ль? — восхищенно предположила сестра.

Со стороны, конечно, смотрится подозрительно. Лицом к лицу в полумраке не раскрытых после ночи окон, Дира крепко сжимает меня за плечи, а я, вообще, глажу её лицо.

— Мы ещё маленькие, нам рано, — вырвалось у меня.

— Ресница в глаз попала, Леград помог вытащить, — почти одновременно со мной тоже увильнула от обвинения Дира.

— Да-да-да! — покивала Лейла и с хихиканьем скрылась за циновкой.

— Прости меня, Дира. Давай забудем это. Ничего мы друг другу не говорили. Это тебе задание от учителя. Забудь.

— Как забудь?

— Про отцов забудь. Про мужа забудь и прости. Но мой совет о преодолении себя и своих пределов — помни.

Я почти вытолкнул Диру со двора. Не могу я сейчас видеть её. Я, конечно, закален за два года шайкой Виргла и привык к обидам. Но поругаться с человеком, которого пустил под маску

своего притворства очень больно. И ведь здесь лишь моя вина. Самозванный учитель! Старше её лишь на два года, но решил поумничать и поучить жизни. Тут ученик поучит тебя гораздо сильнее. Вперед, покажи хотя бы самому себе, как нужно отпускать обиды, Леград!

Сегодня на Чёрную я уже не успеваю. Сейчас два часа отдам на игры с сестрой. Заодно и слегка успокоюсь. Но что делать дальше? Можно пошляться по деревне, показать себя, где-нибудь показательно — на виду, подержаться за стенку, изображая головокружение. Вечером, если хотя бы злость наполовину пройдет, то появиться на площади и подержаться уже за гири. Иначе, если я ещё не остыну, то рисковать получить дополнительную порцию обид не стоит. А еще есть стоящая мысль — поймать одного наглого квартика!

Глава 20

«Разве так ведет себя осторожный Зверь из пустоши? Ты позоришь своих предков, если, даже не ставший новиком, ребенок видит твой след», — усмехнулся я, оглядывая вход в наши туннели. Мама ещё не подошла, ей, вернее, всем сборщикам, сюда бежать ещё не меньше часа. Потом она пройдет по своему наделу, проверяя, нет ли чего, что можно уже сорвать. Так что у меня есть два часа на проверку и сражение со вторым своим Зверем. Что я там говорил Дире? Осторожность и проверка противника.

Копьё — моя главная надежда в этих тоннелях. При их ширине Зверю будет очень нелегко достать меня за его защитой. Изначально оно было для меня великовато, ведь делалось под рост Паурита. И я уже начал обрабатывать, испытанную на перекатывании камней, ветку свинцового дерева, когда мне в очередной раз улыбнулась удача. Впрочем, не зря же я частенько старался прибежать к Черной горе пораньше. Эти несколько часов, пока я один у её подножья, я проводил, обходя заросшие холмы. Стройное, молодое деревце мопане словно ждало, когда же я его найду. Редкий гость в наших краях с ещё более прочной и упругой древесиной, чем у свинцового дерева. И почти идеально ровный ствол. В общем, только на днях заточенный топор, снова изрядно поработал.

Конечно, я использовал наконечник и кожаную оплетку с заклепками со старого копья, но, даже так, работа отняла у меня массу сил и времени. Однако оно того стоило! Я сделал его длиной на две ладони выше своей головы, на вырост. Древко пропитано соком, выжатым из толченых листьев, сорванных с этого же дерева, и орехов протуса. Не стоило, конечно, брать протус с его резким, отпугивающим запахом. Но ничего другого подходящего для моих целей я достать в деревне не мог. Сам я не буду ощущать этого запаха, а мои противники ожидают не из пугливых.

Зато полученный тёмно-красный, в черноту цвет древка мне очень понравился. Сверху я старательно оплёл его узкими

полосками дубленой кожи и закрепил их железными заклёпками. А затем обхватил всё это, для надёжности, пятью браслетами из свежей сыромяти. Верхний браслет ещё и крепил собой широкий поперечник из рога. Обычно наши охотники не делают так. Но в одном из поселков у зверолова я видел такую штуку. Для меня будет очень полезно. Повторю — получилось просто отлично. Гораздо лучше, чем моё первое любимое оружие или ножны.

Я стянул чехол с полированного лезвия копья. Проверил, как выдерживаются из самодельных ножен рондель и нож, переживший схватку с пересмешниками. И ещё раз взглянул на следы. Примятая трава уже поднялась, а вот сорванная когтями до камня это уже сделать не может. Вообще, я, кажется, зря так волнуюсь. След совсем небольшой. Для Зверя — небольшой. Не больше обычного пересмешника. Я сделал первые осторожные шаги вглубь туннеля, чуть согнувшись и готовый в любую секунду ударить копьём.

Вот он. Всё, как и задумывалось. Идеальная смесь ловушки и приманки. Не знаю, как Звери ощущают скопление этих трав, но вот и первая жертва нашей пещеры. Да, он нашел место, что его манило. Но что дальше? А дальше — пройти невозможно. Мы вдвоём, с помощью рычагов закупорили приманку огромным камнем. Даже Монстр не сможет вывернуть валун, что перекрывает вход к высушенным травам. А уйти отсюда Зверю не даёт жадность, дорвавшегося до возвышения существа. В книгах, что продают в нулевом, пишут, будто звери не способны самостоятельно поглощать энергию. Именно для этого им нужны травы. И потому, этот бывший шакал скорее будет мучиться от голода в этой пещере, чем бросит свои попытки прокопать ход в нерушимом камне. Ловушка, попавший в которую, пленяет сам себя. Пока не придет охотник.

Копье или кинжал? Враг не выглядит так же опасно, как та глава стаи. Да, он стал крупнее почти в два раза от своей породы. А значит, съел больше трав, чем она, и должен быть сильнее. Но у него была слишком низкая позиция для начала возвышения. Я усмехнулся. Как у меня. Отброс среди хищников пустоши. Презренный падальщик, который предпочитает воровать добычу у других. Даже сейчас его когти

меньше, чем у пересмешника. Он даже ещё не почуял меня. Слабак. Решено — кинжал! Я прислонил к стене копьё и, не таясь больше, шагнул под полукруглый свод пещеры.

— Эй! — сообщил Зверю, что он уже не один здесь.

Шакал с испуганным визгом, поджав пушистый хвост, отскочил к стене. Серый, с ярким рыжим оттенком он ничем не отличался от своих сородичей. Я внимательно оглядел его. Какой-то неудачник. Где огромные клыки, зачатки костяной брони или ядовитых шипов? Разве из тебя вырастет какой-нибудь Шипастый шакал или Рыжеяд ночной? Насколько ты силён? Я поднял руку и отправил в него печать. Сработало. Шакал сразу упал на брюхо, не в силах держать тело на ослабевших лапах. Даже так? Значит, ты слабее погибшего пересмешника. Хорошо, нужно и из такого противника выжать всю выгоду. Я стёр печать и потянулся к кинжалу.

Ошибка! Это была огромная ошибка — недооценить врага, обманувшись его внешним видом, и даже не достать оружия заранее. Зачем ему нужны будут шипы, когда он даже сейчас, не став Монстром, так быстр? Я не успел даже взяться за рондель, как, снова ощутивший свои силы, шакал бросился в атаку. Мне пришлось забыть о кинжале и вскинуть руку, защищая горло. Забыл, что он не только падальщик, но и «погибель птиц». Он настолько ловок и быстр, что хватает птицу на лету и выхватывает мясо из самой пасти пересмешника. Куда только делся поджатый хвост и трусливое поскуливание? Сейчас мне в руку вцепился яростно хрипящий лютый зверь, который пытался вырвать из меня кусок, и лишь напряжение всех моих сил не позволило ему опрокинуть меня.

Я не успел даже испугаться, тело начало действовать само. Пользуясь преимуществом в опоре и силе, попытался перекинуть его через себя и ударить о каменный пол. Шакал отпустил руку, ловко отскочил в сторону и тут же снова прыгнул на меня. На этот раз, целясь в ногу. И я опять не успел отреагировать, лишь дернулся назад. Он для меня почти исчез со своего места и появился, уже сжав челюсти на бедре. Ногу резануло болью, а шакал уже вновь стоял в двух шагах от меня, скаля зубы и рыча. Ошибка с его стороны. Он дал мне время на ответ. Отличный момент сделать его беспомощным, но меня начала душить злость. Конечно, я тоже выиграл свой

прошлый бой благодаря скорости, но чтобы меня победила жалкая шавка? Пусть она даже быстрее меня. Пусть даже тяжелее меня. И что? Я восьмая звезда!

Я даже не стал вытаскивать кинжал. Моей силы достаточно, чтобы превратить шакала в мешок, набитый сломанными костями. Главное, чтобы я сумел попасть своим ударом. Я должен стать быстрее для этого! Я чуть пригнулся и выставил сжатые в кулаки руки. «Энергия небес! Ты вокруг меня! Ты вливаешься непрерывным потоком в моё тело!». Я привычно представил вокруг себя свечение нитей силы, моё тело засияло схемой меридианов. Слегка прищурился, напряженно ловя каждое движение идущего по кругу противника. Тот продолжал скалить клыки, окрашенные моей кровью и утробно рычать, припадая на передние лапы. Сейчас, с поднятой дыбом густой шерстью, он действительно был размером с пересмешника и уже не вызывал презрения. «Я быстрый! Я становлюсь быстрее! Вся впитываемая энергия ускоряет меня! Ещё быстрее!». Я успел уловить миг прыжка. Сейчас! И ударил кулаком навстречу стремительной серой молнии.

Сидя и осматривая места, куда вцепился шакал, я с благодарностью вспоминал злопамятного квартика, который не простил мне переселения на другой берег реки. После своей поимки он стал невероятно осторожным. Никто во всей деревне его не видел и так и не узнал, что у них под боком появился такой необычный Зверь. А ведь он охотится днём и даже так остался незамеченным. Эта усатая сволочь показывалась только мне. Что там показывалась! Он напал на меня! Столько мне только оказаться одному за пределами деревни. Первый раз, я оказался весь исполосован до крови его когтями. Он сполна воспользовался мигом моего ошеломления. И тут же удрал в нору. Второй раз, я пострадал лишь чуть меньше, а он ещё успел напоследок цапнуть меня своими жуткими зубами за икру. Неделю хромал. А вот затем я стал осторожнее и больше не давал застать себя врасплох. Третья его попытка стала и последней. Ох, и знатно он у меня тогда полетел! С тех пор он лишь злобно стрекотал, когда я проходил через его территорию.

Теперь впору благодарить этого злопамятного малыша. Если бы не его укусы, подстегнувшие мою закалку тела, то сейчас я бы так легко не отделался. Добив шакала, которого мой удар впечатал в стену и почти убил, я закатал порванную холстину, ожидая увидеть серьезную рану. Ещё удивлялся, почему боль несильная. И с удивлением обнаружил, что следы зубов есть. Эдакие аккуратные проколы в посиневшей руке. А вот чего я опасался, вспоминая, как дёргало меня из стороны в сторону, нет. Разорванных мышц — нет. Здесь даже перевязывать нечего — кровь почти остановилась. Рана на ноге выглядела серьезнее. Странно. Ведь трепал её шакал меньше. Но тоже ничего не поправимого. Да там и штанина целее, в ней меньше дыр. А значит, и скрыть её в деревне будет легче. Жаль, от мамы спрятать не получится.

Хотя? Сейчас можно быстро разделать добычу. И сделать это в тоннеле, который по уговору с мамой я осматриваю и засаживаю травами сам, чтобы здесь оставить меньше крови и запахов. Затем выбросить тушу наружу, в кусты, да убежать на поиски растений, оставив остальную возню со шкурой на потом. Тогда до самого вечера я с мамой не встречусь. Нужно будет лишь вернуться домой раньше её. А там я уже себя в порядок приведу и сменю одежду. Она ничего и не узнает. Решено! У меня таких тряпок несколько. Пусть я и хожу в рванье, но терпеть ещё и запах нет никакого желания. Я просто вздрагиваю от мысли, что от меня и впрямь может вонять. Но для начала полчаса на возвышение. Мне кажется, я действительно стал быстрее. И этот успех нужно закрепить.

Всё же в моем плане было ещё одно допущение. Я рассчитывал, что не найду никакой травы. Это нечастая добыча для меня. Иногда можно целый день ходить по паутине ходов, но так ничего и не найти. Хотя мама редко завершает прогулки впустую. Но тут работает не удача, а знания. Все же мы не Звери, которые чуют траву, впитавшую энергию мира. Попробуй отличить простую шелковицу от превратившейся в шелковицу Костяного нароста. А мама может сделать это походя. Она наизусть выучила все травы, которые растут в пустошах. И с недавних пор мама заставила и меня каждый вечер запоминать по пять растений. Начав со списка тех, которые она встречала в Черной горе чаще всего.

Вот и я стал, всё чаще и чаще, замечать знакомые листочки и цвета. Как сейчас.

Я ещё раз оглядел крохотный листик, убеждаясь, что серебристый пушок на нём мне не померещился. Вдохнул и потянул с пояса нож. Это именно она, шелковица Костяного нароста. Придется возвращаться на наш огород. Пройти мимо добычи не в моих правилах. Теперь остаётся надеяться лишь на то, что мы с мамой разминёмся. Ведь ей нужно найти два-три растения, потому как всё, собранное на деревенской плантации трав, почти всегда считается за одну долю. Исключение только когда вырывают окончательно созревшую траву. И которую Кари, заставляет маму восполнять самостоятельно. В одиночку. Сразу же на следующий день. Без помощи охотников, которые в конце месяца сопровождают группу в свободный поиск.

Зря я надеялся на их защиту и помощь, когда впервые услышал счастливый рассказ мамы о разговоре с Кардо. Именно в таких выходах охотники дважды сталкивались со Зверями лицом к лицу и погибали. А мама уже десятки раз углублялась в тоннели. Интересно, Кардо, вообще, приходит в голову мысль, что мама приносит больше любого другого свободного добытчика потому, что она знаток трав? Кари сообщает ему то разнообразие приносимых ей трав, которые даже она опознает лишь с каталогом? Видимо, нет. Будет забавно напомнить ему о чёрном грибе Замкнутого пути, когда я стану десяткой.

Я уже почти вошёл в пещеру-перекресток, когда понял, что меня беспокоило весь путь от входа. Не только опасение встречи с мамой. Ещё и вот этот едва уловимый скрежет, к которому присоединилось тихое фырканье, раньше мне не слышное. Я снова, повторяя утро, осторожно выглянул из туннеля, прижимаясь к его стене. «Это теперь будет каждый день?», — с удивлением оценил я представшую картину. Красная антилопа. И, похоже, наша ловушка стала двойной. Иначе её поведение я объяснить не могу. Она пытается откатить рогами камень, который закрывал правый проход. Мамин огородик, где она высаживает свои излишки. Но эта щель, в которую засовывает рог антилопа, не могла появиться от ее усилий. А значит — мама откатила камень и зашла

внутри, а уж затем здесь появился этот Зверь. Точно. Я заметил, как в щели мелькнула некрашенная мамина рубаша, а антилопа ударила туда копытом, высекая искры из камня.

Видимо, аромат свежих трав манит этого рогатого гораздо сильнее, чем наша основная приманка. Вот антилопа и пытается залезть внутрь. Я, конечно, сейчас её убью. Но не слишком ли много — два Зверя за один день? Охотники на Черной горе отгоняют такого гостя всего раз в несколько месяцев. И этого копытного в живых не оставишь, как я обещал. Он сам пришел, и уходить вряд ли захочет. Здесь слишком плотная аура трав. В отличие от огорода деревни. Я даже не стал накладывать печать. Самоуверенно. Особенно если вспомнить свои раны. Но я не вижу опасности.

Это точно Зверь, но слишком слабый, чтобы послужить хорошей тренировкой для моих ограничений. Он даже не успел вырасти и совсем не отличается от сородичей. И я не стану предупреждать антилопу. Несколько огромных прыжков, легкий пинок по ляжке этой рогатой скотины и она направляет свое природное оружие на меня. Длинные, широко расставленные ребристые рога я пропустил мимо себя, сделав лишь один короткий шаг в сторону. Кинжал на этот раз я выпустил из руки сам, не надеясь удержать. Я ударил антилопу точно в середину лба, проломив осколком древнего камня толстую кость.

— Мама? — громко позвал я, возвращаясь за копьем. Мало ли? Этот день богат на неприятные события.

— Да, сейчас я.

В щель между стеной и импровизированной дверью протиснулась мама. Немного грязная, но вполне довольная жизнью. Я бросил на нее короткий взгляд, и было шагнул к туше антилопы. Но остановился, поняв, что мама странно держит правую руку — слегка на отлете.

— Что с рукой? — не дожидаясь ответа, я подскочил к ней и осторожно принялся задрать рукав.

— Успокойся, Леград! — мама недовольно попыталась отстраниться от меня. Кто бы её отпустил? — Немного ободрала руку.

— Ничего себе — немного! — я с беспокойством оглядел содранную до мяса кожу на предплечье.

— Узкая щель. Хотела схватить её за рог и прижать к земле, но та хитрая бестия сразу почуяла беду, — мама хихикнула, — Рванула на всех четырех копытах, едва я ее коснулась.

— Я сажал траву Заживления ран. В твоём тоннеле она есть?

— Нет, я сдала, — мотнула головой мама. — Только сухая. В мешках.

— Сейчас. Жди.

— Да уж никуда не денусь, — снова засмеялась мама.

Я сунул ей под бок копьё, огляделся и, не увидев рычага, побежал к разросшемуся свинорою у правой стены. Именно в гуще этой травы он обычно и лежит. Так и есть, мама вернула его на место. Через пять минут я уже был у мамы с фляжкой и пучком свежесорванных листьев. Хорошо, что они у этой травы большие и округлые. Удобно накладывать на раны. Это, конечно, не зелье, но простое название намекает, что и такое применение возможно. Для коленок детворы у Ормы берут порошок из толченых листьев, но в одиночку я не смог бы откатить тот большой камень.

— Как-то неудачно складывается наш первый день в качестве Звероловов, — заметил я, отправляясь к огромной туше Зверя. Красная антилопа — крупное животное. Удачно, что для атаки она наклоняет голову. Иначе я и не смог бы нанести этот удар. Мал я еще ростом.

— Ну, не скажи, — не согласилась мама. — В первый раз отделаться стёсанной рукой за шкуру Зверя? Мелочь.

— Ага, вот только, — тут я замолчал, поняв, что сам себя только что чуть не выдал, — её и Зверем то, еще рано считать. Интересно как часто они будут появляться.

— Ха-ха-ха, — засмеялась мама. — Ты очень вовремя озаботился этим вопросом.

Мне оставалось лишь смущенно пожать плечами. Мне в голову пришла идея. И я ей загорелся. Подобные мелочи, как

количество гостей, меня не сильно волновали в тот момент. «Ну, будут появляться чаще, чем у деревенской плантации», — думал я. На это ведь и был расчёт. Я принялся снимать шкуру, стараясь быть повернутым к маме одним боком и не показывать свежие дыры в одежде.

— Нечасто, — мама решила меня успокоить. — У наших алхимиков был заключен договор с гильдией Звероловов. За поселком был построен укрепленный пост, где и хранились все их травы. Гильдия тренировала новичков и имела стабильный заработок, не тратя времени на поиск в пустошах. Хотя и без этого не обходилось. Я слышала, что не все Звери могут чуют травы.

— Как не все?

— Это я тебе не объясню, — мама пожала плечами. — Что слышала в разговорах, то и тебе пересказываю. Вот видишь — один молодой Зверь в месяц. Уже неплохо. Я и не ожидала. У них там немного чаще бывало. Ну, да и трав больше. А ты столько кричал в прошлом году, запрещая мне этот огородик.

«Ага. Один. За месяц, — я усмехнулся про себя, — Два за один день. Небеса решили сделать мне подарок?»

Но небеса не остановились на одном подарке. Больше двойного визита не случилось. Но я продолжал убивать одного-двух Зверей в неделю. Не обходилось и без новых ран. Радовало только то, что и нанести их мне им становилось всё труднее и случалось это все реже и реже. Девятая звезда, взятая мной на четвертом моём Звере, словно окрылила меня, подарив непрекращающееся чувство легкости и веру в свои силы, и намеченный путь её достижения. Звери приходили разные, но одно можно было сказать с уверенностью. Они становились всё сильнее. И это было явно ненормально. Так же, как и их количество.

Третий туннель мы так и не начали засаживать. Вместо этого, там получился склад шкур и завяленных ценных потрохов. И даже этот концентрированный запах смерти не заставлял развернуться из нашей ловушки новых жертв. Кстати, я получил изрядный нагоняй от мамы, когда она впервые увидела, как я начал обрабатывать шкуру той

антилопы. И проверку состояния всех шкур. Половину пришлось выбросить. Оказалось, я нарушил все, что только можно. Ленился обрабатывать, растягивать, солить, рано и на слишком сильное солнце выставлял сушиться. Проще было перечислить, что я делал правильно. Снимал шкуру я правильно. И всё. Как будто она меня учила всему этому. Как будто нам было дело в путешествии до правильной обработки. Она же сама гнала меня к книге, когда я порывался помочь ей раньше с кожами!

— Мама, — в этот раз мне снова не удалось скрыть рану. Мама появилась в момент, когда я только начал промывать укус из фляги. — Это ненормально. Столько Зверей просто не могут жить вокруг Чёрной горы.

— Они могут чувствовать нужную им траву на невероятных расстояниях, — снова напомнила мне мама. — К нашим звероловам, бывало, приходили животные, которые живут чуть ли не за полкруга от Арройо.

— Хорошо, пусть так, — я махнул рукой, пытаюсь объяснить точнее. — Что только они забыли в такой дали? Но почему их столько? Вернее, почему их столько у нас? При таком их количестве, хоть кто-то же должен был приходить к деревенским сборщикам? Или в саму деревню. Я знаю точно, что Звери могут заходить в пески. Мы ведь даже перестали сажать новые травы. Не так уж и много здесь их выходит. Почему слабые Звери не стали чаще появляться у плантации Кардо?

— Если только здесь нет того, что манит их в десятки раз сильнее, — пробормотала мама.

— Ты о чём? — уточнил я с недоумением.

— Не знаю, — мама помолчала. — Помнишь историю Орикола?

— Помню, — я потыкал пальцем в повязку и получил по этим самым пальцам. Было обидно. На мне всё отлично заживает. Без следа! Иначе мама давно бы прекратила мои сражения, узнав, сколько раз от меня пытались оторвать кусок мяса.

— Я думала над твоими словами об увеличивающихся силах Зверей. Вспомнила один слух, что гулял по Арройо во времена моей жизни в трущобах. Все сходится, только если мы нашли, как и он, какое-то безумно редкое растение и, не узнав его — посадили на огороде. И теперь оно растет, впитывает энергию мира и манит Зверей всё сильнее и всё дальше от их натоптанных тропинок.

— А мы сможем его опознать? — заинтересовался я диковинкой.

— Будем искать, — мама развела руками. — И листать мои книги. Разделы редких трав.

Глава 21

Я аккуратно, не спеша пробирался к своему дому. Плохо, что заходить в деревню приходится прилично в стороне от него. Но там ближе руины и камни стоят удобно — легко пересечь полосу песка и остаться незамеченным, избежав лишних вопросов. Вот только сегодня что-то странное происходит в деревне. Я, вообще, не вижу, чтобы нужно было опасаться чьих-то взглядов. Где все люди? Окраина как будто вымерла. А вот в центре — гудят голоса. Я нерешительно остановился. А потом пожал плечами. «Что это я?» Напротив — обязательно нужно знать всё, что происходит. Посмотрим.

— Здоров, — я толкнул в ногу Тукто, который стоял на заборе Страта. — Чего у вас тут происходит?

А посмотреть было на что. Мне это напоминало преддверие экзамена. Такое же столпотворение всех жителей вокруг нашей площади. Разве что тогда все молчали. А сейчас здесь стоял тот самый гул, что и привлёк моё внимание. Говорили все. В этом гомоне я не мог разобрать сути. И прибег к помощи своего ученика. Назвав так его, пусть и про себя, я едва не расплылся в глупой улыбке.

— Чего? — изумился Тукто, с недоумением оглядывая меня. — Ты как всё пропустил? Они тут с полудня!

— Кто? — я насторожился и попытался увидеть площадь. Тщетно, не зря Тукто залез повыше.

Последние дни я беззастенчиво пользовался своим положением. Обнаглел. Раз в неделю устраивал подобие поединка с Вартусом — получал свою порцию тумачков. Но не просто так, а стараясь подольше попрыгать вокруг него, принаравливаясь к схватке с человеком, повторить его приёмы. У меня получалось, и это изрядно злило его. И убегал на Чёрную в остальные дни. Как сегодня. А тут что-то случилось!

— Они! — Тукто ткнул пальцем в сторону площадки. И? Я скорчил недовольную рожу. Мне всё равно ничего не видно за жителями. Они у забора сплошной стеной стоят.

— Тукто, считай, я спал и, вообще, всё пропустил. Рассказывай, — я дополнил, увидев его изумлённую рожу. — Без вопросов!

— Ну ты, дарсово... Вот ты... — Тукто буквально боролся с собой, но справился. — К полудню прискакали трое. На Зверях! Похуже, чем у Воина нашего. Но порода та же! Помельче только. Потребовали главу. Сказали, тут уже не только Кардо, но и полдеревни прибежало, завтра сюда их посёлок приедет.

— Посёлок что? — я не смог удержаться от восклицания. Хотя и сдерживал до этого своё любопытство и не перебивал. Но посёлок и приедет? Это плохо укладывалось у меня в голове. Переселяются всем населением?

— Ага! — у Тукто загорелись восторгом глаза. Он буквально задрал нос, красуясь своей осведомлённостью. Хотя мне снизу это смотрелось особенно смешно. — Это целый посёлок-караван! У них дома на колёсах. Завтра почти никаких работ не будет. Кардо уже сказал — все в посёлок пойдем. Там, кстати, куча лавок будет.

Моё воображение оцепенело, как мышь перед змеей. Руины видел. На верхотуру Пальца залезал и на пустоши глядел. Чёрную гору видел. И приличный кусок внутри успел оббегать. Это всё огромные штуки. Но они сделаны Древними. Им можно. И пусть дом гораздо меньше, но поднять его на колёса и путешествовать по Пустоши? Чем можно тянуть, к примеру, дом Кардо?

— И большой посёлок? — уточнил я, представляя себе картины невероятного размера быков.

— Пять звёзд!

Это же сколько людей? Больше тысячи, кажется. Погоди-ка! Посёлок пяти звезд! Это же мастерские! Мастера, которые производят уникальные товары! На колёсах!

— Охренеть, — выдохнул я из себя результат размышлений.

— Ага! А ты спать! Эх ты, — Тукто махнул рукой и предложил. — Залазь ко мне! Или пошли протолкаемся.

Поближе глянешь на них.

Поглядел. Ездовые ящеры, на которых приехали гости, были похуже, чем у Тортуса: меньше размером, нет шипов и когти не таких устрашающих размеров. Самих наездников я для себя обозвал старшим и новиками. Мужчина, старше всех в нашей деревне, но моложе старика Газила, общался с Кардо и главными охотниками. А вот парни лет девятнадцати стояли вплотную к ограде площади и зубоскалили с жителями. Одеты они были, как обычные путешественники по пустоши. Бесформенная широкая накидка поверх обычной одежды и платок, обматываемый вокруг лица. Но сейчас все гости, особенно молодые перед нашими немногочисленными девушками, сверкали белозубыми улыбками на загорелых лицах.

— Ясно. Бывай, — я махнул рукой Тукто.

Ещё раз внимательно осмотрел гостей и принялся проталкиваться прочь с площади. Это всё интересно для нашей дыры. Но самое важное будет завтра. Что мне тут делать? Глазеть на чужаков и слушать их байки? У меня Лейла без присмотра целый день. Нужно её проверить. Мама через час-другой вернётся, а в доме пустые горшки. Надо хоть похлёбку быстро сварить. Если Дира появится — в сотый раз сказать о важности выпитывания энергии.

— Посёлок-караван? Здорово, — я не заметил в голосе мамы особого удивления, — Нужно будет тебе завтра подарок сделать.

— Какой ещё подарок? — я подозрительно оглядел маму.

— Человека тебе одного покажу. Думаю, тебе будет интересно, — загадочно сообщила она и больше не проронила ни слова в ответ на мои вопросы. Лишь улыбалась. Вредина. В следующий раз не буду проверять пещеру перед её приходом. Пусть побегает от Зверя.

Утром всё происходило не так, как я успел вообразить себе. Никто под стены нашей деревушки не приехал. Гости, вообще, не пересекли черту песков. Мы идём уже час, а их дома даже не появились. Я нёс Лейлу на плечах и засыпал маму вопросами. Скучно. Нельзя побежать так, чтобы ветер обдирает кожу и пытался окончательно порвать одежду. К счастью, сегодня мама отвечала мне почти на все вопросы.

Каравану нужна зелень. Много травы и воды. Поэтому они остановились между деревней и тем местом, где я убил Паурита. А вообще, они знамениты не только тем, что они единственный странствующий посёлок, но и товарами со всего Нулевого, а ещё своей работой с кожей. Кружатся по Нулевому, объезжая его за девять-десять лет. И гонят вместе с собой огромное стадо. Которое, нужно суметь прокормить и не потерять в странствии. Торгуют со всеми, скупают у других кожи и убивают Зверей и даже Монстров, если те попадаются им на пути. Кочующий отряд Монстробоев.

— Стадо мы и не увидим. Наверняка они его отогнали к большому водою. Трудные дни наступают для жителей

пустоши, — мама покачала головой. — Столько бесцеремонных гостей, которые едят их траву и пьют их воду.

Сам караван тоже оказался совсем не таким, как в моих фантазиях. Я после слов Тукто представлял себе настоящие большие дома, поднятые на колёса. Реальность оказалась более приземлённой. Можно было и назвать это домом. Если уж в нём жили люди. Но для меня это был всего лишь большой фургон торговцев. Да, таких огромных я раньше не видел. Или видел? Что-то мелькает в памяти. Может, путь нашей семьи уже пересекался с этим посёлком в путешествиях?

— Да, — подтвердила мама. — Лет семь назад. Ещё Лейлы не было.

— Ага! Всегда самое интересное без меня! — подала голос мелкая.

— Просто ты не торопилась прийти к нам, — мама дотянулась погладить её по головке. — Пришлось нам мучиться без тебя.

Мне даже не нужно было видеть Лейлу, чтобы знать, что она сейчас довольно жмурится и тянется за рукой мамы, чтобы продлить ласку. Она редко видит маму. Даже сейчас. Ей всегда мало. Ластёна.

Пусть дома на колесах и не оправдали мои ожидания, но, не признать не могу, впечатляющее зрелище! Вся пустошь, куда не кинешь взгляд, кажется, чуть не до горизонта, заставлена фургонами. Они, огромные, широкие и длинные, поставленные на столь же великанские колёса, размером выше взрослого мужчины, были расставлены ровными рядами или составлены в круги везде, куда падал взгляд. В кругах паслись огромные быки. Тоже меньше размером, чем те живые холмы, что тащили саманные дома в моём воображении. Но, пожалуй, и великан Ракот, раскинув руки, не дотянется от одного до другого рога. Заметно выше в холке и упитаннее, чем те, что тянули фургончики торговцев. В этом странствующем посёлке, вообще, любят всё большое. Я хмыкнул своим мыслям.

Если прикинуть по упряжи и числу ярм, висящих на бортах, то, выходит, что каждый «дом» тянет шестнадцать этих

рогатых великанов.

— Смотри туда, — мама прервала мои умствования и указала куда-то в сторону.

Проследив её палец взглядом, я обнаружил Кардо, который улыбался, кланялся и что-то говорил стоящему перед ним старику. Всё ещё крепкому, несмотря на годы за спиной, высокому, худощавому. Острые, резкие черты лица, будто вырезанные на куске свинцового дерева и забытого затем на палящем солнце пустоши. Которое высушило его до каменной твёрдости и превратило в эту маску. Когда-то чёрные волосы, сейчас почти полностью седые. Густая, короткая, аккуратно подстриженная и столь же седая борода. Одет старик в обычную светлую просторную одежду. На поясе кинжал. Ничем не отличается от остальных, стоящих позади него жителей посёлка. Разве что платок на его шее. Он из тонкой, блестящей на солнце ткани.

— Знакомься, сын, — торжественно произнесла мама. — Это — Дирман Стон!

Я замер на полушаге с широко открытыми глазами. Хорошо, что ничего не говорил в этот момент, а не то бы стоял ещё и с открытым ртом. Стон — это автор множества книг о путешествиях, природе Нулевого круга и его тайнах и загадках. Он автор той книги о Чёрной горе! Я считал, что он уже умер. И тем более не ожидал встретить его вживую! Если Кардо ему кланяется, а Дирман Стон стоит впереди остальных чужаков, то, выходит, что он глава этого странствующего посёлка. Вот почему он повидал все уголки Нулевого. У него вся жизнь в странствиях! Его жизнь — это и есть непрекращающееся путешествие. Многие становятся понятнее в его книгах.

— Такой посёлок один на весь Нулевой. Многие люди, бедные и богатые, пытались повторить его успех. Но его Алма продолжает поднимать пыль пустошей.

— Алма? — это Лейла опередила меня с вопросом.

— Вот это всё, что окружает нас, — мама развела руками. — Он так назвал посёлок. А где другие? Пропали без следа, разорились, уступили трудностям. Мне в юности попадалась в

руки книга, где описывалась его жизнь. Он остался на девятой звезде и отправился в путешествие по Нулевому.

— Как мы, — заметил я хриплым голосом.

— Да, — мама помолчала. — Но ему прорыв не удался. Хотя он преодолел множество испытаний и лишений. Так тоже бывает. Так или иначе, он вернулся в родной город по-прежнему девятой звездой. Почти без денег и с неутолённой жаждой приключений. Хотя куда уж больше? Пять лет странствий. Но он отправился в Крисол.

— О, знаю! Знаю! — запищала Лейла. — Столица!

О Крисоле и я знал. Думаю, о нём знали все дети деревни. Но не столица, нет. Её просто нет у нас в Пустошах. Один из двух городов Нулевого. Половина страшилок у ночного огня будет описывать события в его округе. Город, стоящий у прохода в горное ущелье. Что в его конце знают, наверное, только Воины. Если им, вообще, было дело до его исследования. Город, давший Нулевому кругу больше всего десятых звёзд. Город Монстробоев. Добыча которых это все, что расползается из этого ущелья. Монстры. Столько их нет ни в одном другом месте Нулевого.

— Вступил в гильдию Монстробоев. И снова не прорвался.

— Почему так бывает? — меня это давно интересовало. Ведь они занимаются именно тем, что и предлагают Воины. Рискуют своей жизнью в схватках с теми, кто гораздо сильнее их. И большая часть ветеранов так и остаются девятыми всю жизнь.

-Сынок, откуда же я могу знать? Это не знают даже Воины. Не хватило таланта, усилий, веры в себя, так решило небо, — мама развела руками, перевела дух и продолжила. — Год зарабатывал деньги. Купил свою первую повозку и товар. В Крисол через десять лет вернулся десять повозок. Алма выросла из той, единственной, вот в это.

— Здорово, — я приподнялся на цыпочки, чтобы ещё раз взглянуть на героя этого короткого рассказа, который только распалил моё воображение.

— Римило тоже читал ту книгу, — теперь у мамы был хриплый голос. — Мы и познакомились в библиотеке, когда я сдавала её хранителю. И на путешествие решились, наверное, даже втайне от себя, вспоминая её, — мама потёрла глаза. — Идём, пройдемся по лавкам. Видишь флаг с весами?

Мама водила меня, тихо, вполголоса делала замечания по товару и ценам и сравнивала их с разными местами в Нулевом. Пока я не заметил, каким взглядом Лейла смотрит на платье, лежащее перед нами. Меня будто ударило. Сколько можно скрываться и опускать голову? Я уже равен по силе Кардо. Лишь две вещи останавливают меня от мести. Неуверенность в своих силах и желание сделать всё прилюдно. Итак, чтобы это было по законам Нулевого. Чтобы уничтожить его в полной безнаказанности.

Мама дала мне намёк, а в этом изобилии товаров я наверняка найду книгу с законами. Неважно, будут ли там подтверждения моим мыслям. Так или иначе, я совершу мсть. Достигну десятой звезды. Сдам экзамен. И? По-прежнему буду ходить в рваньё? А Лейла в этом грубом балахоне? Да, мама изрядно поработала с иголкой над ним. Но от грубой ткани никуда не деться, как ты ни ушивай платье и не украшай вышивкой. Оно уже просто старое! Так и приедем в Арройо? Хватит строить планы и осторожничать. Пора начинать действовать! Я огляделся. Рядом никого из наших. Отлично!

— Уважаемый, — я коротко и неглубоко поклонился стоящему передо мной мужчине. — Я слышал, что хороший торговец выполнит любой каприз покупателя, пока тот достаточно платит.

— Всё верно, юноша, — мне улыбнулись и обвели рукой прилавок, в который превратился откинутый борт повозки, хитро устроенный именно для этого. — И что же вам требуется?

— Посёлок отправится ниже по течению?

— Всё верно, — продавец неспешно кивнул, продолжая осматривать нашу семью.

— Я хочу совершить у вас крупную покупку, — я быстро махнул рукой, заключая нас с мамой и сестрой в круг. —

Одежду для нас троих. Несколько комплектов для обычной жизни, — я провёл рукой по лежащей передо мной рубахе, наслаждаясь ощущением.

— Ух ты! — восторженно запищала Лейла и начала подпрыгивать и пытаться снова на меня залезть.

Продавец улыбался, глядя на радость сестры. Затем вдруг по пояс скрылся внутри фургона и обернулся к нам уже с крохотным свёртком из листа.

— Держи, солнечная. Это сладость, — он протянул его Лейле. Мама лишь взглянула на меня и кивнула.

— Скажи спасибо, дяде, — я глядел на засмущавшуюся сестру.

— Спасибо, дядя, — послушно прошептала Лейла и спряталась за маму.

— Но не только, — с нажимом произнёс я, возвращая к себе внимание торговца. — И на остальные случаи жизни. Крепкую рабочую одежду. Для путешествия по пустошам. Для охоты. Несколько праздничных нарядов. И всё из хороших тканей и из рук мастера.

— Отличный заказ для моей лавки, — мужчина за прилавком широко и довольно улыбнулся. — Но в чём каприз?

— Я не хочу покупать здесь. Я прошу провести сделку в нескольких часах ходьбы от Чёрной горы, там, куда вы поедите завтра.

— Лавки разложились именно здесь, — продавец нахмурился, ещё раз внимательно оглядел нас.

— Но если посёлок встретит в пути поизносившегося странника, — я подёргал свою рубаху. — Неужели ему откажут в сделке?

— Хорошо сказано, — торговец кивнул и плавно развёл руки, словно боясь меня спугнуть, как квартика. — Но, не обижайся юный друг, чем ты будешь платить? И понимаешь ли ты конечную цену за свой заказ? Дорогой заказ.

— Шкуры Зверей, — я выделил их именование голосом, намекая на качество и бывших владельцев. Мужчина передо

мной замер с разведёнными руками, — грубой охотничьей обработки. Представим себе, шкуру пересмешника-Зверя. Что вы продадите мне за неё одну?

— Повседневный наряд на всех вас, — торговец помедлил и продолжил. — Один комплект.

Вроде вполне неплохая цена. Я посмотрел на маму. Она кивнула, отвечая на мой немой вопрос.

— Отлично. Мне подходит, — я кивнул уже продавцу. И уточнил. — Назначаем встречу?

— Хорошо, юноша. Мы отправимся завтра с утра. К вечеру мы минуем Черную гору.

— Я буду ждать чуть дальше, — я довольно кивнул. — Хорошая мена.

— Хорошая мена, — торговец широко улыбнулся, явно развеселившись от моих слов. Пусть. Первая серьёзная сделка в моей жизни. Нужно соблюдать все приметы и обычаи.

Я стоял в тени одинокого дерева уже, наверное, второй час. Ждал. Думал. Дело было довольно безумное. Совсем ненадежное, как бы я не следовал суевериям. В нём было больше вопросов и неясностей, чем уверенности. Меня могли обмануть, поймать, попытаться убить. Я не доверял чужим людям, а в Алме было достаточно сильных людей высокого возвышения. Но я был спокоен. Это было странно и совсем непохоже на обычного меня. Возможно, дело в том, что я вчера окончательно исполнился уверенности в себе.

Я действительно сумел найти в книжной лавке тощую брошюрку с законами Пустоши. И мой зыбкий план мести обрел реальные и окончательные черты. И Кардо и Виргл умрут. И если Тортус пойдёт мне навстречу, то они погибнут от моей руки. На глазах всех жителей и, главное, своих прихлебателей и помощников. И все они будут стоять и смотреть, не смея мне помешать. Будут видеть, как рушится их мир, и дрожать от страха, что будут следующими.

Посёлок не спеша полз мимо меня, поднимая пыль. Я учел это и ветер дул мне в спину. Я ждал. От потока повозок отделилась одна и стала сближаться со мной. Вот только

сопровождал её не один всадник, направляющий вереницу быков, а добрый десяток.

Я поморщился. Неужели проблемы? Тогда зачем повозка? Впрочем, пусть. Всадники мне не страшны. Они мигом превратятся в пешех. Печать отлично ложится на их слабых ящериц. Я вчера проверил. Последнее время я не встречаю Зверей, которых не могу ограничить в возвышении. Даже мама начала чувствовать момент наложения на неё печати. Мне опасны только восьмерки и выше. Семерки, думаю, я печатью осилю. Но я не собираюсь сражаться. Со мной нет даже копья. Я просто сбегу. Холмы с густыми кустами совсем недалеко. А там и Чёрная с её лабиринтами.

Так, я планировал свои действия, пока не смог разобрать лица всадников, которые сбросили платки, выбравшись из пыли. Дирман Стон! Что происходит? Я напрягся, но всадники остановились в десяти шагах от меня, когда я уже был готов сам остановить их окриком. И молчали просто глядели на меня.

— Уважаемый Дирман Стон, — я склонился в глубоком вежливом поклоне, приложив кулак к ладони. — Младший приветствует вас. Чем скромный младший обязан вашему вниманию?

— Младший, — глава кивнул, с лёгкой улыбкой оглядывая меня. — Хотя, я бы не сказал, что ты скромный. Гордый, даже высокомерный. Хотя в твоём возрасте обычно ещё и наглые. Но не ты. Ты вежлив.

Всадник чуть позади и слева от старика хмыкнул и хлопнул себя по ноге какой-то странной штукой. Я всмотрелся, и глаза мои невольно сузились. Свёрнутая плет на короткой рукояти, сильно отличающаяся от привычной мне. Но всё же... Ненавижу эту штуку. Дирман чуть повернул голову и бросил короткий взгляд через плечо на своего подчиненного. Снова обернулся ко мне.

— Впрочем, имеешь право. Даже то, как ты обращаешься ко мне, говорит многое о твоей гордыни такому старику, как я, — он откровенно и широко улыбнулся, обнажив зубы. Словно маска треснула и блеснула оскалом. Пугающее зрелище. — Не

стоит говорить Младший. От равного на пути Возвышения — мне достаточно уважаемого.

От всадника к всаднику пронесся гул шепота. Их взгляды словно потяжелели, ощутимо давя на мои плечи.

— Уважаемый, — я помедлил, обдумывая происходящее. Чуть шевельнул плечами, пытаюсь сбросить тяжесть. И решил не юлить и не портить о себе впечатление старика, — как вы сумели раскрыть меня?

— Старик прожил множество бурных лет и до сих пор любит зажечь кровь в жилах схваткой с Монстром, — человек, видевший все уголки Пустошей, продолжал улыбаться. Но теперь я не видел оскала маски. Обычная, тёплая улыбка старика, которых я много навидался в своей короткой жизни. — Я вижу силу в твоих, готовых к бегу и прыжку, ногах, вижу скупость и плавность твоих жестов, вижу, как быстро мечутся твои глаза, осматривая нас и ища опасность. Мне этого достаточно. Столь великий талант — сокровище в наших землях.

— Благодарю за похвалу. Из уст легенды Нулевого она особенно приятна мла..., — я запнулся, постарался расслабить напряжённые ноги, продолжил, — мне. На всё воля небес, одаривших меня.

— И это повод долго и со вкусом посидеть за приятным разговором, — глава посёлка вздохнул. — Жаль, что я не узнал о тебе вчера. Сразу. Сегодня я обнаружил сокровище. А теперь ни у тебя, ни у меня нет лишнего времени на беседу. Я бы многое мог рассказать тебе о воле небес. Старики любят поговорить .

— Жаль, — я снова коротко поклонился. Старик тоже скромностью не страдает. — Я был бы внимательным слушателем. И всё же, чем я обязан вашему вниманию? Ведь не первый же талант я в вашей жизни?

— Это просто. Для меня мало осталось нового и неизведанного в Нулевом, — он хмыкнул. — А интерес и любопытство всё никак не оставят старика. И я обратил своё внимание на людей. Интересных людей можно найти в любом уголке Пустошей. И зачастую они не менее загадочны, чем

секреты Древних. Жаль, что Зариус погиб. Два столь интересных человека в крохотной деревушке, — старик покачал головой.

— Вы знали его? — я был удивлён.

— Это я посоветовал ему основать здесь деревню, — Стон помолчал. — Изначально я предлагал, чтобы он стал одним из моих помощников. Но он не хотел. У него было огромное количество идей в голове. Талант настоящего лидера. Желание и готовность работать ради своей идеи. Жаль, что его творение заживо гниет и умирает.

Я кивнул, соглашаясь с собеседником. Даже то, что я знаю о его планах, внушало уважение к Зариусу. Что же, я отомщу и за него. А затем старик надел на меня разговоры. Причём то, что он по большей части спрашивал, а не говорил сам, как мне тогда казалось, я, понял лишь проводив взглядом уехавших. Понял и покачал головой. Старик и вчерашний ребёнок. Неудивительно. Будет мне наука. Впрочем, я рассказал всё о своей жизни и жизни своих родителей, но о мести или Чёрной горе я промолчал. Однако тут кто угодно догадается, увидев какую кипу шкур, я принёс с холма. Я потратил их все, чтобы не тащить обратно, и скупил столько, что теперь с сомнением прикидывал маршрут вне кустов. Там я просто не пройду с таким тюком. И до темноты нужно успеть дойти до нашего огорода. Вот ведь!

Глава 22

— Дружище! — Вартус одним движением пригнул меня к земле, зажал мою шею локтем себе под мышку. — А босс ждёт тебя с самого обеда. Всё спрашивает, когда же ты придёшь на тренировку. Я тоже переживаю. Привык к тебе. А тебя всё нету. А ну-ка, шагай!

Так, согнутым, он и потащил меня куда-то. Хотя, чего это я. Конечно же, к Вирглу, который сидит на своём любимом месте. Что он там снова придумал?

— Отброс, — давненько меня сам юный вождь не радовал разговором. Обычно он ограничивался парой одобрительных возгласов, когда мне особенно сильно прилетало по ребрам. Всё же, по голове Вартус никогда не бил. — Скирто сегодня был на поливе и услышал от твоей соседки Диры удивительные вещи.

Виргл смолк. Молчал и я. Что я уяснил за эти годы, так это то, что чтобы ты не говорил, всё будет повернуто против тебя. Молчание тоже будет поводом, кстати, но мне было лень разговаривать с ним. Если до этого меня тревожила неизвестность, то сейчас, узнав первопричину, я был спокоен. Дира могла наговорить многое в запале, девочка она горячая, а мозги у неё часто исчезают. Но, что бы она ни сказала, ничего по-настоящему опасного она обо мне не знает. И даже если что-то додумала, то не сказала. Тогда бы здесь были взрослые, а Виргла отец убрал от меня подальше. Если бы ему сказали.

— Чего ты молчишь? Как будешь оправдываться?

Оправдываться? Меня неожиданно взбесила эта фраза. Да пошёл ты к дарсу под хвост! Я видел перед собой мокасины, украшенные цветными бусинками, и едва удерживался от плевка. Рановато. Ещё три месяца до экзамена и приезда Воина. Нужно терпеть. Снова терпеть. Ненавижу! Я не могу видеть лица Виргла, но и он моего тоже. И я широко улыбнулся. «Тебя я убью кинжалом. Не нужно было травить меня. Вобью его в твоё гнилое сердце, как

Пауриту.» Мне отвесили пинка, прерывая мысли о будущем. Судя по хихиканью — Скирто. «Ему я сломаю ноги».

— Ладно, это уже не забавно. Отпусти его.

— Да босс!

Я выпрямился и огляделся, не поднимая взгляда выше животов окружающих, выхватывая лица краем зрения. И я уже не улыбался. На лице была привычная маска лёгкого испуга и вечной просьбы. Виргл, как всегда, развалился на скамейке. На лице такая же привычная улыбочка, Газил ему её приклеил на свой лучший клей? Шиго стоит рядом со скамьей, скрестил руки и ухмыляется, явно наслаждаясь происходящим. Ларг сидит на ограде с полуприкрытыми глазами, лицо спокойно, словно он вот-вот заснёт. Порто, голый по пояс, засунув пальцы за пояс штанов, пинает гирю и стоит к нам в полбока, почти отвернувшись. Лица и не видно. Рикто здесь нет. Я заметил это подходя, ещё до того, как меня схватил Вартус. Скирто подвизгивает от радости за спиной. Все тут. Мои должники.

— Молчишь?

— Не знаю о чём говорить, — мне начал надоедать этот вопрос и топтание на месте. Пусть шакалы ускоряются.

— Девчонка орала, что ты учишь её и в возвышении понимаешь больше любого из моих ребят, — Виргл хмыкнул. — И даже больше меня. Это правда?

— У каждого из нас есть книга о закалке, — я позволил себе пожать плечами. Медленно и плавно, будто стою напротив очередного Зверя, на которого нужно напасть. — Написана, говорят, ещё Древними. Уж они-то, понимали лучше любого из нас. Нужно лишь следовать мудрости.

— Чё? — это Вартус.

— Но для этого нужно её прочитать, — закончил я.

— Мусор, — протянул Виргл, — да ты совсем страх потерял, — а затем рявкнул. — Шиго!

А вот он беречь мою голову не стал. Я сплюнул кровь и принялся подниматься с горячего песка. Мне что, после уезда

оставить полдеревни калеками? Ты что же больного бьешь, сволочь?

— Босс! Шиго, убьешь ведь! — крик остановил шавку на замахе.

Снова Порто удивил меня. Это уже гораздо серьезнее, чем его прошлая выходка.

— Не убьёт. Мать сказала он живучий, как Монстр, — процедил сквозь зубы Виргл, сцепил руки на груди, и, не обернувшись к здоровяку. — Даже твой отец мог не выздороветь после такого падения.

— Что?

— Да, да, Порто. А наш Леград не просто выздоровел, — Виргл, не торопясь, продолжил, — а бегают и даже тут кулаками машет. Как будто и не жалкая тройка.

— Так, это, может... так тем более, нечего его по голове бить!

— А что это ты так о нём беспокоишься? — самозванный младший вождь принялся покачиваться с носка на пятку. — Я заметил, что твой братишка с ним тоже якшается. Говорят, книжки читают вместе. Просил заступиться за дружка? Да?

— Нет, ты чего босс? Просто боюсь, что забьете болезного, — здоровяк подошёл ближе, встал позади Виргла и пожал плечами.

— Болезного? Кому я распинался о его живучести? — Виргл помолчал, а потом спокойно и громко сказал. — Ты слишком много открываешь сегодня свой рот, Порто. И оспариваешь мои решения. Ты меня разочаровал, — повёл подбородком, по-прежнему не глядя на здоровяка. — Шиго, Ларг — проучите его!

Это что-то новенькое. Для меня всё в их компании держалось на авторитете Виргла, его силе, его положению в деревне. Злость они вымещали на мне. Я помню его обещания проучить Порто в прошлом году. Самому. Но первый раз вижу, что он подтверждает свою власть чужими кулаками. На это будет поучительно поглядеть — Шиго равен здоровяку, так же как и недавно взявший свою шестую звезду Ларг. Но на

площадке он бьется редко. И что он будет делать в паре? Кинется в ноги? Будет бить исподтишка? Надеюсь, Порто не будет стоять и безропотно сносить наказание? Или будет?

— А ты чего уставился? Мусор! — меня снова сбили с ног. — Босс не разрешал тебе поднимать голову.

Как вы мне надоели! Я замер, скорчившись под ногами у Скирто, давая свою ненависть и обдумывая возможные последствия. К дарсу! Даже у квартиков острые зубы, не стоит их мучить. Это я знаю на собственном опыте. Сейчас покажу и вам! И я выпрямился, изо всех сил пиная крысёныша. Жаль, что всех силёнок — три звезды. Но даже так, вышло очень удачно. Привыкший к полной безнаказанности Скирто ничего подобного не ожидал.

Сломать ему ногу не удалось. Жаль, да. Разница даже в одну звезду сказывается. Пусть он и мелкий, тощий и слабый. А может быть и знать нужно, куда и как ударить. Я снова вспомнил свои ошибки со шкурами. Столько отличных шкур загубил поначалу. Везде навык нужен. Но воет крысёныш громко. Видит небо — это почти музыка. Уж точно получше дудки Котила.

— Я, больной, стою каждую свою тренировку против Вартуса. И не вою от простых синяков, как ты. Так, кто здесь мусор? — я поднялся на ноги и сплюнул под ноги Скирто. — Я, честно встречающий кулак-кулаком? Или ты, сомлевший от одного удара как девчонка?

Вокруг стояла тишина. Между всхлипов Скирто я слышал, как блеют джейры, которых Котил гонит с выпаса, как кричат мальчишки, гоняющиеся друг за другом по улочкам. А на площадке, казалось, был лишь я и крысёныш. Я бросил взгляд по сторонам. Здесь они. Все замерли, кто как стоял.

— Небеса упали на землю? Отброс, ты что прорвался и осмелел?

— Нет, Виргл, — я улыбался не таясь. — Небеса не дали мне уникального таланта. Сейчас я по-прежнему тройка. И не поднимаю глаз, как ты и говорил.

— Ааа, босс! Босс, сломайте ему ногу, дарсу вонючему! Аааа! — в вое Скирто стали слышны слова.

— Ты сказал мне, что вы любите сильных на этой площадке. Я уже несколько месяцев бьюсь с тем, кто сильнее меня на две звезды.

— Ты чего несёшь? — завопил Шиго, отступая от Порто в мою сторону и глядя на своего босса.

— И ни разу не отказался от схватки, — я не обращал на него внимания. Глядел в сторону Виргла, говорил с ним, но обращался ко всем на площадке.

— И чё? — подал голос Вартус. — Зато каждый раз ползаешь по песку.

— И не вою, захлёбываясь слезами, — я продолжал обвинять Скирто и опускать в грязь всю их шайку истинных слабаков.

— Дарсово отродье! — завыл Скирто. — Пацаны, да дайте ему в рожу, чтоб он заткнул свой поганый рот!

— Так кто достойнее быть среди вас? — я развёл руками, обводя всех стоящих передо мной.

— Значит, ты считаешь себя более достойным? — наконец, подал голос Виргл. Голос его был полон отборного яда.

— Решайте сами, — я не собирался говорить прямо, а смеялся над ними, расписывая взгляд на их шайку со стороны. — Я, в двенадцать лет — третья звезда, но сильный духом, как вы обещали это уважать? Или он, в четырнадцать — четвертая и падающий от одного удара? Кого из нас стоит больше уважать в пустошах?

— Это уже мне решать, — Виргл процедил это сквозь зубы медленно и негромко. — Это мои люди.

— Ты говорил, что вы не терпите слабаков, и своё право быть на этой площадке нужно заслужить в схватке! Дай нам сойтись с ним в схватке и кто победит, тот и останется с тобой! — потребовал я.

— Отброс, — Виргл снова сплюнул. — Ты глухой? Здесь всё решаю только я. Вартус, выбей из него эту дурь. Похоже, ему и впрямь нужно вбить ума через тумаки.

— Скирто, зацени, как о тебе заботятся, — я постарался напоследок сильнее ужалить Скирто. — Не дают тебе лишний синяк получить. Жаль не впрок, ты уже и так, своему боссу не можешь бокал поднести, а что будет дальше? Тебя нужно пинком гнать от себя. Но Виргл — добрый. Слишком добрый, — я тоже добавил яду.

— Заткни его! Надоел, — повысил голос сыночек вождя. — А вы чего замерли? — он заорал на Шигу с Ларгом. — Я сказал начистить рожу Порто!

Вартус старался как мог, подгоняемый окриком Виргла и собственной злостью. Но и я эти месяцы не просто так ходил сюда. Да, он был сильнее, но не настолько, чтобы вырубить меня или сломать мне что-нибудь одним ударом. Он был быстрее. Но ненамного. Моя чистая третья звезда не сильно уступала ему в этом. А кое в чём и выигрывала. В выносливости. Пусть самую малость. Но мне всего этого хватало, чтобы юлить, уворачиваться от сильных ударов, вздрагивать и кривиться от пропущенных, и самому доставать Вартуса кулаком.

Он злился всё сильнее, устал и хватал ртом воздух. Я же был ещё вполне бодр и мог бы, наверное, ещё столько же драться. Мог бы и победить. Ведь мой противник пропускал всё больше ударов. Я, как и он, намеренно не бил в голову. Он боялся убить меня, я не хотел пользоваться таким преимуществом. А между ног вообще никто и никого здесь не бил. Но я замечал, как болезненно отдаются ему мои удары в левый бок. Вот только я не успевал следить ещё и за тем, что меня окружало. И разрывая расстояние между нами, приём, который я успел отлично освоить со Зверями, я споткнулся и упал. «Скирто!», — вспыхнула мысль и исчезла под градом ударов.

— Стоять, ублюдки! — над площадкой, словно гром ударил.

Даже я, скорчившийся на песке, сжавшийся в комочек, и то, вздрогнул от этого вопля. Не представлял, что Орикол может так кричать. Не представлял, что человек, вообще, может так кричать. Сам крик причинил боль, настолько он был

громок. «Наверное, всю пыль сдуло с площадки», — мелькнула в голове странная мысль.

Бить меня перестали, отскочили. Хорошо. Это уже зашло слишком далеко. Пусть Скирто и не смог в одиночку сильно избить меня, но приложил неплохо. Еще миг, два и я снял бы с себя печать для безопасности. И запросил бы пощады. А так мусор сохранил лицо и даже победил. Пусть и лишь в своих глазах. Вовремя Орикол вмешался. Даже не ожидал. Вообще, забыл о нём, начиная свою глупую выходку. Над головой что-то дважды хлопнуло и с дальнего края площадки завопили на два голоса. Я открыл глаза и с удовлетворением опознал их хозяев. Мои обидчики. Скирто и Вартус. Похоже, Орикол пинками отправил их в полёт. Я, не скрываясь, широко улыбнулся, хотя сделать это разбитыми губами было больно.

Секунда тишины и я увидел, как Орикол появился рядом с другой дракой. Порто тоже пришлось несладко. Он не такой ловкий и быстрый как я. Здоровяк, в общем. И Ларг сумел его обхватить со спины и держал, пока Шиго выполнял приказ своего босса. Теперь я своими глазами увидел то, что произошло с моими противниками. Вот Орикол стоит, глядя на Шиго, который даже кулаков не опустил, повернувшись к нему. А вот он словно вздрагивает всем телом. Раздается ещё один хлопок и парень улетает спиной вперед. Жаль, что я под печатью. Не могу разглядеть движений, всё слишком быстро для третьей звезды. Ларг отпустил Порто, сам встал перед Ориколом и тоже получил свой удар.

— Дарсовы ублюдки! Испражнения сектантские! Я сперва со сна решил, что снова снежинки вломились ночью к нам в бурсу. Выродки! Старший! Ко мне, тварь! Тьфу, — Орикол смачно плюнул под ноги. — Все смешалось в голове из-за вас. Виргл, сюда!

— Да, учитель!

Виргла было не узнать, он подскочил к Ориколу так быстро, что песок взлетал у него из-под ног. Я мог его понять. Орикол был страшен. Бешеный, брызгающий слюной, с красным лицом, выпученными глазами и вздувшимися венами на шее, он вовсе не был похож на прежнего пьяницу. Да, он по-прежнему был неопрятен и грязен. Но теперь вид его внушал

не брезгливость, а страх и желание бежать отсюда, пока тебе не свернули шею.

— На вверенной отряду территории чистота? — спросил Орикол и тут же ответил сам себе. — Тьфу! Нет!

Виргл тут же получил пощечину по правой щеке. Она была отвешена с силой, ничуть не меньшей, чем при хорошем ударе. Таким, от которого у меня лопнули губы. Голова Виргла мотнулась на шее так, что можно было бы испугаться, что она оторвется, если бы я нашел в себе желание переживать за этого урода.

— Я снова вижу гири на площадке! — Орикол схватил отшатнувшегося Виргла за рубаху и снова хлестнул ладонью по лицу. — Ты допустил драку среди подчиненных! Скажу больше! Ты сам её спровоцировал! Нагло! На пороге моего дома! На моих глазах! Так ты следишь за порядком?

С каждой фразой Орикол наносил новую пощечину, Виргл был уже равномерно красный с обеих сторон, наконец, дорогая рубаха не выдержала и, оставив в руке учителя приличный кусок, освободила его от избиения. Орикол швырнул рванину и сплюнул ей вслед, едва не попав в Виргла.

— Орикол, какого дарса! Что ты...., — Виргл внезапно закашлялся и, не поднимаясь с земли, принялся задом отползать от Орикола. Даже я, сидящий в стороне, едва не вскочил, чтобы убежать. От нашего деревенского учителя, будто раскалённым ветром, дохнуло опасностью. Так, как тогда, когда я едва увернулся от прыжка пересмешника. — Вы! Вы, учитель, — принялся сипеть и чуть не заикаться от страха тот, кого ещё недавно называли боссом. — Они за дело получили! Клянусь! За дело!

— Мне это неинтересно. Ты обнаглел настолько, что скоро в моём доме начнёшь натаскивать своих шакалов, — совершенно спокойно, будто и не он только что плевался и орал, выпучивая глаза, не он бил Виргла, не он полыхал ощущением угрозы и жажды крови, как могучий Зверь, ответил Орикол. — Как и твой папаша, одни повадки. Где он, кстати?

— Торговца встречает, — Виргл не решался подняться с земли. Как и его подручные, которые даже стонать почти

прекратили, когда началось избивание их босса. А вот я поднялся и вместе с Порто глазел на происходящее. Тем неожиданней стал для нас голос Ракота со спины.

— О! Верная правая рука Кардо, — протянул Орикол, развернулся, мы со здоровяком, кстати тоже, и окинул взглядом собеседника с ног до головы. — Каково это? Смотреть, как вдвоём избивают сына? И по чьему слову? Наследника того, кому ты предан?

— Орикол, — Ракот дернул уголком рта, — пусть они идут к Орме.

— Да, я не против, — пожал плечами учитель, даже не глянув на нас, — но это мелочи, поверь моему опыту.

— Валите, — коротко рыкнул на нас Ракот, не дав мне остаться и услышать дальнейший разговор.

— Спасибо, — немного отойдя от площадки, сказал я в широкую спину парня.

— Да пошёл ты! — буркнул Порто не оборачиваясь. — Самоубийца дарсов. Нужно было тебе возбухать? Спасай твою мятую голову.

— Спасибо, — повторил я еще раз. И задумался.

Торговец. Это не тот ли старикашка, что продал маме зелье? Сейчас начало засухи, в прошлом году как раз в это время, Кардо плетями выбивал из деревни дополнительные шкуры и траву. К его приезду. Да и ,вообще, он появляется у нас раз в сезон. И Кардо, говорят, каждый раз встречает его. Я рассчитывал, что он должен ещё раз приехать перед экзаменом. Но что, если он запоздает или, по договорённости с Кардо, вообще, больше не приедет? Удача, что мне о нём напомнили. Иначе моя месть, вообще, могла миновать его. Просто по причине моей тупости и вечных раздумий. А ведь это отличный шанс добыть доказательства и не выкручиваться перед Тортусом, доказывая их вину. А если, вообще, нужен будет редкий амулет, который остался в самом Арройо? Что тогда? Придурок!

Я узнавал, осторожно расспрашивая дядю Ди, Тукто, даже старика Газила, больше опасаясь, что об этом интересе узнает

мама, чем Кардо, каково же возвышение его охранника. Как мама и сказала — девятка. Больше всего мне рассказал именно склочный старик. Он с удовольствием прошёлся по наглости и самоуверенности молокососа, что только взялся за копьё, в корчит из себя грозу всех Зверей Пустошей. Самое важное, что я отметил для себя в разговоре, ворчание о навыках работы с копьём этого самого Калги. Вот он мол, в его то годы! Не знаю, сколько правды в ехидстве старика. Но я постараюсь быть осторожным. Больше всего мне не нравилось в этом то, что парень, немногим младше Миргло, пострадает невинно. Отпустить его, чтобы он рассказал обо мне не Кардо, так другим? Убить постороннего? Так я и мучил себя вопросами после осмотра и наигранных оханий Ормы, когда меня нашел Тукто.

— Здоров, — он внимательно оглядел меня. — Ерунда. У брата гораздо хуже.

— Ему специально по роже били, а меня Вартус всё же жалел, — я ухмыльнулся. — Только крысёныш выцеливал. Криворукий и кривоногий.

— Ха! — хохотнул Тукто. — Есть за ним такое. Отец говорит, он и из лука один раз с пяти попадает. Я тебя специально искал.

— Да ну? Посочувствовать? Не нуждаюсь, — я махнул рукой в сторону. — Иди лучше брату прохладненькой воды с реки наноси.

— Ему не первый раз, — отмахнулся парень. — Ты, как-то про старикашку Вирата выпрашивал.

— Было дело, — я кивнул и подсадовал на свою неосторожность. А Газил тоже запомнил мой интерес? — И что?

— Подумал, что тебе будет интересно. В этот раз он привёз в деревню необычный заказ, — Тукто помолчал, пока мы не вышли на улочку. Огляделся и продолжил. — Гири. Он привез мерные гири десятки. Две штуки.

— Я чего-то не понимаю, — я смотрел на парня и действительно ничего не понимал. — У нас же полный сарай этих гирь. И десятые тоже есть. Чего им сделалось-то?

— Ага, — Тукто пожал плечами. — Ну, тут сам думай. Я ничего умного сказать не могу.

— Да, — я тряхнул головой, отгоняя мысли, и благодарно кивнул. — Спасибо.

— Да ладно, — махнул рукой Тукто. — Мелочь. Бывай.

Я крутил эти гири и так и этак в голове. Пока всё вдруг не стало на свои места. Разговор Кардо с сыном. Эликсир силы. Гири. Вирглу не хватало звезды для выполнения плана отца. А фальшивые гири дадут ему недостающую фору для сдачи экзамена. А значит, хватит колебаться. Встреча со старикашкой — просто необходима. Я хочу знать подробности. Пришло время мести и вопросов. Я расскажу его охраннику свою историю. Если он по-прежнему будет защищать Вирата — значит, такова воля неба. У меня впереди ночь на подготовку.

— Доброго утра, уважаемые, — я отбросил в сторону пук высохшей травы, которая скрывала меня всё это время.

Тупые и равнодушные быки так и продолжали тянуть свою ношу. Они не чуяли во мне хищника и не боялись. А вот люди сразу же потянули вожжи, заставляя животных остановиться. В этот раз повозка была одна. Хотя иногда, этот старикашка водил и две. Маловато Кардо товара набрал. А ведь мама старается, три нормы делает. Остальное что, снова Кари прикарманила? Смеюсь, конечно. Обычный фургон торговца был, чуть ли не доверху, набит шкурами и травами. Теперь им нужно было двигаться почти без остановок, чтобы не привлечь Зверей. Очень тяжелый переход для торговцев, а тем более их быков. Кормежка на ходу, скудный ночной отдых, отсутствие выпаса. А скоро им, вообще, придется остаться в пустоши одним. Без людей.

— Ты кто? — с передка прыгнул охранник, отбросил в сторону огромной длины поводилище, которым он помогал быкам выбирать направление, и снял со стенки фургона копье.

— Вам нужно моё имя, уважаемые? — я смеялся над ними, хотя меня потряхивало от волнения. Проверим, кто опаснее. Зверь или человек?

— К дарсу имя, — проскрипел треснутым голосом старикашка. — Что ты тут делаешь, малец? И зачем встал у нас на пути?

— Я обманутый покупатель, — я улыбался. Широко, радостно. Моя месть за отца началась. — Уважаемый, года три назад вы продали моей матери зелье Восстановления тела для порванного Монстром отца. Да, вот только зелье оказалось подмененным совсем на другое. И убило его.

— Снова эта чушь! — торгош цедил слова, всё повышая голос. — Сначала эта, обезумевшая от горя, женщина. Теперь ты. Она тебе напела?!

— Может и чушь, — легко согласился я. — А что уважаемый скажет о запрещенном зелье Возвышения?

— О чём ты, щенок? Калги, убери его с дороги. Если случайно сломаешь ему ногу, я буду тебе благодарен, — охранник кивнул на эти слова и двинулся ко мне, помахивая копьём и разминая руку.

Вот и всё. Они решили мою судьбу, сломанная нога так далеко от деревни — это почти приговор, не зная, что решают и свою. Калги сделал свой выбор. Сначала я хотел намекнуть ему на свой уровень, метнув, например, камень, для демонстрации силы и ловкости и посоветовать бежать прочь. Но эта предвкушающая улыбка на его губах. Он рад покалечить меня. А я зря ночь мучился в сомнениях. Кардо ничего не узнает до последнего момента. Небо приглядывает за мной.

Я мог бы убить его за один удар сердца. И не рисковать, проверяя правду говорил старик Газил или врал про то, что Калги-придурок берется за копьё раз в месяц. Мог бы. Подпустить ближе и ударить первым, воспользовавшись своей скоростью. Но близится время экзамена, а впереди ещё одна звезда. Самая сложная. На которой тысячи идущих по лестнице Возвышения в небеса остаются навсегда. Мне нужна схватка с ним изо всех сил. Победа на краю пропасти. За миг до смерти. Так, чтобы тело само рвалось к десятой звезде. А значит, он всё равно должен узнать о моей силе. И остаться здесь.

— Калги. Калги. Калгиии! — я дождался, когда он вопросительно поднимет бровь и подбросил ногой из травы своё копьё. Улыбка на его лице стала презрительной. А я нанес удар. В воздух. На пределе своих сил. Вспарываемый широким наконечником воздух застонал. А вокруг меня засияли нити силы, щедро отдающие свою энергию мне. Жаль, что это вижу только я. Завораживает.

Улыбка Калги застыла. Вроде бы, то же самое положение губ. Но сузились и забежали глаза. Лицо замерло маской. И в улыбке больше не найдешь презрения. Я вижу там страх. Страх передо мной. Я огляделся в последний раз и двинулся вправо, туда, где должны были пройти быки, на ровный, покрытый невысокой травой участок пустошей.

— Не верю! Такой сопляк не мог так Возвыситься! — неожиданно завопил старикашка, размахивая высохшими руками так, что чуть не выпал из фургона. — Кардо знал бы! Это какой-то трюк! Убей его!

Между нами было шагов пять. Я считал себя в безопасности и ждал хода врага, внимательно глядя на него. Заметил, как прекратились скачки зрачков Калги, и шевельнулись его ноги. А я привычно сделал шаг назад, ощутив опасность. Мы стояли слишком близко для опытного бойца. Я понял это, лишь ощутив боль в плече. Одновременно с шагом, охранник старикашки выбросил вперед копьё и толкнул его второй рукой. Сейчас он, низко присев в широком шаге, чуть не распластавшись по земле, держал оружие за конец древка одной рукой. А его наконечник вонзился в моё плечо. «Неглубоко», — оценил я. Пожалуй, пару раз мне в тоннелях доставалось сильнее. Не знал, что копьём можно сделать такой глубокий и быстрый выпад. Без моей закалки тела, я бы остался без руки. Хорошее подспорье для неумехи. И урок мне. Человек сражается не так, как Зверь.

— Хороший удар, — похвалил я его, делая ещё шаг назад и напряжённо вглядываясь в противника, чтобы не пропустить новой атаки. — Знаешь, через пару месяцев мне нужно будет сойтись в схватке с Кардо, а он выглядит опаснее тебя, уж прости. Мне нужен учитель. Покажи ещё что-нибудь, — я сильнее закрутил вокруг себя нити силы, превращая их в своём воображении в тугую вихрь, подобный тому, что бывает,

закручивает жаркое солнце над пустошью. Это именно то, что нужно. Сражение, которое заставит меня стать сильнее! Или уничтожит меня.

На этот раз, едва заметив движение противника, как я сам сделал глубокий выпад, опробовав испытанный на себе удар, целясь в ногу Калги. Он же показал мне новый приём, коротким резким движением своего копья ударив сбоку моё и заставляя его уйти в сторону. Над пустошью раздался оглушительный треск удара дерева об дерево. Отлично! Но я даже не успел подтянуть копьё к себе, как охранник торговца разразился чередой быстрых ударов в голову, ноги, руки. Это было очень опасно. Я мгновенно забыл про свою радость и взмок от пота, даже не пытаюсь отразить атаки и лишь отступая от сверкающего наконечника. Каждый раз Калги лишь немного не дотягивался до меня, обдавая жаром опасности. Он использовал оружие так, как я ни разу не видел на тренировках охотников. Если это плохое обращение с копьём, то на что был способен Газил в молодости? Я отступал, боясь споткнуться или попасть в нору. Это будет мой конец!

Охранник, поднял копьё над головой, атакуя короткими быстрыми тычками в голову и грудь. Я снова и снова отскакивал назад, лишь раз попытавшись нанести встречный удар в его руку, сжимавшую древко. Калги невозмутимо шагнул ещё ближе, закрутил своё копьё вокруг моего, я едва сумел вырвать попавшее в оковы оружие, и нанёс удар в голову. Туда, куда целил, охранник не попал, но тут же превратил неудавшийся тычок в секущий удар слева вниз. И рассёк мне второе плечо. Я невольно вскрикнул и отскочил, зажимая глубокую рану. Калги ухмыльнулся, с его лица исчез страх, и, схватив копьё за самый конец древка обоими руками, размашисто взмахнул им, пытаясь разрубить мне ноги. Я отпустил плечо и подставил на пути его копья своё оружие, уперев его для надёжности в сухую землю. Раздался очередной треск, но древки выдержали. Я на миг бросил взгляд назад. Моё постоянное отступление приблизило меня к высокой траве. Ещё десяток шагов и я на очередном прыжке я наверняка упаду споткнувшись. Вправо!

Его подвело возвышение. Его чистота. Он был очень опытен, что бы про него не плел старик, и каждый из его

ударов мог стать последним для меня. Но я был быстрее. На малую долю. Даже этого хватало, чтобы увидеть начало его движения и успеть отступить, а иногда и ткнуть копьём в ответ. А небо было за меня. Мы почти завершили круг, вернувшись к фургону, а я так и не споткнулся. Тяжело было первые три десятка быстрых, словно бросок гадюки, ударов. Если бы я, начал эту схватку имея на одну звезду меньше, то умер от первого же удара, отточенного в тренировках. Но я терпел в своей мести до последнего. Мы были равны, но я был чуть лучше. А затем я, словно опираясь на блеск вражеского наконечника, мелькающего перед глазами, поднялся над противником и его движения замедлились, как змея на ночном холоде дождливого сезона. Это был не прорыв, на который я надеялся, нет. Я не ощутил в себе новой силы. Но мои движения стали чуть быстрее, а глаза легко различали малейшее движение Калги, раскрывая передо мной все его атаки.

Я перестал отступать на два-три шага каждый его удар, упёрся ступнями в горячую землю, и отвёл следующий десяток атак так, как он меня только что сам научил: где быстрым щелчком по древку возле наконечника, где закручивая своё копьё вокруг его, где грубым, размашистым всё сметающим отбивом. Выходило грубо, нелепо, не всегда удачно. Но выходило. И теперь, птясь по высыхающей траве, отступал Калги. Хотя я и обзавёлся ещё четырьмя ранами, расплатившись за уроки. А затем я повторил ту его атаку, что стала самой опасной для меня за всю предыдущую схватку. Начал атаку уколом сверху в руку, шагнул ещё раз, и перевёл её в секущий снизу вверх.

Калги купился на обман, начав уводить руку назад, вместо очередного отступления. А поняв ошибку, успел лишь дёрнуть своё копьё, пытаясь отбить мой удар. Но не успел. Я почувствовал только небольшое содрогание, прошедшее от острия по древку к рукам, а противник уже падал на землю. Морщась от кровавого результата своего удара, я сделал ещё два шага и пробил копьём горло, обрывая мучения охранника с разрубленным лицом.

— Кто ты такой? — Вират сидел на передке фургона, губы его побелели и дрожали.

— Старик, говорят, годы назад, ты был девятой звездой, — у меня тоже были вопросы. — Возьмешь, хотя бы сейчас, в руки оружие? Попытаешься выиграть жизнь?

— Жизнь? Кто ты такой? Что тебе от меня нужно! — старик попытался забраться в фургон, но от волнения не смог развязать шнуровку на створе и лишь дёргал её, не в силах даже порвать. Да, девятой звездой он был очень давно.

— Ответы. Мне нужны ответы, — я дёрнул старика за одежду, сбрасывая его на землю.

— И что? Ты их получишь и уйдешь, оставив меня в живых? — торговец захохотал, захлебываясь всхлипами.

— Нет, конечно, старик. Но знаешь, когда мой отец лежал и умирал, то сын твоего компаньона, — я остановился и уставился в глаза старику. — Это так правильно называется? Я про Кардо.

— Дда, — выдавил из себя торговец, перестав смеяться и снова начиная дрожать под моим взглядом.

— Так вот, его сын понял, что отныне я беззащитен, и показал мне всю полноту своей ненависти. И одной из его первых шуток надо мной была история про то, что муравьи делают с мясом, брошенным на их дом. Только в его шутке место мяса занимал я, — я остановился и достал нож. — Знаешь, уткнувшись носом в муравейник, я слушал, как сын Кардо бахвалился надо мной, что стоит пару раз чиркнуть ножом, и руки с ногами становятся бесполезными. А муравьи бывают очень недовольны не прошенным гостям. Ты ведь видел большой муравейник пять минут назад? Вы его ещё так старательно объехали?

К счастью, старик сдался быстро. К счастью, потому, что мне не пришлось выяснять границы своей ненависти. Узнавать хватило бы её на то, чтобы воплотить в жизнь свои угрозы. На моих руках осталась только кровь мести за отца. Да, зелье действительно было совсем не то.

Глава 23

— Мусор!

Обычно, после приготовления ужина, я сидел во дворике под навесом, который соорудил после истории с Чёрным грибом. Пусть я и наглотался вкусного запаха от тушёного мясного корня с зеленью и настоящим, даже свежим мясом, для аромата, но есть хотелось страшно. Я снял пробу на соль и готовность, приглушив на время своё чувство голода. Но всё же это совсем не то. Для себя я отварил кусок мяса и тыквы. Мне крепко запали в память слова Орикола, которые он сказал, когда осматривал меня в проверке на Возвышение. «Как будто ел одно мясо».

Я проверил их и действительно, съедая здоровый кусок мяса утром и вечером, у меня оставалось достаточно сил, чтобы вести свою обычную жизнь. Дважды в день бегать к Чёрной и не только, сражаться со Зверями, работать со шкурами, делать домашнюю работу. И при этом оставаться худым как щепка и быть постоянно голодным. Сейчас на мне, не хуже, чем на Рикто, можно было увидеть все мышцы, которые тонкая кожа просто облепила. А тыкву я жрал через силу, давясь и только для того, чтобы обманутый желудок меньше урчал, прилипая к спине.

Да и дома я был один. Один есть не хочу, лучше потерпеть. Даже Лейла ещё не появилась. Теперь, с утра, после общих работ она уходила в помощь Страту, нашему гончару. Мама говорила, что те два ученика, что у него уже работали, ему совсем не нравились. Нет, мол, у них тяги к этому делу, да и руки грубоваты. Вот он и захотел взять себе нового ученика, совсем молодого, руки которого ещё не успели обзавестись мозолями. И выбрал Лейлу. Не знаю. Мне кажется, всё на самом деле не так просто, и мама наверняка чем-то подкупила Страта. Той же травой, которой у нас сейчас просто груда, забившая половину пещеры-приманки. А вечером сестра убегала играть с подружками, навёрстывая упущенное время, и возвращалась лишь чуть раньше мамы.

Последние дни я ощущал себя работающим на бойне мясником. Именно так они и должны себя чувствовать, решил я. Этакое оупение от происходящего, когда к очередной оскальной морде перед собой не испытываешь ничего, кроме равнодушия. Ещё не найдя причины такого частог появления гостей у нашего огорода, мы с мамой почти удвоили количество сухих трав в ловушке. И теперь редкий день проходил без убийства, которое лишь изредка напоминало схватку равных. Бывало, даже, придя утром, я обнаруживал Зверя, который успел убить соперника за траву и наслаждался его мясом. Для меня это означало лишь двойные проблемы со шкурой и когтями.

На меня многое навалилось после того безумного, уже почти в темноте ночи, перетаскивания вещей торговца. Я переживал, что отпущенные быки, решат вернуться к деревне. Что на странное скопление грифов возле нашего огорода обратят внимание деревенские охотники. Тренировки с копьем. С печатями. Эти схватки. И просто уставал, даже у меня простое скобление шкур отнимало много сил. И брать столько соли в деревне уже просто нельзя. Опасно. А значит, добавились пробежки к большому солончаку на том берегу. Нескончаемая круговерть дел и беготни. Поэтому эти вечерние минуты полного безделья, раскрашенного сиянием силы, перед возвращением родных, которые принадлежали только мне — я очень ценил. И тут этот вопль. Скотина!

— Чего тебе? — я открыл глаза и осмотрел Скирто. Улыбка до ушей. Весь словно светится. Даже его серые волосы, обычно тусклые, словно стали ярче. Или он просто башку помыл?

— Мусор! — снова завопил крысёныш, старательно набирая воздух, и становясь особенно забавным.

Острая вытянутая мордочка, выпученные глазки и пузырь груди с тонкими ручками и ножками. Как кукла Лейлы. А кричит он потому, что ближе не подходит. Трус. Я ему каждую неделю предлагаю честно биться. А он только и знает, что прячется за обожаемого босса. Который тоже кривится, когда видит меня и подначивает Вартуса бить меня сильнее. И на этом всё. Даже удивительно, после своей выходки я ожидал дополнительных подлостей. А гляди ж ты. Всё прошло для меня безнаказанно.

Не знаю в чём причина. Не может же быть всё так просто? Дал сдачи и Виргл это проглотил? В первые месяцы после смерти отца это совсем не помогало. Скорее на него надавил Ракот или даже Орикол.

— Всё! Ты у нас теперь полная сиротинушка! — Скирто ощерил зубы, превращаясь из забавной игрушки в противную тварь, которую хочется раздавить ногой. — Сгинула мать в Чёрной горе. Догорбатилась, пока её любимая вонючка на циновке задницу отсидживала!

Я не видел себя со стороны. Но прекрасно ощущал, как кровь отхлынула от лица, сердце замерло в груди, перестав биться, а дыхание перехватило. Когда я вскочил на ноги, чтобы схватить гадёныша и удавить, он уже бежал прочь, хохоча во всё горло и повизгивая от восторга. Тварь!

«Спокойно!», — приказал я сам себе. Это не может быть правдой. Я в это не верю! Чтобы она, восьмёрка, сильная, осторожная, опытная погибла?. Я бросил ненавидящий взгляд на небо. Дёрнулся было к проходу в заборчике, но остановился. Она, наверное, на площади. Туда всегда приносят тела. Я, дрожа, снова шагнул, и тут во двор вбежали дядя Ди, Ралио и Дира.

— Леград, — Ралио бросилась ко мне.

— Леград, — дядя откашлялся, — ты только не волнуйся. Твоя мама, она...

— Погибла? — я смог разжать зубы и выдавить из стиснутого горла это короткое слово.

— Нет, нет! Что ты, — замахала руками Ралио. — Ты что? Ди!

— Она... — дядя снова закашлялся и замолчал.

— Она просто не вернулась из поиска. Её ждали до последнего, но, — Ралио, не дождавшись слов от мужа, сказала сама и развела руками.

— Скирто сказал совсем по-другому, — с облегчением выдохнул я, ощущая как начали дрожать и губы.

— Тварь, — прошипела Дира, и я был полностью с ней согласен.

— Мелкий гадёныш, — дядя пнул стенку.

— Да и Кари, хороша, — Ралио скривилась в презрении.
— Как бы он успел раньше нас? Небось, сыночку, первому шепнула.

Я с облегчением снова упал под навес на старую циновку, отслужившую своё и снятую с окон. Из меня словно кости вынули. Как же я перепугался. Надо мной что-то ещё частили Ралио и Дира, гудел дядя, к которому снова вернулся дар речи, но я их не слушал. Снова бросил взгляд на небо в щель навеса, в ней солнце только появилось краешком. Ещё слишком светло. Почему я сегодня решил вернуться домой пораньше? Глупец! Я покачал головой и задумался.

Мне нужно обратно, туда, где что-то случилось с мамой. Уйти сейчас? На глазах у всей деревни? Теперь, отойдя от испуга, я отказывался верить в самое плохое. И спорил сам с собой.

— *Она просто не смогла вернуться вовремя.*

— *Почему?*

— *Да потому что оказалась в ловушке.*

— *Да не может быть! Оказалась в ловушке так, что не смогла сбежать от врага? Она? Опытная и осторожная? Такого просто не может быть!*

— *Может!*

Ловушка! Я вспомнил тот раз, когда обычный слабый, по моим теперешним меркам, Зверь запер её в пещере. Мама, вообще, очень редко стала заходить туда, только после того, как я её проверю. И уж точно она не собиралась туда сегодня, тем более, в обычное время она не появилась там, я знаю точно, ведь ушёл я гораздо позже этого срока.

Может ли что-то изменить лишний час? Конечно, может! И не может одновременно. Никто не знает, что там случилось. Я могу быть как прав, так и нет. Она может истекать кровью, и каждая минута моего промедления может оказаться роковой. Может сидеть в закрытой пещере. А ещё она могла просто сломать ногу. Я застонал от своих мыслей. Просто сломать

ногу?! Идиот! И что? Теперь пусть лежит там день, пока Кари за ней не пришлёт охотников?

— Леград, Леград! — Ралио трясла меня за плечи. — Всё будет хорошо! Завтра Кардо отправит двойной отряд охотников. Они прочешут гору и найдут её. Он уже пообещал всем на площади.

Это только никогда не бывшая внутри Чёрной женщина, может пытаться ободрить меня такими словами. Если не знать, куда идти, то бродить по тоннелям можно неделями. Гора слишком велика для таких поисков. А вот я знаю, где нужно искать в первую очередь. И куда охотники придут ещё очень нескоро. Если к тому времени не оставят эту затею.

— Да, да, тётя, — я решил не терять времени. — Будем надеяться. Пойду Лейлу найду.

— Не стоит, — дядя удержал меня за плечо. — Я сразу послал Рата искать её. Сейчас он пробежится по улочкам и приведёт её.

Я открыл было рот, чтобы придумать новую ложь, которая позволит мне уйти, вернее, сбежать из деревни. Но так и замер, не сказав ни слова. До меня только сейчас дошёл смысл сказанных слов. Я что? Назвал Ралио — тётей? Вот это новость. С каких пор я и её считаю частью своей семьи? Похоже, с той самой минуты, как она принялась меня утешать, прибежав в наш двор, сразу же после дурных вестей. И ведь от Скирто не так чтобы сильно отстала. Хорошо. Теперь у меня есть дядя, тётя и верная, хоть и противная ученица, которую можно назвать и сестрой. И изрядно поддеть этим. Я закрыл рот и хмыкнул. А Дира, словно читая мои мысли, прищурилась и наклонила голову, завесив глаза чёлкой.

— Хорошо. Спасибо. Вы идите. Всё будет хорошо. Правда, — я постарался улыбнуться, видя вокруг недоверчивые лица, — я верю в это. Мама жива.

— И обещаешь не делать глупостей вроде побега в пустоши? — дядя Ди нахмурился. А я замялся. Врать не хотелось. В моей жизни и так слишком много обмана. Да и Лейлу не оставишь одну. Маленькая, испуганная новостью, одна в тёмном доме, брошенная всеми. Нет, так нельзя.

— Глупостей делать не буду, — я воспользовался натренированным в разговорах с шайкой навыком не говорить неправды. Я ведь сделаю очень умную вещь — пойду на помощь. — идите. Только оставьте со мной Диру, пожалуйста. Она поможет мне с Лейлой. Идите. Я хочу побыть один.

— Хорошо, — дядя и новоприобретённая тётя переглянулись и приняли решение. — Не унывай, не такая женщина Эри, чтобы пропасть на ровном месте. Завтра всё образуется.

Я едва дождался момента, когда Лейла оказалась дома. Выпроводил Рата, который всё порывался обсуждать со мной совершенно посторонние вещи. Дошло до того, что он едва не начал при сестре разговор о том времени, когда я так лихо снабжал его камнями. Пришлось скорчить ему страшную рожу. Лишь тогда до него дошло, что он говорит что-то совсем не то. Воспользовавшись его смущением, я и выпихнул его за порог.

— Лейла, — я присел рядом с сестрой. — Мне нужно отлучиться. Будь дома и слушайся Диру. Ничего не бойся. Твоя мама и брат очень сильные. Мама просто задерживается. А я сейчас сбегая кое-куда по делам и вернусь. А тебе будет кому похвастаться куклой, пока меня нет.

Сестрёнка широко открыла глазки, показывая своё удивление, но говорить ничего не стала. Была слишком занята жадным поеданием содержимого миски. Оно и лучше. Проголодалась за целый день. Мама теперь давала ей с собой сладкий корень, да и дома всегда было что пожевать. Хотя бы та же тыква, которая сейчас со стола не исчезает. Но кто бы нашёл время забежать домой, когда столько дел с подружками?

— Теперь ты, — я обернулся к ученице и смерил её взглядом. — Я редко о чём прошу тебя.

— Да постоянно! — не согласилась та.

— Требовать послушания и усердия от ученицы — это не просьба, — понизив голос, прошипел я. — Остаёшься здесь, прикрываешь моё отсутствие. Всем говоришь, что я ушёл за водой, за едой к твоим родителям, минуту назад свалил до

ветру, убежал поплакать к стене. Всё что хочешь, чтобы меня не искали. Или начали искать как можно позже. Ясно?

— Ясно, да вот только кто-то обещал не делать глупостей,
— Дира с вызовом уставилась на меня.

— То, что глупость для тройки, для меня, — продолжать я не стал. Улыбнулся Лейле и выскочил за дверь. Итак, столько времени потеряно!

Сегодня бежать было особенно трудно. Мало того, что уже смеркалось, стремительно, как всегда, на землю опускалась ночь, так я ещё и бежал так быстро, как только мог. Словно вокруг день. И у меня уже не получалось внимательно оглядеть дорогу впереди и избегать всех её опасностей. Сначала, пока мой путь следовал по руинам, я несколько раз серьёзно ушиб ногу и даже порвал мокасин, приземлившись на особенно острый выступ, покрытый нанесённым песком. Затем пошла пустошь. Но легче не стало. Неверные глубокие тени, и короткая пожухлая трава скрадывали неровности, ямки и норки всевозможной живности. Здесь я едва не сломал ногу, попав после очередного прыжка прямо в зияющую дыру в земле. А ведь всех этих сложностей я даже не замечал днём, удивляясь, почему так медленно добираются остальные охотники. Да потому что берегут себя!

Потом стало легче. Светлее. А я, уставившись себе под ноги, не сразу понял, в чём причина нежданного освещения. Пламя. Разгар сухого сезона, всё в пустоши высохло и звенит на ветру. Гремят грозы, пока без дождей. Или они такие скупые, что вода испаряется, не долетая до иссохшейся земли. А вот жёлтая трава вспыхивает в тот же миг. Это не редкость. Пустоши горят часто и почти круглый год. Хотя в сухой сезон в разы чаще и сильнее. Для охотника и жителей пустошей всего делов — убраться с пути огня и выждать в стороне час-другой, пока он не потухнет, выжгя всю траву. Она у нас растёт проплешинами. Большими, но рано или поздно они оканчиваются полосой сухой земли или, вообще, песка. Вот только сейчас у меня нет времени ждать, уходить в сторону или пуще того — оббегать, давая крюк. А пламя стоит у меня на пути.

Я в нерешительности свернул перед стеной ползущего огня и дыма и побежал вдоль неё, приглядываясь и пытаюсь оценить ширину препятствия. Ничего не понятно. Толи десять шагов, толи все сто. Будь сейчас день, ещё, возможно, смог бы увидеть. А сейчас пламя либо спит, либо слишком темно после его языков. И холмы еще не начались. Я в нерешительности бежал всё медленнее и медленнее. Пока и вовсе не остановился. Протянул было руку, чтобы провести её через язык пламени и оценить силу его жара. Но отдернул назад и зло ощерился, обнажая зубы, словно зверь перед прыжком. А затем и впрямь прыгнул в пламя, стремительно ускоряя бег. Ноги обжигало, горло горело огнём, а глаза слезились от едкого дыма, но я упрямо мчался вперёд, лишь моля небо, чтобы на моём пути не оказалось оврага или дерева.

Но всё закончилось благополучно, я проскочил через полосу огня почти без последствий. Всего-то несколько десятков шагов. Лишь кожаная обувь развалилась полностью и обратный путь мне придётся перенести босиком. Подошвы пекло, но я даже не стал их осматривать. Это такие мелочи перед сэкономленным часом пути. Последний рывок в гору и сейчас я сидел перед входом в наш туннель, слушал ночную тишину и пытался разобраться в следах при свете луны. Выходило, что какое-то животное точно вошло в пещеры. Вот чёткий большой отпечаток лапы. Кстати, совершенно мне незнакомой. Могу лишь сказать, что враг больше чем даже та, памятная глава стаи пересмешников. А вот есть ли здесь следы мамы — понять решительно невозможно. У мамы шаг лёгкий, да и сама она весит мало, трава поднимается за ней быстро. Тем более, здесь, где всё пропитано жизнью и влагой, даже в сезон засухи. Может дядя Ди и смог бы что-то сказать, но мне остается лишь идти вперед.

Сколько раз я уже так крался по тоннелю, подбираясь к новому врагу? Полсотни раз? Сотню раз? Не всегда меня ожидала добыча, но сегодня — я уже чувствую тяжёлый запах хищника и слышу его недовольный рык. Мама. Мама! Пусть всё с тобой будет хорошо!

Как называется то чувство, когда тебе кажется, что происходящее уже было? А нет. Я попятился, отступая на шаг

вглубь тоннеля. Такого — не было. Этот Зверь был гораздо бдительнее, чем большая половина уже погибших в этом зале. Пусть солнце и не освещало тоннели Чёрной горы, но там и тут на его стенах и потолке были пятна лишайника, который днём ослаблял солнце, а вот ночью, напротив, начинал сам мерцать неверным зеленоватым светом. Мало, скудно, но вполне достаточно, чтобы позволить мне различать не только силуэт огромного зверя, но и крупные детали. И я видел, как он повернул голову в мою сторону и ощерил клыки.

Огромен. Увидев его своими глазами, стало ясно, что он гораздо крупнее моих ожиданий. Зверь выше меня в холке, да ещё и голова его, в отличие от пересмешника, гордо поднята над туловищем. Ничего. Если столь велик, значит, скорость, явно не его сильная сторона. Значит, нужно не отступать, понял я, а выходить на простор пещеры. В туннеле — один прыжок и я буду сбит с ног и перекушен пополам. Пусть Зверь и будет ранен копьём, но станет ли мне от этого легче? Я двинулся вперёд. Хорошо то, что у врага нет плотной шерсти, которая сильно ослабляет удары. Лишь голову и шею его украшает густая и длинная. Тонкий хвост с острым шипом на конце нервно обхлёстывает его бока. Скорпионий мад, сопоставил я увиденное с книгами.

Не ранится, отметил я важную деталь. А ходили байки, что молодые Звери, только превратившиеся, часто ходят покрытые кровавыми следами своих же ударов. Не в моём случае. Этот опытный. Впрочем, неважно. Двигаясь вдоль стены, всё моё внимание было сосредоточено на камне, который Зверь пытался откатить в сторону, лишь изредка бросая на меня взгляды. Тоннель-приманка со шкурами и сушёной травой. Тот, что заканчивается тупиком и закрыт самым большим камнем. Его Скорпионий мад давно бы сдвинул с места, если бы не мелкие камни, которыми мы обложили его основание.

— Мама! — я решил разрешить свои тревоги и надежды самым простым способом.

— Леград? — раздался взволнованный голос мамы, а затем она закричала. — Беги! Это Монстр!

Что? Я перевёл взгляд на чудовище напротив себя. И понял, что теперь я далёк от входа, а вот он гораздо ближе к нему. Хитрая сволочь тоже сместилась в сторону, едва я отвлёкся и заговорил. Хорошо, что недостаточно хитрая, чтобы выцарапать камушки, которые расклинили затвор тоннеля и спасли маму. Огромен, есть знаменитый шип-меч, но когти и зубы нормальных для него размеров, шипов нет. Монстр? Какой именно? Впрочем, пустые переживания. Всё равно у нас нет выхода. Я успел вовремя. Ещё немного и камень все же поддастся его рывкам и толчкам.

— Беги, Леград, беги! — надрывалась мама, в каменном мешке что-то шуршало и вдруг, из щели между камнем и стеной, появилась она сама, сжимая в руках копьё.

— Я сейчас его отвлеку, а ты должна будешь выбрать время и бежать к выходу, — громко, чтобы она меня услышала, сказал я, бросив на неё лишь один взгляд.

— Леград, — всхлипнула мама, но я оборвал её.

— Жди момента!

Я двинулся обратно к выходу, так же, вдоль стены. Вот только теперь, хищник двигался вместе со мной, не спуская с меня глаз. И нагло продолжил приближаться к проходу, закрывая собой выход из новой и большой ловушки. В которой теперь вместе с мамой оказался и я. Тварь! Ну, давай! Я резко вдохнул-выдохнул, закрутил вокруг себя вихрь силы, впитывая её всем своим телом, зажигая в теле схему меридианов. Быстро сделал десяток шагов вперёд, сокращая расстояние и выходя на простор, провёл несколько быстрых выпадов копьём. Не столько пытаюсь пронзить его, сколько сбить с толку, напугать и заставить отшатнуться от входа. Впустую. Мад даже не шевельнулся. Оскалил огромные, размером с мой кинжал клыки, пытаюсь пастью перекусить древко. Когда я в выпаде нанёс удар всерьёз, вложив него больше силы, махнул лапой, сметая копьё в сторону. Я тут же отпрыгнул назад и вбок, опасаясь его ответного нападения в миг, когда я не мог угрожать ему копьём.

— Леград, — мама окончательно выбралась из тоннеля и стояла шагах в десяти от меня. — Я сейчас брошусь слева, будь наготове.

— Не смей! — закричал я, сразу поняв безнадёжность её идеи. Что она там сделает маду? Она копьё лишь три или четыре раза брала в руки на моих тренировках! Это скорее попытка спасти меня. Обернулся, на секунду выпустив Зверя из виду, и полоснул по маме злым взглядом. — Обратно к хранилищу! Жди!

Мад моей оплошностью не воспользовался. По-прежнему стоял, закрывая собой путь к нашему спасению. Играя со мной. Или я слишком накручиваю себя? Я всё ещё не увидел ничего, что выходило бы за рамки сильного Зверя. Попробуем ещё раз. Всерьёз!

Я бросился к Скорпионьему маду, резкими, короткими толчками отправляя себя не в прыжок вверх, а, скорее, в короткий полёт над полом зала. Всё же на моём счету десятки убитых Зверей и множество часов тренировок в этой пещере. Я давно придумал способ, как уменьшить свою уязвимость в прыжке, и даже сумел изрядно продвинуться в таком странном способе передвижении. Вправо, влево, снова влево. Длинный выпад с прыжком вперёд. Отбил лапой. Преодолеть силу удара мада, возвращая копьё в свою власть. Секущий горизонтальный удар, в попытке рассечь плечо Зверя. Не достал. Короткий шаг мада, даже не шаг, а покачивание на лапах и я не дотянулся. Разорвать дистанцию.

Что за ерунда? Свой первый настоящий бой на копьях я провёл с охранником, который зарабатывал на жизнь именно им. Пусть он и нечасто пускал его в ход, но доставил мне несколько неприятных мгновений. Ранил меня, едва не лишил руки. Так, почему же в схватке с Калги я не чувствовал такой беспомощности? Там вначале были опасность, азарт, радость от сражения и жажда перенять уловки и ухватки, а затем охранник стал беспомощным перед своими же приёмами просто потому, что я стал быстрее и немного опытнее. А сейчас... Такое ощущение, что этот мад опытный воин и прекрасно знает все слабые и сильные стороны копья. И он быстрее меня. Огромный, сильный и ловкий. Надо бы озаботиться запасным планом. Когда я подкрался сюда и оглядывал пещеру, то видел, что открыт проход и в мамин огород, но он не подходит.

— Мама, — сейчас я не оборачивался, а сдвигаясь влево, не сводил глаз с хищника, в оскале которого мне стала чудиться улыбка. — Сейчас я снова атакую, а ты должна взять рычаг и открыть проход в мои тоннели.

— Зачем? — удивилась мама, но уже через секунду сообщила. — Поняла.

Сближение. Вправо, влево, влево, влево. Расстояние четыре шага. Уколы в голову, плечи и грудь мада. Даже для меня наконечник копья превратился в неясную, едва видимую зеленоватую тень. Отскочить. Удачным вышел только первый удар. Сейчас Зверь радовал меня кровью, стекающей из раны под глазом. Голову он успел отдёргнуть. Целил-то я в глаз.

Вправо и ближе! Мой коронный, тысячи раз повторённый, уже приносивший победу, обманный укол в лапу и, тут же, настоящий секущий вверх! Я вспорол плечо маду, оказавшееся на пути моего копья. Даже в тусклом освещении лишайника я увидел разлетающиеся капли крови. Зверь зарычал и прекратил со мной играть. Дохнуло опасностью. Я отпрыгнул назад — влево и наотмашь махнул перед собой копьём, как палкой. Руки осушило от сильного удара. Мад отбил моё оружие своим хвостом-мечом. И прыгнул ко мне. Копьё увело в сторону от предыдущего столкновения, и поймать его на широкий острый наконечник в такой удобный момент беззащитности я не смог.

Ушёл на пределе своих сил от взмаха лапы, сложившись пополам. Падать — слишком долго в нашей схватке. Разгибая тело, вывернулся змеей, но смог проскочить буквально между зубов. Опасность уже не обдавала жарким ветром, казалось, что я снова бегу через огонь, и он вот-вот оставит от меня одни головешки.

Сила. Мне нужно больше силы! Мир вокруг меня, казалось, стал светлее, нити силы, будто откликаясь на мою отчаянную просьбу, удлинились раза в два, создав огромный шар вокруг меня. Я стоял слишком близко к маду, и копьё стало совершенно бесполезно. Оставив его в левой руке, я хлопнул правой по бедру, нащупывая кинжал. Шаг вперёд, прижимаясь к боку Зверя. Потянул рондель из ножен, сразу разворачивая и превращая его движение в удар. Я успел чуть

раньше, прежде чем мад извернулся и откусил мне голову, я всадил ему в бок кинжал.

Меня отшвырнуло, будто я получил знаменитый пинок Орикола, которым он отправлял шавок Виргла в полёт через всю площадку, но так никого не убил и, даже не покалечил. Остановиться, срывая ногами мох и траву с камня, я сумел только шагах в пятнадцати от места стычки. Поднял голову и не узнал противника. Теперь я верю маме. Скорпионий шипастый мад. Монстр, а не Зверь. Враг множества героев в рассказах у костра. Теперь его шкура и даже хвост были покрыты множеством кожаных шипов, которые просто не позволяют мне снова прижаться к его боку. Нет. Я с усилием вытащил из груди первый шип, которым он выстрелил в меня. Он ушёл в моё закалённое тело на два пальца. А не будь у меня этого козыря? Пробило бы насквозь? Меня пробила запоздалая дрожь.

— Леград!

— Всё хорошо, — я остановил кинувшуюся ко мне маму взмахом руки и схватился за следующий шип в бедре.

Третий шип мад вытащить мне не дал. Он бросился ко мне, длинным прыжком, так же, как и я, вытянувшись в полёте над полом зала. А впереди, опережая его, летел десяток шипов, выпущенных из плеч и груди. Я ясно видел их, будто днём, в гуще моих нитей силы, и успел дёрнуть копьём, отбивая те два, что должны были попасть в меня. Мад до меня не долетел, увидев нацеленное ему в грудь копьё, он, похоже, вонзил в пол хвост и со скрежетом раздираемого камня остановился в шаге от наконечника. Я воспользовался подарком неба и нанёс резкий укол. Впустую. Он отбил удар своим «мечом», успев выдернуть его из пола. Я сделал вид, что хочу броситься вправо, но метнулся влево и изо всех сил побежал к маме, которая отчаянно звала меня из безопасности узкого прохода моего огорода. Успел в последний момент, лапа мада разорвала мою и без того едва живую рубаху, оставив ему на память здоровенный кусок, а мне горящую огнём спину.

Глава 24

— Леград! — издалека раздался едва слышный голос мамы.

Короткая пробежка по тоннелям, благо, я уже хорошо выучил эту часть нашего огорода и представлял, откуда кричала мама. Здесь было только два дававших надежду места, которые приближались к внешней стороне Чёрной и, при удаче могли вывести нас наружу. Тоннель, в который мы сбежали от Монстра, был моей частью огорода, и наименее изученной. Мама вначале пробежалась по нему, проверяя основные ходы, и всё. Хотя нет, сначала я ещё тренировался находить здесь путь, поэтому ближайšie к входу перекрёстки были мной пронумерованы. Но затем, набив руку, охладел. Интересного здесь было мало. Почти не было больших проходов. Они в основном мельчали, чем дальше, тем больше.

Поэтому мама и отдала их, что только мне в них было комфортно. А теперь это нас спасло. Для Монстра вход, ограниченный ещё и камнем, оказался непроходим с наскоку. А затем мы ушли вглубь, туда, где становилось ещё уже. Искать новый выход. Мне вот — не повезло. По ощущениям, я всё же не первый месяц в Чёрной горе, выбранный мной узкий тоннель отделял меня от свободы лишь тонким слоем камня. Но этот камень был создан Древними. И рассчитывать сделать проход своими руками — глупо. Нужно искать готовый выход. Мама — вот, похоже, нашла. Бедная, как она пролезла в этот проход? Даже мне тут тесновато.

— Вот, — мама, вся вымазанная светящимся лишайником, грязью и какой-то слизью, которые она стёрла телом со стен, показала мне на дыру, что я и сам прекрасно видел. Благо эта сторона горы как раз была освещена луной.

— Отлично, — я заворочался примериваясь. Пожалуй, проще будет задом вернуться к развилке, чем развернуться здесь. Непонятно как мама сумела это сделать. — Выбирайся и к огороду деревни иди. Нож свой — мне отдай.

— Ты хочешь вернуться? С ума сошёл?

— Конечно, хочу, — я постарался успокоить её своим голосом.

— Я запрещаю тебе! Мало я страху натерпелась только что? — мама рывком придвинулась ко мне, обтирая стены, схватила за плечи.

— Ты сама говорила, что теперь я всё решаю сам, — я заглянул в глаза мамы, с удивлением понимая, что отлично вижу не только лицо, но даже различаю цвет глаз. Стальной и холодный от злости.

— Мало ли что я говорила по дурости?! — мама тяжело и часто дышала, всё повышая голос. — Запрещаю! Ты не вернёшься!

— Прости мама, но, действительно, я всё, уже, решаю сам, — и прежде чем она снова принялась кричать, добавил. — Поздно меня останавливать, не тогда, когда остались считанные дни до экзамена.

— Да плевать на экзамен, — оборвала меня мама. — Ещё год подождём.

— Ты думаешь, что за год я прорвусь? — я тоже начал злиться.

— Почему нет? — мама мотнула головой, отбрасывая лезущие в глаза волосы, что давно растрепались. — У тебя отличный талант!

— Потому что одного его мало! Я бьюсь изо всех сил, но за эти месяцы лишь дважды ощутил, как стронулся с мёртвой точки, — я тоже принялся говорить громче. — С охранником и сейчас!

— Отец почти ни с кем не бился! По пальцам можно пересчитать такие случаи!

— Но они всё же были, — я тоже был упрям, ведь во мне та же кровь. — А ещё я не хочу ждать прорыва лишних тринадцать лет. И отдавать месть в чужие руки. Нож!

— Я пойду с тобой! Вдвоём будет легче!

— Мама, прости за такие слова. Но... — я покачал головой. — Ты совсем не боец.

— Сопляк, — голос мамы было не узнать, — двенадцать лет отпраздновал и теперь взрослый стал? Ты боец?

— Да, — я не отвёл глаз, с любовью вглядываясь в её сияющую сталь взгляда, — я стоял напротив врага, ставил ставкой свою жизнь, был на волос от смерти. Прости, но я просто быстрее и сильнее тебя.

— Я тоже стала быстрее, — мама сдалась, отвела взгляд. — Только за тобой, сын, не успеваю. Но хоть как-то я помогу тебе!

— Нет, мама, — я подполз и уткнулся ей в плечо. — Знаешь, последние месяцы после Алмы, я размышлял, почему так мало Монстробоев возвышаются до десятой звезды. Да потому что всегда надеются на команду!

— Откуда ты знаешь, — мама хмыкнула. — На кого они там надеются?

— Дирман Стон, если уж что и рассказал мне, хитрый старикан, так это о своей молодости и гильдии. Там их сразу разбивают на пятёрки и запрещают выходить меньшим числом к Пасти. А герои сказок, бьются одни. Всегда.

— Ты сошёл с ума! — она чуть подалась назад, отстраняясь, схватила одной рукой за плечо, тряхнула меня. — Что ты так упёрся в эти сказки? Глупышка! Откуда тебе, вообще, знать планы неба и то, есть ли ему дело до моей помощи тебе?

— Мама, не кричи, — попросил я. — Главное, что я верю в это. И чувствую, как становлюсь сильнее. Это мой последний шанс отомстить за отца своими руками. Ты не остановишь меня.

Мама рыдала, вцепившись в меня, я, скорчившись в тесноте туннеля, гладил её, успокаивая, и думал совсем о посторонних вещах. Например, о том, как хорошо, что в таких маленьких ходах никогда не вырастает трава, впитавшая силу неба. Иначе бóльшую часть времени сбора занимали бы ползания по ним. Может, и детей бы тогда сюда отправляли. Хорошо, что это не так.

— Хорошо! Хорошо. Пусть так, — мама торопливо вытирала слёзы, размазывая по лицу грязь. — Сейчас.

Я оглядел мамин нож. Короткий, тонкий. Таким только срезать растения, а не биться с Монстром. Но всё равно он может пригодиться. Я повесил ножны на пояс к своему ножу и поднял голову на маму. Она принялась разматывать плотный пояс платья и вытаскивать из него знакомые кувшинчики. Я был поражён. Запертая в ловушке, на грани гибели она не только вспомнила про эти зелья мёртвого торговца, но и спрятала их в пояс. Я взгляделся, размышляя, в глиняные сосуды. Четыре зелья. Два из которых могут помочь и мне отлично знакомы. Зелье Восстановления тела и Усиления. Именно с них и началась эта история.

— Держи, — мама принялась пихать мне в руки Усиление.

— Нет, — я сжал кулаки. — Это то же самое, что помощь постороннего.

— Небо! За что ты отнимаешь разум у моего сына! — мама снова начала плакать.

— Пусть они будут у тебя, ты сможешь прийти мне на помощь. Но мама! — я тряхнул её за плечо. — Только в самом крайнем случае! В самом крайнем!

— И я буду стоять у самого входа в пещеру!

— Хорошо, — я нехотя кивнул. — Идём.

Дарсова тварь! Я с ненавистью уставился на торчащую из нашего с мамой хранилища задницу Монстра. Рядом валялись разбросанные шкуры, которые он выгреб оттуда. Травы были дальше от входа как раз за ними. И судя по чавканью, он до них добрался. Наши деньги, наши планы на обеспеченную жизнь в Первом поясе. Ладно, не буду обманывать самого себя. Мама сразу, ещё, когда сравнивала цены Алмы с другими посёлками, обмолвилась о слухе, что любой город Первого, мог бы скупить весь Нулевой в одиночку и не один раз. И лишь противостояние друг с другом, договоры, не дают им этого сделать.

Поэтому наше богатство — это, возможно, обычный доход бедной семьи оттуда. Но даже это лучше, чем приезжать туда,

вообще, без денег в кармане. И вот сейчас, эта тварь ела наши деньги. Платье для мамы и сладости для Лейлы, мой новый нож. Хорошо, что я решил вернуться сразу, а не через пару дней, как умоляла мама. Она предлагала взять ещё копье, сделать яд. Вот только где бы мы взяли нужные травы? И чтобы здесь осталось через два дня? Сейчас есть надежда, что я успею спасти хоть что-то. Я старательно распалял в себе злость и заглушал ростки страха, что невольно появлялись при виде этой туши. Дарсова тварь!

А видеть я стал действительно лучше. Теперь хорошо различаю траву под ногами. Мне сейчас главное не нашуметь, чтобы подобраться и всадить копье в эту наглую тварь. Всё моё внимание было направлено под ноги, выбирая место, куда поставить босую ногу, но не услышать, как стихло довольное урчание мада, я не мог. Не глухой же. Тем более здесь, в каменном зале, где звуки словно усиливались и дополнялись рокотом. Почуял. Раздавленная и вырванная трава полетела у меня из-под ног. Уже неважно, хрустнет ли сочный лист или не окажется ли под стопой острый камушек. Важно успеть нанести хотя бы один безнаказанный удар.

Не успел. Мад снова, как и в недавнем бою, продемонстрировал изрядную ловкость. Секунда нелепого дёрганья задницы, и вот он уже не в силке тесного каменного мешка, а на просторе арены. Так, кажется, в высоких поясах называют места, где сходятся в смертельном поединке за деньги? В нашем случае просто за богатство, которое ещё не скоро принесёт моей семье прибыль. Я зажёг в своём воображении сферу нитей силы. Мне нужно стать немного сильнее. Немного быстрее. И я прикончу тебя! Повезло, что шипы он убрал, чтобы пролезть в проход высотой не больше моего роста. Начали!

Я добрался до мада. Удар копья в бок. Монстр вывернулся, оказываясь ко мне пастью. Быстрые уколы в морду, лапы. Первый я едва успел сдержать, не нанося на всю доступную глубину, и отдёргнуть к себе. Иначе мне наконецник просто откусили бы. Лапы мад успел убрать. Как мне показалось, с некоторой даже ленцой. «Сволочь», — пронеслась мысль в голове и исчезла. Стало не до того, чтобы успевать думать.

Теперь атаковал мад. Для начала ударил лапой. Огромной лапой с огромными же когтями. Я, отшатнувшись, даже слышал стон рассекаемого ими воздуха, когда те пронеслись буквально перед лицом. И сделал ошибку, отдернув копьё в сторону. Враг тут же воспользовался ею, попытавшись смять меня в коротком прыжке. Я ушёл вбок, снова едва-едва сумев увернуться. Громадное, горячее тело мада прошло впритирку со мной, чуть чиркнув меня по плечу. Этого хватило, чтобы меня буквально отшвырнуло в сторону. Я покатился по траве, обдирая спину и плечи о скрывавшиеся под ней камни, совершенно беспомощный, с ужасом ожидая падающего сверху Монстра.

Повезло. Мне повезло. Я успел остановиться и подняться на ноги раньше нового прыжка мада. Он, похоже, не ожидал такого успеха и не успел развернуться.

Слишком медленный, слишком слабый. Мне нужно больше силы. Только десятка может победить этого Монстра! Больше силы, больше скорости!

Я сжал зубы, представляя дополнительные нити силы, их сияние, как они входят в моё тело, делая его лучше, быстрее, сильнее, крепче. Мад хлестнул себя по бокам хвостом, рассекая воздух костяным мечом-жалом, рыкнул, обнажая клыки, а затем медленно, демонстративно оброс шипами. Я напрягся, сжимая руки на древке. Началось.

Я быстрый! Плёвое дело!

А затем мад метнул первые шипы.

Их я отбил. Верно выбрав те, что точно попадали в меня. Мне понадобилось лишь два коротких движения копья. Два громких щелчка по наконечнику и лёгкая дрожь древка, отдавшаяся в руки. Монстр рыкнул и развернулся боком, меня обдало жаром, я понял, что сейчас произойдёт. Столько шипов я не отобью! Я сжался, чуть присел, готовясь метнуться в сторону именно в миг, когда мад метнёт своё оружие. Чуть раньше — я погибну. Чуть позже — я погибну.

Я должен стать быстрее. Больше силы!

Я напрягся, пытаюсь представить ещё больше нитей силы, но моё верное воображение дало сбой. Я не смог этого

нарисовать!

Сейчас! Удивление, от того, что воображаемый мир сопротивляется, было отстранённым и мимолётным, и ничуть не помешало мне уловить миг, когда шипы дрогнули, срываясь со шкуры мада. Я кувырком, не рискуя надолго становиться беспомощным в прыжке, ушёл вбок. За моей спиной защёлкали по камню шипы. Если верить байкам, а в них пару раз герои убивали Скорпионьих мадов, то у него есть ограничения по восстановлению шипов. Если верить. Пока что, я вижу, как из его тела вырастают на замену новые шипы. Где они в нём находятся? Мад снова метнул в меня те, что выросли из плеч, оборвав раздумья. Я лишь убрал в сторону голову, чуть присев и изогнув тело. Поспешил Монстр. Почти все летели мимо.

Двинулся кругом вокруг врага. Попробую заставить его истратить шипы. Или выгадать время, подскочить к нему в тот момент, когда они ещё не выросли. Мой кинжал по-прежнему торчит в его боку. Нужно его вырвать, расширяя рану и открывая путь крови. И ударить в шею. Я снова попробовал нарисовать больше силы. Тщетно. Не выходит. У меня не получается стать быстрее. Но это мой единственный выход. Стать сильнее этой туши просто не в моих силах. Я всё ещё жив только благодаря своей ловкости.

Я сжал зубы. Попробуем пойти другим путём. Мне нужно прорваться к следующей звезде. Я представил, как сияет голубая схема меридианов в моём теле. Шагнул в сторону. Двинул копьём, отбивая шип. Нити силы входят в меня, заставляя схему становиться всё ярче и ярче. Отпрыгнуть назад на полушаге. Шипы вспороли темноту пещеры там, куда я должен был ступить. Сила пробегает по меридианам, зажигая на своём пути крошечные синие огоньки. Мои будущие узлы. Перекат, сразу же прыжок, отбить шипы.

Промах! Второй шип отбить не удалось. Слишком далеки они были друг от друга. Я не успел дотянуться копьём после защиты груди. Шип рванул край бедра, не пробив его только потому, что я дёрнул ногой в неловком шаге. А так осталась только рваная рана.

— Леград!

— Рано!

Некогда. Ещё один перекат. Я получил рану, но теперь мад повернут ко мне правым боком, тем, где новые шипы стали появляться медленнее. Отклониться назад, сжаться в тугой комок и развернуться, всем телом устремляясь вслед брошенному копьё. Сумел! Мад успел увидеть, но не успел прыгнуть, и моё оружие глубоко вонзилось в его тело. Я бросился вперёд, под дикий рёв хищника, пытаюсь приблизиться и пустить в ход нож. И едва успел толкнуть ногой чуть слабее, сбивая последний свой прыжок, который должен был принести меня вплотную к врагу.

— Леград!

— Не смей!

Монстр разъярился и взялся за меня всерьёз, хотя я считал, что после шипов увидел все его возможности. Ан, нет. Ещё полметра ближе и я оказался бы нанизан на его хвост-меч, про который совсем забыл. Я дёрнулся влево-вправо, но теперь наши роли поменялись. Я не мог приблизиться, потому что мад отслеживал каждое моё движение и смещал свой хвост, угрожая его костяным мечом. Мой неосторожный прыжок и он окажется у меня в груди. Увидел, как прекратили удлиняться шипы на его плечах, кажется, даже услышал щелчок. И тут же катнулся в сторону, даже раньше, чем меня обдало жаром опасности.

Бояться мне было некогда. Мад гонял меня по всему залу. Обстреливая шипами и преследуя длинными прыжками. Теперь, когда у меня не было копья, он мог себе это позволить и , словно не замечал его в своём боку. Мне же удавалось уворачиваться просто чудом. И это чудо зависело от меня, стоило мне лишь чуть отвлечься от меридианов, как я ощущал, как становлюсь медленнее и очередной шип проходил в опасной близости. Два уже засели в моём теле. Отбивать их ножом оказалось сложнее и непривычнее. Все же эти месяцы я тренировался именно с копьём.

Сначала у меня была надежда на то, что мад истечёт кровью, прыгая по пещере с глубоко вонзившимся копьём. И кровь стекала по его бокам, однако, было её гораздо меньше, чем я ожидал от удара такой силы. Мои же раны беспокоили

меня больше. Хорошо было хотя бы то, что, несмотря на все скачки по камню (две минуты, пять, десять? Сколько прошло времени?), я не чувствовал усталости тела, даже раны, обжигая острой, почти невыносимой болью в первые секунды, сейчас просто тупо ныли. И, кстати, я бросил быстрый взгляд на себя, тоже почти не кровили. Дарсов мад! Так мы будем прыгать ещё долго. Вот только одна серьёзная ошибка с моей стороны и очередной шип прилетит мне либо в спину, если ошибусь с моментом залпа Монстра, либо в голову или живот, если не смогу отбить. Это мад может бегать с моим кинжалом и копьём, а я так не смогу и умру.

— Не смей! НАЗАД! — я увидел как мама, с белым лицом выскочила из-за камня, пытаюсь прийти мне на выручку. И, отвлѣкшись, едва успел отбить очередной шип, летевший мне в лицо. Нож, украденный месяцы назад, жалобно звякнул.

Нужно рисковать. Или я ошибусь, или мама не сдержится и влезет в нашу схватку. Как неудачно, что я здесь не один! Больше силы! Меридианы ярче! Звѣздочки должны сиять нестерпимым блеском! Да прорывайся же ты! Я должен стать десятой звездой!

Скорее уклонившись, чем отбив очередную порцию шипов, которую мад выпустил с левого бока, я не откатился назад и вбок, увеличивая расстояние между собой и Монстром, как обычно, не позволяя прижать себя к стенке и выгадывая время среагировать на следующий залп, а бросился к маду. Он не ожидал такой наглости, привыкнув, похоже, к моему бегству и ритму: левый бок — прыжок вдогонку — правый бок — прыжок вдогонку — передние шипы. А тут такое.

На этом и строился мой расчѣт, а также на том, что разворачиваясь, Монстр отводил хвост в противоположную сторону, помогая тяжѣлому телу. Я оказался вплотную к маду раньше, чем он успел ударить костяным мечом. Мой удар был по самому хвосту, в попытке отрубить его у основания. Тяжѣлый острый нож, украденный в деревне, врубился в Монстра со всей доступной мне силой. И намертво застрял в его плоти. Недостаточно тяжѣлый! Я дѣрнул его всего раз, пытаюсь вырвать, и тут же выпустил рукоять, не то, разворачиваясь, не то, перекатываясь по боку мада.

Оказалось, что шипы держатся в его теле совсем непрочны, и я смог обломать те из них, что успели вылезти полностью, и разорвать спину, бока и грудь о другие, только начавшие появляться из Монстра. Я уже тянул руку к рукояти кинжала, когда не только ощутил жар своего чувства опасности, но и сам понял, что дело плохо. Я видел стремительно приближающуюся оскаленную пасть, которая вот-вот сомкнётся на моей голове и плечах. Вниз я не столько упал, сколько меня туда вжал сам мад, в челюсть которого я ухитрился упереться руками, пронеся их мимо клыков. И вот тут я испугался. Вслед за жаром опасности меня обдало холодом страха, а пасть мада становилась все больше и больше.

Щёлкнули кошмарной длины зубы, едва не отхватив мне пальцы. Но я всё равно изо всех сил до темноты в глазах отталкивал от себя морду Монстра. Он попытался ещё раз укусить меня. В отчаянье, пытаюсь сделать хоть что-то, ударил куда-то в шею мада ногой, перехватился руками, выворачиваясь из под хищника и поднимаясь с земли, вцепился в густую шерсть одной рукой, выхватил мамин нож другой и, размахнувшись, ударил, вонзая его в нос мада. Тот взвыл, я почувствовал, что меня рвануло вверх. Кинжал! Эта мысль мелькнула в голове, как молния в тёмном небе. Я вывернул голову, вглядываясь, и свободной рукой, той, что бил ножом Монстра, вцепился в рукоять своего клинка, по-прежнему торчавшего в боку врага. Мад, поднимая меня, уцепившегося в его шерсть, помог вырвать оружие, а уже через секунду я подтянулся на руке, извернулся и всадил рондель на всю длину в глаз Монстра.

— Да! Да! ДА!

Я стоял над телом убитого врага, который был не просто сильнее меня. Я не мог сдержать эмоций, которые просто рвались из меня криком, смывая с меня остатки страха и отчаянья. Он стоял на другой ступени развития меридианов. Я одержал победу, подобную подвигам героев основания Крисола. Победу, которую не мог одержать. Я поднял глаза к потолку пещеры, что светился мерцающим зеленоватым светом лишайника и тусклым, но ровным светом луны. Небо, неужели моя месть свершится? Моё тело окутывало плотное

облако нитей силы, меридианы светили ровным голубым светом, ярко горели синие огоньки будущих узлов. Да, в последние секунды схватки, когда я прижался к маду вплотную, я ощутил, как что-то, словно сдерживающее, лопнуло в моём теле, и в меня хлынула дополнительная сила, сделав меня быстрее и сильнее. Но даже так, это, возможно, позволило мне выжить в первые секунды перед клыками мада, дало силы удержать его голову. Но вот убил я его, только благодаря удаче и плану сражения, который хоть и пошёл немного не так, как задумывался, но привёл меня к победе.

— Леград! — меня чуть не сбила с ног, примчавшаяся мама, принявшаяся срывать с меня окровавленную рубаху. Впрочем, после камней и шипов, это скорее рваная тряпка.

— Всё отлично, мама. Всё просто отлично! — под сводом зала в глубине Чёрной горы, раздавался мой счастливый смех.

Глава 25

Сегодня. Сегодня.

Этот долгожданный день настал.

Только что прибежала с вестью Дира. В этом году я бездельничаю, выкупив работой мамы, лежание на шкурах. Рат стал пятёркой и вступил в ряды новиков. Тукто, впрочем, тоже пятёрка, но, глядя на меня, решил скрыть свой уровень и заявить о себе только на экзамене. Думаю, он надеялся успеть взять шестую звезду и блеснуть талантом. Я рад, как учитель, что он ставит перед собой цели. Жаль, что не всегда получается их достичь. Хотя он принял неудачу спокойно. Тукто в этом году отдувается за нас троих, собирая в пустоши колючку. Рату уже не положено заниматься такой ерундой. Он в эти дни наводит порядок в центре деревни. Я подглядывал вчера — новики разравнивали песок вокруг площади и выбирали из него мелкий мусор. Даже не знаю что лучше. Впрочем, знаю. Бездельничать дома. Но, о прибытии Воина молодой охотник узнал раньше всех нас. Вряд ли Тукто настолько неудачлив, чтобы наткнуться в пустоши на Проверяющего, как я.

А Рат, хоть, в такой момент уйти и не смог, но сумел найти Диру и послать с предупреждением. Вернее, он просто сообщил ей новость. А уж девчонка отлично знает, с каким нетерпением я жду этого момента и сразу примчалась сюда: «Воин скачет!». Слишком я стал задумчив на занятиях с ней. А что поделать? Как бы я себя не заставлял быть спокойным, но жажда действия распирала. Хотелось делать глупости. Например, прийти на тренировку и раздать всем пинков. Или послать Виргла. Далеко, надолго и, главное, громко. Чтобы все слышали. А ещё хотелось сбросить с себя печать и бегать по деревне, не разбирая дороги — перепрыгивая заборы и дома. В общем, делать всё то, что с момента, когда я впервые ощутил в своём теле силу Возвышения, хотел делать всегда. Но приходилось быть взрослым, серьёзным. Даже сейчас, когда я мог свысока глядеть на всех в деревне. Оставим в стороне силу и мои звёзды. Я — убил Монстра! Уже этого

было достаточно, чтобы на долгие годы оставить после себя память. Если бы они, живущие вокруг, только знали об этом. Но я не собирался делать презируемое место знаменитым. Это только мой подвиг!

В общем, голова моя гудела от мыслей, переживаний и желаний. Я не узнавал сам себя. И не высовывался из дома. Чтобы не давать себе соблазнов и не гневить небо. Это было несложно. После триумфального возвращения мамы к огороду деревни, уже под утро, нелёгкое это дело, даже вдвоём, обработать добычу такого размера, она стала героиней в глазах жителей. Началось всё с удивления двойного отряда воинов, пришедших утром её искать. С тех пор у нашего порога начали появляться люди, даже те, с кем я ни разу и не сталкивался в деревне. Но эти разговоры об одном и том же быстро надоели, и мама принялась гнать всех. Жаль, что появлялась она только вечером, а весь день приходилось мучиться мне. Не мог же мальчишка повышать голос на старших. Не принято так. Хотя я упорно не мог понять, а как они хотят увидеть её, если знают, что её здесь нет?

Даже воины, что остаются на охране огорода, сидя с оружием, вдвоём—втроём у костра, проводят всю ночь на нервах. Они слышат ночную жизнь Пустоши, крики вышедших на охоту хищников, предсмертные вопли убиваемой добычи. И со страхом ждут в гости Зверей. Этот страх привычен, въелся в них за сотни таких же ночей, но от этого, в темноте и почти в одиночестве, им не становится легче. А тут одна, без света и копья, выбралась из обвалившейся пещеры, обошла полгоры и вернулась домой живая и невредимая. Есть о чём в байке рассказать постороннему человеку. Не только же слушать, открыв рот, торговца и охранников. Особенно если умолчать про количество звёзд заблудившейся, чтобы история выглядела удивительнее. Именно по этому я, даже потом, ни словом не обмолвлюсь про смерть Монстра. Не хочу, чтобы мной бахвалились у костров. Сейчас все только этим и занимаются. Три дня как никто не уходит в Пустошь. Даже не меняют людей, что сидят у Чёрной. Там Ма, Тирит, Чаги. То есть те, кого можно без криков и возражений засунуть в ту дыру, а вот здесь они, наоборот, могут принести проблемы своей глупостью. Это я про Ма. Все ждут Проверяющего. В

прошлом году всё было не так строго. Пожалуй, и Кардо полон тревоги. Вот только опасается он не того.

Пора. Пора. Пора! В сердце отзывался набат, звенящий у площади. Там, возле дома главы, сейчас усердный новик, изо всех своих немалых сил, бил в гонг. Общий сбор. Экзамен. Я провёл рукой по чёрному тонкому льну на груди, повёл плечами, наслаждаясь прикосновением мягкой ткани к чистому телу. Оглянулся на маму с сестрой. Длинные платья преобразили их. Передо мной стояли самые красивые женщины Пустоши. Эти два красно-синих наряда были, если найдётся тот, кто верит побасенкам торговца, из шёлка Катарии. И стоили дороже, чем вся остальная одежда из лавки. Впрочем, мне не жаль потраченного. У нас и так, слишком много богатств, которые имеют хорошую цену только тут и скоро станут бесполезными.

— Пора, — озвучил я хриплым голосом то, что билось в моём сердце и, с сожалением набросил на себя пусть и безупречно чистую, но старую, рваную накидку пустынников.

Мы, как и задумывалось, пришли последними. Тихо, незамеченные почти никем, кроме, семьи дяди Ди, мы подошли к площади. Дядя с тётей удивлённо оглядели наши накидки, но ничего не сказали. Рату было не до нас, он был весь там, впереди, где происходило что-то новое. А вот Дира подозрительно оглядела из-под чёлки, пристальное внимание уделяя прорехам в накидках, кивнула мне и молча отвернулась. Мы стали позади, укрываясь от взглядов с площади за их спинами. Ещё не время. Я так часто повторял себе это последние два года, что впору выбрать это своим девизом, при вступлении в какой-нибудь орден.

Я осторожно выглянул из-под локтя дяди Ди, хотя, я уже изрядно подрос, и это становилось не столько трудно, сколько смешно. Но что уж тут поделать — привычка. Вид на площади не сильно отличался от прошлого года. За распахнутыми воротцами, на всё том же деревянном стуле сидел Воин, которого я с таким нетерпением ждал. Всё в том же традиционном одеянии из тонкой блестящей и гладкой ткани, с вышитым ярко-красным узором на рукавах и отворотах и серебряным гербом города на груди. Вот только, кажется, что

его тёмные волосы отливают красным немного сильнее, чем год назад. Это радует, значит, я не ошибся.

— Жители деревни, — Кардо махнул рукой.

— Приветствуют! — слитно ухнула толпа, и все мы склонились, прижимая руки к бёдрам.

— Орикол.

— Сегодня мы проводим большой смотр практикующих Возвышение!

— Уважаемый Воин, у меня есть радостная весть, — склонившись к Тортусу, Кардо перебил Орикола, и тут же сам замолчал, когда Воин просто поднял ладонь.

— Помолчи, мне это неинтересно. Большой смотр должен идти своим чередом. Орикол.

А вот это здорово. Я ухмыльнулся. Надеюсь, Кардо уже начал действовать. Пусть время бежит, а смотр идёт неторопливо, заставляя всю семейку нервничать. Ведь их время ограничено и уже утекает песком сквозь пальцы.

— Дети, слушайте внимательно! — голос Орикола был слышен каждому. — Каждый, кто станет десятой звездой, будет объявлен чемпионом деревни, уедет отсюда в первый круг и заберёт с собой кровных родственников. Все, кому близится десять лет, и кто желает ступить на дорогу Возвышения, ведущую в небеса, могут выйти на эту площадку и пройти первый свой экзамен. Я зафиксирую ваши результаты. Через год вы сможете похвастаться своими успехами. Каждый, кто на глазах уважаемого Воина, возьмёт следующую звезду, получит подарок от нашего главы. Десять килограмм свежего билтонга!

Я понимаю, что порядок нужно соблюдать, но для чего он это говорит? В этом году никто не празднует десятый день рождения. Некому выходить к гилям. Дира в прошлом году выскочила раньше срока, так-то ей, по уму, только в этом нужно было начинать заниматься. Для кого этот клич? И тут произошло две вещи. Во-первых, Орикол бросил на меня взгляд, а во-вторых, дядя Ди обернулся и мотнул головой в сторону площадки. Это что? Они ждут, чтобы я вышел на

экзамен-тройку? Смешные люди. Я показательно покрутил головой. Не пойду. Орикол пожал плечами и продолжил смотреть. Тортус, казалось, по-прежнему смотрел поверх голов в небо над пустошью, но мне чудилось давление его взгляда на своих плечах.

Следующие звёзды заставили деревенского учителя изрядно оживиться и впиться глазами в его участников. Середнячки вроде Рата, который получил следующую звезду и десять килограмм пока не выполненных обещаний от пока ещё вождя, никого особо не удивили. Ни Орикола, ни жителей, ни тем более Воина. Но вот Дира, вышедшая вслед за братом, и взявшая сразу пятую звезду и тоже получившая обещание выдать ей позже двадцать килограмм билтонга, приковала к себе внимание. Даже лёгкий гомон, стоявший над толпой — стих. Затем был Тукто, также прибавивший две звезды за этот год. У Орикола возбуждённо блестели глаза и он, то и дело, принимался облизывать губы. Алкаш. Неужели он и в такой день приложился к вину?

От шайки блеснул только Ларг, получивший ещё одну звезду. Остальные замерли на месте. Затем, снова, как и в прошлом году, привлекая внимание Воина, вышла Миргло и попыталась опять взять девятую звезду. Вновь не смогла. Неудивительно, с такими мускулами. Однако и упрямства ей не занимать. Котила жалко вдвойне. А если верить слухам, то и втройне.

— Теперь глава, давай приступим к главному, — Тортус слегка, буквально на палец, повернул голову к Кардо. — Тебе есть что сказать?

— Уважаемый, у меня радостная новость, — Кардо снова склонился в поклоне. — Мой сын, оказался не обделён вниманием неба, его благословением. Он поднялся к десятой звезде!

— Небеса милостивы к тем, кто рвётся к ним, — чуть кивнул Воин и огладил свою бородку. — Но как мне помнится, он не блистал талантом в прошлом. Орикол?

— Семёрка. Долгие годы после первого скачка, — Орикол не спускал глаз с Кардо, я даже отсюда видел, как сузились его глаза. А ведь не мог, слишком далеко происходило дело. Пусть

они и не сдерживали голоса, но лица-то я не мог видеть в таких деталях. Однако видел. Я недоверчиво хмыкнул своим мыслям и вернулся к происходящему. — Прямо удивительно.

— Действительно, невероятно для Нулевого, — Тортус дёрнул за кончик бороды. — Три звезды за год. Достижение, бросающее вызов небесам.

— Да, уважаемый, мой сын, моя гордость! Я сам был хорош в Закалке, но девятая звезда стала для меня непосильным испытанием.

— Удивительно, — процедил Орикол.

— Довольно болтовни, — Воин повёл рукой. — Где он?

— Виргл!

Молодой вождь вышел на площадь. Сегодня на его лице не было обычной гадкой улыбочки, которую я годы ненавидел. Он был счастлив, широко и радостно улыбался, и она неожиданно красила его. Смягчила резкие черты лица, убрала те детали, которые делали его лицо уродливым. А может, дело было совсем не в этом. Наверное, я просто перестал его ненавидеть и придираться к нему. А он сейчас был счастлив. Гордо глядел на всех сверху вниз. Презрение сквозило из каждого движения его плотной фигуры с расправленными плечами. Руки он широко расставил и шёл, чуть переваливаясь с боку на бок, и разворачивая вперёд то одно, то другое плечо. А я, действительно, освободился от ненависти. Пусть идёт, пусть плюёт на всех нас и оказывается мыслями уже на улицах Первого. Ведь я знаю, что сейчас падает песок последних песчинок его жизни.

Я знал, куда нужно смотреть и видел, что мышцы Виргла чуть распухли, будто он уже третий час таскает тяжести на тренировке. Но нет, не стал бы он заниматься такой глупостью перед экзаменом. Его распирает чужая, заёмная сила. Та, что когда-то убила моего отца. Виргл подошёл к гире, поклонился Воину. Выпрямился. Глубоко вздохнул и наклонился к своему экзаменатору — камню с десятью звёздами на боках. Ухватился за вырубленные прихваты. Замер. На площади стояла тишина. И рванул гирию вверх.

— Засчитано, — спокойно произнёс Орикол и Виргл с явным облегчением бросил тяжесть, а площадь взметнулась гомоном шёпота и тихих восклицаний.

— Поздравляю, глава, — улыбнулся Тортус. — Твой сын достиг пика ранга. Чемпион. И удостоен чести отправиться в Первый пояс. Ты останешься на своём посту или последуешь за сыном?

— С сыном, уважаемый, — Кардо поклонился. — Я всегда мечтал увидеть земли предков.

— Хороший выбор, — благосклонно заметил Воин и вдруг жёстко продолжил. — А теперь последняя проверка.

— Уважаемый, — снова согнулся в поклоне Кардо.

— Ты! Подойди, — приказал Тортус Вирглу. — Это Мерило. Изделие гильдии Артефакторов. Он более надёжен в определении меры развития меридианов, чем проверка поднятием тяжести. Возьми его в руку, сожми изо всех сил, не опасайся сломать — это не в твоих силах, а затем разожми кулак, и покажи артефакт.

Виргл с явно различимой опаской принял из рук Воина Мерило. Помедлил, держа полупрозрачный орех на ладони, бросил быстрый взгляд на отца и сжал его в кулаке. Я видел, как побелели костяшки, так сильно он стискивал артефакт. Здесь любой бы нервничал, даже если по настоящему поднимал бы гирию десятку, не только он. Затем Виргл шумно выдохнул и резко открыл ладонь. Мерило ярко, заметно даже под солнцем, светился, Площадь снова зашумела шепотками и оханьем, словно дождь по сухим листьям драконьей травы на крыше. Я и не сомневался в результате. Уж слишком много времени, сил, предательства, денег вложил в это дело Кардо и торгош Вират. Наш чемпион с облегчённой улыбкой поклонился и вернул амулет Воину.

— Великолепно, — с улыбкой кивнул Тортус. — Ваша деревня меня порадовала. Глава! Впрочем, какое тебе теперь дело до награды для поселения. Хорошо, распускай жителей на праздник. Сегодня они его заслужили.

— Дядя Ди, в сторону!

Скомандовал я, для верности дёрнул его за пояс, сбросил с плеч старую накидку и шагнул вперёд. Приложил кулак к открытой ладони и чуть поклонился, опустив глаза в землю, с удивлением отмечая силу своего голоса, который легко заглушил гомон толпы вокруг и разнёсся над площадью.

— Младший приветствует старшего!

Площадь стихла. Над ней снова повисла тишина. И это меня радовало.

— Щенок, ты как посмел? — в бешенстве просипел Кардо.

— Поднимись, младший, — разрешил Воин. Я разогнулся и смерил взглядом Кардо. Тот снова не выдержал.

— Уважаемый, этот отброс не скажет ничего путного, а лишь вымажет грязью стоящих перед ним.

— Бывший глава, ты забываешь своё место? Я не разрешал тебе впустую болтать языком, — теперь, кроме вечной полуулыбки, на лице Тортуса чуть приподнялись брови, показывая его удивление. — Говори, — кивнул он мне.

— Старший, младший желает сдать экзамен.

— Мусор, — теперь Виргл не выдержал моего взгляда. Я смотрел прямо, не опуская глаз и улыбался, перебегая взглядом по лицам людей, перед которыми я стоял. — Куда ты прёшься? Как ты там возвысился за полгода! Третьи звёзды вышли ещё час назад! И где ты украл эту одежду?

— Помолчи. — Воин бросил взгляд, скорее обозначил его, снова, едва на палец, повернув голову, в сторону, где стоял Виргл. Но обрывать его столь грубо, как отца не стал. — Орикол?

— Заниматься начал, — деревенский учитель помолчал, не спуская с меня тяжёлого взгляда, который был так же грозен, как и шип Скорпионьего мада. — Два года назад, — площадь помолчала, а затем по ней прокатился гул, начавшись от края с шайкой Виргла. Сам Виргл помрачнел и сжал кулаки. — Утверждает, что небо не дало ему великого таланта и сейчас он всего лишь тройка.

— Так, значит, Леград, небо не дало тебе великого таланта? — теперь я отчётливо слышал в голосе Воина смех.

Виргл вздрогнул, услышав из уст Проверяющего моё имя. Я вспомнил прошлый год, непочтительный разговор Орикола со столь высоким чином, и решил чуть переиграть свой план. Если Воин позволит мне, конечно.

— Уважаемый, — я влил столько яда, сколько только смог в это слово, — Орикол, ошибается, — Тортус хмыкнул. — Я сказал ему, что небо не дало мне уникального таланта. И не соврал. Куда мне до героев легенд.

— О, да! И не верь после этого в воздаяние, — Тортус внезапно забыл про меня и, отбросив строгость и важность, развернулся всем телом к Ориколу. — Ты. Ты! Который так всегда кичился своим даром чувствовать ложь — обманут простым мальчишкой! За что тебя наградили должностью управителя, дружище? Сколько хитрых воров сумело обвести тебя вокруг пальца в Ордене?

— А звёзды? Ты ведь не вышел сдавать на тройку? — Орикол буквально шипел, не обращая внимания на смех Тортуса.

— Тройка? Ха-ха-ха! — я с некоторой оторопью наблюдал, как с Воина окончательно сползает его маска невозмутимости. — Год назад он был семёркой, жалкий слепец, втоптавший в навоз жемчуг!

Теперь вздрогнул Кардо, впившись в меня взглядом. Я видел, как дрогнула его борода, будто он кривился или хотел что-то сказать, но не решился. Виргл побледнел. Лицо Орикола же от насмешек Воина покрылось пятнами.

— Порадуй меня, Леград, — Воин снова обернулся ко мне. — Не зря же ты вышел сейчас. Скажи, что и ты, за год поднялся на три звезды. И это будет лучший день за последние годы на этих пыльных равнинах.

— Старший, младший готов сдать экзамен на десятую звезду.

— Отлично, — Тортус отмахнулся от Орикола, снова попытавшегося узнать, как я обманул его. А я был рад избежать лжи о его проверке в тот день. — Действуй.

— Старший, — я облизнул вдруг пересохшие губы и склонился в поклоне. — У младшего есть просьба.

— Излагай, — Воин повёл рукой.

— Прошу разрешить мне, до получения чемпионства, раздать малые долги и не считать это неуважением к старшему, — я не выпрямлялся, ожидая ответа.

— Нагло. Но... Это тоже может быть забавно, я помню, как ты выглядел год назад. А в новую жизнь нужно вступать расплатившись с ростовщиками. — Тортус дёрнул себя за бороду. — Действуй. Развлеки меня.

Я разогнулся и развернулся к жителям. Гомон стих. Все смотрели на меня. Я ощущал на себе десятки глаз. Осматривал стоящих передо мной и впитывал в себя их взгляды. Полный гордости — от мамы. Удивления — от семьи дяди. Восхищения от Диры и Тукто. Опаски от большинства жителей, которые не знали чего от меня ожидать. Ненависти и страха — от шакалов. Вины и страха — от тех троих, что тоже тогда спас отец. Но были и взгляды, которые я не мог разобрать. Ларг, Порто, Ракот — слишком много у них было в глазах. А вот Скирто — я буквально видел, как он сходил с ума от ужаса. Да, всё верно, крысёныш, я начну с тебя. Я думал, что время мести вам придёт после Виргла, но Воин Тортус оказался сильно не таким, каким представлялся мне год назад. Даже не ожидал его согласия и такого не подобающего Воину поведения. Словно он простой человек.

— Скирто, ты всегда относился ко мне внимательнее всех. Не упускал случая поделиться со мной забавной выдумкой. Посмеяться над потешным малым, — я смотрел на него и морщился от презрения, крысёныш был белым от ужаса и его била дрожь, вряд ли он мог даже говорить, а уж тем более удрать от меня. — Хватит дрожать. Я ведь никогда не убегал от тебя. Считай, что небо устало выслушивать мои просьбы и снизошло к тебе, - я помедлил, а затем ударил так, как научил однажды Вартус, сбоку в колено. Впрочем, силы удара хватило на обе ноги.

Взвыли два голоса — Скирто и его матери. Кари бросилась к воющему на земле сыну. Мне показалось сначала, что она кинется, и я привычно поднял ладонь, чтобы наложить

печать. Но к счастью и она одумалась, оставшись причитать над сыном и его сломанными ногами, и я опомнился, не став раскрывать свою тайну. Да, ходила пару бак о том, как прорвавшиеся к пику Закалки, сводили счёты со своими обидчиками. От историй, что вполголоса рассказывали у костра взрослых, волосы дыбом вставали у подслушивающих. Охотники говорили, будто Воины смотрели на такое сквозь пальцы. Слишком ценен был возвысившийся, чтобы разменивать его желание мести на десяток никчёмных жизней. Жестоко, да. Но такова цена возвысившихся. И поэтому тоже десятая звезда так манит. И это оказалось правдой. Мне разрешение на месть выдали авансом, да и не думаю, что Тортус бы позволил мне убивать кого-то. Пока не позволил. Я бросил в его сторону быстрый взгляд. Смотрит, на лице опять лишь след улыбки и спокойствие, будто он сидит на берегу реки, любясь текущей водой. Значит, продолжаем.

— Шиго, ты всегда рад был оказать услугу своему боссу и выполнить самую грязную работу. Ты знаешь, эта щека, — я тронул лицо пальцами, — до сих пор помнит тяжесть твоей ноги. А падать с обрыва - страшно.

— Нет! — Велиса встала перед сыном.

— Прекратите! Уважаемый Воин, ведь мой сын — десятая звезда! Это его люди! Они под его рукой. Это нарушение правил!

Кардо заступился за шакалов, а Виргл молчит, глядя на меня со страхом. Почему я не удивлён?

— Я бы наказал тебя, за то, что ты проявляешь неуважение ко мне, презрев запрет говорить, — Тортус говорил всё так же громко, каждое его слово разносилось над площадью. — Но не буду. Знаешь, я ведь тоже выходец из Пустошей. Нулевой и мой дом. Пусть я родился далеко отсюда, но скажу, что природа человеческая одинакова везде. И, — он обернулся к Кардо, я перестал видеть его спокойное лицо, — люблю смотреть, как воля одного человека превосходит волю других. Правила? Мне лень разбираться в склоках вашей дыры. Закон — это я. Я устанавливаю правила. Но знаешь, — Тортус рассмеялся и повторил мои мысли, —

забавно, что за своих людей беспокоится не тот, кто должен их защищать.

Я поклонился Воину. Развернулся. Шиго прикрикнул на мать и сдвинул её в сторону. Я кивнул, признавая храбрость, и пнул его со всей доступной скоростью. Знаю, как это выглядит со стороны даже для новичков. Моя фигура просто вздрогнула, а у Шиго подломилась нога. Он лежал на земле и ещё даже не понимал, что я сломал ему её, растеряно хлопая глазами, боль ещё не пришла к нему, а я уже шагнул прочь, оставляя его охнувшей матери. Надеюсь, он будет хромать всю жизнь и помнить меня.

— Вартус, ты знаешь, последние месяцы, сходясь с тобой в драках на площадке, я лучше узнал тебя и почти простил. Почти. Ты честен и прям и никогда не бил меня в голову, — я помолчал, оглядывая втянувшего голову в плечи и сжавшего кулаки подростка. — Но за предыдущие два года — это твоё: «Встреть мой кулак — своим!», — просто выбесило. Давай — встреть мой кулак — своим!

Вартус недоверчиво хмыкнул, огляделся по сторонам, передёрнул плечами и шагнул вперёд, поднимая кулаки. Я сознавал разницу в наших силах, и что, после полноценного удара, он может и вовсе лишиться руки. Мне это не нужно. А потому остановил свою руку и даже подал её назад в момент удара. Но даже так, Вартус-то ударил, ничуть не остерегаясь, так сильно, как только умел. Вышло, что он влепил со всей своей дури в каменную стену. Боль наверняка была жуткая, уж я-то представлял хорошо, но он не издал ни звука, а лишь упал на колени, сжимая разбитый кулак. Я чуть поклонился ему и развернулся прочь от толпы. Закончено. Ни больше и не меньше отмеренного давным-давно.

— Эй, а мы? — настиг меня в спину вопрос.

Я оглянулся и увидел стоящих по бокам от Вартуса Порто и Ларга.

— У меня нет к вам обид.

— А помои?

— Ты глуховат? Свободны! — я был раздражён. Мыслями я уже был там, на следующем шаге своей мести, а тут эти.

— Это из-за брата? Мне не нужно снисхождение!

Я постарался успокоиться и понял, что сейчас на нас смотрят все и ждут моих действий.

— Успокойся. Что ты, что Ларг никогда не переходили черту. Я никогда не испытывал к вам ненависти. Расчёт с вашей шайкой окончен. Всё, валите! — я махнул рукой, обрывая возражения и затыкая парней, и развернулся. На этот раз окончательно.

— Старший, младший благодарит вас, — я снова склонился и сложил руки, приветствуя его, как один практик Возвышения — другого.

— Это было забавно. Особенно концовка. Будто вернулся на годы назад в глупую юность. Надеюсь, ты осознаёшь, что получил это в счёт будущих заслуг. И если ты не возьмёшь десятую звезду, — Тортус замолчал, позволяя всем дополнить его слова в голове.

— Конечно, уважаемый, — я выпрямился, бросил короткий взгляд на белого от ярости или от страха Виргла, и двинулся к гире.

Глава 26

Сейчас, снова оказавшись лицом к жителям деревни, стоя над весом, который решал мою судьбу в их глазах, я был совершенно спокоен. Нет, за эти дни я ни разу не пробирался в сарай и не проверял себя. Я был совершенно уверен в своих силах с момента сражения с Монстром. Девятка никогда не смогла бы убить его в честном бою. Даже для десятки это подвиг, который почти нереально совершить в одиночку. Слишком большая разница в силе. Тем более, нет нужды волноваться над этим никчёмным камнем. Я взялся за ручки и не спеша поднял гирю к груди, а затем выжал её над головой. Как и ожидалось — она явно легче, чем должна быть. Трудно оценить точно, но я готов в этом поклясться. Впрочем, мне в этом и клялись.

— Засчитано.

— Отлично. Подойди и возьми амулет.

Я так же спокойно прошёл проверку и на Мериле. Он горел таким же ровным светом, как и у Виргла. Наверное, тот алхимик — гений. Жаль, что он создал именно это зелье. Ведь с него всё и началось.

— Великолепно. Что скажешь, мой старый друг?

— Отличный талант, — Орикол скривился, что при его заросшей роже, смотрелось вдвойне отвратно. — Отличная выдержка. Хороший актёр, красиво играл на толпу, толкая речи. Прирождённый лжец. Говорят, из таких вырастают вожди.

— Эх, Орикол, Орикол, — рассмеялся Тортус. — Это в тебе говорит злость. Упустить такой шанс. Да, нужно же сделать всё официально. Леград, ты назовёшь его учителем, что поднял твоё возвышение?

— Нет!

— Ничего, мне хватит и одного ученика, — деревенский учитель демонстративно отвернулся от меня. Зря. Иначе бы он увидел злую улыбку у меня на лице. Хватит ученика? Дарса

тебе в штаны! Будешь брагу хлестать в этой деревне ещё годы!

— Думаю, с той наградой, что деревня получит за двух чемпионов, — Воин обращался к Кардо, — ещё в этом году вы получите вторую звезду. Впрочем, — Тортус хлопнул себя по бедру, — нужно ещё решить вопрос главы.

— Старший, младший желает сообщить о преступлении, — я в очередной раз склонился в приветствии практиков. Кажется, Воину оно особенно приятно.

— Что? — Орикол обернулся ко мне, склонив голову, я, тем не менее видел, как двинулись его ноги. — Чего ты ещё хочешь учудить? — я молчал, ожидая решения Тортуса.

— Говори, — я разогнулся, получив разрешение, и поднял взгляд на Воина.

— Младший узнал, что глава деревни Кардо и его сын Виргл, — я мстительно сделал паузу, заставляя названных мной людей замереть в ожидании, — обманули уважаемого Воина на экзамене.

— Говори прямо, не плети словеса, — голос Тортуса гремел над площадью, пригибал жителей скрытой в себе угрозой. Но я стоял прямо.

— Виргл застопорился на седьмой звезде. Это знает каждый, кто не пьёт с утра до вечера, а хоть иногда появляется на тренировочной площадке, — не упустил я шанса добавить яда. — Чтобы обманом покинуть Нулевой, Кардо начал с того, что использовал фальшивые экзаменационные гири. Они весят всего лишь по триста пятьдесят килограмм.

— Орикол! — прорычал Тортус. Того словно сдуло ветром. Он метнулся к гилям-десяткам, затем вдоль лежащих для остальных звёзд, бросился в сарай, где должны были оставаться запасные. Буквально через минуту вернулся. Бледный, осунувшийся. Ещё раз приподнял гири на площади.

— Докладываю, — Орикол согнулся в поклоне, — гири десятка — двойной комплект. Один — подделка. Вес девятой звезды.

— Кардо, Виргл — ко мне! — Тортус пугал. Каждое его слово было словно острое копье. Даже я, вызвавший эту бурю на чужие головы, с опаской глядел на его заострившиеся черты лица, сузившиеся глаза, мне казалось, что даже красные пряди в его волосах стали ярче, придавая ему и вовсе не реальный вид. Я буквально чувствую, что в его словах добавлена сила. — Как это понять?

— Уважаемый проверяющий, — Кардо рухнул на колени. Это зрелище тоже завораживало. Невысокий, худощавый сидящий Воин нависал над сгорбленной перед ним могучей фигурой, которая пыталась сжаться в комок у его ног и выглядела жалкой и никчёмной, несмотря на свои размеры. — Гири все клеймённые. Просто подвернулась возможность купить почти задарма. Я лишь воспользовался шансом. Кто ж знал? Амулет то, амулет! Десятая звезда!

— И всё же — гири серьёзное нарушение, хотя и не преступление, — Тортус обратил свой пронзающий взгляд на меня. — Младший, у тебя есть доказательство, что гири были приобретены с осознанием их поддельности и со злым умыслом?

— Есть, — я кивнул, — но я не буду о них говорить. Это и вовсе не понадобится. Я обвиняю Кардо и Виргла в том, что они нарушили закон о порядке Возвышения изгнанных в Нулевой.

Над площадью снова повисла тишина. Пусть большинство деревенских не догадываются или забыли в нашей дыре об этом законе, но сама формулировка уже внушает страх.

— Конкретнее! Смотри мне в глаза! — именно таким я представлял в фантазиях ледяной ветер. Голос буквально вытягивал тепло из меня. Что же, я буду рад указать и этому ветру цель.

— Четвёртый пункт, — голос мой был твёрд, хотя сердце и билось как заполошное. — Использование алхимических зелий, либо вытяжек и перегонок.

— Орикол?

— Что уже забыл свои насмешки?

— Хватит, — оборвал его Тортус. — В этом деле мало не покажется никому.

— Хорошо, — Орикол кивнул, шагнул ближе ко мне, поднял было руку схватить за подбородок, но я скривился и отдернул голову, не позволяя тронуть. Поздно. Я уже не в твоей власти и даже выше тебя по статусу, штрафник. Деревенский учитель хмыкнул и опустил руку. — Повтори.

— Кардо и Виргл нарушили закон о Возвышении. Использовали зелья для обмана на экзамене.

— Правда, — кивнул Орикол, но тут же скривился и сплюнул на песок. — Хотя с ним нельзя быть уверенным ни в чем. Может просто верит в свои слова, как в глас неба, что лично слышал за завтраком.

— Это серьёзное обвинение, карающееся смертью, — по площади прокатился гул, пронёсся из края в край и стих. — Мне нужны доказательства.

— И они есть у меня. Виргл выпил два зелья. Зелье Усиления тела, которое дало ему две звезды сверху его семёрки, и позволило поднять поддельную гирю, — я замолчал, разглядывая мрачного Кардо, что за это время отполз от ног Тортуса и слушал меня, сжимая кулаки.

— Второе зелье?

— Уважаемый, мне сказали — в Первом поясе продаётся зелье Возвышения Воина, — я играл на публику, чтобы всем жителям деревни стало ясно, что совершил их самозванный вождь, — которое позволяет поднять свою силу на одну звезду. Верно ли это?

— Верно, ведь именно поэтому зелье и включено в список запрещённых, — Тортус не отводил от меня глаз, голос его хоть и не угрожал более, но заставлял спину покрываться мурашками. — Попавшие в Нулевой, должны своими силами добиться возвышения, и заслужить возвращение на родные земли.

— Как мне стало известно, из Первого пояса была изгнана семья алхимиков. Возможно, благословение небес они и потеряли, но голову — нет. Три поколения мастеров-алхимиков

их семьи пытались приспособить рецепт этого зелья к травам и уровню энергии Нулевого. Несколько лет назад кое-что им удалось.

— Как ты обо всём этом узнал? — спросил Орикол.

— Мне рассказал торговец, который познакомился со вторым в очереди алхимиком, что бился над рецептом. Тогда он был нищим, спустив все свои средства на ингредиенты для работы. Долгие годы торговец спускал уже свои деньги на снабжение алхимика, а затем его сына всеми травами. Он тоже был девяткой и грезил о землях предков. А затем Кардо выпивал все соки из деревни, покупая себе право опробовать это зелье.

— Ты уверен, что это именно зелье Возвышения? Его используют не на седьмой звезде. И не таким образом.

— Мне назвали его именно так. Подробности о зелье мне не известны.

— А зачем нужны были поддельные гири? Зелье не вышло? Побочка?

— Да, старший. Алхимик так и не смог создать полноценное зелье. Его заменитель не поднимал возвышение навсегда. Он лишь временно накачивал меридианы энергией и должен был обмануть амулет, заставляя его сработать на заёмную силу.

— Это уже даже Возвышением Воина не назвать, алхимик себе польстил. И ты ему тоже. Алхимик с головой сделал бы всё по уму. — Тортус скривился. — И сколько оно действует?

— Три часа.

Виргл не выдержал происходящего и бросился бежать. Он успел добраться лишь до заборчика. Воин вскинул руку, развернул её ладонью к беглецу, с неё сорвался полупрозрачный, но ясно отливающий красным шар. Коснулся спины Виргла и того словно лягнул буйвол. Парня отшвырнуло в сторону, снося его телом одну из саманных скамеек, только куски окаменевшего дерьма и пыль полетели.

— Орикол.

Учитель молча подошёл к лежащему без сознания Вирглу и, схватив его за воротник когда-то щегольской рубахи, волоком вернул на место, с которого тот бежал.

— Кардо, тебе есть что сказать, оправдаться? — голос Тортуса бросал в дрожь.

— Нет, — спокойно ответил бывший глава. Поднялся с колен, отряхнул песок со штанин.

— Причина преступления?

— Та же что и у всех. Желание вырваться отсюда.

— Что бы ты делал дальше? НедоВоин в Первом поясе?

— Это здесь зелье запрещено, а там оно есть в любой лавке, — насмешливо протянул Кардо.

— Откуда бы у тебя взялись такие деньги в Первом? Вы не прожили бы в Школе даже недели, как сына бы раскрыли на первом же занятии.

— Деньги есть. Не зря же я стал главой деревни, — хмыкнул Кардо и замолчал.

— Наивный, — Тортус коротко рассмеялся. — Конкретнее. Рассказывай всё. Незачем упрямиться. Я знаю технику не только оглушения.

— Верю, верю. Слабаки не становятся проверяющими Круга, — Кардо снова замолчал, но лишь переводя дух. — Но я никогда не боялся Воинов. Мы оба из Нулевого. Проверим чья воля сильнее?

— Смелые слова, — теперь замолчал Тортус. Продолжил уже тише. — Каково это? Тянуть родных в земли предков... И стать причиной смерти всей семьи? Сына... Жены...

— Жена ничего не знала! Я знаю закон — только принимавшие участие! — Кардо сжал кулаки. — Это я, сын, Вират и алхимик, конечно. Жена — нет!

— Закон здесь я, — ухмыльнулся Воин. — Но ты ведь не боишься меня. О чём нам разговаривать?

— Слово? — словами это нельзя было назвать. Кардо хрипел.

— Слово. Кто такой Вират? — согласно кивнув, спросил Воин.

— Торговец. Он умер, — я влез в разговор, за что получил взгляд Тортуса, от которого зачесались зажившие раны на груди от шипов мада.

— Занятно, — хмыкнул Воин. — Смелый парень, влезать в разговор, чтобы сказать такое мне.

— Он был виновен в преступлении, наказание за которое — смерть, — поспешил я оправдаться, проклиная свой язык.

— Смелый, да, — кивнул Тортус и тут захрипел Кардо.

— Чужало моё сердце, что всё непросто с тобой. Муторно было каждый раз, когда я тебя видел. Я дурак, на совесть списывал. Жаль, что ты такой неубиваемый, ничего-то на тебя не действует, — бывший глава поднял руки и сжал свои здоровые кулаки. — Свернул бы себе шею и всё бы вышло у меня. Впрочем, с таким возвышением, как бы ты её свернул? Только если бы тебе помогли.

— Поздно угрожать, — оборвал его Тортус. — Я хочу услышать, что такое с постом главы? Не болтай попусту.

— Хорошо. Зариус не видел смысла уезжать отсюда. Мечта у него была. Селение основать. Он и не стремился никогда стать десяткой. Хотя, знаете, может, он и был десяткой. Уж больно тяжело его убить оказалось. Вчетвером, врасплох и то, — Кардо покачал головой и усмехнулся, огладил бороду. Я обернулся, выискивая глазами Рикто. Тот стоял не просто бледный, а белый, как крутой замес извёстки. — А место хорошее он выбрал — денежное. Все эти годы, как меня поставили главой, я все излишки переводил в деньги. Мне бы хватило на зелье и сыну и себе. Никто бы ничего и не понял. А я, наконец, стал бы Воином.

— Ясно. Когда ты дал сыну зелье?

— Ещё час и закончится. Зелье Усиления уже закончилось, — Кардо сплюнул, а я хотел было задать вопрос, но покосился на Тортуса и решил, что хватит наглеть.

— Старший, позвольте задать ему вопрос.

— Задай.

— Ты подговорил торгоша подменить отцу зелье Восстановления на Усиления? — пусть это слышат все.

— Да. Ненавижу, когда меня втоптывают в песок. Раньше я позволял такое только Зариусу. И то, — в чёрной бороде блеснули зубы, — до поры.

— Ясно, раз ты не думаешь ничего скрывать, то...

— Смысл? — перебил Кардо и, хрустнув шеей, расправил плечи. — Я никогда никого не боялся. Даже вас, Воинов. Завидовал, да. Следовал обычаям. Но не боялся. Не хочу в последние минуты жизни унижаться и пытаться врать, когда нет выхода. Слово? — Кардо не спускал глаз с Тортуса.

— Слово, — Тортус поднял руку и сжал кулак. — Что за алхимик делал зелье?

— Кмито. Живёт в Лирате.

— Кто ещё пользуется его зельями?

— Это знал только Вират. Пусть теперь молокосос поможет искать, — Кардо оскалил зубы в улыбке.

— Достаточно. Жители деревни! — если до этого голос Тортуса был просто громким, позволяя гудящей толпе легко слышать каждое его слово, то теперь просто оглушал. Приблизительно так же, как у Орикола, когда тот разнимал драку. — Бывший глава деревни Кардо и его сын, виновны в многочисленных преступлениях, наказание за самые страшные из которых — смерть! Обман на экзамене — непозволителен! Я, властью, данной мне городом-орденом Морозная Гряда, приговариваю их к смерти.

Орикол начал поднимать руку, Кардо ещё сильнее расправил плечи, поднимая голову к небу, а я, сглотнув комок в горле, открыл рот.

— Уважаемый старший!

— Что ещё?

— Позвольте младшему, — я согнулся в низком поклоне. — Уладить с приговорёнными свои смертельные обиды. Вы слышали — он убил моего отца!

— Ты хочешь убить их лично? Нелепо. Один чемпион — обманщик, второй — погиб в бессмысленной схватке? Забудь.

Что же, мама сразу, как только я пересказал слова торговца и озвучил этот план, сказала мне, что эти надежды смешны. Или раскрыть Воину аферу, или убить Кардо своими руками. С чего бы Воину допускать такой фарс? Хорошо, что у меня есть чем его подкупить. В тот день, когда Монстр едва не убил нас обоих, мама не собиралась приходить на наш огород. Но, выискивая растения на сдачу, она наткнулась на побег Череда. Трава, в общем, полезная, но что-то стоящая только полной корзиной. Мама уже хотела перешагнуть его, но вдруг заметила отличие.

Присмотрелась и опознала его редкую версию — Черед остролистый, сорвала его и, уже собиралась скинуть в наплечный мешок, как её посетило понимание. Такое растение было и у нас. Такое, да не такое. Тогда, держа его в руках, она заметила отличие от растущего в её пещере Череда остролистого. И побежала проверять свою догадку. Убедилась и полезла в отнорок со шкурами в попытке сохранить его, но убрать подальше от пещеры, чтобы перестать приманивать столько Зверей. Небо присматривает за мной, понял я, когда мама расписала его свойства.

— Уважаемый, подождите, — я махнул маме, подавая ей сигнал.

Мама пересекла площадь под взглядами всех людей, остановилась, не доходя до меня шага, и поклонилась Тортусу.

— Приветствую старшего.

Затем она выпрямилась, повинувшись движению руки Воина, и протянула мне небольшой плетёный туесок с побегом. А я с поклоном протянул его Тортусу, глядя ему в глаза поверх растения.

— Младший просит принять этот дар и выполнить его просьбу.

— Что это? — с недоумением спросил Тортус.

— Черед остролистый огненный, уникальная трава Пустошей, которая очень полезна для всех...

— Кто обладает склонностью к огню, — закончил за меня Тортус. — Трава-спутник.

Верно. Растение не просто редкое, но и в использовании относится к уникальному классу. Его можно пустить на эликсир. И он принесёт немалую пользу. Но наибольшую выгоду получит тот, кто будет держать его в своём доме — живым. Рядом с ним практик Возвышения, склонный к огню, получит выгоду в поглощении энергии. Тот объём, что раньше он поглощал за десять дней, он теперь поглотит за девять. В идеале, со взрослым цветущим цветком. Для следующих этапов Возвышения, на которых важно именно поглощение и накопление энергии — бесценный помощник практикующего. Оценить это растение в деньгах? Мама даже не смогла предположить, сколько оно может стоить. Возможно, столько, сколько всего заработал на нашей деревне Кардо за все годы. Может быть гораздо больше. Большое искушение для стремящегося к богатству.

Но мама, рассказавшая раньше, как обесценятся наши деньги в Первом, рассказала мне и о проблемах, которые вызовет попытка продать такое уникальное растение. Даже через подругу, даже тайно. Ни у одного торговца, алхимика не будет на руках таких денег. А продавать прямиком тому, кто обладает деньгами, а значит и властью? Слишком много проблем для нас, слишком большое искушение получить его даром для покупателя. И я, вместе с мамой подумывавший о тайном участии в аукционе, вдруг вспомнил красные пряди в волосах нашего Проверяющего. Явный след его преобладающей стихии. Такое замечание было в некоторых книгах о высоких ступенях Возвышения.

— Ты поражаешь меня. Снова, — Тортус помолчал. — Всё в твоих руках.

— Благодарю уважаемого старшего, — я низко поклонился, обернулся было к Кардо, который ухмылялся, глядя на мой подкуп.

— Стой! — Воин поглядел мне в глаза и приказал. — Вынеси оставшиеся гири-десятки сюда.

Я кивнул и не спеша отправился к сараю. Проверка. После всех этих нечестных гирь, обманных зелий, Тортус хочет

окончательно убедиться, что я достиг десятой звезды. Я, не спеша, по одной, хотя чувствовал в себе странную, необоснованную ничем уверенность вытащить сразу обе, принёс гири к его ногам.

— Старший?

— Они твои, — и тут же снова раскатами грома. — Приговор приводится в исполнение чемпионом деревни!

Я протянул руку маме, та вложила в неё нож. Вытащил его из ножен и посмотрел на Кардо.

— Смелее, щенок, — он раскинул руки и засмеялся. — Ты знаешь куда бить?

— А ты? — я бросил ему нож под ноги. — В спину, как Зариуса?

— А ты, оказывается, острый на язык, когда смеешь открывать рот, — Кардо оборвал смех и смотрел, как я беру у мамы свой самодельный кинжал. — Решил сойтись со мной лицом к лицу?

— Я два года мечтал об этом, — я вытащил наружу свой мешочек с клятвенным камнем, сжал его на миг в кулаке. — Хочу вбить свой кинжал в твоё сердце.

— А сумеешь убить? Кишка не тонка, щенок? Как ты, вообще, дотянешься до груди? — принялся насмехаться Кардо.

— Спросишь у Паурита.

Смех Кардо отрезало. В толпе стали раздаваться восклицания и оханья. А я двинулся по кругу вокруг бывшего главы. Не собирался тренироваться с ним, как, бывало, делал со Зверями, не собирался использовать его для того, чтобы прорваться и стать сильнее. Нет. Я просто хотел его смерти. Но не собирался убивать его в первые секунды. Пусть он попробует убить меня, пусть у него появится надежда, как у отца, если не на жизнь, то хотя бы на мою гибель. Лишь тогда я нанесу удар.

Я завершил круг, но Кардо так и не напал. Верно думает, что ждать и обороняться легче, больше шансов поймать меня. Я не против. Быстрый шаг к убийце отца и секущий по руке.

Пусть у моего кинжала нет режущей кромки, но самый кончик вспорет, с моей скоростью, не хуже лезвия. При нужде. Пока я не собирался бить наверняка, скорее угрожал, даже двигаясь не так быстро, как мог. Кардо убрал руку с пути кинжала и полоснул в ответ. Медленно, не сравнить с мадом. Я даже не вижу в его движении ловкости Калги. Этот буйвол слишком слаб. Он не сможет ранить меня, без моего желания. Но даже такой малости я ему не позволю. Я увернулся в последний момент, нож едва не рассёк мою новую рубаху. Бывший самозванный вождь зарычал и кинулся на меня, окрылённый близкой целью. Один, второй, третий удары прошли мимо меня, недотягиваясь буквально волос. Хватит! Я ударил Кардо сбоку по руке с ножом, меня протащило назад по песку на полшага от силы удара, и шагнул в открывшееся пространство. Вдох. Удар!

Кардо ещё ничего не понял, а я, оттолкнувшись второй рукой от его груди, уже стоял в двух шагах от него и смотрел, как он пятится назад. Глаза его удивлённо смотрели на меня, а рот открывался и закрывался, будто он пытался что-то сказать. Третий вдох, Кардо прижал руки к груди и наткнулся на кинжал, который ушёл в его тело по роговую гарду. Пятый вдох, на его губах показалась кровь. Он ещё раз попытался что-то сказать и завалился навзничь. Дождавшись, когда стихнут удары огромного тела, я подошёл и вырвал кинжал из его сердца. Площадь молчала. А затем кто-то завыл. Я обернулся, скользя взглядом по толпе. Орма. Она стояла, сжимая в руках свою косу, и выла на одной ноте, глядя на тело. Пусть. Он это заслужил. А маме тоже пришлось несладко в тот день. Я вот не верю, что Орма ничего не знала. Но Кардо купил у Тортуса её жизнь. Пусть.

— Ракот! — это Орикол. — Заткни её и убери отсюда!

Как уж он выполнил приказ, я смотреть не стал, развернувшись и направившись к следующей своей жертве. Но крики стали тише и принялись удаляться от площади, пока совсем стали не слышны. Я пнул ногой Виргла и вопросительно глянул на Воина.

— Просто без сознания. Водой.

— Тукто! — я сразу нашёл его фигуру, он пробился к самому заборчику и стоял, открыв рот. — Принеси мне кувшин воды.

— Сейчас, — парень сорвался с места, ввинтился в толпу и появился уже с нашей стороны, убежав куда-то в сторону своего дома.

— Интересные дела творятся. Что у тебя с Тукто? Это связано с его ростом Возвышения? — Орикол появился возле меня, видно, тоже с Ормой разбирался не сам.

— Какие дела? — я пожал плечами. — Спроси любого — я учу его бегло читать и счёту. Что за странные мысли?

— Второй раз такой трюк со мной не пройдёт, — учитель ухмылялся. — Ты возвышаешь парня?

— Нет, — коротко ответил я и чуть улыбнулся.

Орикол поскрёб щетину, сплюнул и отошёл. А я уже откровенно и широко улыбался. Кто я такой, чтобы возвышать парня? Властелин духа? Я простой мальчишка, который даёт советы. Благодарно кивнув Тукто, я начал лить воду на Виргла. Сначала тонкой струйкой, затем всё сильнее и сильнее, пока он, зафыркав, не очнулся.

— А! Что! — вскинулся он, обтирая лицо.

— Помнишь, как я раскрыл Воину вашу с отцом махинацию?

— Тварь! — прошипел Виргл и вскочил с песка площадки. — Это ещё нужно доказать! Ты сам как стал десяткой? Это какой-то обман!

— Доказать? Зачем? Твой отец во всём признался.

— Что? Как? — взгляд Виргла заметался вокруг и остановился, найдя тело. — Он не мог! Отец!

— Да, его приговор уже исполнен.

— Что? Какой приговор?

— Смерть. Смерть за обман и возвышение зельем.

— Так, нет никакого возвышения! — заорал было Виргл. — Не возвысился я, не возвысился! Обман это был! Я семёрка!

Простая семёрка. Никакого возвышения. Семёрка. Шутка — это, — сник он и принялся бормотать.

— Шутка? Ты хорошо пошутил. Мне понравилось, — внезапно ответил Тортус Вирглу. — Приговор смерть.

— Виргл, — я дождался, когда он переведёт широко раскрытые глаза с Воина на меня и напомнил. — За начало новой жизни!

Я ударил его в сердце кинжалом и держал руку на рукояти, глядя, как тускнеют его глаза. Он не достоин схватки. Всё, все мои обещания исполнены. Я отомстил за смерть отца, за свои унижения и своё отравление. Моё сердце больше не болит при воспоминаниях об отце.

— Уважаемый, прошу справедливости! — раздался голос, которого я совершенно не ожидал услышать. Миргло. Что это она?

— Что тебе женщина? — настороженно поинтересовался Тортус.

— Прошу судить и остальных убийц!

— Каких убийц? — нахмурился Воин. Я тоже не понимал, к чему она ведёт.

— Гризмо, Ракота и его! — её палец ткнул в меня.

— И кого же они убили? — Тортус подался вперёд, рассматривая Миргло.

— Те двое — Зариуса, а пацан — Паурита!

— Для начала, — Тортус потёр лоб. — Какие у тебя доказательства?

— Их слова! — Миргло упёрла руки в бока, что с её формами смотрелось угрожающе. — Кардо сказал, что убивали Зариуса вчетвером. А в тот день с ним были Гризмо, Ракот, Паурит и Закир. Это все знают!

— Хорошо, а почему оставшиеся двое не убийцы?

— Так, известно! Закир тогда и погиб. А Паурита — этот убил. И за это тоже должен ответить! — принялась объяснять, переходя на визг, Миргло. Слухи не ввали. — Он сам сказал

Кардо, чтобы тот спросил у Паурита. Признался, сучёнок! На ваших глазах!

— Довольно! — рявкнул Тортус. Громкий визг Миргло словно оборвало. — Мне нет дела до ваших дрызг и споров, кто кого ударил ночью за углом. Это ваше дело, которое решает глава. У кого в деревне самая высокая звезда?

— У меня! — заявила заухмылявшаяся Миргло. Тортус сморщился, глядя на неё.

— Орикол?

— Да. Восьмая звезда.

— И всё?

— Ещё восьмая у его матери, — Орикол ткнул в меня пальцем.

— Да, тоже бесполезно, — Тортус вздохнул и покачал головой. — Вот дыра! Хорошо. Кто, следующий по звёздам? Только чтобы с мозгами?

— Ракот, семь звёзд, — ответил Орикол улыбаясь.

— Ракот? — на лице Тортуса тоже появилась улыбка. — Ракот! Ко мне!

Воин оглядел стоящих перед ним Миргло, с её огромными, бугрящимися мускулами и совсем неженскими пропорциями и здоровяка Ракота, который всё же был массивнее и выше, хотя стоял чуть сгорбившись и опустив взгляд.

— Отныне, новый глава вашей деревни — Ракот.

— Он убийца! — завизжала женщина, у которой явно рушились мечты.

— Глава, — Тортус повысил голос, — эта женщина совсем не имеет уважения. Я недоволен! Наказать и заставить выучить поведение перед лицом Воина!

Глава 27

Для нашей семьи наступили странные дни. Дни, после мести, когда мы оказались самыми важными людьми в деревне. Мы больше не расставались друг с другом. Оказалось, что это тоже тяжело. Нам пришлось заново привыкать к родному человеку под боком. В чём-то идти на уступки. Выходило так, что я приучился за эти годы, что весь дом на мне. Горшки, чашки и кувшины стояли так, как было удобно. Мне. А тут мама снова взяла в свои руки готовку. И я перестал находить вещи на привычных местах. Это раздражало и злило. Приходилось останавливаться и напоминать себе, что это глупо.

Схожие проблемы были и у мамы. Даже у Лейлы. Что поделаться, пришлось узнавать друг друга заново. А ещё, не знаю, как маму, а меня начало тяготить всё, что окружало. Песок, деревня, жители, которые нет-нет, но высовывали любопытные носы из-за углов и циновок окон. Их взгляды я чувствовал, они отдавали страхом. Мы и до этого были словно в одиночестве в деревне, но если раньше нас презирали и избегали, то теперь боялись и остерегались попадаться на глаза. Не такого я ожидал в своих мечтах. Впрочем, ведь я хотел, чтобы никто не смог обидеть нашу семью? Хотел. Что же, желание выполнено. Не стоит винить небо, что моя победа — горчит.

Сегодня мы вышли за пределы песков и расположились на траве, которая пошла в рост после дождей. Я расстелил большой кусок толстой холстины, на которой с удобством расположились мама с сестрой. А я бродил по округе и искал редкие цветы, интересные листики или красивых жучков, которых таскал им на любованье. Мама почти всегда могла сказать название, а иногда и рассказать историю о каждой моей находке. Они сидели в обнимку. Лейла на коленях у мамы, прижавшись к груди. Мама сжимала в объятьях её хрупкое тельце и, наклонившись, вполголоса вела рассказ. Возвращаясь, я любовался ими. Их светлые локоны раскинулись по новой ткани светло-голубых пустынных накидок. Даже эта простая ткань красила моих женщин. А

может быть, дело было просто в ярком оттенке, ещё даже не успевшем начать выгорать на солнце, который им шёл.

Мы, всё ещё были в деревне по совсем простой причине. Ждали тех, кто нас увезёт отсюда. Хотя я назывался чемпионом, но сразу в Арройо нас Тортус не забрал. Он объезжал участок Пустоши, принадлежащий городу, принимал экзамены и возвращался в посёлок. Уже после этого, организовывал небольшой караван, который проезжал по его маршруту, выплачивал награду за возвысившихся и забирал их в Арройо. Хорошо, что напоследок он уточнил у меня, нужен ли нам фургон или мы обойдёмся верховыми ящерами? Пришлось сообщить ему, что, пожалуй, нам хватит ... двух фургонов из тех, что обычно используют торговцы. Тортус был изрядно удивлён, но лишь первые секунды, затем он понимающе кивнул и, хлопнув меня по плечу, забрался на своего ящера.

Хорошо, что он ничего не спросил. Мне было бы неловко говорить про тот фургон, вещи из которого я перетаскивал несколько дней в наш склад-приманку. Даже мне сложно было назвать это иначе, чем грабежом. Однако и отдавать его содержимое кому бы то ни было, я не собирался. Это честный грабёж, они все были виновны. И торгаш, и охранник. Таким нехитрым образом, успокоив свою разыгравшуюся совесть, я с родными, принялся ждать. Тортус обещал управиться за половину месяца. Мы были у него одними из последних для проверки, а обещанные фургоны будут тянуть отнюдь не волю. Поэтому мчались к посёлкам быстрые ящеры, спеша забрать чемпионов. А награды главам, воспитавшим их, не спеша тянулись следом. Арройо не мог ждать месяцы, чтобы собрать свой товар — нас. Ведь выделив нашим поселениям деньги, инструменты, оружие и материалы за то, что те взрастили нас, сам он тоже должен получить награду. Только теперь уже от Морозной Гряды.

Должен заметить, что жизнь в деревне поменялась к лучшему для всех. Даже за эти несколько дней я заметил произошедшие изменения. Я не слышал криков Скирто, гоняющего пацанов на работах. Свежее мясо было на всех столах. В деревне начали дополнительно поднимать стену и строить ещё десяток домов. Газила заставили взять в ученики

парня, ровесника Порто. Охотников, что уходили к Чёрной, стало больше раза в два. Думаю, что Ракот решил следовать плану, разработанному Зариусом. Может быть, через десяток лет, посёлок получит третью звезду. Или даже четвёртую.

Были и изменения, прямо относящиеся ко мне. Я подсказал, где бродят отпущенные мной быки. К моему удивлению, несмотря на прошедшие дни, вдоль реки и чуть глубже в пустоши, удалось найти почти половину из них. Привели в порядок, спрятанный мной фургон. На нём уехала в Плекто Орма, сопровождаемая Гризмо с парой крепких мужчин. Признаться, я вздохнул с облегчением, избавленный от тяжёлого выбора. Я не сильно верил, что она не участвовала в делах Кардо, а опасаться получить отраву в еде? Пошёл слух, что Ракот чуть ли не силой отправил её к родным. Мудрый ход с его стороны. Ещё ходил слух, что Миргло прилюдно заявила, что ноги её больше не будет в этой дыре и заставила Котила выкупить и начать ремонтировать старый деревенский фургон. Его, меняющего с Ма навесы на всех вытащенных под солнце фургонах, я видел лично. Может и правда. Тяжело это, когда за твоей спиной смеются.

Вечерами я собирал своих учеников. Впрочем, наличие второго оказалось неожиданностью только для Тукто. Дара, задрав нос, заявила, что сразу всё поняла, как только услышала первый раз от меня его имя. Тут я ей не очень верил, скорее всего, она догадалась об этом, тогда, когда пошли слухи, что я учу его читать. Трудно было бы ей не сделать выводы. Хотя тот же Тукто это не сделал. Кроме разговоров о Возвышении и упражнений на воображение и закалку, мне пришлось выделить время и для рассказа им обо всей моей истории мести.

— Вот как-то так, — я глотнул из своей фляги сладкого отвара.

— Круто, — протянул Тукто.

— Чего крутого то? — изумилась девчонка. — Он же тупил, как последний джейр!

— Дира, — пихнул её в плечо мой ученик.

— Ладно, ладно. Я поняла намёк, — ученица пихнула парня в ответ. — Тупил, как не последний джейр.

— Да ладно!

Мне стало обидно. Нет, я действительно совершил много ошибок, например, были у меня в отнорке пара трав, которые пусть не были ядом, но попав в рану мада, принесли бы ему немало неприятных ощущений. Можно было выдавить сок на лезвие или плотно завернуть в лист и попробовать плеснуть ему в глаза. Да, ошибки были. Но чтобы такое заявлять?!

— Да ещё в прошлом году, как семёрку взял, нужно было валить в Арройо!

— Так, жара, пустоши, — я развёл руками. — Лейлу жалко было.

— Да нужно было сразу подходить к Воину и проситься в Арройо. Чего бы он, от семёрки отказался? Он бы рявкнул на Кардо, и всё! Выкатили бы один фургон, за вечер его проверили, и в путь.

— Э... Без быков? — нашёлся я.

— Ладно. Нет быков. Хотя купить пару всё равно можно было заранее. Не хотел унижаться перед Воином, можно было уйти с караваном. Вроде через месяц, — она задумалась, — или два, но точно до налогов, был небольшой караван. Всяко, у вас денег на место бы хватило. Нет, отец бы дал на такое дело. Я сама слышала, как он раз предлагал твоей матери.

— Э...

Я задумался. Чего бы такое ответить? Ведь права, по сути. Раз Тортус меня раскрыл, можно было и уйти отсюда. Он на это в разговоре не намекал? Не помню. Год прошёл. Даже моя память не помнит таких деталей.

— Да где бы я ещё столько заработал? Считай год, я бездельничал в деревне и ходил травы собирал.

— Это да, — вздохнул Тукто. — Вы столько приволокли в деревню, что у всех глаза полезли.

— Отговорки! — сверкнула глазами из-под чёлки Дира.

— Да, — кивнул я, игнорируя девчонку. — Вовремя Ракот стену поднимает. Если ещё недели две не уедем, то, пожалуй, и Звери потянутся.

— Или Монстры, — Дира захихикала. — Их шкуры всяко дороже.

Некоторое время мы все вместе хохотали. А затем Дира откинула чёлку и заявила.

— А всё равно дурак! Хочешь, докажу?

— Ну, давай, — легкомысленно согласился я, не ожидая нового подвоха, а зря.

— Вот когда тебя поили грибом? Ты чего? Не мог выплюнуть всё на Виргла? Чтобы ему неповадно было. Сам говорил — даже через кожу впитывается! Пусть бы побегал! У тебя-то противоядие было! — и Дира показала мне язык.

— Грёбанный дарс, — восхищённо протянул Тукто, а я только открывал и закрывал рот.

— Не додумался, — честно признал я, глядя, как Дира задирает нос. Вот грёбанный дарс! Нужно о чём-то другом поговорить. — Ладно. Тукто, вижу, принёс? Давай.

Парень положил передо мной свёрток из ткани и развернул его. Я просил его принести бумагу и чернила. Его отец заправлял теперь в хижине главы. Это было из его запасов. Насколько я знал, Орма мало что забрала из бывшего дома.

— Глядите, — я рисовал Чёрную гору, и выходило у меня неважно. Больше двух лет не брал в руки кисть и перо. Отвык. — Рано или поздно либо вас пошлют туда, либо сами придёте. Вот вход в огород деревни. Вот тут мои пещерки, далеко от них, вряд ли там кто появится, но вы не затягивайте с посещением. А ну, как твой отец развернётся, и там людей будут толпы бродить? Чужих, притом.

— Учтём. Если что, отца попрошу сходить, — кивнул Тукто.

— Вот здесь пещера с травами, — я набросал и её рисунок. Даже те ходы и развилки, что помнил. — Мы с мамой урожай собрали, но там и совсем молодых растений осталось

прилично. Через год, другой, там будет отменный огород. Входы мы завалили, вам рычаг понадобится. Никто не доберётся. И...- я задумался, — Действительно, идите с Ракотом, да с парой охотников, пораньше. Так, надёжнее будет. Мало ли что за Зверь там остальных съест. Будьте осторожны, чтобы моё наследство не принесло вам беды. Лучше, Тукто, через полгода отцу прямо скажи, да сходите, урожай снимите, чтобы небо не гневить. К тому времени там точно Зверь появится.

— Хорошо, — серьёзно кивнул парень.

— Спасибо, — чему-то скривившись, поблагодарила Дира.

— Тукто, ты воду принёс? — увидев кивок, я улыбнулся. — Тогда до завтра.

— Ты думаешь, — ребята переглянулись, — Мы пропустим такое зрелище?

Я оставил ребят на площади, они, споря, выбирали скамейку, будто выбрать одну из двух ближайших — это тяжело. А я прошёл дальше, мне нужен был Орикол. Есть у меня к нему два дела. Обошёл дом по кругу, срывая с окон циновки и пуская в него свежий воздух и свет.

— Уважаемый, — я сорвал последнюю завесу с двери и вошёл, чуть морщась от вони скисшего вина и браги.

— Пшёл вон, щ-щенок! — на лежаке заворочался Орикол, пытаюсь встать. — Совсем обнаглел! Ты от меня н-ни разу по шее не получал? Сейч-час, с-сопляк, исправлю.

Будь это в другое время, я бы, пожалуй, был осторожнее. Пусть формально мы равны в ранге, но он настоящий боец, годы сражавшийся в рядах ордена. Не Калги. Но сейчас, глядя на его неловкие движения, плывущий взгляд, я лишь презрительно улыбался. А ведь будь он настоящим учителем? Каких бы высот я уже достиг? Ведь он мог показать мне настоящие упражнения для копья, поучить бою, рассказать о ждущем меня в Морозной Гряде. Чем больше я думал над словами мамы о ждущем нас отношении в Первом, тем больше я видел в байках Орикола подтверждения её слов. Алкаш! Я едва удержался, чтобы не сплунуть. Вместо этого выплеснул на Орикола ведро, подхваченное у входа.

— Сектантская отрыжка! Ты чё творишь? — Орикол стирал с лица воду, оставляя грязные разводы от рук, и таращил глаза.

— Помогаю уважаемому учителю навести порядок в доме, — честно, без насмешки, как привык разговаривать со всеми в деревне, ответил я и подхватил второе ведро.

— Хватит, парень. Моя служба в ордене всегда заставляла меня примерять на себя шкуру стоящего напротив. И я тебя могу понять, — он смахнул последние капли с лица, которое уже было почти чистым. — Но и ты пойми — я только-только отсюда вырвался и снова в эти пески и жару. Навсегда. Ты можешь себе это представить в свои двенадцать? Ни хрена!

— Я пробовал. Честно, — добавил я, глядя, как он скривился. — И вторую нашу встречу отнёсся с уважением к вам. Но вы сами его уничтожили.

— Да, возможно. Язык меня часто втягивал в беду, — Орикол вздохнул. — Ты чего припёрся? Поиздеваться и помотать мне душу?

— Нет, — я криво улыбнулся. — Дать шанс.

— Ты? — меня осмотрели с ног до головы. — Шанс на что?

— Ну, конечно, не на возвращение в Первый. Я не Император, — уж в этом у меня был хороший учитель, и я не преминул это показать.

— Так, ты меня умыл, я и сам это вижу, — Орикол не остался в долгу.

— Шанс выбраться отсюда или, — я помолчал, — хотя бы, перестать пить.

— Перестать пить? Это ты загнул. Я ж пью именно от тоски по невозможному. Я ведь хотел всё и побыстрее, а теперь, — он оборвал сам себя. — Ладно. Говори чего там у тебя и закончим. У меня, из-за тебя, впереди долгий день и больная голова.

— Ученик, который поднимет вас на ступеньку.

— Кто? Те сосунки, что бегают за тобой как ягнёнок за сиськой? — Орикол вскочил с ложа и навис надо мной. — Подачку хочешь сунуть?

— Нет, — я покачал головой, улыбаясь и разглядывая карие глаза в красных точках от возлияний. — Я им сказал сразу, чтобы они не смели называть вас учителем. Они мои.

— И? — Орикол засмеялся и рухнул обратно в вонючие мокрые шкуры. — Излагай, я что-то плохо соображаю.

— Ваш старый ученик, Рикто. Я ведь почти в открытую говорил вам — он отравлен!

— Что? — бывший Воин снова подскочил с лежака. — Какого дарса? Ты о чём?

— Пить нужно меньше! — я скривился и процедил, едва удерживаясь от грубости. — Тут от одного запаха голова кружится. Уважаемый, если хоть что-то в голове мелькнуло, то жду на улице. В приличном виде.

Я сел на ту скамейку, которую всегда занимал Виргл и так же откинулся на горячий саман за спиной. Удобно. Хорошо умел устроиться. За спиной заскрипел песок, и рядом опустился Орикол. Сухой и сменивший рубаху.

— Так, вы двое! Бегом отсюда! — рыкнул учитель и, помолчав, обратился уже ко мне. — Знаешь, пацан, если тебе снежинки не свернут голову, то далеко пойдёшь.

— Снежинки? — Я открыл глаза. Кажется, о них он уже упоминал.

— Что? Тоже интересно? — Орикол ухмыльнулся. — Сначала ты.

— Ладно, — я чуть пожал плечами. Неважно. Преимущество на моей стороне. — Не знаю, кто это придумал. Вряд ли сопляк Виргл. Ему ведь тогда, наверное, было как мне? Даже меньше. А может и он. Грязи в нём хватало. В общем, чем-то чемпион Рикто им не угодил. Сначала ему, затем мне подлили один яд. Не дающий возвышаться.

— Вот сектантское подхвостье! Так, — Орикол глянул на меня исподлобья. — Но ты-то — нормальный!

— Да, — я кивнул и вытащил из кармана крохотный кувшинчик, у мамы зелья хватило на четыре порции. — Объясняю. Травы нужно знать, да ещё и найти. Да ещё и сварить верно. А это непросто. У меня в руке — результаты двух лет поисков. Продаю.

— Ха! — Орикол не изменил позы, пытаюсь давить взглядом. — Столько лет прошло. А если он так и не сдвинется?

— Ха! — парировал я. — Возвышение он не прерывал и старался изо всех сил. А уж, сколько лет, неважно. А если теперь, как брага пробку вышибет и попрёт? Ещё и Тукто обгонит?

— Значит, шанс? — Орикол отвернулся.

— Шанс, — подтвердил я и замолчал.

— Хорошо, — Орикол снова поглядел на меня. Теперь без угрозы и давления. — Чего ты хочешь?

— Мама сказала, что отец купил у тебя технику. Я хочу её.

— Легко, — ухмыльнулся Орикол.

— Но не так, как с отцом, — поставил я условие. — Я должен её понять.

— Да ты не охренел? — Орикол поднял брови и повысил голос. — Он-то был Воином! А ты? Как ты поймёшь технику, которую и применить то не можешь?

— Я не требую меня ей научить. Я должен понимать её, чтобы, когда стану Воином, смог быстро освоить. Выучить буквы назубок, перед тем, как читать вслух.

— Хорошо, — обдумав что-то, ответил Орикол.

— А ты, вообще, её применял сам? — запоздало уточнил я, забыв о вежливости.

— Применял, — хохотнул учитель. — Не бойсь, технику я отлично знаю.

— А, вообще, было бы здорово, если бы ты подсказал, как прорваться к Воину, — закинул я наживку.

— Э, нет, — ухмыльнулся Орикол и поскрёб шею. — Сам бы не рассказал тебе — чтобы ты мучился и злился. Но можешь быть спокоен. Это не я урод, который на тебя обиделся. Это закрыли под клятву. Никому не нужны здесь тайно обученные Воины. Только так, как отец твой. Сам, своим трудом. Говорят, один из ста тысяч возвышающихся в Нулевом, становится Воином сам.

— И что? Клятва остановит тебя? — я попытался уложить в голову озвученные цифры. Не выходило.

— Клятва, наложенная мастером Указов? — засмеялся Орикол. — У меня тут же сердце и остановится. И десятка слов сказать не сумею.

— Мастер Указов? — я даже подался вперёд, так меня это заинтересовало. И, похоже, я сделал это зря. — Кто это?

— Ха, — Орикол отвернулся от меня, вытянул босые ноги и пошевелил грязными пальцами на них. — Раз ты всё в торговлю перевёл, то плати за знания. Хоть так буду твоим учителем. Нанятым, — и он засмеялся, бросив на меня косой взгляд.

— И что ты хочешь за рассказы о Первом, — досадуя на самого себя, уточнил я, — которые обычно травил по пьяни просто так?

— Ещё учеников.

— Не понял? — протянул я, невольно сузив глаза. — Подачку?

— Нет, — Орикол усмехнулся. — Какая подачка? Сделка. За Рикто — техника. За Диру — советы о жизни в Школе. За Тукто — советы, куда заглянуть в городе и рассказ об Указах. — Ну! Сделка?

Как он на меня насел. Я покрутил в голове его предложение. Оно мне, вообще, не нравилось. Было грязным. В духе проделок не то что Виргла, а, скорее, Скирто.

— Да пошёл ты.

Я окончательно отбросил вежливость к старшему и встал со скамьи. Пойду, Рикто сам противоядие отдам. Алкаш.

— Стой!

Меня схватили за руку. Я дёрнулся, пытаюсь вырваться. Тщетно. Формально мы равны по силе и возможностям. Но вот жизнь показывает разницу в опыте. Я просто не могу вырваться, будто он сильнее меня, как минимум на две звезды! Дарсов алкаш, сколько мог бы научить учеников! Я ухватился второй рукой, пытаюсь разжать его хватку. Никакого результата! Какого дарса! Орикол положил свободную руку мне на плечо и надавил. И, видимо, тоже не получил ожидаемого.

— Да ты полон сюрпризов, — улыбка пьянчуги стала шире, он вцепился мне в плечо, вжимая пальцы всё глубже и глубже.

Даже моё закалённое тело не выдерживало и вминалось, будто это не пальцы человека, а костяные шипы мада. Плечо начало жечь, а рука слабеть. В силе мне не выиграть! Я бросил попытку высвободиться и ударил в горло. Не попал, Орикол закрылся от кулака плечом, но меня отпустил и шагнул назад.

— Довольно! — громко приказал бывший Воин.

Конечно, уже бегу, падаю, выполняя приказ. Ты мне никто! Я двинулся влево, вырисовывая шагами вокруг него круг. И бросился, как мне казалось, неожиданно. Тщетно. Да, я был быстрее. И что? Протрезвевший Орикол стоял на месте, лишь разворачиваясь ко мне лицом. Спокойно, с кажущейся неторопливостью отмахивался от меня ладонями, не меняясь в лице. Вот только его неспешные с виду движения всегда встречали мои резкие и быстрые. Я разозлился и с тоской вспомнил о кинжале в хижине, а в следующую секунду мой противник пригнулся к земле, крутанулся, и я внезапно оказался сбитым с ног.

— Успокойся! — Орикол отскочил назад и говорил со мной уже из-за заборчика площади. — Не буду я покупать твоих учеников. Это проверка была.

— Проверка? Чего проверка? — выплюнул я слова вместе с песком, что набился мне в рот во время падения.

— Неважно. Приходи через пару дней. Я напишу свиток и расскажу тебе пару вещей о твоём будущем.

— Да пошёл ты дарсовы норы искать!

— Не глупи, остынь и приходи. Просто так, поговорить. Твоя идеальная закалка, конечно, хороший козырь, но маловато, чтобы выжить за стенами Морозной Гряды. Эта техника, — он замолчал. — Какого цвета сила, что входит в тебя?

— Синяя, — помолчав, я решил ответить. Это ведь выдуманный цвет. Или нет?

— Тогда просто идеально, — Орикол ткнул в меня пальцем. — Эта техника нужна тебе парень. Поверь, — и отвернулся от меня, ушёл к себе, не ожидая ответа.

А день ещё не закончился. Я сидел под навесом у дома, пытался успокоиться, отрешиться от шума на улочке и решить, что делать дальше, как подошёл дядя Ди.

— Леград, я войду? — раздался из-за спины его голос.

— Конечно, дядя, — я удивился, — что за вопрос?

— Я не один.

Я развернулся и привстал, чтобы над оградой лучше увидеть гостей. Вонючие дарсы! Покот, Раут, Вис и Чаги. Явились, сволочи. Я же вас не трогал, чего вы припёрлись ко мне? Твари! Зачем? Прожили бы ещё неделю-две, и я бы уехал отсюда. А вы решили напомнить о себе. Ещё и дядю втянули.

— Чё нужно?

Я оскалился. Нужно было вам и дальше сидеть по своим норам. Говорят Чаги, после экзамена ни разу не сменялся с Чёрной горы. Гляжу — врут. Вот он — передо мной. Я встал, сделал шаг, чтобы видеть их целиком в проём входа и повёл рукой, разделяя пришедших.

— Дядя Ди, заходите.

— Леград, — дядя вошёл во двор, но по-прежнему стоял между мной и компанией. — Они пришли просить прощения.

— Прощение, — я улыбался. Широко, радостно от мысли о том, как я сейчас буду гнать их пинками до обрыва к реке. —

А может быть, они решили извиниться? Как мне сейчас нужно это извинение!

— Парень.

Это подал голос Покот, невысокий крепыш с заправленной в штаны рубахой, которая обтягивала небольшое пузо. Свистнуло, и он вздрогнул, поднял к глазам руку с вывернутыми пальцами, которая сразу окрасилась кровью. Моего броска камня никто и не заметил.

— Ты как обращаешься к старшему? К чемпиону? — происходящее начинало мне нравиться. Не только сами пришли, но и дают мне отличный повод успокоить мою совесть. — На сколько звёзд я старше тебя, охотник?

— Леград! — охнул дядя, я бросил на него взгляд, и он отшатнулся в сторону. Пусть не вмешивается. Теперь есть только я и они.

— Уважаемый!

Теперь заговорил Вис, среднего роста мужичок, которого выделяли только короткие, едва отросшие после бритья волосы на голове. Он был бледен, но решителен. Пнул стоящих рядом, даже стонущего Покота, и согнулся в поклоне, подавая им пример.

— У вас десять слов, — во мне что-то заныло в предвкушении. Дарсовы отродья. Неважно что вы скажете. Обрыв высок.

— Леград! — я вздрогнул и обернулся на крик. На пороге дома стояла мама. — Ты мне не нравишься таким.

— Прости...

Я вздохнул. Закрыв глаза. Привычно окружил себя огромным шаром синих нитей. Зажёг меридианы. Выдохнул, выпуская из себя злость и то, что радовалось их унижению. Открыл глаза. Виновато улыбнулся маме. Обернулся к тем, кого вместе с дядей Ди спас отец. И кто не удостоил нас даже слова благодарности, после его смерти.

— Говорите с чем пришли.

— Уважаемые, — Вис снова поклонился, теперь уже мне и маме по очереди. — Мы виноваты. Мы действительно пришли просить вас о прощении.

Он что-то зашептал остальным и упал на колени. Через секунду я смотрел на спины четырёх одинаково униженно согнувшихся фигур. Простить их? Они не виноваты в смерти отца. Это было его решение, его битва. В которой они, жалкие шестёрки и недоохотник Раут с его пятью звёздами, ничем не могли помочь. Мне ли, убившему Монстра, не знать, как он быстр и силен? Их вина в другом. Кто мешал им помочь жене того, кто погиб, спасая их жизни? Не едой, так хотя бы купив то, что продавала мама за настоящую цену, а не гроши, прикрикнув на желающих поживиться. Хотя бы поддержать сочувствующим словом? Кто им мешал? Кардо? Нет. Им мешало то, что у них нет совести. Но небо глядит за всеми. Оно так велико и необъятно, что нет места на этой земле, где ты скроешь от него свои поступки. Не поэтому ли вы так мало поднялись к нему?

— Прощения недостаточно попросить. Его нужно заслужить.

— Мы выкупили все ваши вещи и просим принять их вместе с подношением лично от нас. И молим простить нас и не держать зла.

Я ещё раз оглядел стоящих на коленях, наконец, заметил кучу вещей, лежащих рядом с ними. Поглядел вверх. На небо. Высокое и зовущее меня к себе.

— Я вас прощаю. Идите.

Не слушая дальнейших слов, я развернулся и напрямую, через заборы, чтобы не проходить мимо тех, кого сотни раз проклинал, отправился прочь в пустоши. Мне нужно побыть одному.

Глава 28

Волновался ли я? Конечно. Даже я немного волновался, что же говорить о маме? Лицо её было спокойно, но я видел, как побелели пальцы, сжимавшие борт фургона. Слышал треск дерева, которое не выдерживало силы её эмоций. Впереди уже можно было различить лица людей у высоких стен Арройо.

Да, перед нами были стены места, где мы с мамой появились на свет. Где были родные нам люди, от которых мы так и не дождались помощи. Отсюда, с невысокого, но всё-таки холма открывался вид на весь посёлок, позволяя нам заглянуть за его стены. Я вытянул из мамы всё, что она знала про него. А знала она много, не зря хвалилась, что большая часть библиотеки посёлка ей прочитана. Поселение было создано вокруг небольшого озера с подземным источником. Сейчас, спустя годы, люди окружили озеро искусственными берегами. Сомневаюсь, что это глина и не могу представить, сколько ушло сил, на то, чтобы вырубить в окрестных развалинах Древних столько камня. Но сейчас, в центре посёлка на его площади было огромное голубое зеркало воды в чёрной, прямоугольной оправе. За высокими укреплениями были не только сотни привычных мне невысоких домиков, но стояли и огромные, возвышающиеся даже над стенами, здания, с необычными, изогнутыми ярко-красными крышами.

— Знакомые лица, — внезапно сказала мама. — Одного из стражников я помню. Лицо точно знакомо, а вот имя. Никак не вспоминается. Столько лет.

— А какая разница?

— Да никакой. Просто.

Мама замолчала. Нарушила тишину Лейла. И я ей был благодарен, потому что молчание тяготило и, казалось, что мама обиделась, но, чтобы заговорить самому, ничего не приходило в голову.

— А как зовут бабушку с дедушкой?

— Марвит и Леги.

— Леги, — протянул я. — Это не по ней назвали сестру?

Та тут же навестила уши и уставилась любопытными глазёнками на маму.

— Да. Римило скучал. Я не то чтобы была рада, но и сильно не противилась. А теперь, — мама наклонилась и нажала на носик Лейлы. — Считаю, что это лучшее имя на свете для моей девочки.

— Да! — закричала сестра и принялась подпрыгивать на скамейке передка. Ящеры невозмутимо и привычно продолжали бежать за головной повозкой.

Мама ещё в первый же день объединения фургонов в караван, отослала прочь извозчика из Арройо. Парень, даже не знавший маму, с удовольствием и без споров уступил ей вожжи и погоняло, а сам перебрался к приятелю на наш второй фургон. Зря он ухмылялся. Мамино опыта путешествий с лихвой хватало, чтобы заткнуть за пояс любого из этих парней. Хотя меня то, с какой точностью мы, все чемпионы, в один день съехали к тому озеру в пустошах, сильно впечатлило. А услышав от мамы, что через год практики, да в одном и том же месте, любой, у кого мозгов больше, чем у джейра, сможет так же, лишь недоверчиво покрутил головой.

Проверять это я не собирался. И ни разу не попросил вожжи у мамы. Я не смогу всё успеть. Мне и так хватает своих забот. После неспешной прогулки до Чёрной и обратно я вернулся изрядно успокоившийся. На это путешествие у меня ушёл целый день, потому что я впервые не бежал, выжимая из себя всю доступную мне скорость, и уговаривая тело впитывать всё больше и больше силы. Нет. Я просто прогуливался, устроив себе полный отдых от всего, и, вообще, не думал о силе. Шёл, оглядывая робкую зелень молодой травы, которая изо всех сил спешила вырасти, пока с неба каплют первые и такие долгожданные дожди. Трогал тёмную, горячую, грубую и глубокоизрезанную морщинами кору свинцовых деревьев, с которой дожди ещё не сумели смыть пыль окончившейся суши. Растирал в руках крохотные листики протуса и нюхал пальцы, которые пахли детством и Лейлой. Провожал взглядом спугнутых, из невыгоревших остатков

засохшей травы, птиц и замирал, глядя им вслед в небо. Смотрел на высокие тёмные облака, что неспешно ползли по нему, считал далёкие молнии. И ни о чём не думал. Очнувшись от созерцания, снова шёл вперёд.

На следующий день я сходил к Ориколу, уже вполне спокойно с ним поговорил. О многих вещах. Окончил все дела. Отдал последний долг Рикто. И теперь у меня в руках был свиток с техникой. Его бывший Воин начал писать ещё для моего отца, а вручил только мне. Зря мама наговаривала на него. Они просто не успели. Но, едва проглядев описание техники, я понял, что она ничуть не смогла бы помочь отцу. И отложил свиток, ничего не сказав маме. Ни к чему.

Теперь же настала пора снова раскатать его. Столь странная архаичная форма книги была данью традиции и удобству тренировки. И я все эти дни путешествия провёл, почти не сходя с фургона. Заучивал названия узлов, пути следования силы и пытался повторить технику на своей схеме меридианов. Легче всего у меня вышло заучить печати с символами и надписями. Неудивительно, после беседы с Ориколом, ясно, что воображение — это моя сильная сторона. Вот только с проведением силы и запитыванием печати результатов не было. Ведь не было средоточия, с которого и должен начинаться путь восхождения Воина. Да и вообще ничего не было. Только каналы силы с зачатками будущих узлов.

И глядя на проплывающую мимо Пустошь, я размышлял и о природе Воинов, пытаюсь разгадать тайну самостоятельного прорыва. Ведь то, что сделал один человек, всегда может повторить другой. Эту умную мысль часто пишут в трактатах. Другое дело, сколько у него уйдёт на это времени? Больше всего я склонялся к мнению, что ничего сложного в этом нет. Путь к небу не может иметь таких искусственных преград, которые требовали бы обязательной посторонней помощи. Иначе, как появились первые Воины? Есть только талант и то, сколько силы ты можешь вобрать в себя. А значит, этой силы в Пустошах просто слишком мало. Вот и весь секрет, вокруг которого нагнали тумана. Ведь Монстров много, гораздо больше, чем один из десяти тысяч Зверей. А главное, их отличие от людей в том, что они не сами впитывают силу, а

ищут её концентрат в растениях. Путь — запрещённый для упавших в Нулевой. Тогда логично, что отец, долгие годы странствий впитывавший энергию для развития, всё же собрал её достаточно, чтобы создать в себе средоточие. Впрочем, не пройдёт и трёх недель, как я точно это узнаю.

Узнаю заодно, так ли хороша техника, что отдал мне Орикол. Расхваливал её он так, что будь я обычным покупателем, то тут же вывернул все карманы и побежал занимать денег у приятелей, лишь бы заполучить её. Суть такова. Есть множество различных техник. В Первом круге возвышающимся доступны только их первые два ранга. Человеческий и Земной. Каждый ранг имеет три уровня. В Школе Ордена, куда мы все попадём через три недели, есть возможность получить техники Человеческого ранга низкого и среднего уровня. Перешедшие через год обучения в Академию Ордена и проявившие усердие, могут рассчитывать на высший уровень Человеческого ранга. Низкий уровень Земного ранга доступен только Попечителям.

И истинное сокровище, которому нечего было делать в Нулевом, технику такого ранга, не принадлежащую Ордену, мне и передал Орикол. Ледяные шипы. По его объяснениям — эта Земная техника была на голову выше предыдущего Человеческого ранга. И она позволит мне с равным успехом применять её с момента освоения двенадцати узлов меридианов и до тех пор, пока я не достигну пика Воина, лишь наращивая свою мощь. Единственный и огромный минус, который мне с довольной ухмылкой сообщил Орикол, после вручения свитка — это то, что любой, увидев работу этой техники, тут же поймёт её ранг и пожелает заполучить. И посоветовал не светить её перед чужими глазами до тех пор, пока не получу хотя бы пятую звезду и приличный ранг в иерархии Ордена. Говоря прямо — через годы. Хотя в полную мощь, отдав все силы только на её освоение, если уж у меня талант, технику я смогу использовать уже на четвёртой звезде. Вот так. Но это не ослабило мой энтузиазм. Мне ли привыкать скрывать свои возможности?

Отвлёкшись от воспоминаний, я с любопытством завертел головой. Да. Это и с расстояния смотрелось внушительно, но вот сейчас, когда мы стояли в воротах, эмоции просто

зашкаливали. Даже у меня. Лейла же просто раскрыла рот. Стены того же самана, но высотой ростов в шесть взрослого мужчины. Они возвышались над нами, нависали и давили. Гладкая поверхность, явно чем-то обработанная, уходила вверх, заставляя задирать голову, чтобы снова увидеть венчающие ограду зубцы. А вот ворота были гораздо меньше, всего роста в два, зато полностью металлические. Открытые, они позволяли оценить невероятную толщину стен, из-за которой проход больше напоминал гигантскую длинную нору. И наш караван смело, не останавливаясь, нырнул в неё.

Я, не стесняясь, заинтересованно осматривался по сторонам, но молчал. За меня, и, конечно, за себя, говорила сестрёнка, донимая маму бесконечными вопросами. Посёлок был красив и внутри. Даже с близкого расстояния, когда стала заметна и вездесущая пыль, покрывавшая всё, и потускневшие краски, он всё равно заставлял восхищённо качать головой. Широкие ровные улицы, одинаковые дома, множество людей, лица которых для меня уже не отличались друг от друга и слились в одно. Мы промчались через посёлок, громкими криками возниц разгоняя прохожих со своего пути, и оказались во дворе одного из тех огромных зданий, которые были выше внешних стен.

Старший каравана пробежался вдоль фургонов, отделил чемпионов. Я в очередной раз оглядел нашу кампанию. Большинство парней было в возрасте шестнадцати-восемнадцати лет. Выделялся я, как самый младший, и мужчина, который был даже старше мамы. Немного. За неделю пути мы все хоть немного, но рассказали о себе. И я знал, что его история сильно отличалась от отцовской.

— Приветствую чемпионов нашего округа!

Мои воспоминания прервал громкий голос. Старший каравана зашипел, требуя склониться. Я послушно согнулся в поклоне младшего старшему, но полностью его выполнять не стал. Хватит и того, что сложил руки чашечкой и чуть согнул корпус. Кому я должен кланяться? Разогнулся и нашёл взглядом говорившего.

Мужчина лет сорока стоял, возвышаясь над нами, на ступенях здания. Белоснежная рубашка, я впервые видел

такой яркий цвет, он казался мне ослепительным, тёмно-синие широкие штаны. Длинные чёрные волосы без признаков седины не были ничем стянуты, а сам он был гладко выбрит. Он стоял, сложив руки за спиной, разведя широкие плечи, и скользил по нам безразличным взглядом.

— Я глава Арройо и это мой дом. Всем вам и вашим близким будет оказан приют под моей крышей. Близится время вашего отбытия в земли предков. Через три дня вы снова тронетесь в путь. Время отдыха вы можете потратить на осмотр моего посёлка и посещение его лавок. Каждому будет выделен сопровождающий и небольшая сумма для покупок. Мне хочется, чтобы в ваших сердцах Арройо остался гостеприимным местом. Рад был увидеть тех, кто сумел исполнить мечту любого ступившего на путь Возвышения.

Больше не сказав ни слова, он развернулся и скрылся в здании. Вокруг загомонили остальные чемпионы. В основном все поражались, как мало он нам уделил внимания. Хотя были и молчавшие, как я. Похоже, они тоже знали о нашем будущем чуть больше остальных. А может, как мама, сами умели глядеть наперёд и не ждали сказок. По мне, большего от главы пятизвёздочного посёлка, тем, кто уже послезавтра уедет навсегда, и ждать глупо. Он проявил вежливость, сказал пару добрых слов и постарался, чтобы у нас осталось приятное воспоминание о потраченных чужих деньгах. Вдруг минут годы и кто-то из нас вернётся сюда Проверяющим? Как Тортус.

— Пора? — я терпеливо дождался, когда уляжется суeta обустройства и наши фургоны найдут своё место.

— Да, идём.

Мама заново перетянула красной лентой свои волосы, глубоко вздохнула и первой пошла к воротам на улицу. От сопровождающего она отказалась, сказав старшему, что это её родной город и сама может кому угодно показать его. Я, с нетерпеливо стучащей по мне пятками сестрой, двинул следом. Мама волновалась и поэтому почти без умолку рассказывала нам, что это за улица, что было вот в этом доме, вон в том, что самое вкусное готовили вот в этой харчевне, куда они с Римило однажды ходили после удачно проданного меча. Лейла была только рада, а я понимал маму. И слушал,

кивал и улыбался. Я, после Гриба, не гадаю, что впереди, я приму любую правду и лишь затем начну думать, что с ней делать.

— Здесь, — мама оглянулась на меня.

Я кивнул и спустил с плеч Лейлу. Это явно был нежилой дом. Я огляделся. Вернее, не только жилой. Может, на втором этаже и жили, но огромные мутноватые окна первого на ночь запирались металлическими ставнями. Сейчас они были откинuty и превращены в подобие прилавка. Мы, не раз, уже проходили мимо таких, да и фургоны Алмы были устроены схожим образом. Здесь продавали травы и крохотные кувшинчики, подобные тем, в котором у нас хранилось средство от Гриба. За разложенным товаром приглядывал парень. Мой ровесник.

— Эй, уважаемые! — он тут же шагнул к нам, стоило только остановиться. — У нас стоит купить! Такие же, как у бородатого Арни, цены, но зато мы всегда славились качеством! У нас не хуже, чем у гильдейских! Подходи, выбирай, покупай и вспоминай добрым словом! Я смотрю, вы путешественники, а значит...

— Молодец, молодец, — остановила его мама. — Мы не будем покупать.

— И чё надо? — улыбка с лица парня исчезла.

— Кто хозяин лавки? Ирос?

— Не, Везунчик умер, два года как. Мастер — Калио.

— Отлично! — мама кивнула. — Мы к ней.

Она уверенно двинулась к дверям, отвернувшись от пацана. Громко зазвенел колокольчик, оповещая весь дом о вошедших гостях. Я с интересом закрутил головой не хуже сестры. Большая комната, с улицы плохо различимая через мутное стекло, теперь отлично была видна. Поделена пополам прилавком от стены до стены. На той стороне стены закрыты полками, в углу дверь и лестница наверх. На полках уже нет трав, а всё плотно заставлено пузырьками непрозрачного стекла. Удивительно. Богатство посёлка бросалось в глаза на каждом шагу. Я впервые увидел стекло в Арройо и был

поражён этими огромными окнами, а его применяют даже для розлива зелий. Я понимаю, что здесь, в магазине, стоят дорогие снадобья, но всё же.

— Ласик? — женский голос глухо доносился из-за двери, ведущий вглубь здания.

— Гости, мастер! — громко отозвался парень, стоящий в дверях и смотрящий и за нами, и за улицей.

— Иду!

Парень ещё раз оглядел нас, хмыкнул и вернулся к своему прилавку. Колокольчик снова зазвенел. Тоже дорогие вещи. И дверь, снаружи также, как и ставни, сделанная из серого металла, а внутри покрытая пусть тонким, но деревом. И колокольчик, изготовленный так искусно, что, пожалуй, тем простым инструментом, что достался мне в наследство, так и не выковать. А значит и цена у него тоже не медь. Меня поражало количество железа и дерева в этом посёлке. И это всего пять звёзд. Что же ждёт меня за границей Нулевого? Последний бедняк будет есть с золота?

— Добрый день, — открылась внутренняя дверь и к нам, с улыбкой шагнула полноватая женщина, наверное, ровесница мамы. Шагнула и будто споткнулась, вздрогнула и широко открыла чёрные глаза. — Эри?

— Что, так сильно изменилась? — мама хмыкнула. — Не угадать?

— Нет... Да, — хозяйка лавки шагнула к нам, упёрлась в прилавок, остановилась и обшаривала глазами маму. — Похудела, загорела, будто с солнца и не уходишь. Даже глаза стали светлее. А, может, и я уже забыла.

— Ну, ты тоже не прежняя егоза Кали. Ты, наоборот, приятно округлилась. Будто моё ушло к тебе.

— Скажешь тоже, — женщина огладила на себе платье. — Тут две тебя бы понадобилось. Ладно. Это Леград? И дочь? Да?

— Вырос, правда? И почти догнал меня, — мама засмеялась и взъерошила мне волосы. Подтолкнула вперёд сестру. — Лейла. Ей семь.

— А вы уехали? — Калио замялась.

— Восемь лет как, — мама повела рукой. — Дети, это моя подруга детства и юности.

— Здравствуйте, — на два голоса поздоровались мы с сестрой.

— Теперь, видимо, мастер алхимик Калио?

— Да, — женщина кивнула. — Через два года, как вы уехали, Везунчик Ирос дал добро на экзамен в гильдии.

— Прозвище уже получила?

— Нет, — она засмеялась, красиво откинув назад голову с заплетёнными волосами. — Куда мне! Может, как стану старой и морщинистой, а Лас устанет намекать на своё клеймо, то, может, люди и сподобятся.

— Мне кажется, — мама смерила старую подругу взглядом. — Одно прозвище уже сейчас просится на язык.

— Да ладно тебе! — Калио скривилась, оглядела нас и задумалась. Затем мотнула головой. — Лас!

— Чего, мастер? — в дверь просунулась светлая голова.

— У меня гости. Я лавку запираю. Торгуй только своим. Если что разменять, то к мяснику. Смотри, разгильдяй, чтобы не обокрали, пока с приятелями будешь языком чесать.

— Понял, — пацан снова осмотрел нас и нырнул обратно.

У мастера Калио было хорошо. Даже более богатая обстановка, чем внизу. Здесь к дереву и стеклу добавилась ещё и ткань. Ей были обтянуты стены, у окна, видимо, исполняя ту же роль, что и наши циновки, тоже висела тяжёлая плотная ткань. Я не удержался и украдкой пощупал её. Хороша. Ночью такой бы укрывать Лейлу, вместо шкуры. Главное, в этой комнате было уютно. Мы сидели за плетёным столом, схожим с тем, что так и не вернулся к нам в семью. Пили из зелёных чашек отличный отвар, сделанный явно не из сладкого корня. Он был цвета молодой коры свинцового дерева. И горьковат. Но эта горечь была приятна и отлично утолила жажду, что появилась после прогулки по посёлку. А

вот Лейла кривилась до тех пор, пока улыбающаяся Калио не дала ей целую вазочку орехов, сваренных в чём-то сладком.

— Всё это хорошо, — мама взяла чашку двумя руками. — Я вижу, как старательно ты молчишь о Римило. Спасибо тебе.

— Эри, да что ты!

— Но это значит, что ты всё знаешь. И мои письма дошли. Ладно старичьё, — голос мамы дрогнул и она отпила отвар, справляясь с собой. — Но Варо?

— С ним тоже беда. Его парализовало, — Калио вздрогнула, когда чашка в руках мамы лопнула. — Вообще, словно небо прокляло братьев.

— Извини, — мама стряхнула с одежды капли отвара, сгребла осколки. — И рассказывай, не тяни.

И впрямь. Небо словно прокляло наши семьи. Или же, хотело, чтобы я все эти годы оставался в безымянной деревушке. Но эта мысль, как по мне, чересчур самодовольна. Не крутится же весь мир вокруг меня?

Письма пришли. После известия о бедах семьи брата, дядя на отложенные деньги нанял людей, которые должны были привести нас в Арройо. Потратился изрядно и с избытком. Перекупил контракт у нескольких охранников одного большого каравана. Дал им аванс. Приобрёл фургон с быками и одного верхового ящера. И принялся ждать. Прошло два месяца. Никто не вернулся. Прошло четыре. Ни одного известия от них. Люди сошлись во мнении, что те просто сбежали с деньгами и новым фургоном. Уехали на другой конец Нулевого, и всё. Жизнь с чистого листа, но уже не просто охранники, а компаньоны со своим фургоном.

Дядя занял денег у ростовщика. Снова купил фургон. Заключение контракт с пятёркой охотников из гильдии Звероловов. Полный контракт, со всеми гарантиями, что они его не бросят, чтобы не случилось. И сам отправился с ними. Хотя жена кричала в голос. Как чуяла. Уже через месяц они вернулись. На полпути к нам, на ночной стоянке его укусил скорпион. И, похоже, не простой, а Зверь, что сумел прокусить кожу и почти убить ядом. Гильдейцы, обнаружив его утром без сознания, повернули обратно. Едва довезли дядю,

израсходовав все зелья, что у них были. Событие это изрядно всколыхнуло посёлок и обросло слухами. Уж больно необычный случай. Где это слыхано, чтобы восьмая звезда слёг от укуса песчаной мелкой твари? Ещё змеи куда ни шло.

Родители его кинулись к травникам и врачам. Потратив уже свои сбережения, спасли ему жизнь, хотя ногу пришлось отрезать. И дядя остался парализованным. Сильный яд. Долго находился в теле. Врачи развели руками и оставили больного. Но он хотя бы пришёл в себя. Старики заняли денег у знакомых и принялись пробовать средства, которые могли поднять его на ноги. Безрезультатно. А дела в его пекарне без должного пригляда пошли как-то совсем плохо. Дочь была ученицей у травника и плохо понимала в деле отца. Старики дяди тем более. Жена его, вообще, была, как пишут в книгах, комнатным цветком. А подмастерье, на которого и оставил дело дядя, что-то не справлялся. То грибок заведётся в муке, то в цене обманут, то вкус у ночной выпечки такой, что покупателям ещё и должны остались. Дело не только перестало приносить прибыль, но и стало убыточным.

И тут появился ростовщик. Заняв по знакомым ещё раз денег, старики купили отсрочку. И только. И она давно истекла. Уже не первый месяц, как ростовщик грозит карами и стражниками. И, похоже, дело идёт к тому, что скоро дядю действительно выставят из родной лавки.

— Да ладно! И деньги частями не берёт? — мама хмыкнула и допила отвар из новой чашки.

— Тёмное дело. Я Сарика не то чтобы знаю, но слухи о нём ходят не первый год. Неприятные слухи. Говорят, Варо взял его в ученики после долгих уговоров. Чуть ли не за услугу от его родителей. Что знаю точно, так это то, что у бывшего его мастера изрядно денег пропало. Доказать не доказали, но из подмастерий он тогда вылетел. и полгода шатался по городу.

— И тут, у Варо как-то резко беды с хлебом пошли.

— Ростовщик ,видно, хочет лавку отжать, — кивнула Калио. — А Сарик, я считаю, в деле. Где это видано, чтобы у опытного подмастерья столько промашек было?

— Деньги есть, вернее, будут, — мама замолчала, что-то обдумывая.

— Да бесполезно, — махнула рукой алхимик. — Они то, свёкры твои, долго скрывали, что долг не отдали. И ростовщик почти год молчал, всё отсрочки им давал за малую долю. Но как он первый раз пришёл и хай поднял про лавку, так старые мастера подняли клич и быстро деньги собрали. А толку? Тот упёрся, что просрочено и денег набежало просто жуть. И всё. Требуем отдать заложенную лавку, да доли выплатить. И дело с концом, мол.

— Что-то можно придумать? — я разорвал тишину за столом, вызвав удивлённый взгляд Калио.

— Нужно просить об услуге главу, — мама не поднимала глаз от стола и о чём-то думала, толкая чашку по столу.

— А он нас примет? — я вспомнил надменного человека, глядевшего на нас сверху вниз.

— Какого главу? — Калио переводила взгляд с меня на маму.

— Посёлка. Только он может надавить на ростовщика.

— Были, — алхимик скривилась. — Грандмастеру он отказал. Сказал — всё в рамках закона.

— Это сложнее, — мама нахмурилась.

— Значит, к д... Э..., — я закашлялся под взглядом мамы. — В общем, ну её к квартирке эту лавку. Мам, если всё что выручим, отдать дяде, на новую хватит?

— Что? — Калио подавилась глотком отвара.

— Мне тоже есть что рассказать тебе подруга. Вот только, — мама снова повернулась ко мне, — ты уверен в таком решении? Всё же у тебя были другие планы на эти деньги. В основном твои деньги.

— Раньше я может и постарался найти другой выход, но после разговора с Ракотом, — я напомнил маме про мешочек, который появился у нас с недавних пор, — совсем уж нищими мы не останемся, а там... Не совсем же мы безрукие? Заработаем. Не привыкать.

— Ты столько сил и крови, — Калио на эти слова округлила глаза на другой стороне стола, — потратил на их добычу.

— Пусть я не помню толком дядю, но вижу, что он потерял всё, пытаюсь помочь нам, — я покачал головой. — Кем я буду в своих глазах, если не отплачу ему? Покотом? Висом? Нет уж. Я лучше возьму пример с другого своего дяди.

— Спасибо, Леград, спасибо, — мама схватила меня за руку и заплакала.

Глава 29

— Леград, прежде чем мы войдём, — мама неожиданно замялась, подбирая слова. — Не принимай близко к сердцу их слова.

— Какая мне разница, — я пожал плечами, сбитый с толку её словами, — что там будут говорить эти, выжившие из ума старики?

— Да, вот так и повторяй себе, — мама кивнула. — Они не стоят того, чтобы на них поднимали руку.

— Мам! — я остановился от удивления. — Да с чего такие мысли?

— А что? У меня нет повода? — мама дёрнула плечом в новом зелёном платье. — Те мужики час, наверное, мне кланялись да благодарили.

— Не повторится такое, — я тоже повторил её жест, и раздражаясь, пошёл, ускоряя шаги и оставляя маму позади, лавку я уже и сам видел. — Я ошибки стараюсь один раз совершать.

— Я промолчу, с какого раза ты правильно шкуру обработал. И это под моим присмотром!

— Это не считается, — я не обернулся на голос мамы.

— А если серьёзно, — мама обогнала меня, преградила путь и посмотрела в глаза. — Даже мне было страшно. Страшнее, чем тогда в пещере. Страшно видеть у ребёнка, своего ребёнка, глаза голодного Монстра.

— Прости.

Горло перехватило. Что мне ещё сказать? Что такое больше не повторится? Я ведь уже не маленький. И может быть так, что у меня не раз ещё появятся враги. Просто нужно, чтобы такое происходило не на её глазах. Или тогда, когда она сама одобрила бы такое.

Мама кивнула, без слов погладила меня по плечу и развернулась к зданию. Очень похоже на дом мастера Калио.

Но беднее и проще, даже побелка старая и уже облезшая. Да и сам квартал, так, кажется, это называется, я, за эти два дня беготни с мамой по посёлку, изрядно нахватался новых слов, был попроще. Тот ближе к центру. А этот у самой стены, буквально жмётся к ней. Дяде и лицензию на торговлю выдали только после его появления. Посёлок тогда изрядно подрос жителями, а учитель его ни дело расширять, ни переходить на товар попроще не захотел. Дядя Варо тогда своё клеймо имел уже пару лет, да вот трудился всё на благо учителя. А тут такой случай. И ему хорошо, и учитель рад. Старики помогли деньгами и дядя отстроил свою пекарню. Я сначала не понял, какой смысл кому-то платить за лепёшку, которую делать то десять минут, если всё под рукой, да очаг протоплен. А потом мама остановила лоточника. И лепёшек у него не было. Я проглотил сладкую, нежную, легко сминающуюся от лёгкого нажатия, штукину за три укуса, с удивлением глядя на пустые пальцы. А мама плакала и снова просила у нас с Лейлой прощения.

Сегодня сестры с нами нет. Мама сразу сказала, что день будет суетливыми и громким. Нечего ей слушать то, что будут кричать старики. Ей-то самой хотелось увидеть бабушку с дедушкой, но мама была непреклонна. Вот и осталась она на попечении старшего нашего сборища живого товара. Тот, конечно, был совершенно этому не рад и, в свою очередь, озадачил того парня, что был нашим погонщиком. Тому деваться было уже некуда. Я украдкой от мамы шепнул ему пару слов, показал кулак, сунул монету и был почти спокоен о сестре. Он с неё глаз не спустит.

— Кого там принесло? Ясно написано — закрыты мы! Читать не умеешь?

Да, написано было. Прямо на двери, мелом, криво. Но мы-то, не покупатели.

— Ты кто? — мама смерила взглядом кричавшего и отвернулась, оглядывая тёмную лавку. — Сарик? Сирана здесь? Или Марвит?

— Здесь, — уже тише ответил парень лет восемнадцати, по очереди оглядывая нас.

Может быть, я предвзят, но мне чудились в его облике черты Скирто. Вроде и лицо у него правильное, совсем не похожее, и глаза карие, и рост с плечами ого-го, и опрятен, и чист он. А попробуй себе докажи, если, кажется, что и глаза у него бегают подозрительно и руки об себя вытирает, будто они грязные. Плохо, когда тебе известно что-то о человеке до первой встречи. Хорошо, когда ты знаешь, что от него можно ожидать. Сначала Калио рассказала о слухах про него, а вчера и ростовщик в разговоре с мамой, когда обсуждали будущее лавки, почти открыто признал, что этот Сарик им куплен. Сказал, что тот будет управлять для него пекарней. Как бы иначе новый хозяин оставил на службе человека, который целый год только и делал, что причинял лавке убытки?

— Ну, так зови, чё стоишь?

— А вы кто такие? — парень за прилавком не шевельнулся.

— Просто Сирану зови, тебе какое дело, молокосос?

— Ага.

Сарик попятился от окрика мамы и задом вышел в дверь. Она, в отличие от лавки Калио, была напротив входа. Совсем дешёвая, сплетенная в несколько слоёв из чего-то, похожего на привычный мне камыш. И мама только что сделала мне выговор о моём взгляде? Что же у неё в глазах, если парень даже побледнел и забыл все свои вопросы?

— Крысёныш, — с явно различимой ненавистью, с которой она раньше говорила только о Кардо, процедила мама.

— А? — она тоже думает, что он похож на Скирто?

— Мы, с пустым, бурчащим брюхом, засыпая в холодной конуре, видели сны, что взяли в сезон работать на ферму и можно хоть пожрать. Ученичество было мечтой! Крысёныш, предавший двух мастеров!

Мама отвернулась от двери, и я понял, что Сарик видел в её глазах. Она говорила о голоде Монстра в моих, а я в её замечая отблеск смертоносной стали. Так сверкает наконечник моего копья. И я вспомнил разговор с Ракотом.

— Парень, ты, конечно, уезжаешь, и мы никогда не увидимся, но мне хотелось бы, чтобы ты не держал зла на меня.

— Да я вроде и не держу? — я удивился. Все, к кому у меня были счёты, наказаны на площади. К чему этот разговор? Зачем, вообще, лезть ко мне? Снова и снова?

— Знаю, что не держишь. Моя должность тому свидетельство. Ведь скажи ты хоть слово и я бы лёг рядом с Кардо, как его правая рука, а не стал главой.

— Ты говоришь о подлостях, — я скривился. — Чтобы я стал ровней Вирглу? Никогда. Чтобы я решал чужими руками мелкие обиды? Я даже Орму отпустил. Или ты спасал её, отправив прочь?

— Никогда её не любил, — Ракот скривился. — Спасать. И мысли такой не было. Мне самому спокойнее без неё. Я знаю. С кем ты хотел посчитаться, то сразу посчитался на экзамене. И за сына тебе тоже благодарен. За обоих.

— Так, это Тукто предложил поговорить со мной? — я начал понимать.

— Не только, — Ракот помотал головой. — Я сам этого хочу. Я решил всё до конца обговорить. Чтобы ты меня понял. Не люблю недомолвок. Особенно последнее время.

— А оно мне надо? Понимать? Тебя?

Я посмотрел на Ракота так, как смотрел три дня назад на пришедших с дядей Ди. Я теперь легко могу это делать. А то он слишком спокоен, говоря о понимании. Мне понятно, почему Тукто наседали на отца. Если небо не отвернётся от него, то года через три он с семьёй, а значит и с отцом, приедет в Морозную Гряду. И мы снова встретимся. А ученик у меня, похоже, перестраховщик. Недаром пару дней назад спрашивал, не держу ли зла на его отца. Решил зайти с другой стороны.

— Надо. Мне надо. Как много ты знаешь о своей матери? Насколько хорошо ты её понимаешь?

— Её трогать обязательно? — а действительно, не преподавать ли урок некоторым главам, которые зря трепят

языком? Как там мама говорила о нём? Склоняется перед силой?

— Обязательно, — Ракот побледнел, но взгляда не опустил. — Ты к месту вспомнил Орму. Как думаешь, кто был в их семье главным?

— Станный вопрос, — я отвёл взгляд чуть в сторону. Ракот меня заинтересовал. — Кардо. Хочешь сказать — нет?

— Сложный вопрос. Действовал-то всегда Кардо. Это да. Но вот кто подталкивал его на то, чтобы уехать отсюда? Кто словом там, намёком здесь заставил его убить друга детства?

— А ты тут ни при чём? — я опять улыбнулся так, что Ракот не сразу собрался с духом и продолжил.

— И моя вина есть, не отрицаю. Есть и у меня монстры в голове. В этом я похож на твою мать.

— Поясни, — я окончательно бросил пугать Ракота. Это забавно. Но разговор действительно стал интересным.

— Орма всегда была за спиной мужа и как волам, выбирала погонялом ему путь. Эри не такая. Мы с ней одного помёта джейры. Я всегда признаю правоту того, кто сильнее и уступлю место впереди, чтобы уже он выбирал путь. Она вроде, наоборот, стоит впереди и, кажется, что сама выбирает путь. Но, на самом деле, не может без поддержки за спиной и идёт чужой дорогой, — Ракот тяжело вздохнул. — Всё равно не понятно? Смотри. Вот она приехала в деревню. Всем улыбалась и никто и думать не думал, сколько у неё там звёзд. Но стоило её тронуть, на раздаче мяса, как тот же Кардо получил в нос от неё. Девятка от восьмёрки. Она вовсе его не боялась, потому что за её спиной был муж. Тот, кому наш Кардо был плюнуть и забыть. Это понятно?

— Понятно, — я кивнул и уточнил. — Значит, Кардо тогда избила мама?

— Нет. Она только раз приложилась. За дело, конечно, он совсем тогда обнаглел, с гостей, как со своих требовать. Не знаю уж, что ему в голову ударило. Может, та же Орма, что нашептала. Римило был там же, шагах в десяти. Он и отвесил Кардо от всей своей щедрости. Ладно. Неважно. Что я хочу до

тебя донести. Был сильный муж и она делала то, что считала правильным. Обидели её? Не смолчать и дать сдачи. И сил ей на это хватило своих. Ни у кого не занимала. А вот не стало твоего отца? И всё. Тот же Кардо. Кардо, которому она две недели как нос разбила, стал делать всё, что хотел. И она молчала. Стала как другой человек. Замерла на одном месте. Ничего решить сама не могла.

— Так не только она молчала, — во мне копилась злость всё это время. — Вы все! Ты! Ты тоже молчал. Думаешь, я не помню, как ты выдавал нам тыкву?

— Я не отрицаю, — Ракот выставил вперёд ладони. — Мне и впрямь казалось, что будет лучше, если вы свалите отсюда. А вы всё не уезжали. Вот мы и досыпали на весы причин.

— Не могли.

— Не хотели.

Я вскинул голову и хотел возразить. Но остановился. Я точно мог, но не хотел. Это Дира мне доказала всего в паре фраз. Да и мама. Ведь сам видел, сколько она припрятала мешков с травами. И чуть лучше теперь представляю цены. Шутки шутками о жадности караванщиков, но за такие деньги можно не только место, а фургон выкупить. У неё тоже, как и у меня, давно была возможность уехать отсюда. Значит... Тоже не хотела. Пусть этот здоровяк в чём-то прав. Пусть не стало отца и она спряталась в себя, не бросилась на Кардо с кулаками. Но кое в чём Ракот всё же ошибается. Она не замерла на месте, а выбрала свой путь. Сама. И следовала ему. Она надеялась на месть. Случайно ли ей попалась такая странная книга с Чёрным грибом и противоядием? Что ещё было в тех рецептах? Почему на своих уроках о травах я никогда не видел этой книги? Тогда, в пещере с Монстром, где мама собиралась за пару дней достать яд? Не мечтала ли она о мести так же, как я? Не ждала ли своего шанса? Не твёрдо ли шла по выбранному ей самой пути, невзирая на лишения?

— Вижу, понимаешь меня. Да, парень. Кардо, выходит, убил твоего отца, а вот с остальными бедами вы справились сами. Просто выпросили, если говорить прямо. И это я тоже хотел, чтобы ты понял. Тот же Кардо, последнее время что-то

подозревал, больно изменилась Эри, словно снова за спиной силу почувствовала, вот и злобствовал.

— Ты, Ракот, себя пушистым не делай, — я покачал головой. — И того же Шиго я не просил сбрасывать меня с обрыва.

— Даже не пытаюсь, — Ракот опустил взгляд. — Человек такая тварь, что раз гнильём кинет, два, а дальше уже и дня без этого не мыслит. В этом я с себя вины не снимаю. Кардо сказал, что вас нужно выгнать из деревни, объяснил почему, а я всегда верил ему. И старался.

— И с Зариусом он тебе всё объяснил? — я презрительно усмехнулся.

— Там было не так, — Ракот замялся, но продолжил, — там и своих обид у меня хватало.

— А если я сейчас тебе набью морду, — я оглядел главу, — ты начнёшь меня слушать?

— Это так не работает, Леград, — покачал головой Ракот. — Это, когда я не могу что-то выбрать, сомневаюсь в самом себе и не хочу принимать решение, то да, легче передать выбор другому. Сильному, уверенному в себе. Тому, кто достоин в моих глазах.

— А самому остаться чистым? — я засмеялся. — Отличный выбор! Отличное оправдание!

— Леград, я виноват. Да. И грязи на мне достаточно. Как и вины. Но хотел, чтобы ты понял меня. Ведь прощаешь же ты свою мать? Стой, стой, молчи. Меня с ней не сравнить, я знаю. Очернил всех, чтобы самому стать белее. Может быть. Я влез в твои раны. Знаю, что поздно, да и выглядит жалко. Но всё же — прими как плату за всю грязь и мою вину. Вира.

Я, колеблясь, смотрел на низко склонившегося Ракота и мешочек в вытянутых руках. Больше всего его хотелось ударить. Во всю силу. Чтобы полилась кровь. Но все эти годы я повторял себе о грядущей справедливости и шёл к ней. Бить человека, который сказал правду и, будем справедливыми, на многое открыл мне глаза, заставил по-новому взглянуть на

пережитые испытания? Я Леград. И не стану таким, как все они.

В том мешочке были яшмовые монеты Первого пояса, часть того, что скопил Кардо. Белые, зелёные и пять красных. По словам Ракота, неплохая сумма для новичков в Первом. И вряд ли разрешенные в Нулевом. Именно они теперь стали нашим единственным средством для будущей жизни. Все травы и шкуры за прошедшие два дня превратились сначала в золотые монеты, а затем исчезли в чужих карманах, превратившись в бумаги и печати с разноцветными шнурами.

Я тряхнул головой, выбираясь из воспоминаний. Похоже, мама действительно снова чувствует поддержку за своей спиной. Что же, все эти годы я мечтал, как стану опорой для своей семьи и в нашем доме их никогда не обидят. Здесь и сейчас, в этом посёлке, лишь Тортус может нас остановить. Я скептически ухмылялся своим мыслям. Конечно, я изрядно прихвастнул, но всё же, правда в моих мыслях есть. Этого Сарика есть за что презирать, если мама захочет, то пусть, хоть пинками выносит его отсюда. Мы здесь последний день и мне простят многие нарушения закона. Как и любой десятой звезде. Последние дни, когда мы находимся на пике силы во всём Круге. Две недели пути и наша жизнь круто переменится. Нужно завершить все дела и в этом посёлке. Я прошёлся по лавке, особо разглядывать на пустых стенах было нечего, но и стоять, как истукан надоело, а этот подмастерье словно пропал.

— Эри?! — охнула вошедшая красивая женщина.

— Что? — из-за её спины выскочила, как предполагаю, моя бабушка и подняла крик. — А я старая не верила! Говорили мне, говорили, что видели в городе тебя! Я, то, дура, на смех подняла Венру!

Она кричала, сыпала обвинениями и проклятиями. Я же с любопытством осматривал её. Когда она зашла, я как раз был в углу и меня, похоже, не заметили, мама в центре лавки сразу притянула их взгляды. Лейла и впрямь была похожа на бабушку. Такой же цвет, сейчас поседевших, волос, те же зелёные глаза. Схожие черты лица. Леги и в своём возрасте сохранила осанку и былую красоту. Так, чаще всего и бывает,

если человек достиг значимых высот в возвышении. Полнота Калио — это исключение, которое я редко встречал на улицах посёлка.

— Хватит.

Это значит мой дед. Я на него непохож, разве цвет глаз тот же, хотя я считаю, что глаза у меня мамины. Так, приятнее. Тоже внушает несмотря на свои годы. Один голос чего стоит. Твердый, уверенный в себе. Я знаю, что он не сильно старше бабушки, всего на пару лет. Но сейчас он выглядит настоящим стариком, словно разницы лет десять-пятнадцать. По-прежнему широк в плечах, хоть и мышц былых уже почти не осталось. Он учил отца кузнечному делу. Это Варо, по рассказам мамы, когда не бездельничал, занимался всем подряд, кроме родительского дела, пока не нашёл себя в хлебе. А вот отец сызмальства не уходил из кузни. Но любимчиком, которому всё прощали, остался всё равно старший брат. А отцу не простили женитьбы на бывшей побирушке. Вот что интересно: старший гулял и чудил всю молодость, жену взял из тех, кто ни разу в жизни не работали, в деле своём звёзд с неба не хватал, даже в Возвышении добился их всего восемь. И всю жизнь был любимчиком, и всё ему прощалось. А отцу, который продолжил дело, стал более искусным в металле, чем Марвит, достиг, как и он, девятой звезды, не простили, что он взял в жены маму. Мастера с личным клеймом. Есть на что обидеться.

— Зачем явилась?

— Увидеть единственного своего родственника.

— У тебя здесь нет родственников. И раньше не было, когда ты увела сына из нашего дома, а уж теперь...

— А теперь ты и вовсе его погубила! — перебила мужа Леги. — Погубила в проклятых песках одного сына и другого чуть до могилы не довела! Я бы глаза твои, бесстыжие выцарапала!

— Руки короткие, — мама была спокойна.

— Чой-то короткие? Сейчас-то и проверим!

— А! — взвизгнула жена Варо.

— А ну тихо! — дёрнул за платье жену дед. Она и впрямь порывалась броситься к маме. — Римило умер, тебе и вовсе закрыта сюда дверь. Ты приносишь нам только несчастья. Уходи.

— И тебе, старик, неинтересно, как прожил все эти годы твой сын?

— Эти годы он провёл с тобой, забыв об отце, что мне в них?

— Не ты ли его выгнал из своего дома?

— И этот разговор уже был. Мне нечего тебе добавить.

— Не хочется узнать, исполнил ли Римило твою мечту о десятой звезде?

— Он умер. Это — главное. Что в погибшей мечте для скорбящих стариков?

— Как ты заговорил. А внук?

— В котором я не видел ни капли своей крови, лишь черты воровки?

— А внучка, которая словно отражение Леги?

— Что? Где она? — дёрнулась молчавшая старуха.

— Нет.

— Марвит!

— Нет, я сказал! Чем она, прижатая в песках, лучше первого? Тем, что похожа на тебя?! Моё решение твёрдое! — старик развернулся обратно к маме и махнул рукой на дверь. — Убирайся отсюда! Тебе нет места в нашем доме.

— Это не твой дом, Марвит.

— Сарик! — старик повернулся к молча глазевшему подмастерью. — Выкини её отсюда!

— Марвит, да ты совсем сдал. Стал из ума выживать? Я восьмая звезда! Пусть только протянет свои ручонки, и я сломаю их

— Сарик, зови стражу!

— А сможешь пройти мимо меня, вечный подмастерье? — мама улыбалась, в комнате воцарилось молчание. Сарик, кстати, даже с места не двинулся.

— Что ты хочешь, воровка и убийца?

— Хочу, чтобы ты выслушал меня, узнал о сыне.

— И как ты меня заставишь? Пусть нет причины крикнуть стражу, да и ты стоишь на пути, но рискнёшь ли ты вламываться в дом? Воровка? — старик ухмыльнулся и скомандовал тем, кто стоял по его сторону прилавка. — Уходим!

— Не торопись, — подал я голос.

— Ты ещё кто? — старик только заметил меня, хотя Сарик то и дело косил взглядом в мой угол.

Впрочем, у него был повод, хоть он и не знал о нём. Я всё пытался оставить ему память о предательстве. Но не обычную свою печать ограничения силы. Что ему в Возвышении? Он вовсе не следует этому пути. Нет, я пытался создать кое-что другое. Но ничего не выходило. Либо я неверно определил свой дар по редким оговоркам Орикола. Либо, что более вероятно, мне ещё нужны годы, чтобы настолько отточить своё мастерство. Ладно, пусть живёт, как знает. Оставлю его Небу. Я перевёл взгляд на старика.

— Тот, кто непохож на тебя.

— Щенок! Весь наглостью в мать. Не лезь в дела старших. И больше уважения!

— К кому? Ты мне кто? Я и вижу тебя первый раз за восемь лет. Даже не помню тебя. Похоже, ты и раньше не баловал меня своим вниманием.

— Уважения к старшему, сопляк! Видно, что настоящий сын той, кто выросла на кучах отбросов.

— Старик, — я усмехнулся, — последние годы я слишком часто слышал это слово, придержи язык и слушай, что тебе говорят.

— Иди к дарсу, молокосос! Уходим!

Старик отвернулся от меня и шагнул ко внутренним дверям. Но меня это не устраивало. Разгон в два шага, прыжок, остановка и я перегородил им путь, встав в проёме, надёжно ухватившись руками за стены. Дед рванул меня за руку, затем с силой толкнул в грудь. Я улыбался и молчал. Старик дураком не был. Осунулся и на моих глаза словно постарел ещё лет на пять, окончательно дряхлая.

— Вот оно как... Чемпионы в городе. Сын воровки исполнил мечту тысяч.

— Знаешь, старик, ты уже достал, как мухи на разделке. Почему бы не вспомнить, что я всё же сын Римило, исполнивший его мечту? Где твоя гордость за свою кровь?

— Свою? — процедил старик, сверля меня взглядом выцветших глаз.

— Да эти бредни вы придумали, вы и верили! Больше никто! Никто мне ничего в упрёк поставить не может! Уж на что Варо разгильдяй и повеса, и то, никогда не был на вашей стороне! — внезапно сорвалась на крик мама.

— Мне это надоело, — я понял о чём говорила мама. — Давай закончим с ними.

— Хорошо.

Я смотрел, как мама разжала стиснутые кулаки и сделала несколько вздохов успокаиваясь. Наконец, она кивнула.

— Старик, повернись и выслушай, что скажет тебе жена твоего сына, — он молча стоял и продолжал глядеть на меня. Я представил, что передо мной снова стоит Кардо с ножом. И старик вздрогнул, отвёл взгляд. — Повернись!

Он медленно повернулся.

— Марвит, гордись сыном. Он выполнил мечту. Прорвался и стал десяткой. Он сделал больше. Он сделал то, что удаётся единицам, из тысяч, уезжающих в Первый. Сам, без чьей бы то помощи, создал средоточие и стал Воином. Воином в Нулевом круге. Тебе есть чем гордиться!

Выругался Сарик. Снова охнула Сирана. Я, вообще, заметил, что она живёт эмоциями, словно старается за всех находящихся в лавке. Я не вижу со спины, но не удивлюсь,

если сейчас она широко распахнула глаза и приоткрыла рот. А вот старик и бабушка молчали. Только спина деда выпрямилась.

— Нам оставался месяц пути, когда Римило убил Монстра, напавшего на него. Но и сам был ранен. Я купила зелье Восстановления тела. Что бы ты ни кричал потом, что бы ни говорил или думал — знай. Я купила его при свидетелях и с целыми печатями мастера. Но подлость человеческая не знает границ и зелье оказалось поддельным. Римило умер у меня на руках.

Леги не выдержала и заплакала. Отошла от старика, придерживаемая за локоть Сираной, и села за прилавком, утирая слёзы расшитым рукавом, когда-то яркого платья. Старик же молчал и стоял на месте.

— Мы с твоим внуком и внучкой Лейлой, которой сейчас семь, остались одни. Но, что бы ты не болтал, твой внук тоже оказался велик. Оглянись, он в двенадцать — десятая звезда!

Старик не обернулся, лишь вздрогнула его спина. Да и видел он меня, всё уже понял, зачем ему? А вот Сарик глядел во все глаза, теребя шнуровку на воротах.

— Ты не спрашиваешь, но я скажу тебе. Все те, кто были замешаны в подлоге и убийстве твоего сына мертвы.

— Мне должно стать легче? — прохрипел старик.

— Должно, — жёстко ответила мама. — И странно, если это не так. Твой внук лично вонзил нож в их сердца на глазах всей деревни. Теперь мы уезжаем и ещё одна твоя мечта исполнится — ты больше никогда нас не увидишь.

— Что уж теперь до этого, — старик почти шептал, — если Римило нет.

— Не знаю, Марвит, не знаю. Ты не оправдал моих надежд. Это ведь не мои слова?

— Всё сказала? — старик сорвался на крик. — Уходи прочь!

— Нет, старик, — я засмеялся за его спиной. — Мы лишь поговорили с тобой, теперь я хочу увидеть своего дядю. Говорят он единственный, кто считал нас своей семьёй.

— Вам там нечего делать! — дед раскинул руки, загораживая путь маме.

— Он калека из-за вас! — подала голос Леги.

— Первый раз меня сравнивают с Небом, — я усмехнулся и шагнул в сторону, освобождая проём. — Мама.

— Стойте!

— Старик, не становись посмешищем. Лучше бы с таким жаром следил за нечистым на руку подмастерьем. Ты, старый мастер, упустил такую жирную крысу под носом, — мама откинула в сторону руку, обошла деда, насмехаясь, и начала подниматься вверх по лестнице.

Дядя был вылитой копией своей матери. Или, так мне было приятнее думать, Лейлы. Впрочем, об этом я скорее догадался по цвету волос и глаз. Уж очень плохо он выглядел. Худой, словно передо мной лежал повзрослевший Рикто, белый, как свежая побелка. В комнате стоял тяжёлый неприятный запах, смешанный с ароматом трав и настоев. Я должен был уже привыкнуть за время разговора, но в горле по-прежнему першило. Хотелось открыть окно. У окна плакала девушка, немногим старше меня. Мара. Сестра. И похожа на меня. Не лицом, конечно. Телосложение, пальцы, глаза один в один, разве что волос сильно темнее. Упрямый старик, нужно же было вбить себе в голову такие глупости.

— Поэтому уже завтра мы уезжаем.

— Как же так? — единственное, что, наверное, сохранилось прежнего от дяди, это голос. Сильный, красивый. — Старики вас что? Не пускали всё это время?

— Как бы они сумели? — мама погладила его по руке.

— Так, почему уже завтра? Обычно неделю, самое меньшее в посёлке проводят перед уездом. Я же вас и не увидел толком?

— В этот раз нам выпало три дня. И мы их потратили на беготню по чиновникам.

— Я скучал по вам. Лучше бы провели их со мной. А я думал, что чемпионам везде открытая дорога, — удивился дядя.

— Так и есть, иначе мы бы и за неделю не управились, — кивнула мама. — Мы как слышали про твои беды, так сразу начали действовать.

— Спасибо, тебе, Эри. Да только поздно уже. Даже для чемпиона. Пообещать-то много пообещают, да, только вы за границу Круга, как все обещания позабудут.

— Да уж знаю, кому ты это рассказываешь? — мама улыбнулась, снова смахнула слезу. — Мы всё сделали надёжно. Девочка моя, иди ближе.

— Да, тётя.

Моя двоюродная сестра послушно пересела к кровати. Она, кстати, хоть и напоминала лицом мать, но была совершенно непохожа на неё характером. В разговоре она почти и не участвовала. Никаких эмоций на лице. Словно на ней маска. Да и из того, что я узнал от мамы и Калио, она была очень серьёзной девушка. Плохой талант, вряд ли она в ближайшие годы достигнет пика Закалки, но очень усердный подмастерье. Она давно в учениках у травницы и очень хорошо себя показала. Её часто ставят другие мастера в пример своим ученикам. Не будь её, то нам пришлось бы сложнее. Ранг подмастерья это не только большие хлопоты, но и кое-какие права в глазах чиновников посёлка.

— Смотри. Это бумага из управы главы. У вас оплачено жильё в Зелёном квартале. Небольшой дом в два этажа, синяя крыша, напротив лавки зеленщика. Пять лет вас оттуда никто выселить не может. Не важно — есть долги, нет долгов. Жильё — ваше. Ясно?

— Эри! — охнул дядя Варо и дёрнул головой. Может встать хотел.

— Что Эри? Ты, считай, всё потерял из-за нас. Да и сам, — мама замолчала, дёрнула губами и продолжила. — Это вексель с печатью вашего главы. Это вексель ростовщика. Все записаны на тебя, девочка. Каждому отданы в рост деньги. Эти векселя — их гарантии, что каждый месяц ты, Варо, и ты, Маро, будете получать содержание с этих денег. Вышло немного, но зато надёжно. Этой лавкой пусть ростовщик подавится. Я ему так и сказала вчера.

— Эри!

Тяжёлое зрелище видеть плачущего мужчину, который стал совершенно беспомощен и не может твёрдо смотреть в будущее.

— Ты уж прости Варо, что я всё решила за тебя. Но ты, — мама помолчала и хрипло продолжила, — слёг надолго. Подмастерье твой — вор. Жена твоя, кроме тряпок, ничего не знает в этой жизни. Маро выбрала другое дело. Попробовали мы решить дело с долгами. Но... Там все — не подкопаешься. Плюнула я. Вчера оплатила неустойку за взятые тобой деньги. Старики пусть сами справляются с долгами мастерам, но ростовщику они теперь тоже ничего не должны. Но вот с лавкой связываться не стала. Ростовщик давно на неё глаз положил. Через три дня он её заберёт. А вы перебирайтесь в новый дом. Пять лет у вас будет в любом случае. Ты уж прости, но на большее денег не хватило. Будем надеяться, что к тому времени или Маро станет на ноги, или мы сумеем что-нибудь придумать. Ты уж держись и не сдавайся. Может, найдём в Первом лекарство и сможем передать.

— Спасибо, тётя Эри, — Маро бросилась обнимать маму, впервые за разговор, показав открытые эмоции. Я заметил слёзы на щёках. — Откуда у вас такие деньги?

— Скажем так, — я усмехнулся, впервые после нового знакомства с родными, подавая в разговоре голос. Жаль, что у нас осталось так мало времени на общение. — Я изрядно обиделся на Монстров за отца. Взял с них плату шкурами.

Эпилог

Я с интересом и волнением осматривал приближающуюся границу Нулевого круга и Первого пояса. Выглядит не так, как в рассказах, вернее, не так, как я воображал себе, слушая их.

Стражи формации. Знакомые камни. Такие же высотой в четыре роста мужчины окружали то место, где я убил Паурита. Здесь они раза в четыре больше и выше, почти скалы. Вершины не сколоты, их грани ровные, а поверхность блестит, отражая жаркие лучи солнца с нашей стороны. Они похожи на наконечники копий, что торчат из земли, устремляясь в небо. Предупреждают от попытки сделать лишний шаг. Значит, именно они держат границу, а там, вокруг тех развалин, похожие тоже защищали жителей, но не справились. А вот эти, вдали от основного удара, выдержали и остановили ярость упавшего солнца. Разделили мир Древних на до и после. До — они ограждали цветущие земли вокруг столицы. После — отделили уцелевших от золы и пепла Нулевого круга.

Граница. Песок, в который последние полдня пути превратилась серая земля Пустоши, резко обрывался, упираясь в марево полотнищ формации между камней-скал. За ней буйствовала, другого слова у меня не нашлось, зелень. Это были не привычные мне скупые на листья невысокие деревья, а вовсе что-то непривычное. Они росли ввысь, стремясь догнать камни формации и превзойти их, расталкивали ветвями соседей, нависали над более мелкими сородичами, словно пытаясь задавить их. Густая трава жалась у самой границы песка, не решаясь двинуться под эти гигантские кроны. Там им просто не досталось бы солнца. Отсюда с нашей стороны, залитой светом и жаром, в полумраке леса едва угадывались тёмные фигуры встречающих, стоящих на толстом слое прелой листвы, что устилала дорогу, которая продолжалась и по земле Первого пояса.

— Леград.

Я отвлёкся от разглядывания людей в серой одежде и огромных животных, что стали появляться на той стороне. Возле единственного оставшегося в нашей семье фургона перебирал лапами ящер Тортуса.

— Уважаемый, — я склонил голову и поприветствовал его, как возвышающегося.

— Леград, — Воин смотрел мне прямо в глаза, сложив руки перед собой и управляя Зверем коленями. — Я остался

изрядно должен тебе.

— Моя месть стоила того, уважаемый, — я не согласился.

— Мелочь, которая не стоит упоминания. Знал бы ты, что иногда требуют от меня те, кому взятая десятка вскружила голову, как кувшин крепкого вина. Потому и объезжаю лично ваш край, что возни мало, а развлечений с избытком. В другой стороне от Арройо этим всем занимается помощник, — Тортус кивнул в сторону молодого Воина, который эти две недели пути и решал все проблемы с чемпионами. — Всё это перекрыл твой дар. я о другом. Знаешь, сначала я был изрядно зол на тебя. Плевать на Кардо. Возомнивший себя самым умным джейр, которому в первые же дни свернули бы шею. Но вот то, что ты убил того торговца и не дал задать ему правильные вопросы... Ты чуть не вывел меня. Но потом я успокоился, подумал и даже рад. Ведь теперь в этом грязном деле нет ничего, что даже намекало бы на мой орден. И хочу дать тебе пару советов.

— С удовольствием выслушаю их, уважаемый, — я склонил голову, отгоняя воспоминания о яшмовых монетах в фургоне.

— В Школе ты можешь взять очень много. Если не будешь лениться и перестанешь скрываться. Притворяться слабым часто помогает, но там будет только мешать. В Академию возьмут многих, но ценные знания дадут только лучшим. И проявлять себя нужно с самого начала. Знания и сила — это то, что больше всего ценится в Первом. Поэтому не пропускай ни одной схватки и получи все техники, что только можно. Не важно, нужна ли она тебе сейчас, никогда не знаешь, что пригодится через десять лет.

— Спасибо за совет, — я снова склонил голову.

— Орикол этого не знает, но в Школе теперь наш с ним учитель. Показав себя, подойди к нему. Он из тех людей, что рождены с талантом давать знания просто и понятно. Многого он тебе дать не сможет, наверняка на него добавили ограничений, но в рамках позволенного больше тебе объяснить не сможет никто. Да и не захочет. А он сумеет помочь ещё и делом. Он любит умных учеников.

— Как его зовут?

— Ты поймёшь, — Воин улыбнулся, и его ящер резко прибавил ходу, устремляясь к границе.

Тортус остановил подачу силы в свою часть пропускного амулета. Рядом молчал служитель Касил, не решаясь прервать раздумья Попечителя Нулевого. А он глядел вслед очередным уезжающим в жернова Школы чемпионам и думал лишь об одном из них. Тело его идёт к небесам вместе с душой, а характер закалён лишениями. Но хватит ли ему таланта, чтобы выделиться среди сотен других? Не оставит ли его Небо на пути Развития Духа?

Наступил момент, когда даже острые глаза Воина восьмой звезды перестали различать фигуры в лесу. Тортус освободил разум от лишних мыслей, развернул ящера и скомандовал сильно уменьшившемуся отряду выдвигаться. Он ещё очень нескоро узнает, что главное в уехавшем юноше было совсем не талант и не его идеальная закалка.

Книга окончена, надеюсь, читатель, она принесла тебе несколько приятных часов чтения. И, конечно же, жду во второй книге. Ведь путь нашего героя только начинается.

Вторая книга - **Школа. Первый пояс** - <https://author.today/reader/34050/257414> ждет вас.